

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН

**Нестабильность геостратегического
пространства на Ближнем, Среднем
и Дальнем Востоке: актуальные проблемы.
Выпуск VII**

Сборник статей

Москва
ИВ РАН
2021

ББК 66.4+65.9

Н 56

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СБОРНИКА

*Отв. редактор д.п.н. М. И. Крупянко, к.и.н. О. А. Ледовская
отв. секретарь редакции Д. А. Милеев*

Рецензенты:

к.и.н. Горбунова Н. М., к.и.н. Иванова И. И.

Утверждено к печати Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН

Н 56 **Нестабильность** геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока: актуальные проблемы. Выпуск VII : сборник статей / Отв. ред. М.И. Крупянко, О.А. Ледовская; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. – 336 с.

ISBN 978-5-907384-51-4

В издании собраны статьи, посвященные наиболее актуальным проблемам текущей внешнеполитической жизни в странах арабского мира, Японии, Пакистане, Турции. Проанализированы причины и последствия Армяно-Азербайджанского вооруженного конфликта, а также роль в этих событиях члена НАТО Турции. Рассмотрены результаты пандемии COVID-19 на изменения экономического потенциала Саудовской Аравии, стран ОАЭ, ЮАР. Материалы рассчитаны на научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами современной мировой политики, нестабильностью геостратегического пространства в странах региона.

© Коллектив авторов, 2021

© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Койбаев Б.Г.</i> Военный конфликт 2020 г. между Арменией и Азербайджаном как фактор региональной нестабильности на Южном Кавказе	5
<i>Ахмедов В.М.</i> Армия САР в условиях кризиса: военно-политический аспект	18
<i>Гасратян С.М.</i> Израиль и Сирия. Отношения в период 2014–2018 гг.	29
<i>Гаджиев А.Г.</i> Основные проблемы взаимодействия Турции и ЕС по ливийской проблеме (2019–2020 гг.)	49
<i>Горбунова Н.М.</i> Причины неустойчивости ливанской власти.....	70
<i>Иванова И.И.</i> Динамика развития отношений Турции с азиатскими региональными организациями.....	85
<i>Мелкумян Е.С.</i> Лига арабских государств и арабское единство	116
<i>Соловьева З.А.</i> Проблемы экономического развития Алжира в условиях снижения нефтяных цен	125
<i>Гукасян Г.Л.</i> Перспективы диверсификации экономики Саудовской Аравии и ОАЭ после пандемии COVID-19.....	136
<i>Цветкова Н.Н.</i> Пандемия COVID-19 и афро-азиатские страны.....	156
<i>Устинова Т.Н.</i> Экономическое сотрудничество России и Японии на фоне пандемии COVID-19.....	175
<i>Скубко Ю.С.</i> ЮАР под бременем Ковида	186
<i>Ахмедов В.М.</i> Внутренние императивы внешней политики ИРИ.....	197
<i>Замараева Н.А.</i> Власть и оппозиция в Пакистане (2018–2019 гг.).....	206
<i>Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г.</i> Внешнеполитическое поведение Японии в условиях деформации и роста напряженности в мировом устройстве в начале XXI века: особенности подготовки к глобальному конфликту	228

<i>Ледовская О.А.</i> Историографический обзор работ по японо-турецким отношениям.....	275
<i>Романова И.А.</i> Политика «активного пацифизма» и Силы Самообороны Японии	293
<i>Милеев Д.А.</i> Усилия Японии по созданию «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».....	307
<i>Казарьян Р.Л.</i> Общее в политике России и КНДР на Корейском полуострове в контексте новой стратегии США в регионе	317
<i>Немчинов В.М.</i> ЮТР: телекоммуникационные возможности и культурные вызовы для нового диалога в транс-региональном пространстве	325

Военный конфликт 2020 г. между Арменией и Азербайджаном как фактор региональной нестабильности на Южном Кавказе

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-005-017

Аннотация: В статье исследуется военный конфликт 2020 г. между Арменией и Азербайджаном, который выявил противоречивые аспекты во взаимоотношениях этих стран с основными мировыми и региональными акторами. Армяно-азербайджанская граница вот уже почти 30 лет является самой горячей точкой постсоветского пространства. Здесь регулярно вспыхивают бои – от обычных обстрелов до масштабных боевых действий. Однако ни одна из сторон никак не может добиться ни военной, ни политической победы. И пока не совсем ясно на каких условиях возможен мир между этими странами.

Ключевые слова: военный конфликт, международные отношения, внешняя политика, государства Южного Кавказа, региональная нестабильность, Россия, Турция, ООН.

Koibaev B.G.

Military conflict in 2020. Armenia-Azerbaijan relations as a factor of regional instability in the South Caucasus

Abstract: The article examines the military conflict in 2020 between Armenia and Azerbaijan, which revealed contradictory aspects in the relations of these countries with the main world and regional actors. The Armenian-Azerbaijani border has been the hottest point in the post-Soviet space for almost 30 years. Fighting regularly breaks out here-from ordinary shelling to large-scale fighting. However, neither side can achieve any military or political victory. And it is not yet clear on what terms peace between these countries is possible.

Keywords: military conflict, international relations, foreign policy, South Caucasus States, regional instability, Russia, Turkey, UN.

Как известно, суть конфликта состоит в том, что Армения с 1990-х годов удерживает под своим контролем Нагорно-Карабахскую автономную область Азербайджана (которая стала самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республикой (НКР), или Республикой Арцах) и ряд областей вокруг нее. Так называемый пояс безопасности из других азербайджанских земель, который обеспечивает территориальную смычку НКР (находившуюся в глубине азербайджанских земель) с Арменией через так называемый Лачинский коридор, а также с Ираном. И кроме того, как следует из названия, облегчает оборону самопровозглашенной республики.

В Баку с потерей земель не смирились, и ищут способы его вернуть – благо на сегодняшний день ни одно признанное международным сообществом государство не признало независимость НКР.

Проблема в том, что за 26 лет боевых действий (после заключенного в мае 1994 года соглашения о прекращении огня, зафиксировавшим территориальный статус-кво в Нагорном Карабахе) ни одна из сторон так и не приблизилась к военной победе.

27 сентября 2020 г. в очередной раз возобновились боевые действия между Арменией и Азербайджаном, обе стороны ввели военное положение. И Баку, и Ереван обвиняют друг друга в наступлении, атаках на мирных жителей и переброске наемников из Сирии.

Помощник президента Азербайджана, заведомо по внешнеполитическим вопросам администрации главы государства Хикмет Гаджиев заявил, что Баку расценивает нынешнее обострение в Карабахе как «отечественную войну». «Для нашего народа, – заявил он, – это отечественная война. Такие события случаются в судьбе каждого народа. И мы в такие минуты хотели бы видеть настоящую позицию государств».

Позже в тот же день президент Азербайджана Ильхам Алиев объявил о продвижении войск в Карабахе и введении военного положения в отдельных регионах республики, азербайджанские военные опубликовали видео с уничтожением армянской техники.

Армения в свою очередь сообщила об уничтожении двух вертолетов ВС Азербайджана и трех беспилотных летательных аппаратов в Карабахе, а также объявила мобилизацию и военное положение. Также премьер-министр Армении Никол Пашинян заявил, что Ереван может признать независимость Нагорного Карабаха.

К началу ноября 2020 г. было деокупировано семь сел в Джабраильском и Физулинском районах, а также гора Муровдаг, взяты ключевые высоты вокруг села Талыш.

На сегодняшний день вооруженные силы Азербайджана в численном отношении по ряду позиций (мобилизационный потенциал, количество бронетехники, ее возраст и т. п.) либо превосходят, либо существенно превосходят армии Армении и Нагорного Карабаха вместе взятые.

К тому же не стоит забывать, что Азербайджан в этой войне не одинок – ему с большим удовольствием помогут турецкие союзники, у которых с Арменией серьезный политический конфликт и которые стремятся всем показать, кто хозяин Южного Кавказа.

Возобновление войны между Арменией и Азербайджаном, вылившееся в широкомасштабное контрнаступление азербайджанской армии и освобождение территорий, почти 30 лет находившихся под оккупацией, стало закономерным итогом всей внешней политики армянского премьер-министра Никола Пашиняна. По этому поводу доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова А. Фененко высказался следующим образом: «Если коротко сказать, то Пашинян доигрался. Происходящее сейчас – это закономерный результат его политики, он постоянно двигался к новой войне с Азербайджаном. Пашинян 2,5 года стремился максимально порвать связи с Россией, как это делал и его предшественник Серж Саргсян: участие Армении в военных программах НАТО, блокирование работы ОДКБ при постоянно критике Организации из Еревана и предложениях заменить ее на Североатлантический альянс, сохранение договора об ассоциации с Евросоюзом, наконец, денонсация лично армянским премьером венских и петербургских договоренностей по Карабаху»¹.

Стоит напомнить, что денонсация договоренностей, в разработке которых участвовала Россия, означает возвращение Армении и Азербайджана к состоянию активной войны. И тут нет ничего удивительного в том, что накануне Россия заняла столь осторожную позицию и стала только призывать стороны к прекращению огня и возвращению к переговорам.

Что касается позиций внерегиональных держав и международных организаций, то здесь выявляются противоречивые тенденции.

Карабахская проблема сегодня решается в рамках ОБСЕ (Минская группа), куда входят, кроме России, также США и Франция. Неразрешенность конфликта указывает на слабость союза с Западом, который дестабилизирует Россию подогреванием конфликтов в постсоветских странах.

Очевидно, что России нужна новая евразийская система безопасности. По словам генерального директора Института ЕАЭС Владимира Лепёхина, Россия «созревает» для того, чтобы применять свои структуры в международных делах, для этого есть база – созданы клуб президентов постсоветских стран, СНГ, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ОДКБ, «который носит не столько военный, сколько военно-политический характер». «Сейчас становится все более очевидным, – подчеркивает В. Лепёхин, – что России не нужна Всемирная торговая организация и нужна своя евразийская организация здравоохранения, организация по защите прав человека – аналог ОБСЕ»².

По его словам, чтобы создать аналог ОБСЕ, важно наличие не только воли России, но и желание и возможности других стран в этом участвовать, так как подобные организации требуют серьезного финансирования. Эксперт считает, что «может быть, БРИКС или ШОС, в конечном счете, будут создавать такие структуры».

Автор видит опасности интеграции с Западом, которые выразились «в его желании добить и подчинить Россию своим интересам». Когда же стало преобладать стремление России обеспечить себе суверенитет, это было встречено Западом крайне негативно.

Россия была «наказана» агрессией Грузии в сторону Южной Осетии, переворотом на Украине. Давление идет в Молдове, Прибалтике, Белоруссии, Грузии и так далее. И события на Южном Кавказе, по мнению Владимира Лепёхина, это «не просто армяно-азербайджанский конфликт, а все-таки есть определенная западная поддержка». «Российское руководство и многие элиты постсоветского пространства начинают понимать, что, на самом деле, Запад не открыт, а проводит колониальную политику, во многом реваншистскую, в том смысле, что ставятся те цели, которые ставились во время Второй мировой войны в отношении Советского Союза, но не были реализованы», – отметил В. Лепёхин³.

Организация Объединенных Наций также бьет тревогу из-за атак на гражданские объекты в ходе вооруженного конфликта

в Нагорном Карабахе. Об этом мировую общественность проинформировала пресс-служба верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет. Сообщается, что Бачелет заявила о том, что такое ведение боевых действий противоречит международному гуманитарному праву и может быть приравнено к военным преступлениям. Бачелет выразила тревогу в связи с применением кассетных боеприпасов Баку и Ереваном и сообщила, что по азербайджанским данным убит 91 мирный житель, по армянским – 47⁴.

Новый военный кризис в Закавказье неизбежно втягивает в себя Турцию. Ее позиция описана на сайте агентства Anadolu. Спикер парламента Турции: «Армения – государство террорист». Глава минобороны Турции: «Армения – главное препятствие миру в регионе». Эти высказывания размещены на главной странице сайта, как и мнение Ильхама Алиева о том, что азербайджанская армия наносит сокрушительные удары армянским провокаторам.

В результате – первые информационные «выхлопы» на Западе воспроизводят позицию Турции. Других интерпретаций пока нет. Это и есть главная рамка конфликта. Нет никакого армяно-азербайджанского конфликта. Есть конфликт Турции/Азербайджана и Армении. При этом Азербайджан занимает в этом конфликте подчиненное положение, фактически роль «пушечного мяса» для амбиций руководства Турции на доминирование в регионе.

Таким образом, Турция – активный политический участник конфликта, не скрывающий претензий к Армении. Там идет активная политическая проработка «поводов» к войне именно с Арменией, а не с НКР. Сейчас Турция активно вбрасывает тезис, что на стороне Армении воюют курды из оппонентов Анкары, как иллюстрация необходимости интервенции именно в Армению для устранения «террористической угрозы» по отношению к собственному государству.

Однако Баку с Анкарой не могут реализовать свое военное превосходство, потому что за Арменией и Нагорным Карабахом стоит Россия, для которого Кавказ является важным геостратегическим регионом. Москва не готова отдать регион Турции и получить на своей границе тюркский занавес от Черного до Каспийского моря, отрезающий РФ от Ближнего Востока и угрожающий (учитывая пантюркистскую и панисламистскую пропаганду Р. Эрдогана) стабильности на Северном Кавказе и в Поволжье. Поэтому Россия дер-

жит в Армении базу и является союзником Еревана по ОДКБ, гарантируя тем самым защиту своего форпоста на Кавказе.

По мнению ряда исследователей, перед Москвой в данном конфликте стоят три задачи. Первая – показать союзникам по ОДКБ и наблюдателям, что эта организация не пустая имиджевая затея, а может защищать. Это очень важно, так как безопасность – это единственный фактор, который сегодня удерживает Армению и государства Центральной Азии в сфере влияния России и предохраняет от деструктивного влияния Запада.

Вторая задача – в очередной раз остановить Турцию в ее реваншистских идеях неоосманизма и пантюркизма. В отличие от России, Турция, призвавшая стороны к проявлению сдержанности в связи с ситуацией в Карабахе, ясно выразила свою поддержку Баку. Азербайджан и Турция – это «один народ – два государства», сказал Эрдоган. Он называет себя «другом» Путина, а на деле подрывает «братские» отношения с Россией.

Как известно, Анкара откровенно вытесняет «Газпром» с турецкого рынка газа в трудное для российской экономики время. В списке поставщиков газа Турции Россия сегодня занимает пятое место, а Азербайджан – первое с 23,5% долей турецкого рынка. Поставки по «Турецкому потоку» фактически остановились, а «Голубой поток» так и не вышел из ремонта. Турция снижает и закупки российской нефти, заменяя ее сырьем из Азербайджана. Так, крупнейший в Турции НПЗ STAR, который принадлежит азербайджанской SOCAR, второй месяц подряд не покупает ни барреля Urals, хотя в прошлом был одним из крупнейших в стране клиентов российских нефтяников.

Третья задача России – не дать в этом конфликте обеспечить торжество одной религии над другой, что в данном случае чревато усилением исламского экстремизма в регионе, критический опасного для России⁵.

В этих условиях президент Азербайджана Ильхам Алиев не может рисковать. Ему нужна гарантированная военная победа, и добиться ее можно лишь при условии, что Армения перестанет быть российским форпостом, лишится российских гарантий безопасности, хотя бы неформальных, в отношении Карабаха. Именно поэтому Баку активно инвестирует в торговые отношения с Москвой, вкладывается в российское экспертное сообщество, а также выдвигает соблазни-

тельные геополитические предложения (например, вступить в ОДКБ и Евразийский союз, если Азербайджану вернут Карабах).

Да, пока попытки азербайджанской стороны убедить Россию в выгодности смены союзника на Кавказе не увенчались успехом (Москва понимает, что Азербайджан все равно будет ближе к Турции, чем к РФ), однако сейчас на «помощь» Ильхаму Алиеву пришел премьер-министр Армении Никол Пашинян.

Ряд представителей новых армянских властей, воспитанные на западных грантах, настроены антироссийски, что вызывает подозрение и неудовольствие Москвы. А также вопросы некоторых российских политиков о том, нужно ли России защищать таких союзников.

С другой стороны, и у Армении есть шанс на военную победу, но только в том случае, если азербайджанская сторона не сумеет оторвать Москву от Еревана в период военной операции, требующего полномасштабных боевых действий.

У Ильхама Алиева может банально не оказаться иного выбора – население Азербайджана настроено воинственно, а сохранение нынешнего статус-кво скорее играет в пользу Еревана, поскольку мир постепенно привыкает к тому, что НКР не является азербайджанской территорией. Поражение же в этой войне не только лишит Алиева власти, но и даст историческую возможность для признания хотя бы Арменией независимости НКР по образцу того, как Россия признала Южную Осетию и Абхазию.

Однако следует заключить, что в данный момент политические отношения у Москвы с Ереваном довольно прохладные.

Как известно, после «бархатной революции» 2018 года новый лидер страны Никол Пашинян объявил курс на сближение с Западом, демонстративно отправив под арест и генсека ОДКБ генерала Юрия Хачатурова, и экс-президента Роберта Кочаряна, с которым давно и близко дружит президент В. Путин.

Кочарян просидел в тюрьме полтора года и затем был выпущен, чтобы дожидаться суда под домашним арестом. При этом президент России демонстративно передавал заключенному Кочаряну пожелание «стойкости духа» и даже встречался с женой арестованного, чтобы выразить ей свою поддержку. А тем временем Н. Пашинян в течение года блокировал работу аппарата ОДКБ, не давая своим союзникам назначить нового генсека на место Ю. Хачатурова.

В этой связи следует подчеркнуть, что Европейская комиссия собралась выделить до двух миллионов евро на укрепление организаций гражданского общества в Армении. Об этом со ссылкой на описание гранта передает RT. «Чтобы они были эффективными, жизнеспособными и независимыми субъектами, которые будут вносить свой вклад в развитие демократии, повышение осведомленности граждан и расширение их прав и возможностей», – говорится в описании гранта⁶.

Кроме того, средства должны быть направлены на повышение управленческих навыков представителей организаций гражданского общества и наращивание их взаимодействия с академическими кругами, частным сектором и молодежью. Подать заявку на участие в конкурсе могут некоммерческие и неправительственные организации, учрежденные на территории Армении и стран Евросоюза.

Отношения же В. Путина и И. Алиева, напротив, считаются довольно теплыми. Так, например, осенью 2019 г. они вместе выступали на заседании политологического клуба «Валдай» в Сочи. В этой связи многие аналитики задавались вопросом, стоит ли России вообще заступаться за Ереван.

Первый вице-президент Академии геополитических проблем, доктор военных наук Константин Сивков напоминает, что Ереван остается военным союзником России, на территории Армении в Гюмри стоит российская военная база. «Если возникнет ситуация, близкая к разгрому Армении, российские военные все же выступят на ее стороне. Если говорить, что Пашинян – прозападный лидер, то Ильхам Алиев – тогда уж еще более прозападный, да еще и протурецкий», – считает К. Сивков.

В свою очередь другой российский военный эксперт Павел Фельгенгауэр в комментарии газете «Взгляд» 13 июля 2020 г. уточнил, что у Баку больше современных зарубежных вооружений, в том числе ударных израильских беспилотников. Ереван же может рассчитывать лишь на российское и советское оружие. Правда, у Еревана есть современные российские ракеты «Искандер» и старые советские жидкостные одноступенчатые баллистические ракеты Р-17, которые на Западе называют Scud B. Это оружие, чья боевая часть весит тонну, досталось Армении в наследство от советской армии. «Искандеры» обладают куда меньшей боевой частью и могут нанести высоко-

точный удар, но вряд ли они причинят серьезный ущерб нефтяной инфраструктуре Азербайджана», – пояснил П. Фельгенгауэр⁷.

Позицию Азербайджана выразил его посол в Москве Полад Бюльбюль-оглы, который еще 13 июля 2020 г. откровенно предупредил: «Вчерашнее обострение на азербайджанско-армянской границе не является чем-то новым и сенсационным. Я много раз говорил, об этом говорил и президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев, что Азербайджан никогда не смирится с потерей 20% своей территории. Разговор даже не идет о Нагорном Карабахе, разговор не идет о том, что кто-то хочет выгнать оттуда лиц армянской национальности. Разговор идет о том, что оккупировано 20% территории Азербайджана. Как вы думаете, десятиллионная, богатая, развитая инфраструктурно, вооруженная страна будет позволять оккупировать бесконечное количество времени свою территорию? Это же невозможно»⁸.

По его словам, мирные переговоры не дают никакого результата. В связи с этим Полад Бюльбюль-оглы не исключил начала полномасштабных боевых действий в регионе. «До тех пор, пока будет оккупирована азербайджанская территория, такие инциденты неизбежны. Мы об этом говорили и в 2016 году, когда были активные боевые действия. К сожалению, большие страны, наши соседи, стараются заморозить этот конфликт, чтобы он бесконечно длился. Переговоры не могут идти ради переговоров. Переговоры должны давать результаты. Если они не дают результата, то естественно будут военные действия. Поэтому надо, чтобы раз и навсегда была понятна позиция. Я удивляюсь, как ее не слышат, ее не понимают. Мы об этом много раз говорили, что азербайджанский народ никогда не смирится с потерей своих территорий. Разговор идет о выводе иностранных войск с территории Азербайджана. И пока они находятся на территории Азербайджана, такие конфликты будут продолжаться и в один день могут перерасти в масштабную войну, которая будет катастрофой для всего региона», – сказал он⁹.

Что касается Армении, то внешнеполитическое ведомство призвало страны Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) осудить «агрессию Азербайджана, осуществленную при поддержке Турции». Источник газеты «Взгляд» в армянских дипломатических кругах считает, что на военную провокацию Баку вдохновил

Эрдоган – и это не случайно совпало с превращением собора Святой Софии в мечеть. Он также отметил, что Азербайджан проигнорировал призыв ООН соблюдать перемирие во время пандемии.

ОДКБ же в июле 2020 г. определила свою позицию, призвав обе стороны к немедленному прекращению огня. Россия со своей стороны выразила обеспокоенность в связи с ситуацией, а глава МИД Сергей Лавров ранее звонил коллегам в обе республики и также убеждал их немедленно прекратить огонь¹⁰.

Грузия старается держать по карабахскому вопросу строгий нейтралитет, призывая обе стороны скорее помириться. Но по факту просматривается все же скрытая поддержка именно силовой операции Азербайджана и Турции. К примеру, Грузия не пропускает в Армению воздушным путем российские военные грузы (хотя закрывает глаза на пролеты в Баку турецких транспортников)¹¹.

Следует подчеркнуть, что в конфликт на Южном Кавказе вмешался и Киев, потребовав от армян соблюдать «территориальную целостность» Азербайджана.

Руководитель Украинского института анализа и менеджмента политики Руслан Бортник не удивлен тем, что Киев однозначно занял сторону Азербайджана. «Киев имеет при этом в виду Крым и Донбасс, поэтому он выступает на стороне тех бывших советских республик, что защищают свои границы по состоянию на 1991 год. Только их Украина считает законными», – сказал он газете «Взгляд». При этом, по его убеждению, большая или меньшая демократичность, или «прозападность» режима в той или иной республике не играет для Киева никакой роли. Исходя из этого на Украине и потребовали от Армении восстановления «территориальной целостности» Азербайджана.

Впрочем, важную роль сыграли и меркантильные соображения. Азербайджану есть что предложить Украине: в первую очередь нефть, на которую Киев рассчитывает. Кроме того, азербайджанский бизнес, в отличие от армянского, весьма серьезно работает на Украине.

Помимо военных вариантов решения, есть, конечно, и бескровные – путем переговоров. Но на иных условиях и в иных обстоятельствах. Как известно, в самом начале переговорный процесс велся на основании так называемых мадридских принципов, подразумевающих поэтапное возвращение НКР в состав Азербайджана

на основе широкой автономии – начиная с передачи под контроль Баку «пояса безопасности».

Однако эти принципы абсолютно нереалистичны. Во-первых, мирное существование НКР в составе Азербайджана невозможно. Азербайджанское общество почти 30 лет воспитывалось в условиях жесткой антиармянской пропаганды как, в общем-то, и армянское общество в условиях антиазербайджанской. Убийство армян в Баку видится не преступлением, а актом патриотизма. Так что как только НКР перейдет под контроль азербайджанских властей, там, вероятно, начнется резня местного армянского населения.

Даже частичное выполнение мадридских принципов сейчас невозможно. Возвращение сотен тысяч азербайджанских беженцев в Карабах в условиях продолжения конфликта станет, по сути, приемом потенциальной пятой колонны, не говоря уже о том, что их безопасность также никто не гарантирует. Передача Азербайджану «пояса безопасности» может стать односторонней уступкой, ослабляющей оборону Нагорного Карабаха. Поэтому, в общем-то, мадридские принципы мертвы.

Теоретически переговоры могут вестись лишь на одних условиях: одновременное признание Азербайджаном независимости Нагорного Карабаха и возврат под контроль Баку большей части пояса безопасности кроме тех земель, которые жизненно важны для успешного функционирования НКР – например, Лачинского коридора.

В итоге этой сделки обе стороны оказываются в выигрыше. Азербайджан возвращает хотя бы часть своих территорий, а также избавляется от карабахской «занозы в обществе», радикализирующей население страны и пожирающей огромное количество ресурсов и внимания. Армения, в свою очередь, добивается признания НКР и победного завершения опаснейшего военного конфликта, а также выходит из территориальной полуизоляции (сейчас она связана с миром в основном через Грузию и частично через Иран – восточная и западная граница для нее закрыты).

Проблема в том, что этот компромиссный вариант не готовы сейчас принять ни в Армении, ни в Азербайджане, ни в Нагорном Карабахе. И даже не только потому, что каждая сторона еще надеется на вариант со своей тотальной победой. Проблема в том, что

и в армянском, и в азербайджанском обществах карабахский вопрос глубоко сакрализован, а также положен в основу общественного договора между населением и властью. Даже озвучивание армянским руководителем готовности сдать значительную часть завоеванных земель азербайджанцам или азербайджанским руководителем признать независимость НКР – повлечет за собой народный бунт и переворот.

Пока на состоявшейся 30 октября 2020 г. в Женеве встрече представителей Азербайджана и Армении была достигнута договоренность о ряде шагов для соблюдения режима прекращения огня в Нагорном Карабахе, в том числе, о ненадании преднамеренных ударов по гражданскому населению и невоенным объектам¹².

И. Алиев назвал единственное условие прекращения боев в Карабахе: «У нас только одно условие – ВС Армении безусловно, в полном составе и немедленно должны покинуть наши земли. Это условие в силе, и, если правительство Армении его выполнит, бои прекратятся, кровь перестанет проливаться и установится мир в регионе»¹³.

Ереван и Баку оказались заложниками пестуемой ими у себя пропаганды ненависти в адрес соседей. И до того, как вентили этой пропаганды будут прикручены с обеих сторон, Армения и Азербайджан дальше будут идти по колее бессмысленного и кровавого конфликта.

¹ Фененко А.: Пашина доигрался. URL: https://vestikavkaza.ru/material/321088?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

² Лепёхин В. Вопрос надо решать в рамках евразийских аналогов ОБСЕ. URL: https://www.pravda.ru/world/1535103-turkey_russia/

³ Там же.

⁴ ООН считает, что в ходе боев за Карабах совершаются военные преступления. URL: <https://www.vesti.ru/article/2480355>

⁵ Три важнейшие задачи Москвы в конфликте. URL: https://www.pravda.ru/world/1535103-turkey_russia/

⁶ Евросоюз выделит миллионы евро на развитие демократии в Армении. URL: <https://news.mail.ru/politics/43162592/>

⁷ Эксперт оценил военный потенциал Армении и Азербайджана в случае начала вооруженного конфликта. URL: <https://vz.ru/news/2020/7/13/1049752.html>

⁸ Посол Азербайджана в России объяснил реальность войны с Арменией. URL: https://yandex.ru/turbo/s/vz.ru/news/2020/7/13/1049702.html?utm_source=turbo_turbo

⁹ Там же.

¹⁰ В Кремле выразили обеспокоенность ситуацией на границе Армении и Азербайджана. URL: https://yandex.ru/turbo/s/vz.ru/news/2020/7/14/1049880.html?utm_source=turbo_turbo

¹¹ На чьей стороне Грузия в армяно-азербайджанском конфликте? URL: <https://zen.yandex.ru/media/ethniks/na-chei-storone-gruziia-v-armianoazerbaidjanskom-konflikte-5f72f7098eec670acab215ba>

¹² Баку и Ереван достигли прогресса на переговорах в Женеве. URL: <https://www.vesti.ru/article/2479392>

¹³ Алиев назвал единственное условие прекращения боев в Карабахе. URL: <https://news.mail.ru/politics/43570496/?frommail=1>

Армия САР в условиях кризиса: военно-политический аспект

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-018-028

Аннотация: Вооруженные силы и органы безопасности являются одним из основных государственных институтов в Сирии. Они сыграли определяющую роль в развитии жизненно важных событий в этой арабской стране. Данное обстоятельство определялось не только значительным числом военных кризисов в стране и войн, которые вела сирийская армия. Особое положение военных детерминировалось их ролью и местом в сирийском обществе и политике. В докризисный период армия и органы безопасности занимали определяющее место в политике. Они представляли собой особый центр принятия решений и специфический механизм их исполнения в различных областях политики и общественной жизни страны. После прихода к власти в САР Хафеза Асада сирийский режим создал особую структуру власти и армии, которая не давала военным возможности осуществления переворотов. В тоже время армия и спецслужбы продолжали играть ключевую роль в жизни Сирии. В статье рассматриваются вопросы, связанные с ролью военных в условиях кризиса. При этом автор исследует роль армии не только с военной точки зрения, но и обращает особое внимание на взаимодействие военных с обществом и властью. Автор показывает состояние сирийских вооруженных сил в условиях кризиса и исследует причины такого положения армии и власти в САР после начала гражданской войны в стране.

Ключевые слова: армия, Сирия, Башар Асад, военные, спецслужбы, офицерский корпус, исламисты, Ближний Восток, Арабские страны, система региональной безопасности.

Akhmedov V.M.

Syrian Army in crisis: political and military aspects

Abstract: The armed forces and security apparatus are one of the most important institutions in Syria. They have played crucial role in the most vital events in the country. This fact was determined not only by the frequency of wars and military

crisis, but first of all because of the role in domestic politics played by militaries. In past decades, army and security apparatus, in particular, were a focal point of Syrian politics, being in a center of power and decision-making mechanism in the country. However, in 1980-th Syrian regime knew on how to curb the appetite of their military to seize power and making military coups. Nevertheless, as witnessed further developments, this tendency was not irreversible. In view of this, my goal is to look at the Syrian armed forces as both military establishment and the key sociopolitical institution. In addition, I would examine their interaction between politics and military, military and society. I would try to show main reasons why army has been taken power in Syria and played a crucial role in crisis.

Keywords: Army, security, Middle East, officers, Arabs, wars, Arab Spring, Syrian Crisis, Arab Spring, Syria, Egypt, Algeria, Tunis, Iran, Turkey, Lebanon, Pakistan, Saudi Arabia, Jordan, United Arab Emirates, Bahrain, Islam, Secularism, Islamists.

Возможно, ни в какой другой стране арабского мира вооруженные силы не играли такой доминирующей роли, как в Сирии.

С момента завоевания политической независимости в апреле 1946 г. национальные вооруженные силы являлись одним из ключевых элементов политической системы страны.

Однако если в 1950–1960-е гг. армия играла по большей части дестабилизирующую роль в обществе, то после прихода к власти в САР Х. Асада сирийские вооруженные силы превратились в мощный оплот правящей элиты в поддержании внутривластной стабильности и защите национальных интересов за рубежом САР¹.

В период правления Х. Асада фактически было узаконено широкое участие представителей военных в партийном и государственном аппарате сверху донизу, в том числе в правительственном кабинете, в руководящих партийных органах, на дипломатическом поприще, в различных министерствах и ведомствах, хозяйственных, банковских и коммерческих структурах.

Это качественно меняло роль силовых структур в общественно-политической жизни страны и создавало особые условия для доступа военной элиты в высшие эшелоны власти, к ключевым хозяйственным механизмам, основным финансовым потокам страны².

К концу 1990-х гг. армия и спецслужбы превращаются в наиболее мощный «центр силы» сирийского общества и государства. Они становятся главной опорой власти и начинают принимать самое дея-

тельное участие через своих представителей во властных структурах в выработке политического курса и его практической реализации.

Кончина Х. Асада в июне 2000 г. стала своеобразным «моментом истины» для национальных вооруженных сил, «проверкой» на верность политике в вопросах преемственности власти в Сирии, проводившейся президентом в последние 6 лет его жизни. Несмотря на различные ожидания, внутри Сирии и за ее пределами, военные твердо выступили на стороне Б. Асада и поддержали его избрание новым президентом страны. Именно это обстоятельство в значительной мере обеспечило неконфронтационный переход власти в САР³.

Однако со времени начала сирийского восстания в 2011 году силовые структуры страны претерпели серьезные изменения. Это выразилось, в частности, в значительном сокращении численности их личного состава, количестве вооружений и военной техники. Серьезные изменения произошли в организационной структуре, прежде всего армии⁴.

Важным итогом 10-летнего вооруженного конфликта в Сирии стало изменение баланса сил в пользу Б. Асада и его союзников России и Ирана. В результате начавшейся в сентябре 2015 г. операции российских ВКС, сирийские правительственные войска смогли вернуть под свой контроль основные населенные пункты в стране, создав так называемый пояс «полезной Сирии», включая Дамаск, Хомс, Хама, Алеппо, и Латакию. Прорыв блокады ИГИЛ Дейр-аз-Зора создало предпосылки для последующих успехов в борьбе за полное овладение городом и его пригородами, а также открыло путь к стратегически важному городу Абу Камаль на границе с Ираком. Достигнутые результаты фактически создали весомые предпосылки для выживаемости и сохранения правящего режима⁵.

В тоже время одним из уязвимых мест режима остаются его вооруженные силы и органы безопасности. Сирийским властям с большим трудом удастся перестраивать Сирийскую арабскую армию (САА) с точки зрения повышения ее структурной эффективности и боеспособности. Правительственные вооруженные силы вынуждены прибегать к поддержке различного рода лояльных режиму милицейских отрядов при проведении критически важных военных операций.

Данное обстоятельство порождает дальнейшую фракционность в САА и ослабляет авторитет и власть центрального военного коман-

дования. В свою очередь это сеет различного рода сомнения среди как союзников, так и противников режима в его возможности обеспечить в будущем безопасность страны, а также сохранить порядок в возвращенных под контроль сирийского правительства районах.

Сложившаяся в САА ситуация вынуждает основных союзников режима (Россия и Иран) стремиться расширить сферу своего контроля над различными подразделениями ССА. В будущем это может неоднозначно сказаться не только на боеспособности и эффективности сирийских вооруженных сил, но и оказать влияние на мировоззрение их личного состава и идеологические установки.

Приоритетная опора Б. Асада на лояльные режиму конфессиональные милиции (в основном, инациональные) в борьбе с вооруженной оппозицией, вместо того, чтобы использовать собственные вооруженные силы, ставит ряд важных вопросов⁶.

Действительно, в начальный период сирийского восстания сирийские регулярные части понесли серьезные потери. Их численный состав заметно сократился: к середине 2013 г. он составлял фактически 50% от прежних вооруженных сил (220 тысяч до начала событий) и равнялся 110 тысячам человек. Данная тенденция сохраняется и по сей день.

Так под полным контролем сирийского военного командования находилось не более 20–25 тысяч солдат и офицеров. В то же время численность различных милицейских формирований, сражающихся на стороне правительства, составляла 150–200 тысяч бойцов.

Одной из причин сложившейся ситуации могло стать то, что национальные вооруженные силы изначально формировались на основе призыва. Данное обстоятельство предопределило, что большая часть регулярных армейских частей была укомплектована суннитами. Действительно, ряд представителей суннитской общины занимали при Хафезе Асаде немало руководящих постов в армии. Однако реальное руководство ключевыми подразделениями сирийских вооруженных сил находилось в руках алавитов⁷.

Так, Дивизия республиканской гвардии (ДРГ), 4-я дивизия, а сегодня и новые части народного ополчения типа Tiger Forces (Сухейль аль-Хасан) практически полностью укомплектованы алавитами.

В то же время суннитские части были в основном задействованы в выполнении логистических операций и не оказывали серьез-

ного влияния на боевые операции. Более того, офицеры сунниты находились под плотным контролем Управления военной контрразведки (УВКР) и других спецслужб. В результате их командиры предпочитали не проявлять какую-либо инициативу и слепо следовали приказам сверху, что негативно сказывалось на эффективности их действий в условиях начавшегося вооруженного конфликта.

С учетом конфессионального характера сирийской армии, не было ничего удивительного в том, что после начала весной 2011 г. сирийского восстания командование САА из 20 дивизий смогло использовать не более трети своего личного состава и боевых сил в борьбе с повстанцами. Негативную роль сыграли и пропагандистские установки самого режима, который, пытаясь очернить оппозиционеров, состоявших в основном из суннитов, характеризовал их как террористов и экстремистов. Не удивительно, что основным удар и наиболее жесткие действия властей пришлось на суннитов. Таким образом, многих военных-суннитов стали подозревать в отсутствии лояльности режиму и поддержке оппозиции. В конечном итоге режим сделал опору исключительно на лояльные с его точки зрения алавитские части и местные милиции, нерегулярные отряды по типу «Шабихи»⁸.

Растущая фракционность, ослабление боевой мощи и потери САА вынудили режим прибегнуть к помощи «Шабихи» и различных зарубежных сил, которые носили явно конфессиональный характер. При этом их подлинные интересы зачастую плохо корреспондировались с реальным положением дел в самой Сирии и, тем более, не отвечали планам поствоенного обустройства этой арабской страны.

С учетом того, что различные милицейские отряды и подразделения не были вписаны в структуру сирийских вооруженных сил и не представляли собой часть единого целого важнейшего института государства (армии), это, в конечном итоге, подрывало авторитет и самого Б. Асада как главнокомандующего, и его ближайшего военного окружения.

На практике это приводило к тому, что режим не мог полностью контролировать ситуацию на территории возвращенных районов, которые постепенно превращались в полунезависимые зоны влияния отдельных отрядов и их командиров, которым Б. Асад ранее делегировал часть своих полномочий в военных вопросах.

В результате эти районы постепенно превращались в зоны коррупции и безраздельного влияния военных баронов. Характерным примером могут служить Национальные демократические силы (НДС), созданные по инициативе Ирана и его непосредственной поддержке. Зачастую НДС сталкивались с подразделениями САА в борьбе за влияние в том или ином районе САР. Взаимные обвинения в коррупции и неэффективном управлении освобожденными районами сыпались с обеих сторон.

Так в апреле 2015 г. в районе аз-Захра (Хомс) произошло столкновение между САА и НДС, после обвинений последних в коррупции, похищении мирных жителей и других преступлениях. Подобные инциденты повторялись неоднократно в течение 2016–2017 гг. Так, в декабре 2016 г. в Дейр-аз-Зоре произошли столкновения между НДС и рядом шиитских милиций за контроль над госпиталем, который находился под управлением правительственных войск. Этот период также были отмечены стычки НДС с отрядами ливанской «Хизбаллы» в районе Каламун.

Любопытно, что притеснение гражданского населения со стороны НДС и других милицейских образований были зафиксированы в районах с большинством алавитского населения, таких как Баньяс, Рас-аль-Набаа и части Алеппо. Это вело к расколу единства в алавитской общине, утраты доверия к Б. Асаду и его окружению, росту в общине противников режима и даже появлению вооруженной оппозиции типа «Алавийюн аль-ахрар». Подобная практика отношений указанных отрядов с местным населением в районах с преимущественно суннитским населением серьезно осложняла процесс замирения суннитских отрядов сопротивления и наоборот вела к росту среди них радикальных элементов⁹.

За указанный период эти милицейские формирования смогли приобрести ряд политических предпочтений, укрепиться экономически в условиях хаоса войны. Поэтому вряд ли стоило ожидать, что они будут стремиться к достижению мира, а в случае его достижения легко сдадут свои позиции и добровольно объявят о самороспуске. Данные обстоятельства могут лишь осложнить процессы политического и экономического восстановления Сирии, стабилизации ситуации в стране в послевоенный период.

Сеть подобных милицейских формирований служила постоянным катализатором напряженности в отношениях между Россией

и Ираном. Россия стремилась вернуть под полный контроль союзного ей правительства Б.Асада всю территорию страны. Однако в силу слабости САА, Россия была вынуждена концентрировать усилия на проведении войсковых операций по линии Дамаск-Хомс-Алеппо в западных районах Сирии. Это происходило за счет того, что остальная часть территории продолжала оставаться под контролем повстанцев. И сегодня Россия вынуждена отстаивать свои завоевания в северно-восточных районах страны, прежде всего, в Дейр-эз-Зоре в острой борьбе с США за удержание контроля над нефтяными полями в этом стратегически важном районе.

Выдвинутая Россией идея создания зон деэскалации принесла определенные позитивные результаты, прежде всего, с политической точки зрения, но не смогла решить вопрос освобождения этих районов от повстанцев. Об этом может свидетельствовать ряд последних эпизодов сирийской войны: периодические попытки нападения на российскую базу Хмеймим, усиление и объединение наиболее радикальных сил повстанцев (Ахрар аш-Шам, Армия Зенги и др.) в районах Идлиба. Фактическое установление турецкого контроля над рядом ключевых районов Халеба и Идлиба, что не даст возможности российской авиации наносить удары по террористам.

В конечном итоге перед российским руководством встал вопрос о том, как долго необходимо оставаться в Сирии для того, чтобы Б. Асад и его армия смогли укрепиться в освобожденных для него Россией районах. Подобное положение нередко заставляет Россию идти на поспешные и не всегда оправданные (с нашей точки зрения – В. А.) уступки Турции и Ирану. Это объясняется стремлением Москвы заручиться их поддержкой в обеспечении политических успехов в ходе инициированных Москвой мирных конференций, а также попытаться образовать единый фронт противодействия экспансионистским устремлениям США и их союзникам по коалиции в этой арабской стране. При этом Москва теряет часть своих союзников в Сирии (курды) и как бы забывается тот факт, что и у Турции, и у Ирана есть в Сирии свои собственные, отличные от России интересы. И эти регионалы совсем не обязательно будут тщательно сохранять российские позиции в Сирии. Тем более, как нам представляется, они легко «расстанутся» с Б. Асадом, как только добьются поставленных целей, что поставит Россию в весьма сложное положение.

ние с учетом того, что сохранение основных российских приобретений в Сирии гарантировано лично Б. Асадом и его властным окружением, которое неизбежно уйдет в небытие.

С этой точки зрения, чтобы избежать подобного сценария развития событий, Россия стремилась перестроить и вдохнуть новую жизнь в основные институты сирийского государства, прежде всего армию и спецслужбы. В случае успеха это могло бы способствовать решению задачи возвращения всей сирийской территории под контроль сирийского правительства и обеспечения прочного контроля со стороны центра, который оказывал бы определяющее влияние в периферийных районах. Пытаясь осуществить поставленную задачу, Россия стремилась всячески снизить роль инациональных и местных милицейских формирований, которые зачастую не столько исходили из общесирийских национальных интересов, сколько преследовали свои конфессиональные и этнические цели¹⁰.

Осенью 2015 г. Россия оказала давление на режим, побудив его создать 4-й корпус, куда должны были войти милиции и различные отряды, действовавшие в районе Латакии. Однако полностью решить поставленную задачу не удалось, и не все отряды согласились войти в этот корпус, который непосредственно подчинялся центральному сирийскому военному командованию. В конце 2016 г. Россия объявила о создании 5-го корпуса, куда должны были войти НДС (созданные при поддержке ИРИ) и бывших перебежчиков из сирийской армии. В отличие от 4-го корпуса, который имел ограниченный ареал действия (Латакия), 5-й корпус мыслился как общенациональный. К тому же тот факт, что в его состав предполагалось включить бывших перебежчиков, а также тех, кто пытался избежать призыва (в основном сунниты), был призван попытаться ликвидировать конфессиональную рознь в армии и на законной основе вернуть суннитов в ряды вооруженных сил.

С другой стороны, созданный при активном содействии российского спецназа отряд «Охотники за ИГИЛ» (“ISIS Hunters”), который практически весь состоял из алавитов и проходил тренировку в горах Латакии, несколько диссонировал с вышеизложенными действиями России и скорее являлся определенной уступкой режиму.

Однако главной проблемой в решении задачи по созданию новой армии оставалась шаткость ее основы. В сентябре 2017 г. Москва была вынуждена признать, что 5-м штурмовым корпусом фактически

командовал российский генерал. Справедливости ради необходимо отметить, что в ходе боевых операций в Сирии, российские военные продемонстрировали лучшие образцы русских военных героических традиций. Тем не менее данный факт выявил всю сложность поставленной задачи создать новую сирийскую армию из тех подразделений, которые остались к приходу российских военные в сентябре 2015 г.¹¹

В то время как Россия стремилась возродить государственные институты под прямым контролем сирийских властей, Иран стремился выстроить параллельную военную организацию, личный состав которой индоктринировался на исламской основе и которая подчинялась бы прежде всего Тегерану, нежели Дамаску.

Начиная с 2012 г. ИРИ направила в Сирию и подготовила значительное число боевых формирований, которые действовали якобы от имени Б. Асада. Эти действия ИРИ во многом мотивировались защитой шиитских святынь и в результате приобретали ярко выраженный конфессиональный характер, что отчасти корреспондировалось с курсом самого Б. Асада в конфессиональных вопросах. В качестве основной задачи перед ними стояла защита режима Б. Асада от суннитских экстремистов¹².

В результате сегодня в Сирии сражаются ливанская «Хизбалла», «Лива Фатимиюн» (афганские шиитские милиции) и ряд отрядов НДС, которые пользуются поддержкой ИРИ и фактически подчиняются иранским военным советникам. По некоторым данным (требующим дополнительной проверки), около 80% военных сражающихся за Б. Асада – это иностранцы типа «Хизбаллы» и ряда других шиитских формирований наподобие КСИР и Иракских сил народного ополчения (Iraqi Popular Mobilization Units). Их главной задачей служит охрана стратегически важного для ИРИ коридора (Тегеран-Багдад-Дамаск-Бейрут-Палестина).

В контексте усилий по достижению мира в Сирии достаточно сложно предположить, что эти отряды легко откажутся от поставленных перед ними целей и перейдут под контроль сирийского центрального командования, тем более подчиняться российским военным. По-видимому, истинной целью ИРИ в Сирии является создание такой военной инфраструктуры, которая бы стала асимметричной иранской военной силой. Она призвана во всех отношениях превосходить сирийские государственные институты, прежде всего армию.

Несмотря на ряд предпринятых Б. Асадом попыток упрочить свой контроль над различными милицейскими отрядами, продолжение их существования в стране и активные действия на подконтрольных территориях, могут негативно отразиться на будущей стабильности в Сирии. Более того, их независимое от центрального командования поведение и излишняя самостоятельность способны подорвать суверенитет сирийского государства. А их индоктринация на конфессиональной основе и связь с иностранными государствами могут послужить дальнейшему обострению межконфессиональной и этнической розни в стране¹³.

Вместо того, чтобы стать стабилизирующим фактором в борьбе с терроризмом и экстремизмом, их существование скорее может послужить катализатором джихадистских настроений, которые сегодня воплощаются в действиях таких группировок как ИГИЛ, аль-Каида и Hay'at Tahrir al-Sham. Россия вряд ли сможет оказать серьезное влияние на эти группировки, так как это потребует масштабной военной интервенции и ввода в Сирию дополнительных сил. К тому же с учетом того, что эти группировки лояльны Ирану и их благополучие зависит от ИРИ, вряд ли стоит ожидать, что Иран так просто откажется от них в обмен на политическое урегулирование. С другой стороны, США не собираются так просто отказываться от подконтрольных им сил в Сирии, тем более уходить из тех районов, которые находятся под контролем их союзников. США могли бы использовать эти возможности как дополнительный элемент давления на сирийские власти и Иран в вопросе отношений с милициями. Однако вряд ли стоит рассчитывать на это. Скорее всего, как показывают последние действия США и возглавляемой ей коалиции, США, как и Иран стремятся создать подконтрольную им военную организацию из союзных им местных сил. С этой точки зрения США заинтересованы в продолжении военной фазы конфликта, что в конечном итоге способно фактически убрать с военно-политической сцены сирийскую армию и органы безопасности, где у России пока еще сохраняются позиции, которые она вполне способна реанимировать и опереться на них в случае перехода власти для удержания своих позиций в САР.

Действительно, России и США достаточно сложно найти взаимопонимание в этом вопросе и, соответственно, действовать сообща.

США стремятся позиционировать подразделение «аль-Кодс», под контролем которого находится большинство шиитских милиций, как террористическую организацию подобно ИГИЛ и группировок, связанных с аль-Каидой, чтобы таким образом используя свое влияние на различных международных площадках, очистить сирийскую территорию от этих милицейских формирований.

Россия вряд ли согласится с такой постановкой вопроса, не рискуя испортить отношения с Ираном. К тому же в Москве хорошо осознают, что США, добившись своей цели, постараются маргинализировать роль Москвы в урегулировании сирийского кризиса и в будущем умалить роль России в Сирии, что поставит под угрозу российские позиции в этой арабской стране.

¹ Ахмедов В. М. Офицерство в общественно-политической жизни стран Ближнего Востока // Офицерский корпус ближневосточных государств. М.: ИИИБВ, 2004. С. 3–23.

² Barry, Rubin. The military in Contemporary Middle East Politics // *Army Forces in the Middle East. Politics and Strategy* / Ed. by Barry Rubin and Thomas A. Keaney. London, 2002. 268 p.

³ Eliezer, Be'eri. The Warning of the Military in Coup Poitics // *Middle Eastern Studies*. Vol.18, № 3, 1982. P. 80.

⁴ Ахмедов В. М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: ИВ РАН, 2012. С. 72–91.

⁵ Ахмедов В. М. Сирийское восстание: история, политика, идеология. М.: ИВ РАН, 2018. С.134–152.

⁶ Подробнее о развитии российско-сирийских отношений см. Ахмедов В. М. Современная Сирия: история, политика, экономика. М.: ИВ РАН, 2010. С. 207–219.

⁷ Ахмедов В. М. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. М.: ИВ РАН, 2008.

⁸ Ахмедов В. М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке.

⁹ Подробнее см.: Ахмедов В. М. Сирийское восстание: история, политика, идеология.

¹⁰ Подробнее см.: Ахмедов В. М. Турецкий выбор // *Вестник ИВ РАН*. № 2. 2019. С. 214–221.

¹¹ Подробнее см.: Ахмедов В. М. Восточная Гута – переломная точка в сирийской войне // *Вестник ИВ РАН*. № 1. 2018. С. 135–140.

¹² Ziadeh, Radwan. As-Sulta wa-l-Istihbarat fi Syria. Beirut-Lebanon, March 2013. 347 p.

¹³ Подробнее о разногласиях Москвы и Тегерана в Сирии см.: Ахмедов В. М. Сирийское восстание: история, политика, идеология. С. 134–152.

Израиль и Сирия. Отношения в период 2014–2018 гг.

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-029-048

Аннотация: В статье исследуются отношения Израиля и Сирии в период с 2014 по 2018 г. Отмечается, что Израиль и Сирия враждебно относятся друг к другу: войны 1948, 1967, 1973, 1982 гг. Спор между государствами идет вокруг принадлежности Голанских Высот, укрепления позиций Ирана в Сирии, связей Израиля с сирийской оппозицией. Война в Сирии угрожает безопасности Израиля.

Ключевые слова: Израиль, Сирия, Иран, Голанские Высоты, сирийская оппозиция, гражданская война в Сирии, кризис, безопасность, палестинская проблема.

Gasratyan S.M.

Israel and Syria. Relations 2014–2018

Abstract: In the article, the author examines the relations between Israel and Syria in the period from 2014 to 2018. Noted that Israel and Syria are hostile to each other (wars of 1948, 1967, 1973, 1982). The dispute between Israel and Syria revolves around the ownership of the Golan Heights, the consolidation of Iran's position in Syria, and Israel's ties with the Syrian opposition. The war in Syria threatens Israel's security.

Keywords: Israel, Syria, Iran, the Golan Heights, the Syrian opposition, the Syrian civil war, the crisis, security, the Palestinian problem.

Голанские высоты – узкая полоса земли к востоку от Израиля и к западу от Сирии – были в центре конфликта между двумя странами с конца 1940-х гг. в основном из-за оспариваемых прав на водные ресурсы. В 1949 г. между ними было заключено перемирие после боевых действий и неудачных попыток мирных переговоров.

Июньскую «Шестидневную войну» 1967 г. спровоцировали израильские воздушные удары по Сирии, Египту и Иордании. Через

шесть дней конфликт закончился оккупацией Израилем сектора Газа, Западного берега, Голанских высот и Синайского полуострова. Шесть лет спустя, в 1973 г., Сирия и Египет совместно напали на Израиль в Йом Кипур с целью вернуть их, но Израиль смог удержать их и сохранить контроль над территорией, которая находится к востоку от Галилейского моря.

Менее десяти лет спустя Израиль аннексировал Голанские высоты, но захват земли не был признан международным сообществом¹.

Мирные переговоры продолжались с начала 1980-х гг. до 1990-х гг., но не увенчались успехом. Незадолго до 2000 г. премьер-министр Израиля Эхуд Барак и министр иностранных дел Сирии Фарук Шара начали переговоры по разрешению конфликта между двумя странами (главным образом по вопросу о контроле над Голанскими высотами), которые, однако, были прерваны.

С тех пор не раз предпринимались попытки мирных переговоров, но стороны не смогли достичь соглашения, и боевые действия между двумя странами продолжались².

* * *

Израиль не вступал в сирийскую войну, но внимательно следил за ее ходом³.

Со дня основания Израиля его отношения с Сирией можно назвать состоянием «ни мира, ни войны». Сирия не признавала еврейское государство и, следовательно, не имела с ним дипломатических отношений.

Правительство Израиля пыталось сохранить захваченные позиции на Голанских высотах и заявило, что Израиль не будет вмешиваться в Сирию, но будет защищать свои интересы в области безопасности, когда это необходимо.

Наибольшие опасения у Израиля – гораздо большие, чем боевики ИГИЛ на Голанах, вызывало растущее влияние Ирана на своего северного соседа, и что «Хезболла», которую поддерживают Иран и Асад, становится все более сильной⁴.

Одной из задач Израиля является «предотвращение ... передачи Ираном современного оружия, военной техники и оружия массового поражения “Хезболле”», – отметил Авиغدор Либерман на встрече с послами стран ЕС, т.к. ракеты «Хезболлы» земля-земля способны

поражать практически все стратегические или военные объекты в Израиле, включая ядерный реактор в Димоне и штаб-квартиру армии Израиля в Тель-Авиве⁵.

«ИГ является тактической угрозой, в то время как Иран и “Хезболла” – больше стратегическая угроза», – отмечает Бенедетта Берти, научный сотрудник независимого Института исследований национальной безопасности в Тель-Авиве. «В Израиле “Хезболла” рассматривается как угроза номер один среди негосударственных субъектов, более опасная, чем ХАМАС».

Ситуация явно стала выходить на новый уровень, когда помощь России Сирии стала очевидной. Если раньше речь шла исключительно о поставках вооружения и консультациях военных инструкторов из РФ, то к 2015 г. в СМИ активно обсуждалась возможность отправки контингента российских войск для непосредственного участия в боевых действиях⁶.

Министр иностранных дел Сирии Валид Муаллем заявил, что его страна может обратиться к России с такой просьбой, если возникнет необходимость. В свою очередь, пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков заявил: «Если будет обращение, то в рамках двусторонних контактов, в рамках двустороннего диалога оно, естественно, будет обсуждаться и рассматриваться».

Наряду с этим, по сообщениям СМИ, спецслужбы России и США на тайных переговорах пришли к соглашению о сотрудничестве по сирийскому вопросу. Действительно, тон американской риторики резко изменился. Еще недавно официальный представитель Госдепартамента США Джон Кирби предостерегал Россию от дальнейшей поддержки Башара Асада, угрожая при этом «международной изоляцией». А теперь госсекретарь Джон Керри сообщал, что Америка заинтересована в переговорах с Россией по военному взаимодействию в Сирии.

На фоне этого прорыва мог быть возобновлен контракт по поставке С-300 в Сирию, приостановленный в 2013 г. Это вызывало естественные опасения у Израиля: ведь таким образом ЗРК может попасть в руки «Хезболле», которая участвовала в боях на стороне правительственных войск.

Было бы наивно полагать, что глава израильского правительства Биньямин Нетаньяху едет в Москву, чтобы уговорить В. Путина

не посылать войска в Сирию. Каким-то образом американцам и русским удалось прийти к взаимопониманию, а значит Израиль уже никак не может на это повлиять. Тем не менее перед Нетаньяху стояло как минимум две задачи.

Во-первых, необходимо было прояснить ситуацию с дальнейшими поставками вооружений. Как уже отмечалось, основная проблема для Израиля – это вероятность, что российское оружие попадет не в те руки. Очевидно, Нетаньяху попробует каким-то образом урегулировать этот вопрос с Путиным и, по возможности, заручиться соответствующими гарантиями.

Во-вторых, нужно было выработать принципы взаимодействия в том случае, если российские войска действительно будут отправлены в Сирию. Необходимо было предвидеть и предотвратить такую ситуацию, когда под ударами ВВС ЦАХАЛ могли бы оказаться вооруженные силы РФ.

В свою очередь, источник в ЦАХАЛ сообщал, что, по его информации, русские планировали обустроить авиационную базу и наносить удары с воздуха по позициям ИГИЛ. На вопрос о том, поступали ли по дипломатическим каналам из России гарантии, что ВС РФ не будут действовать против Израиля, он отвечать отказался. При этом отметил: «У нас налажено взаимодействие с российскими партнерами, сейчас ведь не эпоха холодной войны».

На встрече с Путиным Нетаньяху выразил опасения относительно поставок современных ПВО Сирии Россией, потому что российские зенитные комплексы в Сирии могут превратить весь Израиль к северу от Тель-Авива в нелетную зону. Нетаньяху также обратил внимание на тот факт, что ракетные комплексы поступают из Сирии к «Хезболле». По итогам встречи были сделаны серьезные уступки Израилю. Возможно, за этими уступками стояли опасения российского руководства, как бы поставленные ЗРК С-300 не оказались в руках НАТОвских мятежников⁷.

Командующий ВВС Израиля генерал-майор Амир Эшель предупредил, что современные российские платформы С-300 могут изменить баланс сил. «Режим Асада вложил немалые средства в укрепление своей противовоздушной и противоракетной обороны и закупил для этого лучшее оружие, включая СА-17, СА-22, СА-24 и С-300. Эти системы представляют не только оперативную угрозу. Они также

повышают чувство защищенности, что может подтолкнуть государство к таким действиям, на которые оно бы при иных обстоятельствах не решилось. Это совершенно новое поколение оружия, которое не имеет аналогов со старыми системами. Но нет систем, к которым нельзя было бы подобрать ключ. Вопрос заключается лишь в цене».

Начальник генштаба ЦАХАЛа генерал-лейтенант Бени Ганц, выступая перед выпускниками колледжа командного состава, напомнил, что именно армия сейчас находится на передовом рубеже, защищая страну от стремительно развивающейся региональной нестабильности. ЦАХАЛ может быть в любой момент втянут в военный конфликт на нескольких фронтах одновременно. «Мы должны объединить усилия, чтобы обеспечить себе быструю победу в любом военном столкновении и победить в любой войне в будущем», – сказал Бени Ганц.

Начальники генерального штаба Израиля считали, что война может начаться в любой момент и что основная нагрузка ляжет на израильскую авиацию.

Министр стратегического планирования Юваль Штайниц публично оспорил один из ключевых российских доводов – о сугубо оборонительном характере поставляемого сирийцам оружия. Радиус действия С-300 приближается к 200 км, позволяя ей атаковать самолеты глубоко внутри Израиля.

29 мая 2014 г. Биньямин Нетаньяху запретил своим министрам публично высказываться на тему поставок в Сирию российских зенитно-ракетных комплексов С-300⁸.

Нет никакой угрозы израильской безопасности. Есть угроза израильской безнаказанности. Если эти системы встанут на боевое дежурство, израильские самолеты не смогут пролетать над Дамаском и безнаказанно бомбить объекты на территории Сирии, с которой у Израиля в 1974 г. был подписан договор о разделении войск, и который 40 лет безусловно выполнялся Сирией в ответ на неоднократные израильские нападения на эту суверенную страну.

Тегеран негативно расценивал авиабомбардировки, проведенные в 2014 г. ВВС Израиля в Сирии. Иран обратился с призывом к ООН пресечь подобные поступки, подчеркивая, что Израиль пытался использовать критическую ситуацию в Сирии⁹.

В связи с участвовавшими случаями столкновений между подконтрольными Дамаску вооруженными силами и боевиками на Голанских высотах, а также нарушений сирийского воздушного пространства самолетами еврейского государства, специальный координатор ООН по ближневосточному мирному процессу Роберт Серри выразил обеспокоенность сложившейся ситуацией и обратил внимание обеих сторон на недопустимость нарушения режима прекращения огня.

«7 декабря 2014 г. силы ООН по наблюдению за разъединением на Голанских высотах (СОООНР) зафиксировали, как два самолета пересекли зону разъединения со стороны “Альфа” (израильская сторона) и проследовали на северо-восток, проникнув в ограниченную зону на (сирийской) стороне “Браво”. Это нарушение соглашения о разъединении сил 1974 г. Эти события подрывали режим прекращения огня между Израилем и Сирией»¹⁰.

45 миротворцев с Фиджи были захвачены боевиками на Голанских высотах в окрестностях Аль-Кунейтры утром 28 августа. Еще 72 филиппинских миротворца были блокированы в районах столкновений между боевиками и сирийской армией, однако смогли выйти из окружения.

Боевики выдвинули три условия для освобождения захваченных в плен миротворцев: исключение «Джебхат ан-Нусра» из списка ООН как террористической группировки, организацию гуманитарной помощи в Дамаск для своих сторонников и выплату компенсации за трех боевиков, убитых в боях с силами ООН¹¹.

Миротворческая миссия UNDOF находится на Голанских высотах – спорной территории на границе Сирии и Израиля – для наблюдения за режимом прекращения огня после окончания войны Сирии и Израиля в 1973 г. В настоящее время численность миротворцев составляет 1223 человека. Они являются гражданами шести стран – Фиджи, Индии, Ирландии, Непала, Филиппин и Нидерландов.

В 2015 г. между Россией и Израилем наметился прогресс в оценке ситуации в Сирии. На встрече в Москве Б. Нетаньяху с В. Путиным пришли к решению о создании механизма координирования действий российских и израильских сил в Сирии¹².

Израиль опасался, что Сирия откроет против него второй фронт, а также активизации террористов на Ближнем Востоке

и растущего влияния Ирана. Обсуждая эти вопросы, Нетаньяху учитывал тот факт, что Москва играет значительную роль в урегулировании сирийского кризиса¹³.

Обе стороны договорились о том, что израильские военные будут предоставлять России разведывательную информацию о позициях группировок сирийской оппозиции.

В обмен на содействие со стороны Израиля Россия обещала остановить поставки оружия из Сирии движению «Хезболла», а также предоставить возможность израильским самолетам осуществлять полеты над Сирией, в том числе в тех районах сирийского побережья, где расположены российские военные¹⁴.

Как сообщалось, в Тель-Авиве состоялись переговоры российской и израильской военных делегаций на уровне заместителей начальников генштабов, в ходе которых были обсуждены вопросы координации действий двух стран в Сирии.

Несмотря на десятилетия конфликтных отношений между Израилем и Сирией (в том числе три войны), Сирия предоставляла убежище национально-освободительному движению ФАТХ и вела безуспешные переговоры о мире, 57-мильная граница с Сирией остается для Израиля наиболее стабильной в течение более чем четырех десятилетий, даже после начала войны в Сирии.

Политика Израиля в отношении гражданской войны в Сирии оставалась нейтральной. Тем не менее с начала войны Израиль столкнулся с дилеммой: какой исход сирийской войны будет благоприятным для Израиля? Будет ли лучше с «дьяволом, которого он знает» (победа Башара Асада)? Или Израиль должен предпочесть крах режима Асада и формирование кантонов, которые будут безусловно включать в себя джихадистов?¹⁵ В краткосрочной перспективе конфликт сторон в Сирии, которые воюют друг с другом, служит интересам Израиля, поскольку снижает вероятность, что они выступят против него.

Для борьбы с повстанцами на других фронтах в начале войны Башар Асад перенаправил большую часть своих сил с сирийских Голанских высот в окрестности Дамаска и другие стратегически важные места, что позволило джихадистам повстанцам, прежде всего «Джабхат Фатх аль-Шам», ранее известной как «Джабхат ан-Нусра», получить контроль над Голанскими высотами. Можно было предположить, что джихадисты, оставаясь на Голанских высотах, воздержатся

от провокаций в отношении Израиля. Действительно, с ноября 2012 г., силы обороны Израиля приняли ответные меры, чтобы предотвратить огонь с сирийской части Голанских высот вблизи израильских деревень. Опасения по поводу потенциального распространения конфликта и террористических атак заставили Израиль заменить свои резервные силы вблизи границы квалифицированными регулярными войсками и построить новый пограничный забор с помощью современных устройств для предотвращения инфильтрации.

Основной стратегической угрозой безопасности Израиль считает Асада, который пользуется активной поддержкой Ирана и «Хезболлы». Это более серьезная угроза для Израиля, чем коалиция суннитских повстанцев. Соответственно появление сирийского режима, который будет частью радикальной шиитской оси, простирающейся от Тегерана на юг Ливана, является наименее благоприятным исходом для Израиля.

Следовательно, одна из основных целей Израиля в Сирии – предотвращение торговли современным оружием с «Хезболлой», что может поставить под угрозу морские и воздушные силы Израиля и превратить территории сирийских Голанских высот в стартовую площадку для боеголовок, которые могут быть направлены против гражданского населения Израиля¹⁶.

Со времени своей последней войны с Израилем летом 2006 г. «Хезболла» увеличила арсенал ракет быстрыми темпами. Более того, в Сирии она получила большой опыт на поле боя, это еще один источник для беспокойства Израиля. В то время как Израиль не принимает активное участие в событиях в Сирии, он предпринимает усилия предотвратить попадание этого оружия «Хезболле».

Во время встречи Б. Нетаньяху с В. Путиным в июле 2016 г. первый выразил обеспокоенность в связи с тем, что российское оружие оказывалось в руках «Хезболлы». Укрепляя свои отношения с Москвой, Израиль пытался добиться двух основных целей. Во-первых, убедить Россию не вооружать «Хезболлу», Сирию и Иран потенциально современным оружием. Во-вторых, в качестве урока из турецкого перехвата российского самолета в ноябре 2015 г., что серьезно обострило отношения стран, Израиль координирует некоторые из своих операций в Сирии с Москвой, с тем чтобы предотвратить возможные столкновения между военно-воздушными силами стран¹⁷.

Региональный хаос и взаимные опасения по поводу усиления иранского влияния также открыли новые возможности для Израиля. Главной среди них было потепление его отношений с так называемыми умеренными суннитскими и арабскими странами: Турцией, Иорданией, Египтом и членами Совета сотрудничества государств Персидского залива.

Эти страны вместе с Израилем проявляют большой интерес к политике сдерживания Ирана в регионе, учитывая вмешательство России в события в Сирии (при содействии России сирийская армия под контролем Башара Асада стала более боеспособной).

Израиль регулярно препятствовал поставкам оружия в Сирию, поскольку опасался, что они могут представлять угрозу еврейскому государству. ЦАХАЛ также регулярно принимала ответные меры против артиллерийских выстрелов или ракет, пущенных из Сирии на территорию Израиля¹⁸.

Израиль и Сирия приближались к войне.

Бывший министр обороны Моше Яалон признал, что Израиль поддерживал контакты с экстремистами в Сирии. Это первый случай, когда сообщения ряда СМИ подтвердили, что Израиль предоставлял военную поддержку и прямые разведданные таким организациям. Израиль также оказывал медицинскую помощь в лечении раненых боевиков¹⁹.

Яалон, как сообщалось, сказал экстремистам: «Мы никому не позволим приблизиться к границе забора». Израиль признал свою постоянную координацию в вопросах безопасности с вооруженными оппозиционными группами на Голанах²⁰.

Гражданская война в Сирии: взгляд из Израиля 17 марта 2016 г.

Война в Сирии является безжалостным следствием региональных изменений, которые произошли на Ближнем Востоке в последние годы. На карту поставлено гораздо больше, чем будущее Сирии. Это борьба за лидерство на арабском Востоке в Машрике (в отличие от арабского Запада, Магриба Северной Африки). Тот факт, что Россия и Иран стали ключевыми игроками в этой борьбе, является драматическим и показательным признаком времени, что свидетельствует как о слабости арабских государств, так и об ослаблении позиций США²¹.

Израильтяне особо относились к сирийской гражданской войне. Это кровопролитие проходило вдоль северной границы Израиля, крупные населенные пункты находились в нескольких минутах езды от конфликта (расстояние короче полета ракеты), и, естественно, это вызывало опасения насчет безопасности страны.

Отметим пять основных региональных тенденций в связи с сирийской гражданской войной:

1. Падение влияния арабских государств и даже распад некоторых из них, в том числе Сирии.

2. Последующий рост влияния на Ближнем Востоке неарабских государств – Турции, Ирана и Израиля.

3. Одновременный рост влияния негосударственных структур, которые получили широкое распространение и трансформировались в военные силы: «Хезболла», ХАМАС, ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра».

4. Окончательный и беспрецедентный сдвиг в историческом балансе сил между суннитами и шиитами в пользу шиитов.

5. Политика России на Ближнем Востоке напоминает политику СССР в Египте в разгар холодной войны в середине 1950-х годов²².

Свержение Саддама Хусейна, вторжение США в 2003 г. и отстранение от власти суннитского руководства Арабского Востока в пользу шиитского большинства в Ираке превратило страну в оплот Ирана. Помимо Ирака, Сирия оказывала материально-техническую поддержку «Хезболле» в Ливане²³.

Для Ирана сирийский театр войны являлся важным фактором. ИРИ вливала миллиарды долларов в сохранение режима Алави в Сирии. Алавиты, отколовшиеся от секты шиитов, были неотъемлемой частью «шиитского полумесяца», простирающегося от Ирана на востоке, через шиитский Ирак к режиму алавитов в Дамаске и, наконец, шиитам «Хезболлы» в Ливане. Победа Асада и его иранских союзников стала бы стимулом для роста их регионального влияния и реальной военной угрозой для Израиля. Три тысячи иранцев, около 5 тысяч бойцов «Хезболлы», а также шиитские боевики из Ирака и Афганистана воевали на стороне Асада²⁴.

В начале лета 2015 г. режим Асада казался на грани падения. Но российское вмешательство склонило чашу весов в пользу Асада и шиитских союзников, что изменило ход войны.

Салим Худайфа – активист крупнейшей оппозиционной организации «Свободная сирийская армия» и участник Евроазиатского медиа-форума, который прошел в столице Казахстана Астане и в котором приняли участие 600 человек из 60 стран. Форум возглавляла д-р Нарига Назарбаева, председатель Комитета по иностранным делам Сената и дочь президента Казахстана Н. Назарбаева²⁵.

Худайфа отмечал, что Израиль проводит обширную разведывательную деятельность в Сирии, особенно после появления ДАИШ, но не передал информацию оппозиции. «Мы хотим мира с Израилем... Сегодня среди оппозиции в Сирии большинство людей понимает, что врагом является Иран, а не Израиль, поэтому есть хороший шанс, что в будущем наступит мир»²⁶.

Первая цель Израиля – удерживать лояльные Ирану силы на достаточно большом расстоянии от своих границ. Вторая – предотвратить создание иранских военных баз и любой другой инфраструктуры в Сирии. Чтобы достичь первой цели, Израиль выступал против соглашения о зонах деэскалации на юго-западе Сирии, несмотря на то, что оно не предусматривало размещения несирийских сил на этих территориях, и, как следствие, вывод боевиков, поддерживавших Иран, на расстояние от 8 до 32 км²⁷.

Однако этой дистанции недостаточно для безопасности Израиля. Ведь соглашение ограничивает его возможности противостоять угрозам вблизи Голанских высот, хотя это не помешало ему трижды за пять недель нанести удар по разным позициям с дальнего расстояния.

Израиль опасался того, что Иран закрепит свое военное присутствие так, чтобы лояльные ему силы не могли быть выведены.

Таким образом, планы Израиля по-прежнему были запутанными, в независимости от того, примет ли он позицию России и будет ждать окончания войны с терроризмом в Сирии, или прибегнет к маневрированию между поддержкой отношений с ней и одновременно оказанием на нее некоторого давления. Самые важные из этих требований включали удаление проиранских сил на расстояние 40 км от границы и установление жесткого контроля над их передвижением. Израиль же получал полную свободу передвижения на сирийской территории с обязательством не эксплуатировать ее, за исключением случаев транспортировки оружия в Ливан

или возведения военных объектов, принадлежащих иранской стороне. Израиль также требовал ввести его в курс дела в переговорах по урегулированию ситуации в Сирии, для того чтобы он мог разрабатывать и корректировать свои планы в свете обновленной информации²⁸.

В течение последних лет в Сирии происходила кровавая гражданская война, и на протяжении этого времени Израиль принимал раненых из Сирии и заботился о них. Сначала они направлялись в ЦАХАЛ, где директор «добрососедства» оказывал им первичную медико-санитарную помощь и снабжал продуктами питания, одеждой и лекарствами, а затем их перевозили в больницы²⁹.

Противостояние между Израилем и Ираном серьезно обострилось после того, как в воздушное пространство Израиля вторгся иранский беспилотник, запущенный с территории Сирии. В тот же день израильские ВВС уничтожили иранский пункт управления беспилотными летательными аппаратами.

В ответ сирийцы запустили зенитные ракеты по израильским истребителям. Один самолет был сбит, пилотам пришлось катапультироваться. После этого израильская авиация нанесла удар по 12 сирийским и иранским военным объектам, расположенным в Сирии. Б. Нетаньяху заявил, что Израиль и впредь будет решительно пресекать любые попытки нарушения его суверенитета.

Израильское правительство, в свою очередь, решило не вмешиваться в ситуацию в Сирии в период царившего там хаоса, и теперь ему приходится столкнуться с новым положением вещей, при котором Тель-Авив занимает менее выгодную стратегическую позицию. Израиль впервые оказался отделен от своего заклятого врага Ирана лишь границей с Сирией, при этом Тегеран собирается превратить Сирию в своего рода военную базу для операций против Израиля. Так что израильское правительство сейчас полностью меняет свою политику и готово пойти на гораздо больший риск с тем, чтобы остановить эту динамику событий.

Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху не исключил дальнейших военных действий. Как далеко может зайти Израиль?

До начала гражданской войны сирийское правительство могло контролировать уровень влияния Ирана в стране. В настоящий момент политическое выживание режима Асада зависит от Ирана,

поэтому Тегеран может продвигать свои собственные интересы: строить на территории Сирии военные базы для дальнейших военных операций против Израиля, интегрировать иранских военных в структуры сирийской армии, чтобы затем в их составе продвигаться к израильской границе.

Израиль атаковал десятки иранских военных объектов в Сирии в ответ на ракетный обстрел армейских позиций на Голанских высотах. Об этом сообщила пресс-служба Армии обороны Израиля в распространенном коммюнике. В документе говорится: «В рамках крупномасштабной атаки подверглись нападению в Сирии позиции иранской разведки, которыми управляют силы «Аль-Кудс»; штаб-квартира «Аль-Кудс»; военный и логистический комплексы сил «Аль-Кудс»; иранский военный лагерь к северу от Дамаска; склады вооружений сил «Аль-Кудс» в международном аэропорту Дамаска; интеллектуальные системы и установки, связанные с силами «Аль-Кудс»; военные посты и пункты наблюдения в буферной зоне. «Кроме этого, были нанесены удары по иранской пусковой установке, из которой были выпущены ракеты по Израилю»³⁰.

В армейской пресс-службе также указали, что ВВС Израиля атаковали сирийские установки ПВО, которые вели огонь, несмотря на израильское предупреждение.

«Израиль информировал Россию перед ударами в Сирии. Россия была предупреждена перед атакой через существующий механизм деконфликтизации». Между военными Израиля и РФ с 2015 г. налажен механизм по координации для предупреждения столкновений в Сирии. Представитель военного ведомства страны добавил, что Израиль не заинтересован в дальнейшей эскалации конфликта с Ираном. «Израиль не заинтересован в дальнейшей эскалации конфликта и призывает Иран воздержаться от ударов», – сказал он. В армейской пресс-службе подчеркнули, что «иранская агрессия является еще одним доказательством истинных намерений за укреплением иранского режима в Сирии и угрозы, которую это представляет для Государства Израиль и стабильности региона»³¹.

«Армия не позволит Ирану закрепиться в Сирии, сирийский режим будет считаться ответственным за все, что происходит на его территории, – продолжили военные. – Армия обороны Израиля готова к большому количеству сценариев, до тех пор, пока агрес-

сия продолжает угрожать израильскому суверенитету и гражданам Израиля, армия будет отвечать силой решительно»³².

Израиль, со своей стороны, провел с начала войны более сотни воздушных ударов по оружейным конвоям «Хезболлы», чтобы эту угрозу предотвратить.

Б. Нетаньяху вложил немало времени и усилий в выстраивание личных отношений с российским президентом В. Путиным, чтобы сохранить давление на Иран и его союзников. Только с начала российского военного вмешательства по просьбе Асада в 2015 г. Нетаньяху виделся с Путиным девять раз – больше, чем с любым другим мировым лидером. В результате договорились, что Москва не станет сбивать израильские военные самолеты, когда те будут вторгаться в сирийское воздушное пространство и атаковать иранские войска или силы «Хезболлы».

Полагаться на Россию Израиль вынудило нежелание президента Дональда Трампа вести в Сирии долгосрочную кампанию. В 2018 г. США начали готовиться к выводу своих войск из страны, а также не предоставили 230 млн долл., ранее обещанных на восстановление разрушенной сирийской инфраструктуры.

С Россией Израиль сотрудничал скорее по необходимости. Российские обещания держать иранские войска в 85 километрах от израильской границы всерьез не воспринимались: когда у Ирана имеются ракеты дальностью более 150 км, эти гарантии ничего не значат, говорили израильские политики.

«Контакты Израиля с Россией отражали всю прагматику их отношений, – сообщил Яир Лапид, бывший министр финансов и один из лидеров оппозиции, – Я сомневаюсь, что Россия возьмется выдворять из Сирии Иран сугубо ради Израиля. И не думаю, что ей это вообще по силам».

Чтобы понять, насколько противоречиво отношение Израиля к сирийской войне, достаточно вспомнить Авиغدора Либермана. В 2016 г. Либерман, воинственный министр обороны Израиля, обозвал сирийского президента Башара Асада «мясником». Он заявил, что остановить бойню, развязанную сирийским правительством – моральный долг Израиля. В интересах Израиля, добавил он, «вышвырнуть из Сирии» как самого Асада, так и его иранских союзников. В августе 2018 г., во время инспекции израильской системы ПВО

Либерман уже оптимистично высказывается об укреплении позиций Асада, всячески приветствуя появление в Сирии «ответственной власти» и «сильной руки». Когда его спросили, поможет ли это снизить напряженность на северных рубежах Израиля, он ответил: «Думаю, да. Полагаю, это и в интересах Асада тоже».

Эти два противоречащих друг другу заявления наилучшим образом отражают конфликт между приоритетами Израиля в Сирии. С одной стороны, Асад – важнейший союзник Ирана в арабском мире. Он не только обеспечивает Тегерану подступы к северным границам Израиля, но и снабжает «Хезболлу» оружием. С другой, Асад, несмотря на антиизраильскую риторику его правительства – фигура хорошо известная и предсказуемая, чего не скажешь о запутанном клубке повстанцев-суннитов и джихадистов, которые со всей вероятностью придут ему на смену. До недавних пор граница с Сирией была спокойнейшим из израильских рубежей на протяжении 40 лет.

Либерман: «Вы знаете, мы с самого начала провозгласили очень четкую политику по отношению к Сирии: мы не вмешиваемся в их внутренние дела, мы не занимаем никакой позиции в той гражданской войне, которая происходит в Сирии. Вместе с тем мы не готовы, чтобы Иран превратил Сирию в свой передовой форпост против Израиля. Поэтому любое военное присутствие Ирана на территории Сирии мы будем стараться уничтожить. Неважно, это военно-воздушная база, морская база, производство ракет или какие-то шиитские отряды милиции, которых они привозят из Пакистана, из Ирака, со всего Ближнего Востока».

Израиль тайно вооружал и спонсировал повстанческие формирования на юге Сирии, которые не позволяли проиранским силам и террористам группировки «Исламское государство» занять позиции в районах, близких к сирийско-израильской границе, сообщало Foreign Policy³³.

17 сентября 2018 г. над Средиземным морем был сбит самолет-разведчик Ил-20. 15 российских военнослужащих погибли. Ракета была сирийской, но вину возложили на Израиль. Вопреки имеющимся с Россией договоренностям об избежании инцидентов в воздухе, Израиль предупредил Россию о своей операции лишь за минуту до ее начала, то есть столь формально, что российский самолет даже технически не имел возможности уйти из зоны поражения³⁴.

Четыре израильских самолета F-16 нанесли удары управляемыми авиабомбами ГБУ-39 по промышленным объектам в провинции Латакия. Таким образом, оповещение российской группировки о проведении своей операции израильская сторона в нарушение имеющихся договоренностей сделала не заблаговременно, а одновременно с началом ударов.

Министерская комиссия по вопросам национальной безопасности собралась на следующий день после того, как Россия объявила о решении поставить Сирии комплексы ПВО С-300 для обеспечения безопасности российских военных в этой стране.

Как сообщалось накануне, премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху в телефонном разговоре с российским президентом В. Путиным заявил, что готовящаяся передача Сирии «в руки безответственных лиц» комплекса С-300 усилит напряженность в регионе. Нетаньяху отметил, что его страна продолжит защищать свои интересы³⁵.

О том, что Израиль не может прекратить проводить военные операции на территории Сирии, несмотря на поставку сирийской армии комплексов ПВО С-300, заявил в интервью министр обороны страны А. Либерман. Об этом 3 октября сообщал ТАСС.

Либерман заявил, что Израиль не может себе позволить, «чтобы вся территория Сирии стала одной большой военной базой для Ирана». Поэтому в соответствии с этой информацией, которую предоставляют спецслужбы Израиля, армия будет действовать при наличии точной информации о какой-либо попытке перебросить такое оружие из Ирана в Сирию или из Сирии в Ливан для шиитского движения «Хезболла».

Постоянный представитель США в ООН Никки Хейли заявила, что всемирная организация, Израиль и Сирия достигли соглашения об открытии пограничного перехода «Кунейтра» на сирийско-израильской границе в понедельник 15 октября 2018 г.³⁶

В 2018 г. Израиль был вовлечен в сирийский кризис.

Сотни сирийских беженцев, покинувших зону боевых действий на юге Сирии, добрались до Голанских высот в нескольких километрах от израильской границы, в то время как иорданские власти не позволили беженцам пересечь границу и поселиться в палаточных городах на иорданской территории. Ожидалось, что десятки сирийских перемещенных лиц могли прибыть на север Голанских

высот, а на юге – тысячи или более, поскольку район считается относительно безопасным. На юге Голанских высот в районе Тель-Фареса и Тель-Хазкой лагеря беженцев существуют уже несколько лет.

Около 45 тыс. человек покинули район Делаа, пытаясь найти приют и убежище у границы с Иорданией. Было сообщено, что три больницы в районе были разрушены и прекратили свою работу.

Юго-западная часть страны является опасным стратегическим районом из-за его близости к границам Иордании и Израиля. США и Россия договорились о создании зоны деэскалации, также дали понять повстанцам, что они не могут ожидать военной помощи со стороны.

В 2018 г. участились столкновения между Сирией и Израилем.

ВВС Израиля сбили сирийский истребитель Су-24, проникший на территорию Израиля.

«Скай Ньюс» сообщила на арабском языке, что сирийский самолет потерпел аварию на сирийской территории в бассейне Ярмук. Официальное сирийское информационное агентство САНА SANA подтвердило, что Израиль сбил сирийский истребитель в воздушном пространстве Сирии в районе Ярмук.

ИДФ заявили, что в последнее время усилились боевые действия в Сирии³⁷.

Согласно сообщениям немецких СМИ, это около 800 членов организации гражданской обороны «Белые каски». Они были доставлены под покровом ночи на автобусах из Сирии в Израиль и оттуда в Иорданию под израильской охраной.

Две ракеты «Пэтриот» были выпущены на «Сухой», который летел с базы Т-4 к Голанским высотам и проник вглубь на два километра на израильскую территорию. После перехвата в южном Голанском районе раздался сигнал тревоги. Военно-воздушные силы выпустили две ракеты и перехватили самолет. Он упал на юге Сирии. Ситуация с пилотами была неизвестна³⁸.

По словам старшего сирийского чиновника, «Враг Израиль показывает, что он принял сторону террористических организаций и напал на один из наших истребителей, поражающих концентрацию террористических организаций в регионе Саида на окраине Вадии Ярмук в воздушном пространстве Сирии». Как сообщалось, самолет упал в районе бассейна Ярмук, контролируемом ДАИШ³⁹.

Заместитель министра иностранных дел Сирии Фейсал Мекдад упомянул о плановых поставках передовой российской системы обороны С-300, которые должны были быть осуществлены в ответ на сбитый российский самолет, и угрожал, что «Израилю придется дважды подумать, прежде чем снова напасть на нас»⁴⁰.

Американские военные обеспокоены кампанией Израиля против Ирана на всей территории Сирии, несмотря на поддержку Белого дома. Деятельность Израиля, скорее всего, вернется к ним в качестве бумеранга, если Тегеран посчитает, что Вашингтон несет ответственность за нападения на него, это приведет к реакции шиитских ополченцев против сил США в Сирии и Ираке⁴¹.

Американские военные опасения увеличились после серии нападений шиитских ополченцев в Ираке, где размещено около 5000 американских военных. Консульство США в Басре было эвакуировано после ракетного обстрела. Вашингтон обвинил Тегеран. В Сирии около 2000 американских войск были готовы помочь местным силам в борьбе против ДАИШ.

В этом контексте позиция российского министра иностранных дел Сергея Лаврова была воспринята как «смертельный удар» для израильских расчетов, когда он заявил, что возобновление израильских бомбардировок в отношении сирийских объектов не только поставит под угрозу безопасность, но и дестабилизирует регион. Большое значение этой позиции и содержащихся в ней сообщений противоречили израильской ставке на то, что продолжение военных ударов и игра на грани широкомасштабного противостояния заставит российскую сторону оказать давление на иранцев и сирийское государство. По мнению Израиля, это помешает им восстановить и развить ракетный и в целом военный потенциал Сирии, чтобы избежать крупной конфронтации с Израилем на том основании, что это может подорвать российские достижения.

В свете побед сил сопротивления и развития ее возможностей Тель-Авив больше не удовлетворен действиями Соединенных Штатов в целях защиты израильской безопасности и интересов, в том числе введением экономических санкций в отношении Ирана. Ему недостаточно требовать, чтобы Вашингтон не выводил свои войска из Сирии и затруднял экспансию оси сопротивления, а также чтобы США защищали Израиль от резолюций в международных организа-

циях, которые ограничивают его преступления в отношении палестинского народа и попытки узаконить свою оккупацию. Теперь они также нуждаются в защите от последствий жесткой позиции России и последствий, которые могут оказаться полезными для интересов оси сопротивления, особенно на сирийской арене.

¹ Syria–Israel Relations: a Brief History of Trouble Between Nations. 28.08.2014. URL: <http://www.newsmax.com/FastTeatmes/israel-syria-relations-history/2014/08/28/id/591529/>

² Ibid.

³ Israel warily watches Syria // World, 19.12.2016. URL: <http://www.dw.com/en/israel-warily/watches-syria/a-36831290>

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Израиль подстраховывается от войны с Россией. 21.09.2015. URL: <http://vz.ru/politics/2015/9/21/767875.html>

⁷ Авиаудары Израиля по Сирии унесли жизнь командующего «Хезболлы». 08.12.2014. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Aviaudary-izrailya-po-Sirii-unesli-zhizn-komanduyushchego-KHezboliy-SMI.html>

⁸ Там же.

⁹ Иран выступает против бомбардировки Сирии Израилем. 08.12.2014. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/iran-vystupaet-protiv-bombardirovki-Sirii-Izrailem-TEG.html>

¹⁰ ООН предостерегла Тель-Авив и Дамаск от нарушения прекращения огня. 15.12.2014. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/OON-predosteregla-Tel-Aviv-i-Damask-ot-narusheniya-prekrashcheniya-ognya.html>

¹¹ Захваченные исламистами в плен 45 миротворцев ООН освобождены, утверждают источники. 11.09.2014. URL: <http://www.newsru.com/world/11sep2014/nusra.html>

¹² Россия и Израиль договорились по Сирии. 21.09.2015. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Rossiya-i-Izrail-dogovorilis-po-Sirii.html>

¹³ О войне и мире: Путин провел переговоры с премьер-министром Израиля. 21.09.2015. URL: <https://www.vesti.ru/article/1778945>

¹⁴ Израиль начнет снабжать Россию разведанными по Сирии. 09.10.2015. URL: <http://www.interfax.ru/world/472363>

¹⁵ How Syria in Changing Israel's Position in the Middle East. 13.09.2016. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/syriasource/how-syria-is-changing-israel-s-position-in-the-middle-east/>

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Israel and Syria – move closer to war // Washington Times. 12.09.2016. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2016/sep/13/israel-and-syria-move-closer-war/>

- 48

Основные проблемы взаимодействия Турции и ЕС по ливийской проблеме (2019–2020 гг.)

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-049-069

Аннотация: В регионе Восточного Средиземноморья ливийская проблема является одной из наиболее сложных. В ее контексте отчетливо прослеживаются как геополитические и экономические амбиции ведущих игроков региона, так и особенности современных форматов по разрешению конфликтных ситуаций с участием Турции и европейских стран. В статье рассмотрены проблемы взаимодействия Турции и ЕС по ливийской проблеме с учетом обстановки в регионе, в целом, и споров между Турцией и отдельными странами ЕС, в частности.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, Турция, ЕС, ливийская проблема, берлинский процесс.

Gadzhiev A.G.

The main problems of interaction between Turkey and the EU on the Libyan issue (2019–2020)

Abstract: The Libyan crisis is one of the most difficult problems in the Eastern Mediterranean. In the context of this problem, both the geopolitical and economic ambitions of the leading players in the region and the peculiarities of modern formats for resolving conflict situations with the participation of Turkey and European countries are clearly traced. The article examines the problems of interaction between Turkey and the EU on the Libyan problem, taking into account the situation in the region, in general, and disputes between Turkey and EU countries, in particular.

Keywords: Eastern Mediterranean, Turkey, EU, Libyan problem, Berlin process.

Восточное Средиземноморье сегодня является одним из наиболее проблемных регионов мира, в котором, с одной стороны, тесно переплетены между собой этнические, конфессиональные и территориальные конфликты, с другой – столкнулись интересы как великих,

так и региональных держав. Наряду с отягощенными исторической памятью традиционными проблемами возникают новые, еще более сложные узлы противоречий, которые приводят к новым конфигурациям и альянсам. Прямое воздействие на ситуацию в регионе оказывают продолжающиеся конфликты в Сирии и Ливии, а также споры вокруг обнаруженных крупных месторождений природного газа и нефти. Все вышеперечисленные проблемы имеют взаимозависимый характер, и попытки урегулирования одной из них так или иначе отражаются на усилиях по разрешению других споров. Особенно заметно это проявляется во взаимодействии между Турцией и ЕС.

В данной статье акцент сделан на ливийской проблеме, поскольку в контексте попыток ее урегулирования отчетливо прослеживаются как геополитические и экономические амбиции ведущих игроков региона, так и характер современных форматов с участием Турции и стран ЕС по разрешению конфликтных ситуаций в регионе, а также позиции средиземноморских государств по проблемам региональной безопасности.

После свержения и убийства ливийского лидера Муаммара Каддафи в 2011 г. в Ливии наступил затяжной период нестабильности. Развернулось противоборство между различными группировками и племенами как на государственном, так и на региональном уровнях. Ситуация осложнилась с началом противостояния между исламистами и светскими властями в 2014 г. Всеобщий национальный конгресс (ВНК; избран в феврале 2012 г., заседал в Триполи) отказался передать власть Палате представителей (ПП), в которой по итогам парламентских выборов в июне 2014 г. большинство мест заняли светские политики. В стране, таким образом, установилось двоевластие. В настоящее время на востоке заседает парламент, а на западе, в столице Триполи, правит Правительство национального согласия (ПНС) во главе с Фаизом Сарраджем. Власти восточной части страны действуют независимо от Триполи и сотрудничают с Ливийской национальной армией (ЛНА) во главе с маршалом Халифой Хафтаром.

Положение в стране усугублялось действиями террористических организаций, в том числе боевиков группировки «Исламское государство» (ИГ). Через неконтролируемые границы Ливии увеличился поток африканских беженцев в Европу. В этих условиях меж-

дународное сообщество активизировало усилия по урегулированию ситуации в североафриканской республике. С 2015 г. состоялся ряд конференций по Ливии, в которых приняли участие представители заинтересованных стран, а также ООН, ЕС, Лиги арабских государств (ЛАГ), Африканского союза (АС).

Конференция в Риме (2015)

13 декабря 2015 г. по инициативе Италии и при поддержке США в Риме была созвана международная конференция по Ливии. Во встрече приняли участие представители 17 стран. Участники конференции призвали к немедленному перемирию сторон и созданию ПНС Ливии. Они заявили, что будут работать только с этим органом и прекратят контакты с другими группами. Спустя несколько дней, 17 декабря 2015 г., под эгидой ООН в марокканском городе Схират ВНК и ПП подписали политическое соглашение об образовании ПНС (сформировано 19 января 2016 г.). 23 декабря 2015 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 2259 (2015) в поддержку этого документа.

Конференция в Вене (2016)

16 мая 2016 г. в Вене для обсуждения вопроса ливийского урегулирования собрались представители внешнеполитических ведомств 20 стран. ПНС Ливии представлял его председатель – Фаиз Саррадж. Участники высказались за ослабление оружейного эмбарго ООН в отношении Ливии с целью помочь правительству страны бороться с террористами группировки ИГ (эмбарго было введено 26 февраля 2011 г.; резолюция СБ 1970 (2011)). Однако запрос ливийского правительства в ООН об ослаблении эмбарго был отклонен из-за опасений бесконтрольного распространения оружия по региону, так как страна по-прежнему находилась в состоянии гражданской войны.

Конференция в Париже (2018)

К 29 мая 2018 г., когда состоялась конференция в Париже, основными политическими силами в Ливии стали ПНС в Триполи, укрепившееся после победы над ВНК весной 2017 г., и ПП в Тобруке. ПП поддерживал командующий ЛНА Х. Хафтар, военные успехи которого в борьбе с ИГ усилили его политическое влияние. В Парижской конференции приняли участие представители 20 государств, а также лидеры основных внутрививийских военно-политических сил – Ф. Саррадж и Х. Хафтар. На встрече стороны договорились о посте-

пенном объединении двух правительств и проведении парламентских и президентских выборов в Ливии 10 декабря 2018 г.

Конференция в Палермо (2018)

К моменту проведения конференции в Палермо 12–13 ноября 2018 г. ситуация в Ливии вновь обострилась: участились боестолкновения враждующих сторон, процесс подготовки к проведению выборов был замедлен. Однако итальянской стороне удалось привлечь к переговорам 38 иностранных делегаций, десять из которых были представлены главами государств и правительств. Во встрече также приняли участие Ф. Саррадж и Х. Хафтар. На конференции не удалось выработать никаких важных решений.

Конференция в Берлине (2020)

На конференции в Берлине, ознаменовавшей собой важный этап в развитии все еще продолжающегося так называемого берлинского процесса, на наш взгляд, следует остановиться более подробно. И прежде, чем перейти к рассмотрению непосредственно самой берлинской конференции и ее итогов, целесообразно изучить события, предшествовавшие этому мероприятию в контексте отношений между Турцией и ЕС и их взаимодействия по ливийской проблематике.

27 ноября 2019 г. в Стамбуле президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган и глава ПНС Ливии Ф. Саррадж подписали два меморандума о взаимопонимании: 1) о разграничении морских зон в Средиземном море; 2) о сотрудничестве в военной сфере и в области безопасности. 2 декабря 2019 г. Анкара на основе подписанного турецко-ливийского меморандума опубликовала карту морских зон, по которой значительная часть греческой исключительной экономической зоны (ИЭЗ) отходила к Турции.

Греция по этому поводу заявила, что ее права на морские зоны ее островов установлены международным правом и не подлежат обсуждению. Более того, по мнению Афин, Турция и Ливия не имеют общих границ, а потому и подписанный ими меморандум не имеет законной силы и не влечет никаких последствий. Следовательно, Афины рассматривали турецко-ливийский документ о разграничении морских пространств в Средиземном море как игнорирующий географические интересы Греции и нарушающий суверенные права третьих стран.

1 декабря 2019 г. к исполнению своих обязанностей приступило новое руководство Европейского союза. Пост председателя Еврокомиссии заняла экс-министр обороны Германии Урсула фон дер Ляйен, верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности стал бывший министр иностранных дел Испании Жозеп Боррель, Европейский совет возглавил бельгиец Шарль Мишель. Ротация в Европарламенте произошла еще в июле 2019 года. С тех пор должность председателя Европейского парламента занимает итальянец Давид-Мария Сассоли.

Новое руководство было полно решимости внести определенные коррективы во внешнюю политику Евросоюза. Еще до вступления в новую должность Ш. Мишель призывал четко определиться с приоритетами ЕС. По его словам, «важно, чтобы Европейский совет не только реагировал на события, будь то референдум по «Брексит», твит американского президента или действия Турции, необходимо разработать собственную политическую программу действий»¹.

4 декабря 2019 г. на сайте внешнеполитической службы ЕС было опубликовано официальное заявление, в котором сообщалось, что Турция должна немедленно предоставить Евросоюзу текст заключенного с ПНС Ливии двустороннего меморандума по демаркации морских зон. Внешнеполитическая служба также призвала Турцию соблюдать международное право и уважать суверенитет стран восточного Средиземноморья, в том числе Кипра и Греции. Таким образом, ЕС выразил солидарность с Грецией и Кипром относительно действий Турции в Восточном Средиземноморье².

Интересно, что в тот же день в кулуарах саммита НАТО в Лондоне состоялась встреча премьер-министра Греции К. Мицотакиса и президента Турции Р.Т. Эрдогана, в ходе которой стороны договорились о продолжении обсуждения мер укрепления доверия между двумя странами. По итогам этой встречи К. Мицотакис заявил: «У нас была откровенная дискуссия с президентом Турции. Я вынес на обсуждение все вопросы, связанные с последними действиями Анкары. Мы зафиксировали разногласия. Обе стороны согласились продолжить обсуждение мер по укреплению доверия по линии министерств обороны... Трудности в отношении Турции были, есть и будут. Но я думаю, что если две стороны покажут добрые намерения, то в конечном итоге их можно будет преодолеть»³.

Однако, несмотря на обнадеживающие заявления лидеров двух стран, сделанные по итогам этой встречи, напряженность в турецко-греческих отношениях продолжала расти. Особые опасения в Греции вызывали заявления Анкары о том, что она, действуя на основе турецко-ливийского меморандума, может послать в исключительную экономическую зону Греции в районе острова Крит буровые суда в сопровождении военных кораблей для поиска месторождений нефти и газа. В этом случае Афинам пришлось бы применить военную силу против своего союзника по НАТО.

6 декабря 2019 г. премьер-министр Греции К. Мицотакис заявил, что его страна сделает все возможное для того, чтобы турецко-ливийский меморандум о разграничении морских пространств не вступил в силу. В тот же день глава МИД Греции Н. Дендиас объявил о том, что посол Ливии в Греции объявлен из-за подписанного меморандума персоной нон грата и ему было предоставлено 72 часа для того, чтобы покинуть страну. Брюссель, только получивший текст меморандума, вел сдержанную политику. Это объяснялось тем, что ЕС еще не успел должным образом изучить турецко-ливийский меморандум с точки зрения его последствий для соседей.

9 декабря 2019 г. глава дипломатии ЕС Ж. Боррель на пресс-конференции по итогам заседания министров иностранных дел стран-членов Европейского союза в Брюсселе заявил, что Евросоюз серьезно обеспокоен меморандумом о взаимопонимании между Турцией и ПНС Ливии по разграничению морских зон. Однако окончательное решение по этому поводу предстояло принять Европейскому совету.

Очередной саммит ЕС состоялся 12–13 декабря 2019 г. в Брюсселе. По итогам встречи глав государств и правительств стран-членов Европейского союза было опубликовано заявление, в котором сообщалось, что турецко-ливийский меморандум о разграничении морских зон в Средиземном море не имеет юридической силы для третьих стран. «Меморандум о взаимопонимании по разграничению морских зон между Турцией и Ливией нарушает суверенные права третьих стран, не соответствует международному морскому праву и не может иметь никакой юридической силы для третьих государств», – говорилось в заявлении. «Европейский совет выразил безоговорочную солидарность с Грецией и Кипром в отношении

действий Турции». Также подчеркивалось, что предыдущий саммит, состоявшийся 17–18 октября 2019 г. осудил «незаконную геологоразведочную деятельность Турции на шельфе в исключительной экономической зоне Кипра»⁴.

Турция в тот же день осудила решение саммита ЕС, не признавшего турецко-ливийский меморандум о делимитации морских пространств. «Это решение Евросовета еще раз продемонстрировало, что греческая сторона под предлогом солидарности членов ЕС продолжает выступать со своими максималистскими националистическими тезисами, противоречащими международному праву и принципу справедливости. ЕС не имеет полномочий по определению морских зон, также он не является международным судом и в связи с этим не может давать оценку меморандуму, подписанному между Турцией и Ливией», – говорилось в заявлении МИД Турции. Анкара назвала позицию ЕС по меморандуму «примером политики двойных стандартов, при которой ЕС проигнорировал узурпацию Грецией прав на континентальный шельф Ливии». «Это не заставит нас отказаться от защиты прав и интересов турок-киприотов в Средиземноморье», – отмечалось в документе⁵.

Греческие усилия по вытеснению Турции из энергетических проектов в Восточном Средиземноморье при помощи ЕС не ограничиваются лишь реакцией на соответствующие действия Анкары, но также имеют и наступательный характер. Особенно это проявляется в рамках реализации планов по строительству газопровода EastMed⁶. Греческие власти постоянно подчеркивают, что строительство данного трубопровода – это не реакция на действия Турции, а продолжение тех усилий, которые правительства Греции, Кипра и Израиля предпринимают для содействия росту благосостояния их народов. В то же время Афинами периодически подчеркивается, что благодаря реализации планов по строительству газопровода EastMed «создается надлежащая инфраструктура для того, чтобы справляться с любыми действиями тех, кто стремится создать нестабильную ситуацию в Восточном Средиземноморье, нарушая международное право»⁷.

2 января 2020 г. было подписано соглашение о газопровode EastMed. По словам К.Мицотакиса, это стало итогом новых геополитических, партнерских отношений между Грецией, Кипром

и Израилем, которые в последние годы систематически выстраиваются, формируя новый энергетический узел в Восточном Средиземноморье. Это мост, по которому будет поступать природный газ из месторождений региона в Европу через Грецию и будет обогащать смесь энергоресурсов, получаемых Евросоюзом». По словам К. Мицотакиса, данное соглашение имеет различные измерения с точки зрения экономики, развития, а также дипломатическое и геостратегическое измерения⁸.

В греческих СМИ отмечалось, что в межправительственном соглашении о газопроводе имеется «статья о сотрудничестве в области обороны между странами – участницами соглашения с целью обеспечения безопасности газопровода EastMed». Соответствующее положение статьи 10 соглашения считалось очень важным, поскольку подобные пункты обычно не включаются в подобные соглашения. «Кроме того, в соглашении есть еще три важных пункта: предусматривается общее нормативно-правовое, лицензионное и налоговое регулирование вопросов в отношении газопровода во всех четырех странах (включая Италию) для содействия реализации проекта, прописана возможность присоединиться к EastMed в будущем и другим государствам, таким как Египет и Ливан, а также возможность получения объемов газа и от государств, не участвующих в разработке трубопровода», – сообщалось в греческой печати⁹.

О роли EastMed для энергетической безопасности ЕС в своем выступлении на церемонии подписания соглашения о газопроводе EastMed в Афинах сказал и президент Кипра Н. Анастасиадис. По его словам, заключенное межгосударственное соглашение подтверждает, что «сотрудничество трех стран-участниц достигло такой зрелости, что они могут продвигать проекты, имеющие геополитическую ценность... Партнерство, развития которого мы добились, не направлено против какой-либо третьей страны. Наоборот, любая страна, которая желает этого, приветствуется, если она придерживается норм международного права», – сказал Н. Анастасиадис, имея в виду Турцию. Президент Кипра также сообщил, что Греция, Кипр и Израиль осуществят и связь своих электрических систем. Данный проект, по его словам, также опирается на «практическую поддержку ЕС»¹⁰.

Однако наступательная энергетическая дипломатия Греции и Кипра в Восточном Средиземноморье не дала ожидаемого эффекта.

В ответ на действия Афин и Никосии Анкара 17 января 2020 г. объявила о том, что приступает к бурению в зоне под названием «Lefkosial» и что в этот район уже направилось буровое судно «Явуз». Осудив этот шаг, администрация президента Кипра напомнила, что данная зона находится в пределах исключительной экономической зоны островного государства, а лицензии на разведку газа в ней уже предоставлены крупным зарубежным компаниям¹¹. Но Турцию это не остановило.

18 января Евросоюз осудил расширение буровых работ Турции в исключительной экономической зоне Кипра. В связи с активизацией буровых работ Турции в Средиземном море Евросоюз вновь указал на необходимость конкретных шагов по созданию обстановки, способствующей диалогу. «Намерение Турции начать дальнейшие разведочные и буровые работы в более широком регионе идет, к сожалению, в противоположном направлении», – говорилось в заявлении официального представителя внешнеполитической службы ЕС П. Стано, распространенном в Брюсселе. В документе отмечалось, что ЕС решил напомнить о своей позиции в отношении незаконной буровой деятельности Турции в исключительной экономической зоне Кипра в связи с заявлениями турецких властей о том, что буровое судно «Явуз» отправляется для новой операции. В сообщении подчеркивалось, что должно соблюдаться международное морское право, принцип добрососедских отношений и уважаться суверенитет и суверенные права государств в морских зонах¹². 20 января 2020 г. министры иностранных дел стран-членов Европейского союза поручили Совету ЕС подготовить новые санкции в отношении физических и юридических лиц Турции, ответственных за проведение геологоразведочных работ на шельфе Кипра.

Реакция Анкары была неожиданной. 23 января 2020 г. министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу в своем интервью РИА Новости «на полях» Всемирного экономического форума в Давосе, отметив, что Евросоюз начал применять двойные стандарты в отношении соблюдения прав турок-киприотов на углеводородные запасы острова, заявил, что Анкаре интересно сотрудничество с Москвой по разработке месторождений газа у Кипра¹³.

31 января 2020 г. на сайте Совета ЕС был опубликован пресс-релиз, в котором сообщалось, что к механизму ЕС по принятию санк-

ций против Турции¹⁴ присоединились такие страны – кандидаты на вступление в ЕС как Северная Македония, Черногория, Сербия и Албания, а также Исландия, которая является членом Европейской экономической зоны. В документе отмечалось, что отныне упомянутые страны должны будут согласовывать свою политику с данным решением¹⁵.

Однако угрозы о введении новых и расширенных санкций против Турции не возымели того успеха, на который рассчитывали в ЕС. Более того, результат оказался совершенно противоположным. 19 февраля Р.Т. Эрдоган заявил, что уже в 2020 г. к разведке и бурению морских месторождений углеводородов приступит третье турецкое буровое судно – «Кануни»¹⁶.

В итоге, 27 февраля 2020 г. Совет ЕС подверг режиму ограничительных мер двух руководителей турецких буровых работ в районе исключительной экономической зоны Кипра. «Эти лица несут ответственность или принимали участие в планировании, руководстве и реализации в восточной части Средиземного моря разведки углеводородов, которая не была разрешена Республикой Кипр», – сообщалось в пресс-релизе Совета ЕС, распространенном в Брюсселе¹⁷. Судя по опубликованному в «Официальном журнале» ЕС постановлению Евросовета, санкции наложены на Мехмета Ферруха Акалина, заместителя генерального директора и члена совета директоров Turkish Petroleum Corporation (ТРАО), и Али Джошкуна Намоглу, заместителя директора департамента геологоразведочных работ ТРАО¹⁸. Ограничительные меры заключались в запрете въезда на территорию ЕС и замораживании банковских авуаров в Евросоюзе. Помимо этого, физическим и юридическим лицам ЕС запрещалось выделять финансовые средства внесенным в санкционный список представителям Турции. В документе Совета ЕС напоминалось, что рамочное решение о введении санкций в ответ на незаконную буровую деятельность Турции было принято в ноябре 2019 года после того, как Евросоюз неоднократно выразил свою обеспокоенность по этому поводу и решительно осудил данные буровые работы в ряде различных постановлений, в том числе в заключениях Европейского совета от 22 марта 2018 г. и от 20 июня 2019 г.

На следующий день МИД Турции осудил решение Европейского союза расширить санкции в связи с геологоразведочными работами

Анкары в Средиземном море, назвав эту меру нарушением международного права. Соответствующее заявление было опубликовано на сайте министерства. «Вызывает сочувствие тот факт, что ЕС ведет себя как раб политики и голословных заявлений греков вместо того, чтобы поддерживать сотрудничество и диалог по проблеме Восточного Средиземноморья», – отмечалось в тексте документа. Согласно заявлению, введенные в отношении Турецкой Республики санкции ЕС не обладают никакой юридической силой. Ведомство подчеркнуло, что «ЕС не может вести себя как мировой арбитр и устанавливать границы спорных неделимитированных зон влияния в море». «Эта политика несправедлива, она нарушает законные права Турции и (самопровозглашенной – прим. А. Г.) Турецкой Республики Северного Кипра, а также противоречит не только международному праву, но и нормам Евросоюза», – говорилось в заявлении МИД Турции¹⁹.

Конференция в Берлине прошла спустя всего несколько дней после межливийских переговоров в Москве, состоявшихся 13 января 2020 г. при участии представителей России и Турции²⁰. В преддверии конференции в Берлине власти ФРГ всячески подчеркивали, что мероприятие прежде всего объединяло внешних игроков, имевших влияние в Ливии, чтобы обеспечить старт процесса урегулирования, в том числе полное прекращение огня. По итогам мероприятия были приняты Заключительные положения Берлинской конференции по Ливии, в рамках которых страны-участницы подтвердили приверженность невмешательству в конфликт и внутренние дела Ливии, параллельно отметив ведущую роль ООН в урегулировании конфликта, который может быть разрешен только путем внутриливийского политического диалога. Участники конференции заявили о «безоговорочном и полном» уважении эмбарго на поставку вооружений в эту страну, которое было введено ранее решением Совбеза ООН, и призвали всех акторов не предпринимать действия, идущие вразрез с этим режимом, в том числе путем рекрутирования наемников. Для нарушителей как оружейного эмбарго, так и режима прекращения огня участники конференции обещали санкции ООН. Для соблюдения режима эмбарго стороны договорились укреплять механизмы контроля за его осуществлением. При этом новая международная миссия по мониторингу этого режима не создавалась²¹.

В документе также содержался призыв к сторонам конфликта прекратить перемещение военной техники и войск по территории страны, провести демобилизацию и разоружение нерегулярных вооруженных формирований с последующей интеграцией их членов в законные военные, гражданские институты и органы безопасности. В развитие этого положения берлинская конференция призывала сформировать единые силовые структуры в стране, восстановив тем самым ключевую для функционирования государств систему «легитимного насилия». Ряд положений были прямо нацелены на то, чтобы подвинуть стороны к достижению всеобъемлющего перемирия²².

В политической части основная ответственность возлагалась на ООН, которая должна была способствовать переговорам по перемирию между сторонами конфликта в стране путем создания технических групп. Участники конференции по Ливии в Берлине также призвали сформировать единое и эффективное правительство страны, возобновить мирные переговоры для завершения переходного периода и проведения выборов парламента и президента. Со своей стороны, участники конференции обещали признать итоги будущих межливийских мирных переговоров²³.

Не менее важными в сравнении с военными и политическими положениями выглядели экономические пункты документа, главным образом те, которые касались нефти. Лидеры стран – участниц конференции отметили, что необходимо справедливо распределять общественные блага в стране между различными географическими регионами, чтобы «покончить с центральным источником конфликта и взаимными упреками». Это приобрело особое значение на фоне того, что в преддверии конференции ливийские племена и местные общественные организации на востоке страны призвали к закрытию нефтяных терминалов в знак протеста против действий ПНС в Триполи²⁴.

Реакция мировых СМИ на итоги Берлинской конференции была разной. В немецком издании Spiegel по итогам мероприятия в Берлине был опубликован материал под заголовком «Прорыв». По мнению автора материала, момент, когда в Берлине собралась «почти дюжина глав государств и правительств, которые на самом деле предпочли бы воевать, нежели разговаривать друг с другом, это уже само по себе

является дипломатическим успехом». При этом автора впечатлил не только список участников, но и результаты конференции. «Никогда ранее в конфликте, продолжавшемся восемь лет, не удавалось привлечь всех международных участников к принятию таких далеко идущих договоренностей». В материале Spiegel также указывалось на мнение экспертов, согласно которому «эмбарго на поставки оружия всей стране не может быть осуществлено без новой военной операции в Средиземном море и наблюдения за воздушным пространством Ливии». Издание вспоминало миссию «София». «Несмотря на множество мер контроля, миссия не была особенно успешной, поскольку даже члены ЕС, такие как Франция и Италия, поставляли оружие своим союзникам в Ливии».

Другое немецкое издание Zeit также говорило о прорыве, однако отмечало, что «большое испытание еще не завершено». Пока что результат был прежде всего дипломатическим успехом. «То, действительно ли у региона есть возможность для мира, будет зависеть прежде всего от готовности международного сообщества обеспечить соблюдение ключевых положений в военном отношении».

Издание New York Times было более сдержано в оценках результатов Берлинской конференции, указав, что они дали «небольшой проблеск надежды в затяжной гражданской войне».

В свою очередь британская Guardian отмечала, что берлинская конференция «в значительной степени была призвана отговорить внешних акторов от превращения Ливии в поле битвы для соперничающих стран». Тем не менее существуют «серьезные опасения, что стороны, подписавшие итоговый документ саммита, по ряду идеологических и экономических мотивов мало что сделают для соблюдения соглашений», – считала газета. Кроме того, Guardian напоминала, что это не первая мирная конференция. За последние два года различные по своему формату саммиты прошли в Париже, Риме, Москве, Абу-Даби, и, как считает издание, они «не дали долгосрочных решений».

Затрагивая тему содержания итогового документа берлинской конференции, издание Zeit отмечало, что большинство результатов конференции представляло собой «не более чем смутные обязательства по соблюдению эмбарго на поставки оружия, поддержке единства страны и политического процесса». Газета указывала на отсутствие

подробностей относительно ряда пунктов. Но в то же время, по мнению автора материала, декларация по итогам конференции являлась «на сегодняшний день наиболее всеобъемлющим документом».

Газета Washington Post в свою очередь указывала на то, что страны Запада и арабского региона подписали широкомасштабное соглашение, в рамках которого предполагается соблюдение оружейного эмбарго и прекращение военной поддержки сторон ливийского конфликта. Однако форум не смог убедить враждующие стороны «согласиться на долговременное прекращение огня, на что многие надеялись».

Financial Times писала, что, по мнению некоторых экспертов, результаты Берлинской конференции можно назвать «скромными». При этом европейское издание газеты Politico подчеркивало, что ожидания, в том числе и то, что «специальный комитет из пяти военных официальных лиц с каждой стороны будет наблюдать за соблюдением режима огня», могли бы оказаться «излишне оптимистичными». Поскольку, напоминала газета, во время конференции ЛНА закрыла несколько портов на востоке Ливии и два крупных нефтяных месторождения. Эти события говорят о «продолжающейся слабости власти Ф. Сарраджа».

Однако оптимизм длился недолго. 2 марта 2020 г. верховный комиссар ООН по делам беженцев Филиппо Гранди заявил, что гуманитарная ситуация в Ливии не улучшилась после берлинской конференции, поскольку военная обстановка в стране не изменилась. Ф. Гранди также подчеркнул, что вооруженные группировки в Ливии «очень непредсказуемы». Зачастую, по его словам, неясно, кто контролирует конкретную территорию. «Мы приняли решение оставаться и работать в Ливии до тех пор, пока это возможно... Если бы обязательства, провозглашенные в Берлине, исполнялись, это дало бы нам больше возможностей работать, предоставлять помощь людям. Если обязательства не будут выполняться, нам будет все также тяжело», – добавил Ф. Гранди. В таком же ключе относительно реализации итоговых заключений берлинской конференции в своей статье для электронного издания Bruxelles2 написал и Верховный представитель Евросоюза по внешней политике и политике безопасности Ж. Боррель: «Боевые действия идут без остановки. И это несмотря на активные усилия ООН, несмотря на четкое обязательство работать

над прекращением огня, которое взяли на себя все ливийские фракции, все важные международные действующие лица, в том числе ЕС, на конференции в Берлине в январе». Напомнив, что эти меры были одобрены Советом безопасности ООН, он отметил, что боевые действия стимулируются поставками в Ливию оружия из-за рубежа в обход санкций всемирной организации²⁵.

31 марта 2020 г. во исполнение обязательств по поддержке международного эмбарго на поставки оружия в Ливию, взятых на себя участниками Берлинской конференции, Совет ЕС официально дал старт военно-морской операции IRINI в Средиземном море²⁶. В рамках данной операции предполагалось применение средств спутникового, воздушного и морского наблюдения. Предусматривался досмотр подозрительных судов в международных водах у побережья Ливии.

25 апреля 2020 г. Ж. Боррель, а также главы МИД Франции, Германии и Италии призвали к гуманитарному перемирию и возобновлению переговоров между сторонами конфликта в Ливии. По мнению европейских политиков, «все действующие лица в Ливии должны в духе священного месяца Рамадан возобновить переговоры о перемирии», а также заняться поиском политического решения конфликта. 19 мая 2020 г. состоялась видеоконференция министров иностранных дел Германии, Франции, Великобритании и Турции, в ходе которой была снова выражена обеспокоенность тем, что «призыв к гуманитарному перемирию в Ливии не возымел эффекта, а напротив имеют место эскалация и нарушения оружейного эмбарго».

В условиях отсутствия заметных подвижек после берлинской конференции в европейских СМИ все чаще стали появляться публикации о недопустимости повторения в Ливии «сирийского сценария». Европейские чиновники разного уровня периодически заявляли, что у конфликта в Ливии нет военного решения, и что ЕС работает со всеми сторонами в рамках «берлинского процесса». По мнению европейских экспертов, Ливия по нарастающей становилась ареной «прокси-конфликта».

Одновременно с этим продолжали ухудшаться турецко-греческие отношения. 1 июня 2020 г. в турецкой правительственной газете была опубликована серия заявок на предоставление прави-

тельством Турции лицензии на проведение поиска и разработку углеводородов государственной нефтяной компанией в районах греческого морского шельфа. По данным греческих телеканалов, речь шла об участке морского шельфа Греции в районе между островами Кастелоризо, Родос и Крит в 6 морских милях от их побережья. В тот же день МИД Греции вызвал посла Турции в Афинах и выразил ему протест в связи с данной публикацией. Министр иностранных дел Греции Никос Дендиас по поводу публикации этих заявлений заявил, что это «является частью серии действий, с помощью которых Турция пытается шаг за шагом узурпировать суверенные права Греции». По словам министра, эти шаги являются «продолжением не имеющего законной силы турецко-ливийского меморандума». В свою очередь министр национальной обороны Греции Никос Панайотопулос заявил, что Греция уже указала на «свои "красные линии" в случае обострения агрессивного поведения Турции». «Греция не является простым наблюдателем, она иногда показывает зубы. И мы показали зубы, когда мы отреагировали на организованную попытку нарушения Турцией нашей сухопутной границы в Эвросе, и в таком же духе мы относимся и к другим проблемам», – отметил глава военного ведомства.

3 июня 2020 г. Премьер-министр Греции Кириакос Мицотакис направил председателю Евросовета Шарлю Мишелю и главе Еврокомиссии Урсуле фон дер Ляйен послания по поводу намерений Турции проводить разведку газа и нефти у греческих берегов. Официальный представитель Правительства Греции Стелиос Пецас, комментируя растущую эскалацию в регионе, заявил, что это может привести не к греко-турецкому кризису, а к кризису в общих отношениях Евросоюза с Турцией».

Однако реакция Афин не смогла переубедить Анкару. 4 июня 2020 г. президент Турции Р.Т. Эрдоган на совместной пресс-конференции с главой ПНС Ливии Ф. Сарраджем в Анкаре повторно заявил, что Турция, несмотря на действия греческих властей, будет проводить совместно с Ливией разведку месторождений нефти и газа в Средиземном море.

5 июня 2020 г. министры по европейским делам группы MED-7, в которую входят Греция, Кипр, Мальта, Франция, Италия, Португалия и Испания, приняли совместную декларацию о солидар-

ности с Грецией в связи с действиями Турции на греческом континентальном шельфе.

Тем временем Совет Безопасности ООН, ссылаясь на свою резолюцию 1970 (2011), налагающую эмбарго на поставки оружия в Ливию, и на свои резолюции 2292 (2016), 2357 (2017), 2420 (2018) и 2473 (2019), касающиеся строгого соблюдения эмбарго на поставки оружия в открытом море у побережья Ливии, а также на Берлинскую конференцию по Ливии, единогласно принял резолюцию 2526 (2020) о продлении действия эмбарго на поставки оружия в Ливию еще на 12 месяцев.

6 июня 2020 г. президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси в ходе встречи с Х. Хафтаром и главой ПП Акилой Салехом в Каире заявил о новой межливийской инициативе, которая, по его словам, была направлена на прекращение боевых действий и включала в себя вывод иностранных боевиков и разоружение группировок, а также равноправное представительство трех регионов в президентском совете, объединение государственных институтов Ливии и принятие конституционной декларации.

Евросоюз, по словам официального представителя Еврокомиссии Питера Стано, позитивно оценил каирскую инициативу по урегулированию в Ливии. По мнению ЕС, данная инициатива могла бы усилить работу в рамках берлинского процесса. Однако Турция каирскую инициативу по Ливии отвергла. Глава МИД Турции Мевлют Чавушоглу посчитал инициативу, выдвинутую Египтом, «неубедительной» и «неискренней». По его словам, усилия в Каире по прекращению огня были мертворожденными, поскольку соглашение о перемирии должно было быть подписано на таких площадках, как Москва или Берлин, где участники конфликта собрались вместе.

Новый виток напряженности в отношениях между Турцией и странами ЕС возник в связи с инцидентом между фрегатами Турции и Франции у берегов Ливии. По словам П. Стано, европейские военные, участвовавшие в операции IRINI по реализации оружейного эмбарго против Ливии, которая проводится в соответствии с резолюцией ООН 2526 (2020), не смогли досмотреть направлявшееся на запад этой страны турецкое судно из-за отказа допустить инспекцию. Более того, по данным телеканала «Франс 24», турецкий фрегат, уклоняясь от досмотра, взял на прицел принимавший участие в операции НАТО

Sea Guardian французский военный корабль с помощью радарной системы ракетного наведения, что во французском военном ведомстве расценили как «исключительно враждебные и агрессивные действия». В свою очередь турецкое Анатолийское агентство, сославшись на представителя ВС Турции, опровергло сообщения французской стороны, сообщив, что турецкий фрегат использовал свои радарные системы не для прицеливания, а для наблюдения за французским военным кораблем, «который осуществлял опасное маневрирование». При этом, по данным агентства, несмотря на необходимость поддержания постоянного контакта в ходе операции Sea Guardian, на связь с турецким кораблем никто так и не вышел.

В настоящее время Турция продолжает блокировать все попытки достижения договоренности между ЕС и НАТО об оказании кораблями альянса в регионе содействия военно-морской операции Евросоюза IRINI. По информации как европейских, так и арабских СМИ, Анкара систематически нарушает эмбарго ООН, перебрасывая оружие и наемников, в том числе из Сирии для поддержки ПНС.

В условиях турецко-французского обострения представляется интересным развитие турецко-итальянского взаимодействия по Ливии. Несмотря на участие Италии в MED-7 и ее солидарность с Грецией в связи с действиями Турции на греческом континентальном шельфе, она изучала возможности взаимодействия с Анкарой по различным вопросам ливийского урегулирования, в том числе по вопросу обеспечения Ливии энергоресурсами. Так, в ходе совместной пресс-конференции с М. Чавушоглу, состоявшейся 19 июня 2020 г. в Анкаре, министр иностранных дел Италии Луиджи Ди Майо выразил заинтересованность в развитии турецко-итальянского диалога с целью установления в Ливии постоянного режима прекращения огня. Показательными в данном контексте являются и высказывания М. Чавушоглу, который в ходе упомянутой совместной пресс-конференции недвусмысленно заявил: «Мы хотим работать с Италией в вопросах энергетики. Сегодня Ливия нуждается в электроэнергии, и мы вместе можем обеспечивать ее. Происходящее в Ливии сейчас наиболее влияет на ситуацию в Италии и на Мальте». Турецкий министр также подчеркнул, что Анкара заинтересована работать с Римом и в Восточном Средиземноморье, где Турция намерена

добывать углеводороды на шельфе Кипра. Таким образом, каких-либо принципиальных разногласий между этими двумя странами по ливийскому урегулированию, как, например, между Турцией и Францией или Турцией и Грецией, нет.

Подводя итоги, можно сказать, что среди проблем взаимодействия Турции и ЕС по ливийской проблеме в 2019–2020 гг. выделяются следующие: 1) отсутствие общей интерпретации эмбарго на поставки оружия в Ливию и единых механизмов его применения; 2) отсутствие общих опасений относительно гуманитарной ситуации в Ливии и проблемы проникновения беженцев в Европу; 3) различия в подходах по разрешению ситуации в Ливии и несовпадение интересов относительно форматов ливийского урегулирования; 4) отягощение ливийской проблемы исторической памятью, застарелыми конфликтами и спорами по разграничению морских пространств в Восточном Средиземноморье; 5) разногласия между странами ЕС по ситуации в Ливии.

¹ Будущий глава Евросовета считает, что новая холодная война может начаться между США и КНР // ТАСС, 29.11.2019. URL: www.tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7224451

² Statement by the Spokesperson on the situation in the Eastern Mediterranean, Brussels, 04.12.2019. URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/palau/71513/statement-spokesperson-situation-eastern-mediterranean_en

³ Mitsotakis says 'all issues' raised in meeting with Erdogan // Ekathimerini-com, 04.12.2019. URL: <https://www.ekathimerini.com/247184/article/ekathimerini/news/mitsotakis-says-all-issues-raised-in-meeting-with-erdogan>

⁴ European Council, 12-13 December 2019: Main results // European Council, Brussels, 13.12.2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2019/12/12-13/>

⁵ SC-76, 13 Aralık 2019, Dışişleri Bakanlığı Sözcüsü Hami Aksoy'un Avrupa Birliği Konseyi'nin Ülkemizle İlgili İfadeleri Hakkındaki Soruya Cevabı // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı, Ankara, 13.12.2019. URL: http://www.mfa.gov.tr/sc_-76_-avrupa-birligi-konseyi-nin-ulkemizle-ilgili-ifadeleri-hk-sc.tr.mfa

⁶ Предполагается, что по завершении EastMed обеспечит поставку энергоносителей, которые будут добываться на шельфах Израиля и Кипра, в континентальную Грецию. Маршрут трубопровода проляжет через территорию Республики Кипр и греческий остров Крит. Из Греции газ будет поставляться по газопроводу «Посейдон» в Италию и по соединительному газопроводу между Грецией и Болгарией (Interconnector Greece-Bulgaria, IGB) – в другие европейские регионы. Европейская комиссия назвала газопровод EastMed проектом общего интереса и предоставила 34,5 млн евро для завершения технических исследований для проекта. Ожидалось, что строительство этого трубопровода длиной 2 тыс. км займет

около семи лет и будет стоить примерно 7 млрд долларов. Однако в мае 2019 г. премьер-министр Италии Джузеппе Конте заявил, что Италия против строительства газопровода «Посейдон», который должен стать последним участком EastMed, что поставило под вопрос весь проект. Другие страны – участницы проекта подчеркивали, что усилят сотрудничество в этом плане с Италией.

⁷ Greece, Israel, Cyprus sign gas pipeline deal, angering Turkey // Aljazeera, 02.01.2020. URL: www.aljazeera.com/ajimpact/greece-israel-cyprus-sign-gas-pipeline-deal-angering-turkey-200102142853126.html

⁸ Премьер Греции: соглашение о газопроводе EastMed укрепляет отношения с Кипром и Израилем // ТАСС, 02.01.2020. URL: www.tass.ru/ekonomika/7459895

⁹ Там же.

¹⁰ Президент Кипра считает, что проект газопровода EastMed укрепит энергобезопасность ЕС // ТАСС, 02.01.2020. URL: www.tass.ru/ekonomika/7460071

¹¹ Кипр обвинил Турцию в пиратстве из-за планов провести буровые работы у берегов острова // ТАСС, 19.01.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7553275>

¹² Turkey: Statement by the Spokesperson on the announcement of a new drilling operation // Statements by the Lead Spokesperson for Foreign Affairs and Security Policy, Brussels, 18.01.2020. URL: www.eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/73190/Turkey:%20Statement%20by%20the%20Spokesperson%20on%20the%20announcement%20of%20a%20new%20drilling%20operation

¹³ Исакова Е., Турция заинтересована в сотрудничестве с РФ по разработке газа у Кипра // РИА Новости, 23.01.2020. URL: www.ria.ru/20200123/1563766924.html

¹⁴ Механизм, утвержденный ЕС в ноябре 2019 г., позволяет ввести санкции в отношении физических лиц и компаний, ответственных за ведение буровой деятельности, связанной с геологоразведкой углеродных ресурсов, которая не разрешена Кипром, в его территориальных водах, эксклюзивной экономической зоне или на континентальном шельфе. Кроме того, под санкциями могут оказаться физические лица и компании, оказывающие финансовую поддержку этой деятельности Турции. Первый предупредительный блок санкций в отношении Анкары ЕС ввел 15 июля 2019 г., сократив финансовую поддержку и приостановив переговоры по соглашению о воздушных перевозках.

¹⁵ Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the alignment of certain third countries concerning restrictive measures in view of Turkey's unauthorised drilling activities in the Eastern Mediterranean // Council of the EU, Press release, 31.01.2020. URL: www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/01/31/declaration-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-eu-on-the-alignment-of-certain-third-countries-concerning-restrictive-measures-in-view-of-turkey-s-unauthorised-drilling-activities-in-the-eastern-mediterranean/

¹⁶ Новое судно «Кануни» относится к шестому поколению буровых судов и может проводить работы по бурению на глубине 11 400 метров.

¹⁷ Turkey's illegal drilling activities in the Eastern Mediterranean: EU puts two persons on sanctions list // Council of the EU, Press release, 27 February 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/02/27/turkey-s-illegal-drilling-activities-in-the-eastern-mediterranean-eu-puts-two-persons-on-sanctions-list/>

¹⁸ COUNCIL DECISION (CFSP) 2020/275 of 27 February 2020 amending Decision (CFSP) 2019/1894 concerning restrictive measures in view of Turkey's unauthorised drilling activities in the Eastern Mediterranean // Official Journal of the European Union,

27.02.2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=uriserv:OJ.LI.2020.056.01.0005.01.ENG&toc=OJ:L:2020:056:TOC>

¹⁹ No: 58, 28 Şubat 2020, Doğu Akdeniz'deki Sondaj Faaliyetlerimiz Nedeniyle Avrupa Birliği'nin Aldığı Yaptırım Kararına İlişkin Listenin Onaylanması Hk. // T.C. Dışişleri Bakanlığı, Ankara, 28.02.2020. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_58_-dogu-akdeniz-sondaj-faaliyetlerimiz-hk.tr.mfa

²⁰ Конференция в Берлине стала логичным этапом развития так называемого берлинского процесса урегулирования в Ливии. С сентября 2019 г. Германия принимала консультации по Ливии, целью которых было сопровождение работы генсека ООН Антонио Гутерреша и его спецпосланника Гассана Саламе. Этот процесс стартовал после того, как с весны 2019 г. в Ливии активизировались бои между силами ПНС и ЛНА. Изначально международное сообщество высказывало опасения, что вместо политического решения конфликта в стране он будет разрешен военными средствами, но, несмотря на первоначальные успехи, Х. Хафтар не сумел сломить сопротивление ПНС, а в конце 2019 г. Турция активизировала работу с Ф. Сарраджем, в том числе договорившись о военном сотрудничестве, что вызвало критику со стороны ряда западных стран. В середине января 2020 г. Россия и Турция предприняли дипломатические меры для урегулирования ситуации, объявив перемирие в Ливии с 12 января 2020 г. Для его официального закрепления и проводились переговоры в Москве, но достичь этого не удалось.

²¹ Заключительные положения Берлинской конференции по Ливии // Официальный сайт Президента РФ, 19.01.2020. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5471>

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Borrell J., All those who want peace in Libya must support Operation Irini // Bruxelles2, 22.04.2020. URL: <http://www.bruxelles2.eu/2020/04/all-those-who-want-peace-in-libya-must-support-operation-irini-josep-borrell/?lang=en>

²⁶ Операция IRINI (по-гречески – «мир») намечена пока на один год и координируется из Рима.

Причины неустойчивости ливанской власти

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-070-084

Аннотация: Статья посвящена очень важному для Ливана вопросу сохранения своей государственности в условиях роста конфликтов на Ближнем Востоке. В ней анализируются причины неустойчивости власти, ее раскола вследствие разных политических и конфессиональных интересов и постоянной борьбы за влияние на политику государства. Автор считает, что неустойчивость ливанской государственности обусловлена в основном конфессиональной системой устройства всех ветвей власти, которая закреплена в Национальном пакте. Эта система с течением времени показала свою уязвимость из-за резкого изменения этнического и религиозного состава населения страны. Другим очевидным фактором слабости политических институтов Ливана является его зависимость от вмешательства различных внешних сил, и в первую очередь, Сирии. В то же время политический класс Ливана в критические моменты проявлял способность к компромиссам и поиску баланса интересов ради сохранения целостности республики и ее демократических основ. И в этом состоит важный и уникальный фактор устойчивости Ливана как государства.

Ключевые слова: Ливан, Сирия, Ближний Восток, Таифские соглашения, государственная власть, конфессионализм, конфликт, кризис.

Gorbunova N.M.

The reasons for the instability of the Lebanese regime

Abstract: The article deals with the most important issue for Lebanon: the preservation of its statehood in the context of growing conflicts in the Middle East. It analyses reasons for instability of public authority, its split due to political and confessional interests of different groups. The political class of Lebanon in crucial moments demonstrates ability to make compromises and search for balance of interests for the sake of preserving the integrity of the Republic.

Keywords: Lebanon, Syria, the Middle East, Taif agreements, public authority, conflict, crisis, confessionalism.

Ливанская Республика как страна и государство на протяжении последних десятилетий, начиная с Гражданской войны 1975 года, так или иначе преодолевала кризисные периоды в своей новейшей истории. По окончании Гражданской войны в 1990–1991 гг., после заключения Таифских соглашений и с трудом восстановленного внутреннего мира, Ливан, казалось бы, должен был развиваться в спокойной обстановке и согласии всех конфессиональных и национальных общин. Однако жизнь вносит свои коррективы, и мы периодически наблюдаем, что внутренний мир и спокойствие так и не возвратились на древнюю ливанскую землю.

Рассмотрим вначале наиболее очевидные причины такого положения. Они кроются как во внутренних проблемах и противоречиях самого ливанского общества, так и во внешних обстоятельствах, неблагоприятно складывающихся для страны в целом. Если вспомнить историю образования Ливанской Республики, годы борьбы за освобождение Ливана от французского мандата, принятие конституционного Национального пакта, то взгляд из нынешнего времени позволит более четко увидеть как сильные, так и слабые стороны созданной тогда политической системы страны.

Конфессиональный принцип, заложенный в Конституцию как основополагающий, на протяжении десятилетий в той или иной степени позволял решать важнейшую задачу поддержания стабильности политической власти и общественного согласия. Каждая из 17 основных религиозных общин Ливана обладает определенным влиянием на социальную политику и экономику страны. Общины привыкли уживаться и договариваться друг с другом по жизненно важным вопросам, научились «политическому искусству и терпимости, поставленным на службу своим материальным интересам»¹.

Краткий исторический экскурс, который напомним о формировании структуры политической власти в Ливане, необходим для понимания ее сложности и органичности.

Около четырех столетий Ливан входил в состав Османской империи как часть Большой Сирии. Ко времени межобщинных друско-маронитских столкновений 1841–1860 гг. относится первая попытка ввести в Ливане систему управления, основанную на принципе конфессионального представительства. В 1861 г. международная комиссия в составе Англии, Франции, России, Австрии, Пруссии

и Турции выработала Органический статут Ливана. Он предусматривал автономию Горного Ливана, назначение губернатором христианина и создание при нем совещательного органа из 12 представителей от религиозных общин. Статут действовал вплоть до 1915 г. и в период Первой мировой войны был отменен турецкими властями. После распада империи и окончания войны Сирия и Ливан стали зоной влияния Франции, которая в 1920 г. получила мандат от Лиги наций на управление Ливаном и Сирией². Главой государства Великий Ливан был назначен губернатор-француз, а при нем создан Административный комитет с совещательными функциями в составе 17 членов, представлявших различные религиозные общины страны. В 1922 г. Комитет был заменен Представительным советом из 30 избираемых от разных общин членов. Таким образом, конфессиональный принцип был сохранен. С самого начала этот принцип подвергался критике со стороны ряда политических и общественных деятелей, которые считали, что его используют мандатные власти как удобное средство политического контроля. Согласно мандату Лиги наций, французские власти должны были подготовить проект конституции для Ливана «в течение трех лет с момента вступления в силу этого мандата»³. В 1926 г. такой проект был внесен на рассмотрение Представительного совета и 23 мая того же года утвержден.

В начале Второй мировой войны – 21 сентября 1939 г. действие Конституции было приостановлено французскими властями. После капитуляции Франции перед гитлеровской Германией Ливан недолгое время пробыл под контролем итало-германской власти, но затем был освобожден войсками Англии и «Сражающейся Франции». 27 сентября 1941 г. генеральный делегат от «Сражающейся Франции» объявил об отмене мандата и провозгласил независимость Ливана⁴. В сентябре 1943 г. на основе Конституции 1926 г. была избрана палата депутатов. От победившего Конституционного блока президентом страны был избран маронит Бишара аль-Хури, премьер-министром был назначен суннит Рияд ас-Сольх. Эти политические деятели заключили Национальный пакт – компромиссное «джентльменское соглашение», легшее в основу политической системы, которая действует в Ливане по настоящее время. В первую очередь Национальный пакт был призван обеспечивать стабильность ливан-

ской Конституции. Он гарантировал сохранение политической независимости страны в ее нынешних границах и провозглашал братство всех ливанцев безотносительно к религиозным общинам. Основной тезис пакта – «каждый христианин должен чувствовать себя арабом, а мусульманин – ливанцем».

Противодействие французской администрации стремлению Ливана и Сирии к полной независимости вызвало общенародный протест, и 22 ноября 1943 г. их конституции были восстановлены, арестованные парламентарии освобождены, а этот день стал Днем независимости Ливанской Республики. В 7–14 статьях Конституции Ливана провозглашался ряд *всеобщих прав и свобод граждан*: свобода слова, печати, собраний, союзов, свобода совести и гарантии личной неприкосновенности. Понятно, что эти статьи Основного закона далеко не всегда применялись на практике, оговаривались различными условиями и т. д., но составляли его важнейшую часть.

В это же время независимости добился и сирийский народ. 24 января 1944 г. парламент Сирии принес присягу 1–115 статьям Конституции, отменив таким образом 116 статью, содержащую параграфы о подмандатном положении страны. Борьба против нахождения французских и английских войск в странах Леванта продолжалась еще до 1946 г., и по решению Совета Безопасности ООН завершилась полным выводом иностранных войск из Сирии и Ливана⁵.

Согласно Конституции, в основу ливанской экономической системы был положен режим «свободной экономики». 15-я статья провозглашала *неприкосновенность частной собственности* и ставила ее под защиту закона. Иностранный капитал получал широкие возможности инвестирования. В 1948 г. в стране был принят закон о тайне банковских вкладов, объявлен свободный валютный рынок и свободный перевод прибылей и капиталов за границу. За короткий период Бейрут превратился в один из мировых центров торговли золотом, иностранной валютой, сделок с ценными бумагами. В ливанской столице действовали около 80 банков, 103 страховые компании, множество торговых и посреднических фирм с участием ливанского и иностранного капитала. В стране возникла развитая туристическая отрасль. Все это называли ливанским «чудом», а страну «Ближневосточной Швейцарией». «Расцвет страны после 1952 года в значительной степени объяснялся разумной экономической поли-

тикой, которая была принята правительством Хури и постоянно проводилась и после него», – резюмировал К. Салиби⁶. В 60-х годах правящие круги Ливана стали вводить в практику политику «дирижизма» экономики, ее частичного регулирования. В результате появился государственный сектор экономики в виде железных дорог, электро- и водоснабжения, портового хозяйства и т. д.⁷

Длительная борьба ливанцев за независимость отразилась на их отношении к объединению с Сирией. Руководители христианских общин, в отличие от мусульман, были против такого объединения. Учитывая это, в Александрийском протоколе 1944 г. о создании Лиги арабских государств была специально подчеркнута необходимость уважения другими арабскими странами «независимости и суверенитета Ливана»⁸. Опасаясь утраты господствующих позиций в стране, светские и религиозные руководители христиан, в первую очередь, марониты, выдвигали идею создания лишь христианского Ливана в границах Горного Ливана времен Османской империи. Они считали, что, в соответствии с Национальным пактом, Ливану необходимо по-прежнему быть мостом между христианским Западом и мусульманским Востоком. Лидеры же мусульманских общин – суннитов и шиитов – желали объединения с Сирией.

Все эти сепаратистские настроения, однако, упирались в действующую Конституцию Ливана 1926 года, которая носит отпечаток французского буржуазного права и Конституции Французской Республики. Но в основном она отражала настроения самого ливанского народа. «Конституция Ливана явилась прочной основой политической жизни страны», – писал ливанский историк Камаль Салиби⁹. На это указывается и в книге исследователя ливанской государственности Е.Н. Мельникова «Политический и государственный строй Ливана» (1974 г.). Он приводит слова французского профессора П. Рондо о том, что все специфические положения Конституции были санкционированы членами Представительного совета: статья о профессиональном представительстве была принята 121 голосом из 132, а статья о распределении министерских и любых других постов в госаппарате Ливана – 100 голосами¹⁰. Тем не менее лидеры мусульманских общин довольно негативно отнеслись к созданию христианско-мусульманского государства в Ливане, предпочитая присоединение к Сирии, конституция которой разрабатывалась в это время.

Ливанская конституция устанавливала республиканскую форму правления с двухпалатным парламентом: палатой депутатов и сената. Президент должен был избираться обеими палатами на совместном заседании сроком на 3 года, а Совет министров назначался президентом. При этом в конституции в особых статьях оговаривались полномочия мандатных властей, которые определяли внешнюю политику, оборону и финансовые интересы страны. Но уже в 1927 г. верховный комиссар принял первую поправку к конституции, упразднив сенат и расширив права президента страны. В 1929 г. роль президента была усилена еще больше. Срок его полномочий был продлен до шести лет. Все эти изменения происходили на фоне сильного народного недовольства и выступлений против мандатных властей. Верховный комиссар маневрировал, то урезая полномочия ливанцев, вплоть до введения временной конституции, то восстанавливая (4 января 1937 г.) Конституцию 1926 г. вместе с поправками. После изгнания из Ливана и Сирии немецко-фашистской администрации, в ноябре 1943 года ливанский парламент принял решение об отмене в конституции всех статей, несовместимых со статусом суверенного государства. Заключенный президентом и премьер-министром Национальный пакт (это устное христианско-мусульманское соглашение) до сих пор является основой конфессиональной системы, действующей в Ливане. Законодательная система страны регулирует сроки действия органов власти и их полномочия, не затрагивая основных положений конституции.

«Анализируя внесенные в конституцию поправки, – заключает Е.Н. Мельников в своем исследовании, – следует признать, что они не изменили основных принципов западного буржуазного права, заложенных в конституцию в 1926 г. Это дает основание утверждать, что в настоящее время Ливан является единственной арабской страной, которая сохранила свою довоенную конституцию. Более того, во многих арабских государствах даже конституции, принятые после войны, уже заменены новыми»¹¹. Другой исследователь, Л.Я. Дадиани, отмечает: «Наличие Национального пакта приводит к тому, что конституция Ливана представляет собой очень жесткий Основной закон: ни одно из основных положений конституции не может быть изменено без того, чтобы не было нарушено установленное в 1943 году равновесие сил»¹².

Здесь уместно сравнить сохраняющую буржуазно-демократический характер Конституцию Ливана с чередой конституционных изменений, произошедших в Сирии в 60–70-е годы. Военные перевороты, принятие новых конституций, курс на арабское единство, объединение с Египтом в ОАР, выход из него, приход к власти в Сирии Партии арабского социалистического возрождения (БААС, или ПАСВ), авторитарные методы управления и многое другое привели к негативным изменениям в политической, социальной и экономической жизни страны. Прямым следствием этого явилась нынешняя многолетняя гражданская война и угроза распада Сирии как государства. С течением времени разница между политическим развитием Сирии и Ливана становилась все более явной.

С самого начала в основу системы высших органов государственной власти Ливана (впрочем, как и Сирии) был положен *принцип разделения властей*. При этом со временем преобладающее значение получила исполнительная власть. Другим характерным принципом ливанской конституционной системы, как уже говорилось, является *конфессионализм*, конфессиональный парламентаризм. Показательно в этом плане, что в Основном законе Ливана, в отличие от конституций других арабских стран, в том числе Сирии, ислам не объявлен государственной религией. Двойственный характер конфессионализма отмечали многие ученые и политики. Конечно, он закрепляет архаичные обычаи и социальное неравенство, тормозит развитие надрелигиозных политических партий и общественных организаций, но в то же время «дает возможность ливанцам жить в обстановке относительного гражданского мира... о чем некоторые из соседей Ливана могли бы только мечтать», – отмечал известный французский ученый Морис Дюверже еще в 60-х гг. прошлого века¹³.

Закрепление конфессионального принципа в правовых нормах Национального пакта находилось в явном противоречии со статьей 12 Конституции, где каждому ливанцу гарантировался «доступ ко всем публичным должностям в соответствии с его заслугами и способностями». Коллизия состоит в том, – писал Е.Н. Мельников, – что... представители отдельных общин могут вступать лишь в те должности, которые предоставлены их религиозной общине¹⁴. Этот принцип положен в основу избирательной системы и комплектования всех государственных органов. На протяжении последних десятилетий

мусульманские общины пытались добиться изменения конфессиональных норм в свою пользу, пересмотра общей квоты для христиан и мусульман в госаппарате на основе обновленной переписи населения (последняя официальная перепись населения была в 1932 г. – *прим. авт.*). И это было главной причиной нестабильности политического устройства современного Ливана, «неэффективности и коррупции» всех этажей госаппарата, по мнению многих ливанских ученых и политиков.

Большие проблемы для Ливана с 60-х годов прошлого века создавали многочисленные лагеря палестинских беженцев, которыми руководили вооруженные отряды Палестинского движения сопротивления (ПДС). Их конфронтация с Израилем и вмешательство в политическую жизнь обостряли внутреннюю напряженность в стране. Многочисленные конфликты палестинских боевиков с ливанскими правохристианскими силами из-за влияния на политику страны широко известны. После вывода из Ливана в Тунис в 80-е годы преобладающей части отрядов ПДС количество палестинских беженцев в стране продолжало расти и в 1995 г. уже составляло 400–450 тыс. чел.¹⁵ Российский историк-востоковед Р.Г. Ланда полагает, что присутствие палестинцев, 90% которых были суннитами, серьезно повлияло на хрупкое равновесие общин Ливана. При этом мусульмане – шииты и сунниты – отличались более высокой рождаемостью по сравнению с христианами, а большое число христиан, в основном маронитов, из-за напряженной, конфликтной обстановки на родине эмигрировали в разные страны¹⁶.

Таким образом, из года в год возрастала диспропорция в конфессиональном составе населения Ливана в пользу мусульман. Она проявлялась в массовых выступлениях приверженцев тех или иных общин, которым покровительствовали внешние силы и, в первую очередь, Сирия. Выступления перерастали в вооруженные столкновения и убийства крупных политических деятелей: в 1977 г. был убит дружеский лидер, глава Прогрессивно-социалистической партии Камаль Джумблат; в 1978 г. – лидер Палестинского движения сопротивления в Ливане Абу Хасан; в 1982 г. взорван лидер партии «Катаиб» Башир Жмайель; в 1987 г. – премьер-министр Рашид Караме, символ борьбы ливанцев за единство и национальное согласие; в 2005 г. взрывом бомбы убиты премьер-министр в отставке, влиятельный

политик-суннит Рафик аль-Харири и десятки ливанцев¹⁷. Это далеко не полный перечень жертв. Почти всегда в этих преступлениях разные стороны обвиняли или Израиль, или Сирию.

Убийство Р. аль-Харири вызвало широкий резонанс в мире. Обвинения в адрес сирийского руководства, в том числе и в ООН, привели к полному выводу сирийских войск из Ливана. Авторитет аль-Харири в Ливане и в арабском мире был высок благодаря его вкладу в успешное завершение переговоров в Ат-Таифе в 1991 г., положивших конец гражданской войне, и в восстановление экономики страны. Р. аль-Харири занимал пост главы правительства Ливана в общей сложности около 10 лет. Он добился увеличения численности национальной регулярной армии, много сделал для возрождения разрушенной войной экономики и инфраструктуры городского хозяйства, привлек большую иностранную помощь и инвестиции. Он имел репутацию опытного политика и дипломата, не желавшего ни с кем вступать в конфронтацию. При нем стала больше цениться не этнорелигиозная, конфессиональная принадлежность, а ливанское происхождение людей, в частности специалистов и профессионалов.

Знаковым событием в изменении конфессиональных пропорций в ливанском законодательстве следует считать Ат-Таифские соглашения. Созданная в 1989 г. Высшая арабская комиссия созвала в саудовском городе Ат-Таиф совещание большинства депутатов ливанского парламента. На нем была принята Хартия национального согласия, положившая конец многолетней гражданской войне. Это соглашение провозглашало Ливан «отечеством всех его сынов... арабским по его принадлежности и идентичности». В нем подчеркивалось, что «любая власть, выступающая против сосуществования общин», незаконна, ибо источником ее легитимности является разделение властей между общинами. Полномочия президента-маронита частично сокращались в пользу премьер-министра (суннита) и председателя парламента (шиита). Важнейшим изменением стало избрание равного количества депутатов в парламент от христианских и мусульманских общин (в отличие от прежнего их соотношения 5:6). Соглашение предусматривало также особые отношения между Ливаном и Сирией. Они были закреплены в «Договоре о братстве, сотрудничестве и координации» и в «Пакте о безопасности»¹⁸. Однако шиитские лидеры Ливана посчитали, что справедливого представ

вительства в парламенте они не получили. Свое недовольство соглашением в Ат-Таифе выражали также некоторые друзские и маронитские политические деятели, такие как генерал Мишель Аун и Валид Джумблат. Однако Ливану мир был жизненно необходим.

Ливанцы разного вероисповедания, социального происхождения и места проживания по-разному относились друг к другу во время и после гражданской войны. То положение Ат-Таифских соглашений, где говорилось о полном разоружении всех ливанских партий и движений, так и не было выполнено. Но, как отмечает Р.Г. Ланда, «все эти настроения не привели к развалу ни конфессиональной системы, ни политической целостности страны». Этот тезис он подкрепляет доводами исследователя Ю.В. Агавельян: «На примере Ливана видна гибкость и высокая степень адаптации его к современным условиям политической жизни и требованиям, выдвигаемым экономикой и мировой системой хозяйственных связей»¹⁹.

К началу 2000-х годов не только внутренние, но и внешнеполитические силы проявили заинтересованность в стабилизации положения в Ливане, учитывая его стратегическое положение и историческую роль посредника между Востоком и Западом, надежного финансово-экономического и торгового партнера. Несмотря на возрастание реального веса и абсолютной численности мусульман, политическая и экономическая роль христианских общин Ливана остается значительной, а марониты сохраняют свое влияние и на экономику, и на политику страны. Об этом свидетельствует курс на «обеспечение “привлекательности” страны для внешних инвестиций, отсутствие каких-либо барьеров для экономического сотрудничества как с региональными, так и с “внерегиональными” государствами; возрождение статуса финансово-банковского центра региона»²⁰.

Укорененность в обществе принципа конфессионализма влияет не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику Ливана. Его правительство и парламент вынуждены проводить компромиссную внешнюю политику с учетом международной ориентации отдельных общин. Эта традиция соблюдается до сих пор и особенно заметна в официально нейтральной позиции Ливана по отношению к гражданской войне в Сирии. Игнорируя эту позицию, боевые отряды ливанского шиитского движения «Хизбалла», вооруженные «до зубов» иранскими властями, ведут непримиримую борьбу на сирийском фронте

с экстремистскими суннитскими группировками типа ИГ, «Джабхат ан-Нусра» и другими, а на юге Ливана с Израилем, не считаясь с понесенными потерями. Ради достижения своих целей они координировали антиизраильские акции с суннитскими боевиками ПДС и с рядом экстремистских организаций ливанских суннитов. Исламистские группировки из Сирии периодически отходили на территорию Ливана для пополнения личного состава, перевооружения и подготовки новых акций. Развязанная «Хизбаллой» война на ливано-израильской границе в июле 2006 г. стоила Ливану больших человеческих жертв и разрушений. При этом в Израиле признавали не только высокий уровень оснащенности шиитских боевых формирований, но и их сплоченность, боевой дух и религиозную мотивацию. С началом гражданской войны в Сирии «Хизбалла» активно включилась в защиту режима Башара аль-Асада. Ее отряды влились в состав сирийской армии и с самого начала гражданской войны до сих пор воюют с оппозиционными силами разных направлений.

В настоящее время очевидно, что суннитская и шиитская общины Ливана поменялись местами: если раньше сунниты обладали гораздо большим политическим весом, то после убийства Р. аль-Харири сила и влияние в стране, в том числе военное, перешли к шиитам. Их лидер шейх Хасан Насралла неоднократно заявлял о защите прав палестинцев и необходимости союза всех мусульман. Массовые беспорядки, теракты, нападения на армейские подразделения, прокатившиеся в это время по стране, начиная с Триполи, показали такую особенность ситуации, как «отсутствие конфессиональной подоплеку конфликта». Это выразилось в том, что просуннитские организации устраивали беспорядки в городах с большинством суннитского населения, отметил А.В. Сарабьев. Но к маю 2007 г. национальная причина кризиса в Ливане также оказалась размытой многонациональным составом боевых групп, в которые входили сирийцы, палестинцы, саудовцы, йеменцы, алжирцы, марокканцы и другие²¹. В итоге суннитским экстремистам не удалось закрепиться в Ливане по причинам преимущества и политической организованности шиитов, независимой позиции друзов и неприятия исламизма христианскими общинами.

Отмечая значительную неустойчивость внутривосточного положения в Ливане, Е.Н. Мельников выделил такие факторы, как

усиление роли политических партий, которые в кризисные моменты проявляют особую активность. Он объяснял это ослаблением конфессионального давления снизу. И усилением чисто политических межпартийных разногласий, добавим мы. Вторым фактором он назвал неэффективность привлечения сил армии и полиции в качестве традиционных методов подавления недовольства населения низким уровнем жизни. Оба эти фактора действуют до сих пор, чему свидетельством являются затяжные внутривнутриполитические кризисы или протестные массовые выступления ливанцев. Однако этим причины неустойчивости ливанской власти не исчерпываются.

Ряд ливанских экономических экспертов левого направления считают, что преодоление отсталости экономики страны и повышение уровня жизни людей невозможны без изменения структуры самой экономики в пользу развития промышленности и аграрных преобразований социалистического толка²². В определенной степени они правы, но такие предложения не выходят за рамки теоретических размышлений. Экономика Ливана имеет рыночный, капиталистический характер. Но ее основу составляет финансовый сектор, а промышленность и сельское хозяйство, по современным меркам, развиты слабо. Изменить такое положение может консолидация политической воли правящих элит страны.

Мы наблюдаем две тенденции в развитии многоконфессионального ливанского общества. С одной стороны, постоянную и довольно ожесточенную борьбу за лидирующую роль внутри каждой из христианских и мусульманских общин и, в целом, за соперничество мусульман и христиан за власть. С другой стороны, все яснее проявляется тенденция к осознанию ливанцами своей идентичности, необходимости сохранения конституционных основ своего государства. И эта вторая тенденция дает основания надеяться на то, что Ливанская республика избежит участи своего кровного соседа – Сирии, не допустит раскола общества и второй гражданской войны. Примером этого является ситуация, проявившаяся во время президентских выборов в 2007–2008 гг. У президента Ливана генерала Эмиля Лахуда истек срок полномочий. Большинство депутатов парламента объединилось в партийный блок вокруг компромиссной фигуры генерала Мишеля Сулеймана. Этот блок представлял суннитские, маронитские и друзскую партии. В оппозиционный блок меньшинства вошли

шиитские партии «Хизбалла» и «Амаль», а также Свободное патристическое движение (СПД) во главе с генералом Мишелем Ауном. Обе коалиции имели разную внешнеполитическую мотивацию. Первые стремились ослабить позиции Сирии и Ирана в Ливане, вторые делали упор на борьбу с Западом, США и Израилем. После длительных споров, дошедших до столкновений, противники отодвинули в сторону внутриполитические разногласия. С трудом компромисс был все-таки ими достигнут, и президентом был избран М. Сулейман. Это позволило на некоторое время успокоить разные слои общества.

В качестве вывода стоит привести здесь слова из книги о Ливане Р.Г. Ланды, касающиеся особенностей ливанского общества. Он пишет: «Ливан – удивительная страна, где вестернизация сочетается с клановостью и религиозностью, прогрессивные убеждения – с мистицизмом, а безусловная модернизация – с ретрадиционализацией, вызванной, с одной стороны, подрывом позиций старой элиты и ее ценностей, с другой – протестом против глобализма Запада... Это в какой-то мере объясняет пассивность многих партий Ливана и их лидеров: они предпочитают не делать решительных шагов, например, в деле избавления страны от конфессионализма, от традиционного наследия и т.п., не желая в дальнейшем нести ответственность за возможные негативные последствия преобразований, которых все ждут, но их же боятся, тем более – в условиях нестабильности, хаотичности и непредсказуемости «арабской политической весны»²³. Добавим к этому, что ливанцы, имея многовековой опыт тесного общения со многими народами и их культурой, обладают большей способностью усваивать плоды модернизации, чем другие ближневосточные страны.

Модернизация всех сфер жизни в современном Ливане происходит в форме вестернизации и глобализационных процессов, охвативших мировую экономику, включая технический и научный прогресс, а также социальные отношения и культуру. Это подрывает полуфеодалные, традиционные основы и ценности, на которые опирается старая местная элита и широкие слои населения. Невозможно также преувеличить воздействие внешних сил регионального и мирового уровня: США, Западной Европы, России, Израиля, Ирана, Турции, Саудовской Аравии и других, – борющихся за влияние на Ближнем Востоке.

Все упомянутые причины неустойчивости власти в Ливане, совершенно очевидно, невозможно устранить в короткой перспективе. Их можно смягчать с помощью реформирования политических, социальных и экономических отношений, сохранения нейтралитета и невмешательства в сирийский конфликт. Как верно отметил Р.Г. Ланда, «ливанцы, несомненно, обрели в XX веке ценный политический и духовный опыт, многому их научивший. В массе своей они высказываются за демократию (81%), против совмещения политического и религиозного лидерства...»²⁴. Разделение на два политических блока, несомненно, облегчает манипулирование ими ливанскими игроками. Поэтому, чтобы достичь консенсуса в важнейшем вопросе суверенитета и целостности Ливанского государства, сторонам, борющимся за власть, приходится договариваться и идти на компромиссы.

¹ Хисамов Р. Религиозные общины Ливана и их влияние на политическую жизнь страны. 16.11.2012. URL: https://islam-today.ru/politika/religioznye-obshhiny_livana_i_ix_vliyaniye_na_politicheskuyu_zhizn_strany/

² Мельников Е. Н. Политический и государственный строй Ливана. М.: Наука, ГРВЛ. 1974. С. 5–6.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Оганесян Н. О. Образование независимой Сирийской республики (1039-1946 гг.). М.: Наука. 1968. С. 113–114.

⁶ Салиби, Камаль С. Очерки по истории Ливана. М.: Прогресс. 1969. С. 282.

⁷ Мельников Е. Н. Политический и государственный строй Ливана. С. 11–13; Дадияни Л. Я. Государственный строй Ливана. М., 1973. С. 11.

⁸ Мельников Е. Н. Политический и государственный строй Ливана. С. 22–23.

⁹ Салиби, Камаль С. Очерки по истории Ливана. С. 245.

¹⁰ Мельников. Е. Н. Политический и государственный строй Ливана. С. 59–60.

¹¹ Там же. С. 67.

¹² Дадияни Л. Я. Государственный строй Ливана. С. 40.

¹³ Мельников. Е. Н. Политический и государственный строй Ливана. С. 72.

¹⁴ Там же. С. 72.

¹⁵ Ланда Р. Г. История Ливана. XX век. М.: ИВ РАН, 2016. С. 191.

¹⁶ Там же. С. 90.

¹⁷ Там же. С. 145, 152, 168, 252.

¹⁸ Там же. С. 172, 182.

¹⁹ Там же. С. 185; Агавельян Ю. В. Некоторые особенности этноконфессиональной и социальной структуры ливанского общества в 70-90-е годы // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М., 1999. Вып. 3. С. 8–10.

²⁰ Печуров С. Л. Арабский Восток: от «весны» к хаосу? М.: ИВ РАН, 2013. С. 48.

²¹ Сарабьев А. В. Ситуация в Ливане: системность конфликта и бессистемность решений // Ближний Восток и современность. М., 2007. С. 268–269; Ланда Р. Г. История Ливана. С. 210–211.

²² Кутейш, Муфид Али. Критика буржуазных концепций экономического развития современного Ливана / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М.: МГУ. 1982. С. 17.

²³ Ланда Р. Г. История Ливана. С. 228–229.

²⁴ Там же. С. 229.

Динамика развития отношений Турции с азиатскими региональными организациями

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-085-115

Аннотация: В статье исследуется эволюция отношений Турции с азиатскими региональными организациями, а именно: Организацией исламского сотрудничества (ОИС), Организацией экономического сотрудничества (ОЭС) и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). Турция придает этим организациям большое значение и своим участием преследует ряд собственных задач.

Ключевые слова: Турция, арабские страны, ОЭС, ШОС, ОИС.

Ivanova I.I.

Dynamics of the Development of Turkey's Relations with Asian Regional Organizations

Abstract: This article investigates the evolution of Turkey's participation in the Asian regional organizations: Organization of Islamic Cooperation (OIC), Organization for economic cooperation (OEC) and Shanghai cooperation organization (SCO). Turkey attaches great importance to these organizations and by this participation pursues its own interests.

Keywords: Turkey, Arabic countries, OEC, SCO, OIC.

Международные связи наших дней, хотя и ведут, с одной стороны, к глобальному сотрудничеству, с другой стороны, нередко становятся причиной сближения отдельных стран в различных регионах и специфических подсистемах. Будь то организация на региональном или глобальном уровне, на первый план выходят задачи по обеспечению экономического развития, взаимобезопасности и противостояния агрессии.

1) Мы остановимся на исследовании участия Турции в азиатских региональных организациях: (ОИС)**стать влиятельной силой в центрально-азиатском регионе;

- 2) расширить и сохранить свое влияние в регионе;
- 3) стать участником наиболее влиятельных организаций региона;
- 4) играть активную роль в делах влиятельных региональных объединений;
- 5) развивать свои потенциальные возможности становления региональной державой.

Остановившись на вопросе участия Турции в ОИК, можно утверждать, что с конца 60-х годов XX в. до начала XXI в. политика Турции в исламском движении претерпела серьезную эволюцию. Она прошла в своем развитии ряд важных этапов.

Первый – с 1969 по 1975 г., когда турецкая сторона принимала участие в работе конференций ОИК скорее в роли наблюдателя, чем активного члена, а турецкую делегацию возглавлял чиновник более низкого ранга, чем того требовал уровень конференции.

Второй – с 1975 по 1979 г., отмеченный стремлением турецких правящих кругов использовать мусульманские форумы для того, чтобы заручиться поддержкой их участников по особо важным для Турции проблемам: экономическим связям с арабскими странами, вопросу о Кипре, турецко-греческим разногласиям по поводу Эгейского моря и т. д. С 1975 г. Турцию на конференциях представлял дипломат соответствующего ранга, а турецкие руководители начали делать известные заявления, позитивно воспринятые исламскими государствами.

Третий этап участия Турции в ОИК (с 1980 по 90-е годы) начался с конференции в Марокко, когда Турция впервые пошла на осуждение кэмп-дэвидских соглашений, на ряд мероприятий, укрепивших ее место в исламском мире и на Ближнем Востоке и давших Турции ряд экономических и политических выгод, которых она настойчиво добивалась.

И, наконец, новый этап начался с приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития в 2002 г.

Рассматривая эти периоды, следует указать, что вопрос об участии Турции в первой мусульманской конференции на высшем уровне в Рабате (сентябрь 1969 г.), созванной по поводу поджога мусульманской святыни – мечети Аль-Акса в Иерусалиме, широко дискутировался в турецких политических кругах. Получив приглашение в Рабат, турецкие лидеры оказались в щекотливом положении:

с одной стороны, они не желали ухудшения отношений с Израилем, а также с Западом, а с другой – опасались, что неучастие в конференции скажется резко отрицательно на перспективе отношений Турции с арабским, а также со всем исламским миром. Во время развернувшейся в политических и деловых кругах Турции и на страницах прессы дискуссии ряд видных политических деятелей заняли негативную позицию по вопросу участия Турции в исламском форуме. В частности, против выступило большинство турецких послов, аккредитованных в арабских странах. Они считали, что участие в конференции заставит Турцию пойти на уступки исламскому миру в религиозных вопросах и может поколебать принципы светской республики, заложенные ее основателем К. Ататюрком. Такой же подход был характерен и для ряда представителей Народно-республиканской партии, политических деятелей и начальника Генштаба, подчеркивавших, что для Турции выгоднее сохранить большие возможности для маневрирования на Ближнем Востоке, которые могут быть ограничены явным ассоциированием с мусульманским миром¹.

Руководители некоторых арабских стран дали понять, что представительство Турции на конференции весьма желательно; послы Саудовской Аравии и Иордании имели встречу с генеральным секретарем турецкого МИД О. Эральпом, во время которой подчеркнули, что «участие Турции в конференции будет иметь значение для всего арабского мира»².

В конечном итоге, принимая во внимание стремление развивать турецко-арабские отношения, укрепить престиж страны в мусульманском мире, где идея конференции получила большой резонанс, а также учитывая настроения мусульманских масс в самой Турции, руководство согласилось на участие в исламском форуме. Комментируя это решение, бывший в то время премьер-министром С. Демирель указал, что данная конференция в своей основе политическая, а не религиозная, и что, следовательно, участие в ней Турции не противоречит Конституции, по которой Турция является светским государством. Демирель добавил, что на конференции Турция будет обсуждать лишь вопрос о поджоге мечети Аль-Акса и проблему Иерусалима³.

На Рабатской конференции Турция возглавила вместе с шахским Ираном группу стран, которые стремились не допустить вов-

лечения мусульманских государств в дискуссии по арабо-израильскому конфликту, что препятствовало выработке окончательной декларации. Турецкая делегация категорически отказалась рассматривать иные вопросы помимо тех, ради которых она была приглашена. Во время встреч с представителями других стран и в кулуарных беседах глава турецкой делегации – министр иностранных дел И. Чаглаянгиль неизменно давал понять, что Турция не пойдет на осуждение Израиля⁴. После принятия итоговой резолюции Турция и Иран не скрывали, что они голосовали против своего желания за ту часть окончательного текста заявления, которая обязывает их поддержать палестинский народ в его борьбе за национальное освобождение⁵. Даже турецкая пресса оценила позицию Турции на конференции как «непоследовательную», ибо, приехав после многочисленных дебатов на исламский форум, турецкая делегация решительно выступила против осуждения Израиля и расширения повестки дня конференции⁶.

Накануне открытия первой конференции министров иностранных дел мусульманских стран в Джидде (март 1970 г.) в турецких политических кругах вновь завязалась острая дискуссия по вопросу участия в ней Турции.

Недовольство участием Турции в исламских форумах высказывало и израильское руководство: выступая в Кнессете, министр иностранных дел Израиля Абба Эбан обвинил Турцию в «сближении с арабами»⁷. В конечном итоге, не желая вновь оставаться в стороне от мусульманского мира, турецкие лидеры были вынуждены направить в Джидду делегацию, однако был послан не министр иностранных дел, как того требовал уровень конференции, а генеральный секретарь турецкого МИД О. Эральп. На конференции делегация выступила против создания Постоянного секретариата мусульманских стран, в котором она якобы увидела прообраз «исламского пакта», что противоречило, по ее утверждениям, светскому характеру турецкого государства⁸. В действительности же Турция в этот период была еще не готова идти на более тесное сближение с исламским миром, и уже само участие в конференциях рассматривалось ее руководителями как существенная уступка этому миру. На конференции в Джидде турецкая делегация также резко отрицательно отнеслась к идее учреждения в мусульманских странах представи-

тельства Организации Освобождения Палестины⁹. Конференция закончилась принятием решений о создании Постоянного секретариата с центром в Джидде, необходимости выполнения резолюции № 242 Совета Безопасности ООН. Страны, участвовавшие в конференции, призывались оказать материальную и моральную поддержку палестинскому народу.

Глава турецкой делегации сделал ряд оговорок, подчеркнув, что турецкая сторона принимает резолюции конференции, лишь в той степени, в какой они «соответствуют... основам турецкой внешней политики»¹⁰. Турецкие лидеры выступили против многих решений конференции и даже пытались склонить арабский мир к проведению более мягкой политики в отношении Израиля¹¹.

О решимости развивать и впредь дружественные отношения с Израилем заявил по возвращении с Лахорской конференции исламских стран на высшем уровне (февраль 1974 г.) министр иностранных дел Турции Т. Гюнеш. Одновременно он подчеркнул, что конференция в Лахоре еще раз доказала «тесные узы, связывающие Турцию со всем мусульманским миром»¹².

Подобная линия практически проводилась турецкими руководителями на всех конференциях мусульманских стран вплоть до 1975 г.: турецкий представитель (как правило, рангом ниже, чем того требовал уровень конференции) решительно выступал против резких определений в адрес Израиля, против официального признания ООП и открытия ее представительства в ряде стран.

По мере дальнейшего развития тенденций к большей самостоятельности турецкой региональной политики, изменения ситуации в мире, а также в регионе, менялся подход турецких руководителей к исламскому движению и к исламским конференциям. Если первоначально дискутировался сам вопрос об участии Турции в мусульманских форумах, то постепенно турецкие лидеры, начиная осознавать потенциальную выгоду подобного участия и надеясь использовать его в интересах Турции, а также учитывая возрастающее влияние «исламского фактора» на международные отношения, стали рассматривать исламские конференции под новым углом зрения, охотно посылая туда своих представителей.

Новый этап отношений Турции с ОИК начался с середины 1970-х годов, когда значительное возрастание роли исламских стран в ООН

и на мировой арене было вовремя и в достаточной степени оценено в Турции, рассчитывавшей на поддержку ОИК по кипрскому вопросу и развитие экономических связей с мусульманским миром. Турецкая дипломатия сумела включить рассмотрение кипрского вопроса в повестку исламских конференций. Если на Рабатской конференции 1969 г. эта проблема, по существу, интересовала в ОИК лишь Турцию, то на VII конференции министров иностранных дел мусульманских стран в Стамбуле (май 1976 г.) он впервые был включен в повестку дня. Данная конференция открыла новый этап в отношениях Турции с ОИК. Уже сам факт проведения форума в Стамбуле свидетельствовал об углублении заинтересованности Турции в связях с ОИК. На этой конференции турецкое правительство сделало два важных шага: во-первых, Турция официально объявила о своем намерении стать полноправным членом ОИК и принять ее устав (от подобных действий, как было отмечено, турецкое руководство ранее усиленно уклонялось); во-вторых, турецкая сторона дала согласие открыть представительство Организации Освобождения Палестины в Турции¹³. В результате Турции удалось добиться включения в резолюцию конференции положений, свидетельствовавших о поддержке мусульманскими государствами ее подхода к кипрскому вопросу¹⁴.

VIII Исламская конференция в Ливии (Триполи, май 1977 г.) на уровне министров иностранных дел подтвердила политическое равенство двух общин «Турецкого федеративного государства Кипр» и призвала к экономической поддержке турецко-кипрских мусульман. На X конференции министров иностранных дел в Марокко (май 1979 г.) была уже принята специальная резолюция по Кипру (с большим удовлетворением воспринятая в Турции), в которой исламские страны обязались приложить все усилия, чтобы турецкая община на Кипре «могла получить международную поддержку». Исламские страны брали также обязательство оказывать туркам-киприотам необходимую экономическую помощь¹⁵.

К началу 1980-х годов Турции удалось использовать участие в ОИК и для некоторой стабилизации своей экономики. Турция стала активным участником Исламского банка развития: она получала от него немалые кредиты и с его помощью могла отправлять своих специалистов в арабские страны. В июле 1978 г. в Анкаре был создан Центр статистических, экономических, социальных исследований

и обучения в мусульманских странах, он стал собирать и обрабатывать все данные, касающиеся экономического развития стран-членов ОИК. Осенью 1977 г. в Стамбуле по инициативе Турции достаточно результативно для турецких правящих кругов прошла конференция торговых палат стран ОИК, которая характеризовалась в турецкой прессе как важный шаг в направлении создания «исламского общего рынка»¹⁶. Таким образом, турецкие руководители рассматривали экономическое сотрудничество мусульманских стран как мощный стимул развития турецкой экономики.

На X конференции министров иностранных дел мусульманских стран в Марокко (Марракеш, май 1979 г.) турецкие руководители были вынуждены более четко определить позицию страны в отношении развития событий на Ближнем Востоке. Еще накануне открытия конференции турецкие дипломаты высказывали вполне обоснованные, с их точки зрения, сомнения и колебания, а поскольку на конференции ожидалось присутствие лидера турок-киприотов Р. Денкташа и с учетом намеченной на 17 мая 1979 г. его встречи с Киприану, было чрезвычайно важно получить от исламского форума выражение поддержки Турции по кипрскому вопросу, а для этого Турции пришлось, помимо ее желания, более четко определить свой подход к политике Израиля, к ООП, кэмп-дэвидскому соглашению, Египту и т. д.¹⁷

Как подчеркивалось в турецких политических кругах, положение правительства было чрезвычайно сложным, и прежде всего это касалось позиции в отношении Египта, заключившего соглашение с Израилем. До этого времени Турция не присоединялась к радикальным резолюциям: на словах она поддерживала «справедливое дело арабских народов и палестинцев», а фактически уклонялась от осуждения линии А. Садата и не собиралась разрывать дипломатические отношения с Израилем.

Несмотря на известные колебания, Турция, как и ожидалось, была вынуждена на конференции в Марокко занять сторону большинства по вопросу о Египте и по палестинской проблеме, проголосовав за замораживание членства Египта в ОИК. На конференции министр иностранных дел Турции выразил сомнения турецкого руководства относительно того, что египетско-израильский сепаратный договор откроет путь к справедливому миру, подчеркнув, что корень разрешения ближневосточного конфликта – в урегулировании палестинского

вопроса. Окчун также призвал мусульманский мир подтвердить еще раз поддержку турецкой позиции по Кипру¹⁸.

Таким образом, на конференции Турция уже не смогла придерживаться «среднего» пути: она оказалась перед необходимостью сделать новые шаги в сторону арабских стран. В 1979 г. правительство Эджевита открыло, наконец, представительство ООП в Анкаре¹⁹. Подобный курс был продолжен и после военного переворота 12 сентября 1980 г. В программном заявлении нового руководства подчеркивалось, что Турция намерена развивать и укреплять дружественные отношения с братскими исламскими странами²⁰.

19–21 сентября 1980 г. в Марокко (Марракеш) проходила чрезвычайная конференция министров иностранных дел мусульманских стран, посвященная, по существу, одному вопросу – незаконному провозглашению Израилем (в июле 1980 г.) Иерусалима своей столицей. Конференция одобрила резолюцию с требованием исключить Израиль из всех организаций ООН.

Это было первое участие нового турецкого руководства в широком международном форуме, что в известной мере обязывало его показать свою политическую платформу в отношении наиболее острых для исламских стран проблем.

Позиция турецких представителей на конференции продемонстрировала эволюцию в их политике – явный крен в сторону арабского и мусульманского мира. Достаточно сравнить те сомнения и колебания, с которыми турецкие руководители ехали в Рабат в 1969 г., боясь малейшего критического высказывания в адрес Израиля, с их активным участием во встрече в Марракеше, собравшейся для того, чтобы осудить аннексионистские действия израильского правительства. Министр иностранных дел Турции И. Тюркмен, возвратившись из Марокко, указал, что Турция полностью поддерживала меры, намечаемые мусульманскими странами в целях воспрепятствовать провозглашению Иерусалима столицей Израиля. Тюркмен также подчеркнул, что министры иностранных дел мусульманских стран «прекрасно встретили новое турецкое руководство»²¹. Вскоре Турция пошла на шаги, которых от нее невозможно было ожидать даже в середине 70-х годов: она снизила свои дипломатические отношения с Израилем до уровня представителя посольства в ранге второго секретаря.

Участие Турции в III Исламской конференции на высшем уровне (1981 г.) в Ат-Таифе (Саудовская Аравия) еще раз подтвердило тот факт, что турецкие лидеры достаточно эффективно начали использовать мусульманские форумы для достижения своих целей, и в первую очередь для укрепления связей с арабскими странами. На конференции турецкая сторона сделала особый упор на проблеме Иерусалима. Подтвердив с трибуны конференции верность Турции «традиционным братским узам с арабским миром», премьер-министр Б. Улусу призвал к совместным действиям, чтобы заставить Израиль освободить Иерусалим. Речь Улусу вызвала бурное одобрение исламских стран²².

В последующие годы турецкое правительство активизировало попытки использования ОИК в своих прагматических целях. На конференциях ОИК турецкая делегация неизменно вела переговоры с представителями арабских стран, в ходе которых обсуждались экономические, политические, а подчас и военные аспекты сотрудничества²³. Новые турецкие руководители полностью поддерживали идею предыдущего руководства относительно создания Союза торговых и промышленных палат мусульманских стран, а также всячески содействовали проведению в стране различных конференций в рамках ОИК. Например, осенью 1981 г. в Турции состоялась конференция исламских стран по развитию сельского хозяйства. Выступивший на ней Т. Озал, бывший в то время заместителем премьер-министра, призвал к согласованным действиям мусульманских стран и особо подчеркнул важность экономических связей Турции и Арабского Востока²⁴.

Турция активно расширяла свою деятельность в Исламском банке развития (ИБР), пытаясь получить от него все большие кредиты и субсидии. Примечательно, что объем кредитов существенно возрос уже в начале 1984 г. ИБР согласился предоставить Турции кредит в размере 750 млн долл., большая часть которых предназначалась для финансирования экспорта²⁵.

Для укрепления своего престижа в мусульманском движении Турция согласилась открыть в Стамбуле и Анкаре следующие организации ОИК: «Центр по исследованию мусульманской истории, культуры и искусства» и «Центр по статистическим, экономическим и социальным исследованиям при ИБР».

В 90-е годы XX века Турция достаточно активно продолжила свою деятельность в ОИК. Президент Турции Демирель возглавил ИСЕДАК (Постоянный комитет экономического и торгового сотрудничества), который считается одним из наиболее влиятельных комитетов организации.

Проводя на протяжении многих лет «серьезную», по выражению турецких экспертов, политику в ОИК, Турция придерживалась принципа полного нейтралитета в разногласиях ее членов, при этом делая акцент на своих актуальных внешнеполитических проблемах.

В рамках ОИК Турция полностью поддержала позицию арабских стран по вопросу Палестины и Иерусалима. Однако она старалась дистанцироваться от любых дискуссий по религиозным и идеологическим проблемам, связанным, например, с исламским правом и распространением исламского образования, а также постоянно подчеркивала, что «исламская солидарность» не может нанести вред светским принципам государства.

По мнению бывшего в 1990-е годы генерального председателя «Центра по исследованию мусульманской истории, культуры и искусства» (при ОИК) Экмеледдина Ихсаноглу, с точки зрения внешней политики ОИК явилась единственным международным форумом, где Турция получила искреннее понимание и поддержку в отношении ТРСК. ОИК, которая придает значение мусульманским меньшинствам во всем мире, по утверждению Ихсаноглу, с пониманием и поддержкой рассматривала проблемы в Западной Фракии и Болгарии.

Далее он высказывает мнение о том, что столь сильная и влиятельная структура, как ОИК, поможет обеспечить связи между Ближним Востоком, Центральной Азией, странами Кавказа и Балканами. И самое интересное утверждение Ихсаноглу, сделанное в 1996 г., сводится к тому, что в XXI веке ОИК сможет найти точку соприкосновения между Востоком и Западом.

И, наконец, новый этап начался с приходом к власти умеренной исламистской Партии справедливости и развития (ПСР). Руководство партии, укрепляя свои позиции в ОИК, пыталось превратить Турцию в мост между Востоком и Западом, между ЕС и ОИК. Новым моментом в истории ОИК стало то, что в 2002 и 2004 гг. по инициативе Турции в Стамбуле были проведены совместные форумы ЕС и ОИК. В рамках ОИК Турция призывает ее членов к «обновлению» и про-

движению на пути реформ и демократии. Примером тому может быть выступление президента Турции А.Н. Сезера на саммите ОИК в Малайзии в октябре 2003 г., подчеркнувшего, что исламский мир нуждается в процессе обновления и реформах, и турецкий опыт, указал он, является настоящим примером²⁶.

Заслуживает внимания, что на ноябрьской встрече 2004 г. министров иностранных дел ОИК в Стамбуле впервые был избран турок – а именно председатель Центра по исследованию исламской культуры, истории, искусства (ОИК) профессор Экмеледдин Ихсаноглу, который приступил к своим обязанностям в январе 2005 г. Представляя кандидатуру Ихсаноглу другим членам организации, бывший в то время министр иностранных дел Гюль заявил, что именно Турция может привести ОИК в соответствие с критериями сегодняшнего дня. В частности, он подчеркнул следующее: «Мы считаем, что назначение нашего представителя поможет превратить ОИК во влиятельную международную организацию, защищающую интересы мусульманского мира и приспособляющую его к условиям сегодняшних реалий»²⁷.

В египетском журнале Al Ahram Weekly в статье «Реформирование ОИК» приводится интервью Ихсаноглу, в котором он излагает свое видение этих реформ. Вот некоторые из них: необходимо изменить название организации и проводить активную политику на международной арене; развивать связи с другими международными организациями и превратить ОИК в мощную и уважаемую структуру, которая станет «рупором» мусульманского мира. Ихсаноглу подчеркнул, что одним из основных направлений деятельности является поддержка палестинского вопроса, а также указал, что важнейшим аспектом работы ОИК является решение социально-экономических и демократических проблем государств – членов организации²⁸.

В Стамбуле 9 ноября 2009 г. состоялся «экономический саммит» лидеров стран – членов ОИК, приуроченный к 25-летней годовщине работы Постоянного комитета по экономическому и торговому сотрудничеству стран ОИК (КОМСЕК). На саммите были представлены 54 государства, совместно продемонстрировавшие свое намерение расширять экономическое и торговое сотрудничество на фоне глобального финансового кризиса. В результате проведенных перегово-

ров представители стран – участниц ОИК сделали совместное заявление, в котором сообщалось о принятии Стамбульской декларации, предусматривающей «дорожную карту» по выработке единой позиции по глобальным проблемам и развитию торговых отношений.

Декларацией были закреплены следующие решения:

- 1) прилагать еще больше усилий для снижения бедности;
- 2) предпринимать конкретные шаги, направленные на борьбу с изменениями климата;
- 3) в целях создания общего экономического пространства развивать сотрудничество между частными секторами государств-членов ОИК;
- 4) ратифицировать Протокол о льготных тарифах;
- 5) реализовать единые образовательно-профессиональные проекты;
- 6) развивать энергетические источники и обеспечить их эффективное использование.

В декларации также подчеркивается значимость усилий стран – членов ОИК, направленных на разработку договора о торговых преференциях. Согласно стамбульскому документу, к 2015 г. объем торговли между странами – членами ОИК планируется довести до уровня 20%²⁹.

На заседании саммита генеральный секретарь ОИК Э. Ихсаноглу с удовлетворением отметил, что КОМСЕС успешно справляется с задачей стимулирования реформ в мусульманских странах, направленных на улучшение положения населения, а также на развитие торгово-экономического сотрудничества между ними.

В ходе стамбульского «экономического саммита» лидеры стран-участниц высказали свои позиции относительно некоторых международных проблем, места ОИК в мировой политике, а также роли Турции в решении региональных вопросов. На заседании саммита некоторыми участниками были сделаны предложения, предполагающие ускоренную экономическую интеграцию между странами – членами ОИК.

Турецкий президент А. Гюль в своем выступлении отметил, что действия его страны в рамках переговорного процесса вступления в Евросоюз не должны рассматриваться в качестве «ограничивающих ее роль в ОИК». Он подчеркнул, что это «не исключающие, а поддер-

живающие друг друга элементы», и проведение такого курса соответствует особенностям турецкой внешней политики³⁰.

Президент Турции выразил надежду на то, что мусульманские страны окажут поддержку ТРСК в вопросе о снятии с нее эмбарго. Он подчеркнул важность вовлечения мусульманских общин, проживающих в странах, не являющихся членами ОИК, в диалог между странами-участницами ОИК³¹.

В ходе саммита А. Гюль перечислил некоторые направления турецкой внешней политики, среди которых созданный совместно с Лигой арабских государств Турецко-арабский форум и механизмы Стратегического диалога, разработанного совместно с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, занимают особенное место.

А. Гюль также коснулся проблем палестинского народа. Он заявил, что «обеспечение мира и стабильности в Ближневосточном регионе невозможно до тех пор, пока рядом с государством Израиль и в пределах безопасных и признанных границ не будет создано Палестинское государство со столицей в Восточном Иерусалиме»³². Президент Турции подчеркнул, что непризнание решения «два государства для двух народов» осложняет процесс урегулирования этой проблемы. А также добавил, что отсутствие единства среди палестинского народа вредит их борьбе за создание собственного независимого государства³³.

В своих выступлениях участники саммита отметили, что, являясь членом «двадцатки» и кандидатом на вступление в ЕС, Турция вносит большой вклад в усиление позиций ОИК на международной арене. Представители стран – членов ОИК в ходе двусторонних переговоров отмечали, что участие Турции во многих международных экономических и политических организациях обогащает ОИК и позволяет выносить проблемы мусульманских стран на международное обсуждение.

Лидеры государств, принимавших участие на саммите, заявили, что поддерживают роль Турции в качестве «энергетического моста» и готовы предоставить ей все необходимые для этого ресурсы³⁴.

На встрече министров иностранных дел стран ОИК в столице Казахстана в июне 2011 г. было принято решение изменить название организации, и с этого года она называется Организация исламского

сотрудничества (ОИС). Открывший встречу генеральный секретарь ОИК Ихсаноглу коснулся процессов на Ближнем Востоке, определяемых как «арабская весна», и указал, что разработанный в рамках организации «План деятельности» (рассчитанный на 10 лет) включает приемлемые решения, которые позволят устранить трудности исламского мира.

На 32 встрече министров иностранных дел ОИС в Йемене в январе 2012 г. вновь подчеркивалась необходимость проведения эффективных реформ в области демократии, справедливости, политических свобод, прав женщин и прав человека, гражданского общества и разработки для этого необходимых инструментариев.

Можно отметить, что в целом, по мнению турецких исследователей, в Организации исламского сотрудничества имеются значительные недостатки. Во-первых, между членами организации существуют довольно серьезные политические, идеологические, социально-экономические, географические и демографические различия, которые препятствуют полноценной консолидации исламского мира. Кроме этих различий, между членами организации имеются конфликты по пограничным, религиозным и этническим вопросам. До тех пор, пока ОИС не преодолеет эти проблемы, ей не удастся принять на себя влиятельную международную роль. Вышеназванные проблемы очевидны и для Турции, поэтому она пытается всячески повысить эффективность ОИС. После событий Арабской весны Турция множество раз продвигала точку зрения, что Организация исламского сотрудничества должна действовать в соответствии с изменениями, произошедшими в регионе. Об этом на различных платформах высказывался и бывший турецкий премьер-министр Давутоглу, отмечая, что в период, последовавший после Арабской весны, ОИС является «единственной организацией-покровителем» мусульманского мира, и она должна повысить свою эффективность, должным образом реагируя на трансформации в регионе³⁵.

По вопросу палестино-израильской проблемы у Анкары и Тель-Авива сохранялось достаточное количество противоречий. Повлиял на это и тот факт, что после попытки военного переворота в Турции высшее палестинское руководство незамедлительно выступило с поддержкой правительства Р.Т. Эрдогана, в отличие от Израиля, который, как и многие представители Запада, выступил с официальным заявлением лишь через сутки³⁶.

Что касается турецкой позиции, то она заключалась в необходимости разрешения конфликта путем создания независимого и суверенного Палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме, и возвращении границ к состоянию 1967 г., что подразумевало возврат Израилем Сирии Голанских высот. В этом же контексте Турция способствовала внутривосточному сплочению Палестины, стремясь уладить разногласия между группировкой ХАМАС и партией ФАТХ, заявляя о том, что для Анкары они обладают одинаковым политическим и легитимным статусом³⁷.

В 2017 году двусторонний диалог осложнился из-за событий политического и экономического характера. Во-первых, правительство Р.Т. Эрдогана ощущало неудовлетворение в связи с тем, что Тель-Авив не направил поздравлений в связи с успешным для ПСР проведением референдума о внесении поправок в конституцию, и с отсутствием реакции правительства Израиля на распространяемые в израильских СМИ статьи относительно того, что изменение турецкой конституции сделает власть Эрдогана авторитарной. Во-вторых, Израиль достиг принципиального соглашения с Грецией, Кипром и ЕС по строительству газопровода в обход турецкой территории, что также неблагоприятно отразилось на процессе нормализации отношений³⁸.

Таким образом, высокий уровень отношений продержался менее полтора лет.

Ссора Эрдогана и Нетаньяху, начиная с декабря 2017 г., и похожа, и не похожа на предыдущие. На первый взгляд, многие моменты повторяются: та же риторика, те же обвинения в убийстве палестинцев и государственном терроризме. Однако есть одна существенная разница: если в прошлый раз сторонами конфликта были Израиль и Турция, а США стояли над противостоянием и, напротив, пытались примирить конфликтующие стороны, то на этот раз мишенью для критики Эрдогана стал и Вашингтон. «Признав Иерусалим столицей Израиля, Соединенные Штаты взяли на себя долю ответственности за ту кровь, которая льется сейчас», – провозгласил турецкий президент.

Решение президента США Д. Трампа в декабре 2017 г. признать Иерусалим столицей Израиля и перенести туда американское посольство вызвало гнев мусульманского мира, чьи святыни расположены в городе, наряду с иудейскими и христианскими.

Турция выступила самым непримиримым оппонентом этих шагов из числа мусульманских стран. «Иерусалим – это красная линия для мусульман. Подобное решение будет тяжелым ударом для всего человечества. Мы не оставим это», – заявил турецкий президент Эрдоган, предупредив, что действия США приведут к углублению и без того сложного регионального кризиса. Президент Турции официально предупредил Вашингтон, что в случае, если Д. Трамп признает Иерусалим столицей Израиля, Анкара может пойти на разрыв дипломатических отношений с еврейским государством³⁹. Эрдоган, пользуясь статусом Турции в качестве председателя Организации исламского сотрудничества, собрал в декабре 2017 г. в Стамбуле внеочередной саммит этой организации. Участники саммита признали Восточный Иерусалим столицей Палестины.

В ходе саммита Эрдоган назвал Израиль «террористическим государством». Он также подчеркнул, что Вашингтону больше нет места в палестино-израильском мирном процессе. «Сложившаяся ситуация должна быть оценена ООН, а новый посредник должен быть беспристрастным». Эрдоган также назвал саммит ОИС историческим: он «доказал всему миру, что у Иерусалима есть те, кто может за него постоять»⁴⁰. Вместе с тем, арабская пресса не придавала большого значения саммиту ОИС, назвав его встречей, инициированной во внутриполитических интересах Эрдогана. В частности, кувейтская газета Al-Arab отмечала, что президент Турции назначил дату чрезвычайной встречи очень быстро, даже не согласовав ее с ключевыми членами Организации – Саудовской Аравией и Египтом⁴¹.

Президент Эрдоган не ограничился резкими высказываниями в адрес Израиля, а предпринял ряд шагов как в плане двусторонних отношений, так и международном уровне. Анкара выслала израильского посла и израильского генерального консула «на неопределенный срок». В качестве ответной меры израильский МИД принял решение о высылке турецкого консула. Посол в Израиле Окем, работавший в Тель-Авиве с 2016 г., был отозван турецким МИД еще до решения о консуле. Также Турция отозвала своих представителей из США «для совещания»⁴².

В Стамбуле 18 мая 2018 г. состоялся чрезвычайный саммит ОИС, созванный Турцией в связи со столкновениями в секторе Газа. Саммит призвал ООН к введению миротворческих сил на границе

для защиты палестинского народа, аналогичные тем, которые действовали в Косово и Боснии и Герцеговине⁴³.

Эрдоган, возвращаясь после визита в Боснию и Герцеговину 22 мая 2018 г., заявил турецким журналистам, что Турция пересмотрит свои экономические связи с Израилем после предстоящих 24 июня президентских и парламентских выборов, согласно решению ОИС о введении торговых ограничений с этой страной⁴⁴. Новый разрыв сопровождался крайне жесткой взаимной риторикой турецкого президента Реджепа Тайипа Эрдогана и израильского премьера Беньямина Нетаньяху.

Официальный представитель МИД Турции Хами Аксой заявил, что решение США закрыть дипломатическую миссию Организации освобождения Палестины (ООП) в Вашингтоне вызывает беспокойство.

«Решение о закрытии ООП в Вашингтоне вызывает беспокойство и является очередным свидетельством того, что США потеряли беспристрастность в подходах к ближневосточному мирном процессу», – цитирует его ТАСС.

Он также указал, что закрытие офиса ООП не послужит ничему, кроме поощрения попыток уничтожить перспективы решения вопроса на основе создания двух независимых государств – Израиля и Палестины. Турция подтвердила свою решимость в поддержке усилия по поиску справедливого решения палестинской проблемы.

Напомним, что Госдепартамент США объявил о решении закрыть дипломатическую миссию ООП в Вашингтоне. В письменном заявлении руководителя пресс-службы американского внешнеполитического ведомства Хезера Науэрта говорилось о том, что решение принято, поскольку ООП «не предприняла шагов для начала прямых и конструктивных переговоров с Израилем, а, напротив, ее руководство осудило мирный план США... и отказалось сотрудничать в вопросе мирного урегулирования и иным образом».

Министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу заявил, что Соединенные Штаты вновь проигнорировали нормы международного права, признав суверенитет Израиля над Голанскими высотами. «США вновь проигнорировали международное право. Однако это их решение никогда не узаконит израильскую аннексию. Это, напротив, подрвет усилия по мирному урегулированию на Ближнем

Востоке и усилит напряженность в регионе», – написал он на своей странице в Twitter.

Напомним, что президент США Дональд Трамп 25 марта в рамках переговоров с премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху в Вашингтоне подписал прокламацию, признающую суверенитет Израиля над Голанскими высотами.

Принадлежавшие Сирии с 1944 года Голаны были захвачены Израилем в ходе Шестидневной войны в 1967 году. В 1981 году израильский парламент принял «Закон о Голанских высотах», в котором в одностороннем порядке был провозглашен суверенитет еврейского государства над этой территорией. Эта аннексия была признана недействительной резолюцией 497 Совета Безопасности ООН 17 декабря 1981 года.

Против таких односторонних действий, предпринятых Трампом, ранее высказались не только Сирия и другие страны арабского и исламского мира, но и Россия, а также ключевые европейские державы, включая Германию и Францию.

25 июня 2019 г. советник президента США Джаред Кушнер на встрече в Бахрейне «Мир ради процветания» представил новый план ближневосточного урегулирования США, названного арабскими СМИ «сделкой века». Согласно этому плану, 50 млрд долларов инвестиций планируется вложить в течение десяти лет в экономическое развитие палестинских территорий и соседних арабских стран, причем инвесторами должны стать арабские, европейские и азиатские страны. План встретил почти единодушное осуждение палестинцев. Президент Палестины М. Аббас заявил: «Тот, кто хочет решить палестинский вопрос, должен начинать с политического вопроса, а не с продажи иллюзий на миллиарды долларов». Границы палестинского государства, статус Иерусалима, будущее палестинских беженцев – вот приоритеты палестинских лидеров. Палестину не заинтересовали предлагаемые американцами «потенциальные экономические стимулы» в обмен на капитуляцию. Палестинцы прервали контакты с Вашингтоном еще в 2017 г. после решения Трампа перевести посольство США в Иерусалим⁴⁵.

Россия также заявила о непризнании американкой инициативы частью ближневосточного мирного урегулирования. В комментарии МИД РФ говорится, что упорное стремление подменить задачу

достижения всеобъемлющего политического решения пакетом экономических «бонусов» с размыванием принципа создания двух государств для двух народов вызывает глубокую обеспокоенность. Россия уведомила палестинцев, что будет бойкотировать конференцию в Бахрейне. Так же поступил и Китай⁴⁶.

Президент Турции Р. Эрдоган заявил, что Турция не поддерживает инициативу США по палестино-израильскому урегулированию. «Мы никогда не будем считать эту инициативу благоприятной. Земли Палестины не для продажи», – подчеркнул турецкий президент⁴⁷.

В июле 2019 г. Министр иностранных дел Турции заявил, что Анкара не допустит превращения палестинского вопроса в «заложника» в руках США и Израйля.

Выступая на чрезвычайной сессии Исполнительного комитета Организации исламского сотрудничества (ОИС) в Джидде в 2019 г., Мевлют Чавушоглу подверг критике неучастие представителей ряда арабских государств в этом форуме и добавил: «США, другие государства, даже Израиль, оказывают давление на страны – участницы Организации исламского сотрудничества».

По его словам, Турция не позволит сделать палестинский вопрос прерогативой указанных стран, ибо статус Кудса (Иерусалима) является «красной чертой» для исламской уммы.

Чавушоглу отметил, что урегулированию палестино-израильского конфликта препятствуют разные проблемы, а законный и исторический статус Кудса находится под угрозой. Также он указал, что Израиль пытается переписать историю, уничтожить исламское наследие, природу, изменить этнический состав населения Кудса. «Продолжается строительство незаконных еврейских поселений на палестинских землях, в том числе в Кудсе и на Западном берегу р. Иордан. Это осознанный шаг, направленный на подрыв усилий по урегулированию палестино-израильского конфликта на основе принципа "два государства для двух народов"», – заметил Чавушоглу⁴⁸.

Бывший посол Турции в Израиле доктор Челиккол, говоря о перспективах решения палестино-израильского конфликта, подчеркнул следующее: «На самом деле, желания Турции в отношении Палестины не сильно отличаются от желаний других европейских стран. Турция выступает за создание двух государств для двух народов, создание Палестинского государства рядом с государством

Израиль... Когда отношения между Палестиной и Израилем будут урегулированы, когда начнутся переговоры, Турция и Израиль также смогут восстановить связи. Но если Израиль будет продолжать проводить политику, которая не способствует урегулированию конфликта с Палестиной, отношения между Турцией и Израилем останутся напряженными»⁴⁹.

Мевлют Чавушоглу принял участие во внеочередном заседании Исполнительного комитета ОИС, состоявшемся 10 июня 2020 года по инициативе Турции и проведенном в формате видеоконференции.

В своем выступлении на видеоконференции Чавушоглу подчеркнул полную поддержку, оказываемую Турцией палестинским братьям перед лицом планов Израиля по незаконной аннексии.

Министр заявил, что Умма никогда не откажется от суверенного палестинского государства, столицей которого является Аль-Кудс.

Затем Чавушоглу принял участие в видеоконференции, организованной Ассоциацией турецких производителей и предпринимателей (ТУСИАД) под названием «Внешняя политика в процессе выхода из пандемии Covid-19 и нормализации».

В ходе видеоконференции были рассмотрены шаги, которые могут быть предприняты на международной арене для укрепления экономики после пандемии.

* * *

Рассматривая деятельность другой региональной организации – ОЭС (Организация экономического сотрудничества) и участия в ней Турции можно напомнить, что ОЭС была создана на базе организации «Региональное сотрудничество ради развития» (РСР), учрежденной в 1964 г. с участием Турции, Ирана и Пакистана. В 1979 г. она прервала свою деятельность после того, как в Иране произошла исламская революция. В 1985 г. по инициативе Ирана деятельность организации возобновилась под названием ОЭС. В ноябре 1992 г. на чрезвычайном заседании Совета министров ОЭС в Исламабаде было принято решение о принятии в Организацию 5 среднеазиатских республик (Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана), а также Азербайджана и Афганистана. Это вступление превратило ОЭС в одно из наиболее крупных объединений развивающихся стран с площадью 8 млн кв. км и населением примерно

320 млн чел., которое демонстрировало абсолютно несопоставимый уровень экономики, социального и технологического развития, но было чрезвычайно богато энергетикой и природными ресурсами и имело потенциал со временем превратиться в глобальную экономическую силу⁵⁰.

План деятельности стран ОЭС, одобренный Советом министров Организации в феврале 1993 г., включал 7 приоритетных направлений: сельское хозяйство, энергетика, развитие людских ресурсов, промышленность, туризм, торговля, транспорт и коммуникации⁵¹. В мае 1996 г. в столице Туркмении Ашхабаде Совет министров ОЭС принял «Стратегию экономической координации», которая вошла в силу в январе 1997 г. Этот документ, рассчитанный на 10 лет, выделял 3 главных направления сотрудничества: энергетику, торговлю, транспорт и коммуникацию. В области торговли предусматривалась, в частности, постепенная отмена торговых барьеров в рамках ОЭС, создание зон свободной торговли, стандартизация торговли и взаимодействие с региональными и международными торговыми организациями, такими как ВТО (Всемирная торговая организация). В области энергетики рассматривалось развитие существующих двусторонних проектов с перспективой превращения их в региональные, обеспечение транзитных услуг для нефте- и газопроводов для региональных и международных рынков, интеграция энергетических систем стран-участниц. В области транспорта и коммуникаций излагались задачи по максимальному развитию воздушного, водного сообщения между членами, развитие совместными усилиями телекоммуникационных систем, использование спутниковой связи и т.д.⁵² Вместе с тем, анализ нынешней деятельности ОЭС показывает, что организация функционирует довольно слабо и большинство отношений между участниками осуществляются на двустороннем уровне.

Следует указать, что успех или неуспех объединений в достижении целей сотрудничества зависит от комплекса условий. Важной его характеристикой являются экономическая, политическая, религиозная, этническая гомогенность государств-членов, а также сходство их ценностных ориентаций, национально-государственных приоритетов внутренней и внешней политики. Все это вместе взятое и определяет соотношение центростремительных и центробежных тенденций в данной организации, уровень развития интеграционных процессов

и их жизнеспособность. В данном контексте можно утверждать, что ОЭС пока не стала действенным инструментом реализации экономического сотрудничества. Достижению намеченных целей препятствуют различия политико-стратегической, торгово-экономической ориентации и интересов участников, отсутствие взаимодополняемости их экономик и инфраструктуры, острая нехватка валютных ресурсов у некоторых из них. По мнению турецкого исследователя М. Хасгюлера, ОЭС представляет неэффективный региональный клуб, и Турция, обладающая наибольшим потенциалом в регионе, не дала организации необходимой поддержки⁵³.

Своего рода итоги деятельности организации были представлены на Бакинском саммите в октябре 2012 г. Саммит признал, что за десятилетия сотрудничества мало чего удалось достичь в рамках идей региональной кооперации. Турецкий премьер-министр Р.Т. Эрдоган в своем выступлении на саммите указал, что «страны ОЭС поставили перед собой цель к 2015 г. создать зону свободной торговли». Однако на сегодняшний день не выполнена даже малая часть этого проекта.

Вместе с тем Эрдоган указал, что в период своего председательства в ОЭС турецкое государство направляло много усилий на развитие ее деятельности и подчеркнул важность развития связей в регионе во всех сферах, поддержки экономических проектов, проектов развития связей в сельском хозяйстве, транспорте, упрощении торговли для увеличения торгового оборота и других сферах. Эрдоган выразил уверенность, что в течение двух лет председательства Азербайджана будет внесен важный вклад в развитие организации.

В ходе саммита в Баку были рассмотрены цели организации, намеченные в «Обзорном документе на 2015 г.», который определяет основные направления деятельности организации.

Из самого названия организации видно, что во взаимоотношениях стран-участниц преобладают экономические направления сотрудничества, политическая же составляющая ее деятельности менее выражена. Однако ситуация в регионе диктует свои приоритеты, в том числе использование любой удобной возможности для многостороннего обсуждения политической злободневности дня. Турция и Пакистан, как тесные партнеры Азербайджана и в экономической, и политической сферах, попытались выступить в роли миро-

творцев между Ираном и Азербайджаном, отношения которых находятся в ситуации, напоминающей холодную войну.

В ходе встречи в рамках саммита ОЭС Эрдогана с президентом Ирана М. Ахмадинежадом турецкий премьер-министр выступил со следующей инициативой. Он предложил провести трехстороннюю встречу по Сирии при участии Турции, Ирана и Египта. В результате Турция и Иран достигли соглашения по созданию механизма для разрешения сирийского кризиса. Был рассмотрен также вариант встречи по Сирии в формате Турция – Иран – Россия. Таким образом, можно утверждать, как пишет турецкий политолог С. Кохен, что принятие подобного проекта свидетельствует о смягчении в отношении Сирии позиции турецкого руководства, ставящей целью свергнуть Асада любой ценой, и стремление действовать совместно с Ираном, который является защитником режима Асада⁵⁴.

* * *

В 2011 г. году было отмечено десятилетие одного из самых, пожалуй, значительных политических проектов новейшего времени на евразийском пространстве – Шанхайской организации сотрудничества. Проект этот интересен прежде всего составом его участников, геополитическим значением зоны ответственности ШОС и новаторским набором принципов и ценностей, положенных в основу этой организации. 15 июня 2001 г. шесть стран – Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан и Узбекистан – объявили о создании нового межгосударственного объединения. Приоритетным для ШОС является сотрудничество в области противодействия терроризму, сепаратизму, экстремизму, другим угрозам безопасности – то, ради чего, собственно, ШОС и создавалась. В последние годы все большее внимание государства-члены уделяют укреплению экономической составляющей ШОС и развитию взаимодействия на гуманитарном направлении.

Большой интерес к ШОС проявляет Турция. Известно, что после распада СССР Турция попыталась расширить свои отношения с новыми независимыми республиками Центральной Азии и Кавказа. Ключевая идея политики Турции в регионе состояла в создании под эгидой Анкары «Великого Турана». Однако эта идея не нашла одобрения среди лидеров стран центрально-азиатского региона. Кроме того, через несколько лет после достижения независимости

Центральная Азия начала привлекать внимание таких стран, как США, Россия, Китай, Иран, Индия. Такое увеличение внимания дало возможность государствам региона расширить свои внешнеполитические перспективы и сузило возможности Турции.

В этой связи турецкое руководство с января 2005 г. начало озвучивать желание включить Турцию в рамки деятельности ШОС.

Интересы Турции в участии в ШОС эксперт турецкого Института стратегических исследований Э. Экрим формулирует следующим образом:

1. Турция официально становится политическим партнером с такими государствами, как Россия и Китай.

2. Благодаря ШОС Анкара получит законную возможность для прямой деятельности на территории бывшего СССР.

3. Участие в ШОС обеспечит Турции возможность оставаться не только наблюдателем всех процессов, проходящих на огромных территориях, но и играть активную роль в формировании здесь системы региональной безопасности.

4. Участие Турции в осуществлении планируемых многовекторных энергетических проектов ШОС позволит ей приобрести большой рынок сбыта для своей продукции.

Впервые желание Турции стать членом ШОС озвучил премьер-министр Р.Т. Эрдоган в январе 2005 г. во время визита в Россию, когда он обратился к президенту РФ В.В. Путину с подобным пожеланием. Путин, указав, что подобная просьба поддержана президентом Казахстана Н. Назарбаевым, дал положительный ответ. В феврале того же года бывший в то время министром иностранных дел Турции и заместителем премьер-министра А. Гюль посетил Пекин и сообщил китайскому премьер-министру Вэн Жиабao пожелание о вступлении Турции в ШОС.

Однако китайская сторона выступила против членства Турции, таким образом, усилия России и Казахстана в тот период остались безрезультатными⁵⁵. Известно, что Китай долгое время считал Турцию источником проблем в Туркестане, и это могло вызвать негативный ответ по поводу членства Турции в ШОС.

Вместе с тем вопрос отношений Турции и ШОС стал предметом обсуждения в турецких академических, политических кругах, на различных конференциях.

Так, на состоявшемся турецко-азиатском конгрессе «Экономическое сотрудничество и развитие» (май 2007, Стамбул) рассматривались вопросы развития программы капиталовложений между азиатскими странами и Турцией, поиски путей взаимного развития и урегулирования существующих проблем. На конгрессе было отмечено, что Турция, для того чтобы не оказаться в стороне от быстро меняющихся соотношений сил в мире и в Азии должна как можно быстрее стать наблюдателем в таких организациях как ШОС и АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), и при этом наибольшее внимание уделить ШОС.

В документах конгресса подчеркивалось, что Турция должна проводить особую программу в отношениях с Китаем и укреплять стратегические связи с Китаем, Россией, Индией. «Турция должна быть более активной в Азии. Завтра может быть поздно».

В июле 2009 г. в Стамбуле состоялся международный азиатский конгресс, на котором присутствовал генеральный секретарь ШОС Б. Нургалиев. В своем выступлении он говорил о значении, которое придается Турции, и о росте региональной значимости этой страны. Он также указал, что ШОС пока считает недостаточными инициативы Турции по сотрудничеству с этой организацией. И в этом контексте цель турецких руководителей – проводить политику в оси США и ЕС. И эта ось негативно сказывается на сближении с Россией и Китаем. А между тем, указал он, рассматривая тот путь, который прошла ШОС за короткий период, и изменение мирового баланса сил для Турции будет очень важны с точки зрения выстраивания более близких отношений с этой организацией и развития сотрудничества в различных областях.

ШОС, которая обладает половиной нефтяных ресурсов мира и выступает важной политической, экономической в военной силой, в будущем станет еще более влиятельной организацией⁵⁶.

В январе 2008 г. в Стамбуле состоялась конференция «ШОС и Турция». Заместитель президента Коджаэлийского университета Турции, профессор Хасрет Чомак, выступая с докладом на конференции, заявил, что «Турция, реорганизуя глобальную и местную оброну и безопасность в двадцать первом веке, должна кооперироваться с Шанхайской организацией сотрудничества».

Турция расположена в геостратегически важном регионе и является членом североатлантического военного блока НАТО. Однако пере-

говоры страны с Европейским союзом для вступления в его ряды идут очень трудно, а две сильные страны ЕС в лице президента Франции Николя Саркози и канцлера Германии Ангелы Меркель вообще категорически против вступления Турции в Евросоюз. Вместо полноценного членства, они предлагают ей "привилегированное партнерство", которое, в свою очередь, не устраивает Турцию. В такой ситуации профессор Хасрет Чомак считает, что Турция должна искать альтернативные пути сотрудничества с зарубежными странами.

Одной из таких организаций-партнеров для Турции может стать Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Для того, чтобы (в перспективе) стать членом ШОС, Турция должна определить соответствующую политику, создать эффективный и твердый деловой союз, развивать свои стратегические исследовательские центры. Национальные интересы Турции и ШОС требуют идти на взаимные компромиссы во всех сферах.

Подчеркнув жизненную важность экономических и культурных взаимоотношений со странами – членами ШОС, профессор Чомак добавил: «Турция осторожно должна пересмотреть принципы и проекты по ядерным технологиям и ядерному оружию, которые будут служить сохранению мира на планете. Турция должна сотрудничать с ШОС для утверждения глобальной и местной безопасности и обороноспособности, одновременно участвуя в планах НАТО по модернизации ядерной политики».

Таким образом, можно утверждать, что турецкое руководство подходит к вопросу участия в ШОС очень внимательно, рассматривая все возможные последствия и перспективы.

Главы государств – членов Шанхайской организации сотрудничества на саммите в Ташкенте в июне 2010 г. утвердили Положение о порядке приема новых членов в ШОС. Принятый документ практически перекрывает дорогу в эту организацию Ирану, который имеет статус «наблюдателя» в ШОС и несколько лет желает стать ее полноправным членом. Однако теперь непременным условием принятия в ШОС нового члена является отсутствие санкций ООН в отношении страны-кандидата. А против Ирана Совбез ООН принял уже четвертую резолюцию, одоблив пакет дополнительных санкций из-за нежелания Тегерана выполнять международные требования, касающиеся ядерной программы Исламской республики.

Согласно Положению о порядке приема новых членов в ШОС, государство, желающее вступить в ШОС, должно: принадлежать к евроазиатскому региону, иметь дипотношения со всеми странами – членами ШОС, иметь статус наблюдателя при ШОС или партнера по диалогу, поддерживать активные торгово-экономические гуманитарные связи с государствами – членами ШОС, не находиться под санкциями ООН, не находиться в состоянии вооруженного конфликта с другим государством или государствами.

Турция отвечает большинству из перечисленных условий, и очевиден ее потенциал получить статус наблюдателя при ШОС.

В Пекине под председательством главы МИД КНР 11 мая 2012 г. прошло заседание министров иностранных дел стран – членов ШОС. Состоялся обстоятельный обмен мнениями о ситуации в мире и регионе, а также о расширении связей ШОС с другими странами и многосторонними объединениями. Особого внимания в этой связи заслуживало решение внести на рассмотрение Совета глав государств – членов ШОС запрос о предоставлении Турции статуса партнера по диалогу.

В Турции подобная новость была встречена с чувством глубокого удовлетворения. Так, например, эксперт Центра международных стратегических исследований (USAK) Х. Озертем в своем интервью «Голосу России» сказал следующее: «Это очень позитивное послание для Турции. Сегодня статус наблюдателей или партнеров по диалогу с ШОС имеют такие страны, как Иран, Афганистан, Индия и Пакистан. И поэтому предложение по включению Турции в механизмы данной структуры является очень важным сигналом для нас. Принятие такого решения означает, что инициативу предоставления Турции статуса партнера по диалогу поддержали также и Россия и Китай. С этой точки зрения очевидно, что вовлечение Турции в данный механизм будет полезен для лучшего понимания друг друга. Вместе с тем, желание принять Турцию в партнеры указывает и на другой момент. Обычно Турция ассоциируется с членством в западном блоке. Однако желание принять Турцию в один из важнейших механизмов по обеспечению безопасности в Азии – ШОС – говорит о том, что Турция рассматривается странами-членами ШОС в качестве важного регионального игрока».

На саммите ШОС в начале июня 2012 г. в Пекине Афганистану был предоставлен статус наблюдателя в ШОС, а Турции статус пар-

тнера по диалогу. Статус партнера по диалогу ниже статуса наблюдателя (так партнеры могут участвовать не во всех мероприятиях ШОС и не имеют доступа к непубличным документам организации), но он дает возможность его обладателю включиться в деятельность организации. Министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров заявил: «Мы испытываем глубокое удовлетворение по поводу предоставления Турции статуса партнера по диалогу и уверены, что это решение укрепит отношения Турция – ШОС».

После предоставления Турции статуса партнера по диалогу в рамках ШОС уже в июле 2012 г. Эрдоган обратился к президенту России В. Путину с предложением о принятии Турции в ШОС на основе полноправного членства. Вместе с тем одних намерений Анкары мало. Другие региональные лидеры, например Индия, также заявляют о своем намерении стать полноправным членом ШОС. Турции придется конкурировать с ними, справедливо отметил директор Института востоковедения РАН академик РАН В.В. Наумкин.

То, что Турция хочет присутствовать в разных форматах на европейском, восточном направлениях – это нормально для такой державы. Однако это процесс, в котором должно быть несколько стадий. Есть и другие желающие: Индия, Пакистан. О каком-то обвальном расширении ШОС сейчас было бы говорить преждевременно.

Страны ШОС, приняв Турцию в свои ряды в качестве партнера по диалогу, не оговаривали это никакими политическими условиями, что означает признание ими за Турцией статуса ведущей региональной державы.

С другой стороны, для Турции активизация сотрудничества со странами Евразии открывает широкие горизонты для экспорта своей продукции и участия в масштабных энергетических проектах. Кроме того, одним из главных принципов ШОС является обеспечение региональной безопасности и стабильности. На это ориентированы «Программа сотрудничества по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2013–2015 годы» и новая редакция «Положения о политико-дипломатических мерах и механизмах реагирования на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе». Так что Анкара вновь оказывается перед серьезным выбором в своей дальнейшей внешнеполитической стратегии.

Президент Турции Реджеп Эрдоган 7 марта 2018 г. заявил о том, что вступление в Евросоюз – не единственный вариант для Турции. Анкара прорабатывает с президентами России и Казахстана вопрос о вступлении в Шанхайскую организацию сотрудничества. «Не нужно говорить, что ЕС – это единственный вариант. Почему бы Турции не стать членом ШОС. Я об этом говорил с Путиным и Назарбаевым. Участие Турции в ШОС обеспечит нам больше свободы действий в этой связи», – заявил Эрдоган.

В октябре 2017 года Чрезвычайный и Полномочный Посол Турецкой Республики в России Хюсейн Дириоз высказал мнение, что вступление Турции в ЕС ни в коей мере не противоречит интеграции с Шанхайской организацией сотрудничества.

«Интеграция в ЕС не противоречит вступлению в ШОС. Так, в прошлом году Турция выступала принимающей стороной в рамках мероприятий энергетического клуба, – сообщил посол. – Таким образом, в настоящее время Анкара продолжает взаимодействие со странами по обоим направлениям».

Стоит напомнить, что отношения Турции и ЕС ухудшились после попытки переворота в Анкаре, когда Брюссель подверг критике реакцию турецких властей. Вскоре после этих событий Европарламент потребовал от Евросоюза прекратить переговоры о членстве Турции в Евросоюзе. В ответ Анкара пообещала, что в случае отказа ЕС Турция обратит внимание на ШОС. Стоит отметить, что в Европарламенте всегда была группа депутатов, выступающая против присоединения Турции к Евросоюзу.

Поворот Турции от Запада к Востоку можно объяснить и желанием Эрдогана продемонстрировать ЕС, который затягивает с выполнением обязательств по реализации безвизового режима, что Евросоюз – не единственный партнер Турции.

В настоящее время Турция имеет статус партнера по диалогу в ШОС. При этом перспективы ее полноправного членства в Организации окончательно не ясны.

«Стать полноправным членом ШОС в ближайшее время для Турции невозможно. Тут, скорее, речь идет о повышении статуса Турции в организации до наблюдателя. Не стоит забывать, что в Организации существует определенный мораторий на расширение. Недавнее вступление в ШОС Индии и Пакистана изменило структуру

организации, и теперь ей потребуется определенное время для интеграции новых участников, в течение которого новые члены принимать не будут», – пояснил заведующий отделом Кавказа Института стран СНГ Владимир Евсеев⁵⁷.

Таковы основные векторы участия Турции в региональных организациях Азии.

** До 2011 г. Организация Исламская конференция (ОИК).

¹ Türk Dış Politikası. Cıt. 1. 1919–1980 (Турецкая внешняя политика. Том 1. 1919–1980). İstanbul, 2003. S. 792.

² Cumhuriyet. 14.09.1969.

³ Türk Dış Politikası op. cit.

⁴ Milliyet. 29.09.1969.

⁵ Ibid.

⁶ Zaper 28.09; 04.10.1969.

⁷ Orta Doğu (Ближний Восток). Ankara, 1970. S. 4.

⁸ Review de Defence National. 1970. P. 923.

⁹ Orta Doğu. S. 4.

¹⁰ Keesing's Contemporary Archives. April, 1970. P. 23.

¹¹ Orta Doğu.

¹² Milliyet. 27.02.1972.

¹³ Middle East Contemporary survey. Vol. 1. N.Y., 1978. P. 644.

¹⁴ Milliyet. 18.05.1976.

¹⁵ Ibid. 07.05.1979.

¹⁶ Tercüman Ist. 25.11.1977.

¹⁷ Palse, Ankara. 26.03.1980.

¹⁸ T.C. Resmi Gazete. Ankara. 10.05.1979.

¹⁹ Milliyet. 13.05.1979.

²⁰ Newsweek. N.Y. 23.09.1980.

²¹ Milliyet. 22.09.1980.

²² Tecüman. 28.01.1981.

²³ Milliyet. 21.01.1981.

²⁴ Adalet Ankara. 21.10.1981.

²⁵ Middle East Economic Digest. № 11. L., 1984. P. 46.

²⁶ Milliyet. 21.10.2003.

²⁷ Turkish Daily News. 28.11.2004.

²⁸ Sahar, Al Bahr. Reforming the OIC // Al-Ahram Weekly Online. 17–23.06.2004.

- ²⁹ Anadolu Ajansı. 10.11.2009.
- ³⁰ Radikal. 10.11.2009.
- ³¹ CNN Turk. 10.11.2009.
- ³² Turkish Weekly. 9.11.2009.
- ³³ CBS News. 9.11.2009.
- ³⁴ Hürriyet Daily News. 10.11.2009.
- ³⁵ Muhittin, Ataman, Nur Goksen, Ayşe. Sembolizm ve Ahtivizm Arasında İslam İşbirliği Teskilatı. S. 26.
- ³⁶ 15 Temmuz Darbe Girişimi ve Millet'in Zaferi. Ankara: Cumhurbaşkanlığı Yayınları, 2016. S. 28.
- ³⁷ Oruç H. Türkiye'nin İsrail, Filistin ve Ürdün politikası 2016 // Türk Dış Politikası Yıllığı 2016. S. 287–319, S. 308.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Эрдоган пообещал поднять исламский мир против Израиля из-за Трампа. 5.12.2017. URL: <https://www.vesti.ru/article/1654787>
- ⁴⁰ Независимая газета. 14.12.2017.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Milliyet. 18.05.2018.
- ⁴³ Milliyet. 30.05.2018.
- ⁴⁴ Hürriyet. 22.05.2018.
- ⁴⁵ «Сделка века» Трампа может лопнуть. 3.06.2019. URL: <https://kitaylife.ru/politika/7371-sdelka-veka-trampa-mozhet-lopnut.htm>
- ⁴⁶ «Сделка века», объявленная Трампом, грозит лопнуть. 2.06.2019. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/06/02/sdelka-veka-objavlenaja-trampom-grozit-lopnut-48312.html>
- ⁴⁷ Hürriyet. 01.07.2019.
- ⁴⁸ Чавушоглу: Кудс – красная черта для исламского мира. 18.07.2019. URL: https://parstoday.com/ru/news/middle_east-i103304
- ⁴⁹ Огуз Челиккол: «Турция и Израиль смогут восстановить связи после урегулирования арабо-израильского конфликта». 19.03.2019. URL: <https://vestikavkaza.ru/interview/Oguz-CHelikkol-Turtsiya-i-Izrail-takzhe-smogut-vosstanovit-svyazi-posle-uregulirovaniya-arabo-izraillskogo-konflikta.html>
- ⁵⁰ Khan A. The Economic Treaties and Relations of the Central Asian Republics with Turkey, Iran and Pakistan. Munich, 1998. P. 3.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Ibid.
- ⁵³ USAK Stratejik Gündem. 07.02.2008.
- ⁵⁴ Milliyet. 19.10.2012.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ Milli Gazete. 01.06.2009.
- ⁵⁷ Турция взяла курс на вступление в ШОС. 07.03.2018. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=18087>

Лига арабских государств и арабское единство

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-116-124

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Лиги арабских государств (ЛАГ), направленная на консолидацию арабских стран и укрепление их сотрудничества. Одной из ключевых проблем, ставшей центральной для всех арабских государств стала палестинская проблема и арабо-израильский конфликт. Арабское единство обеспечивалось благодаря созданию единого антиизраильского фронта. По мере осложнения ситуации в регионе Ближнего Востока, усиливалось размежевание арабских стран, что, в конечном итоге, привело к их размежеванию.

Ключевые слова: Лига арабских государств (ЛАГ), арабское единство, палестинская проблема, арабо-израильский конфликт, ООН, Израиль, США.

Melkumyan E.S.

The League of Arab States and Arab Unity

Abstract: The article is describing activity of the League of Arab States (LAS), directed to consolidation of Arab countries and strengthening cooperation among them. One of the main problems for all Arab states became the problem of Palestine and Arab-Israeli conflict. The Arab unity became real due to creation of common front against Israel. When the situation in the Middle East region became more and more complicated the disintegration of Arab states became evident.

Key words: League of Arab States (LAS), Arab Unity, Palestinian problem, Arab-Israeli conflict, UN, Israel, USA.

Лига арабских государств (ЛАГ) – организация, объединяющая все арабские государства. Она была создана в марте 1945 г. во время коренной трансформации глобальной системы международных отношений в период окончания Второй мировой войны. Арабские государства были охвачены стремлением добиться полной независимости и утвердиться на международной арене. Основа-

тельницами ЛАГ стали независимые арабские государства. Идея о единстве арабской нации, общности ее интересов и, прежде всего, необходимости стать подлинно независимыми государствами, которые покончили бы со своим колониальным прошлым – объединила такие разные арабские государства, как Египет, Ирак, Иордания, Сирия и Ливан. Были представлены проекты интеграционных объединений: король Трансиордании Абдалла Аль Хашими – проект «Великая Сирия», премьер-министр Ирака Нури Ас-Саид – «Благодатный полумесяц», а также египетский проект премьер-министра Наххас-паши, предполагавший отказ от создания единого государства. Арабские страны поддержали египетский проект. Саудовская Аравия и Йемен также приняли решение участвовать в его реализации.

Наххас-паша в 1943 г. выступил с идеей создания Подготовительного комитета для обсуждения предложенных проектов арабского объединения. Встречи проходили в Александрии с 25 сентября по 17 октября 1944 г. и завершились принятием Александрийского протокола. В нем были зафиксированы основные положения, которые легли в основу объединения арабских стран. Одновременно были приняты два документа: резолюция по Палестине, в которой было заявлено о том, что Палестина – часть арабского мира, которой должна быть предоставлена независимость, а также предусматривалось создание Арабского национального фонда для защиты арабских земель от перехода их под контроль еврейской общины (этот процесс тогда активно происходил на территории Палестины, находившейся под британским мандатом). Кроме того, была принята резолюция по Ливану, в которой выражалась поддержка независимости и суверенитета этой арабской страны¹².

Лига декларировала своей основной целью укрепление арабского единства. Идеология арабского национализма восходит к периоду борьбы за освобождение от османского гнета, когда большинство территорий, населенных арабами, входила в состав Османской империи. В начале XX века появился манифест, озаглавленный «Лига арабского отечества». В нем говорилось: «арабы осознали свою национальную, историческую и этнографическую однородность и хотят отделиться от гнилого османского древа с целью образовать независимое государство»³.

Эти идеи получили развитие в последующий период и стали идеологической основой ЛАГ. В соответствии с ее уставом, государства-члены брали на себя обязательства добиваться «укрепления отношений между государствами-членами, координацию их политики в целях достижения сотрудничества между ними и обеспечение их независимости и суверенитета и общую заботу о делах и интересах арабских стран»⁴.

События, развернувшиеся в Палестине непосредственно после создания ЛАГ, превратили палестинскую проблему в фактор консолидации арабской нации. ЛАГ выстраивала национальный дискурс, главным элементом которого была судьба арабского народа Палестины, а после принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181 о разделе Палестины и создании на ее основе государства Израиль – арабо-израильский межгосударственный конфликт.

Когда было официально объявлено о создании Государства Израиль (15 мая 1948 г.), была принята Декларация о введении войск в Палестину, в которой нашла отражение арабская точка зрения на происшедшие события и был легитимирован ввод на палестинскую территорию регулярных армий Иордании, Египта, Сирии и Ливана.

Результаты Первой арабо-израильской войны продемонстрировали отсутствие единства между арабскими государствами, которые преследовали, прежде всего, достижение своих национальных интересов. Иордания в ходе военных действий смогла захватить Западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим. Ее вооруженные силы, созданные Великобританией и возглавляемые британским офицером Глаб-пашой, были наиболее боеспособной частью арабских армий. Египет захватил сектор Газа. В 1948 г. ЛАГ создала правительство в Газе для управления этой территорией во главе с иерусалимским муфтием Амином Аль-Хусейни – сторонником Египта. Фактически Египет продолжал контролировать положение в секторе Газа вплоть до войны 1967 г.

Арабо-израильская война 1948–1949 гг. стала катастрофой для палестинцев. Они не обрели своего собственного государства, и значительная их часть была вынуждена бежать из Палестины, составив значительное число палестинских беженцев, судьба которых так и не была решена до настоящего времени.

В 1950 г. Иордания приняла решение аннексировать Западный берег, который, согласно резолюции Генеральной ассамблеи ООН № 181, считался территорией, предназначенной для создания независимого палестинского государства. 11 апреля 1950 г. в Иордании были проведены всеобщие выборы для избрания нового парламента с равным представительством от восточных и западных берегов реки Иордан. Избранная Национальная ассамблея, собравшаяся 24 апреля 1950 года, официально утвердила единство двух берегов Иордана.

В ходе заседаний Совета ЛАГ 13 апреля 1950 г. палестинский делегат поднял вопрос об аннексии правительством Иордании части Палестины. Совет принял резолюцию, в котором говорилось следующее: во-первых, подтвердить решение, принятое Политическим комитетом 12 апреля 1948 г., которое предусматривало, что ввод арабских армий в Палестину для ее спасения следует рассматривать как временную меру без оккупации или разделения, и что после освобождения Палестина должна быть передана палестинцам, чтобы они могли управлять ею так, как они хотят⁵.

Во-вторых, если какое-либо арабское государство нарушит это решение, то будет считаться, что оно отказалось от своих обязательств, а также от положений, изложенных пункте 1 ст. 2 Устава ЛАГ и Специального приложения, касающегося Палестины.

В-третьих, в случае такого нарушения Политический комитет должен быть созван для принятия необходимых мер в соответствии с положениями Устава⁶.

После обсуждения этой проблемы Политический комитет 15 мая 1950 г. единогласно, за исключением Иордании, постановил, что аннексия противоречит резолюции Совета от 13 апреля 1950 г., которая сохранила независимый статус всех палестинских территорий⁷. Что касается мер, которые должны быть приняты против Иордании в соответствии с положениями Устава, то предложение, призывающее исключить Иорданию, было поддержано Египтом, Сирией, Ливаном и Саудовской Аравией, в то время как представители Ирака и Йемена воздержались от голосования⁸. После этого Политический комитет решил, что Совет Лиги будет вновь созван 12 июня 1950 г. Он принял резолюцию, в соответствии с которой правительство Иордании согласилось считать аннексию части Палестины, обусловленной практическими соображениями и име-

ющему временный характер. Этот кризис продемонстрировал сложность достижения единства арабских стран и стремление ЛАГ добиться в этих условиях компромиссного решения.

Поражение арабских армий в ходе Июньской войны 1967 г. привело к временной консолидации арабских государств. Саммит ЛАГ принял в сентябре 1967 г. Хартумскую резолюцию, подтверждавшую общеарабскую позицию непризнания Израиля и отказ от заключения с ним мира или начала переговоров. Для оказания помощи странам, пострадавшим в ходе боевых действий с Израилем, а также Организации освобождения Палестины, был создан специальный фонд, в который три нефтедобывающих государства-члены ЛАГ – Кувейт, Ливия и Саудовская Аравия обязались вносить ежегодно определенную сумму⁹.

Арабо-израильское противостояние было единственной проблемой, которая объединяла арабские страны в тот период. Однако заключение Египтом соглашений с Израилем в 1978–1979 гг. стало началом новых противоречий между арабскими государствами. Хотя все арабские страны осудили Египет и приняли решение заморозить его членство в ЛАГ, Оман и Судан не разорвали с ним дипломатических отношений.

Дальнейшее развитие событий лишь углубило межарабские противоречия. «Прогрессивные» арабские государства, объединившиеся в рамках Фронта стойкости и противодействия, были настроены на продолжение вооруженной борьбы с Израилем. «Консервативные» арабские страны, к числу которых принадлежали и монархии Залива, были настроены на мирное разрешение арабо-израильского конфликта. Не случайно, что представитель саудовского королевства выдвинул в 1981 г. план политического урегулирования арабо-израильского конфликта.

Мирный план Фахда – наследного принца, а затем короля Саудовской Аравии, в котором были изложены основные требования к Израилю для урегулирования конфликта с арабскими странами, с большими трудностями был утвержден саммитом ЛАГ в Фесе, в сентябре 1982 г.

Под воздействием Сирии арабские государства внесли некоторые изменения в план Фахда. В принятой резолюции говорилось, что «Совет Безопасности будет гарантировать мир для всех государств

региона, включая независимое Палестинское государство. Израиль должен вывести свои войска к границе, существовавшей до войны 1967 г., включая «арабский» Иерусалим». В резолюции были повторены требования, содержащиеся в Мирном плане о создании независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме, требование о ликвидации еврейских поселений на оккупированных территориях, и справедливое решение проблемы беженцев, с возможностью выплаты им компенсации, если они не пожелают вернуться¹⁰.

Иракский кризис, начавшийся из-за агрессии Ирака против Кувейта, со всей очевидностью продемонстрировал отсутствие единства между арабскими странами. 3 августа 1990 г., на следующий день после оккупации Кувейта иракскими войсками, министры иностранных дел арабских государств-членов ЛАГ провели экстренное заседание. Было принято решение осудить иракскую агрессию. Ни одно из арабских государств не проголосовало против этой резолюции, однако, Иордания, Йемен, Судан, Мавритания и Организация освобождения Палестины воздержались, тем самым, косвенным образом поддержав Ирак. Столь же показательным был внеочередной саммит ЛАГ, проведенный 30 августа 1990 г. в Каире. На нем присутствовали только 13 глав арабских государств, остальные 8 (Алжир, Ирак, Иордания, Мавритания, Судан, Тунис, Йемен и ООП) его бойкотировали.

В 2000-е годы изменился баланс сил в пользу арабских монархий Персидского залива, достигших более высокого уровня экономического и социального развития, а также упрочивших свое положение в мировой политике. Это позволяло им оказывать давление на арабские страны – члены ЛАГ, добиваясь принятия выгодных им решений.

Период, последовавший за Арабской весной, еще больше разделил арабские страны. В 2016 г. Марокко отказалось проводить очередной 27-й саммит ЛАГ, заявив о своем нежелании создавать ложное представление о якобы существующем арабском единстве. В заявлении министерства иностранных дел Марокко говорилось, что «из-за отсутствия важных решений или конкретных инициатив в глав арабских государств, этот саммит станет еще одним поводом для принятия обычных резолюций и произнесения речей, которые создают ложное представление о единстве арабских стран». В нем также подчеркивалось, что «арабские лидеры не могут еще раз просто про-

анализировать печальную ситуацию разногласий и разделения без принятия каких-либо серьезных решений»¹¹. Саммит был проведен в Нуакшоте (Мавритания). В принятой на нем декларации была подчеркнута необходимость укреплять братские связи между арабскими странами и единство их рядов. В ней также содержался призыв преодолевать имеющиеся между арабскими странами различия и разрешать межарабские конфликты дружественным образом¹².

В повестку подавляющего большинства саммитов ЛАГ по-прежнему включался вопрос, связанный с проблематикой арабо-израильского конфликта. Арабские страны проявляли солидарность при принятии решений, осуждающих действия Израиля в отношении нарушения прав палестинцев.

Несмотря на попытки ЛАГ продолжать следовать прежней линии противодействия Израилю, появление новых конфликтных ситуаций воздействовало на ее деятельность. Усиление противостояния между арабскими монархиями Залива и Ираном повлияло на изменение их отношения к Израилю. Арабские монархии Персидского залива стали налаживать с Израилем контакты, которые носили в основном неофициальный характер. Однако в марте 2018 г. состоялся официальный визит премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху в одну из арабских стран этого региона – Султанат Оман.

В январе 2020 г. был оглашен американский план урегулирования арабо-израильского конфликта. ЛАГ продемонстрировала неизменность арабского курса в отношении требований к Израилю и их поддержке законных прав палестинцев. 2 февраля 2020 г. состоялось внеочередное заседание Совета Лиги на уровне министров иностранных дел для его обсуждения. В решениях совещания было вновь подчеркнуто, что «палестинская проблема имеет центральное значение для всей арабской нации и арабской идентичности, и что Восточный Иерусалим должен быть столицей Государства Палестина, которое должно обладать суверенитетом над всей оккупированной в 1967 г. территорией, включая Восточный Иерусалим, над воздушным и морским пространством и территориальными водами, ее природными ресурсами и границами с соседними государствами». Лига его отвергла, как не отвечающий даже в малой степени правам и чаяниям палестинского народа и не соответствующий требованиям международной законности и резолюциям ООН, подтвердив свою

приверженность арабской мирной инициативе и миру, который является ее стратегически выбором¹³.

Казалось бы, единство арабских государств было восстановлено. Но оно вновь оказалось непрочным. 13 августа 2020 г. американский президент Дональд Трамп сообщил о том, что Израиль и ОАЭ достигли соглашения о полной нормализации двусторонних отношений. Израиль при этом согласился приостановить распространение своего суверенитета на еврейские поселения на Западном берегу, что предусматривалось американским планом урегулирования. Государственный министр иностранных дел ОАЭ Анвар Гаргаш заявил, что это решение не было обсуждено с другими арабскими странами¹⁴.

Спустя всего месяц после обнародования решения ОАЭ об установлении дипломатических отношений с Израилем (12 сентября 2020 г.) еще одно арабское государство – королевство Бахрейн объявило о подобном решении. 15 сентября в Вашингтоне состоялась церемония подписания мирного договора между Израилем и двумя арабскими государствами Персидского залива – Объединенными Арабскими Эмиратами и Королевством Бахрейн. Президент Трамп, который стал посредником в достижении этого соглашения, открыл эту церемонию и выступил с речью. Прекращение вражды между этими арабскими государствами и Израилем открывает дорогу для развития их всесторонних связей, прежде всего, экономических и торговых.

Ожидается, что число арабских стран, заключивших мир с Израилем, будет увеличиваться. В настоящее время это четыре государства: Египет, Иордания, ОАЭ и Бахрейн, но вполне вероятно, что к ним в скором времени присоединятся Марокко, Оман и Судан.

Палестинцы расценили этот шаг как предательство их интересов. Единая арабская позиция в отношении урегулирования арабо-израильского конфликта оказалась подорванной.

В современных условиях арабское единство вряд ли достижимо, принимая во внимание все усиливающуюся дифференциацию арабских государств. ЛАГ оказалась в ситуации, когда само ее существование может быть подвергнуто сомнению. Если не удастся найти приемлемый для палестинцев вариант урегулирования их конфликта с Израилем, то раскол в арабском мире будет необратимым, и Лига утратит какое-либо значение. В то же время, арабские страны заинтересованы в сохранении хотя бы видимости единства. При неблаго-

приятном развитии событий, они должны будут отказаться от слишком многого. Им придется выстраивать новый исторический нарратив, пересматривать прежние национальные мифы и символы и формировать свою национальную идентичность на других основах. Поэтому арабские государства будут стремиться сохранить Лигу и придать новый импульс арабскому единству.

¹ The Alexandria Protocol. October 7, 1944. URL: <http://avalon.law.yale.edu/20century/alex.asp>

² Там же.

³ Мисак джамиат ад-дувваль аль арабийя (Устав Лиги арабских государств). URL: <http://www.lasportal.org/ar/aboutlas/Pages/Charter.aspx>

⁴ Там же.

⁵ The Policy of the Arab States Towards the Question of Palestine // The Arab states and the Arab League a documentary record. Vol. 2. P. 166.

⁶ Ibid.

⁷ Troutbeck J. Telegram addressed to Foreign Office at 16th May 1950 // Arab League 1943–1963: British Documentary Sources. Vol. 6. P. 565.

⁸ Ibid.

⁹ The Arab-Israeli Conflict. Readings and Documents. Princeton, New Jersey, 1977. P. 1082.

¹⁰ Arab League Summit Conferences, 1964–2000 // The Washington Institute. Policy Analysis. October 19, 2000. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/arab-league-summit-conferences-19642000>

¹⁰ Ibid.

¹¹ Morocco refuses to host 2016 Arab League Summit // Arabiya. 20.02.2016. URL: <https://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2016/02/20/Morocco-won-t-host-summit-due-to-Arab-disunity.html>

¹² Иалян Нуакшот – Джамиат дувваль аль арабийя (Заявление в Нуакшоте. Лига арабских государств). URL: <http://www.lasportal.org/ar/summits/Documents/%D8%A7%D8%B9%D9%84%D8%A7%D9%86%D9%86%D9%88%D8%A7%D9%83%D8%B4%D9%88%D8%B7.pdf>

¹³ Аль-Карар рак 8457 ас-садыр ли иджитимаа маджлис джамиат ад-дувваль аль-арабий аля аль-муства аль-визарий фи давратихи гейр аль-адия би шаан хутта сафка аль-карн аль-амрикий аль-исраилий (Решение номер 8457, принятое на совещании Совета Лиги арабских государств на министерском уровне на его внеочередном совещании по обсуждению американо-израильского плана «Сделка века» // Аль-Имана аль-амма, Аль-Кахира (Генеральный секретариат, Каир). 01.02.2020. URL: [http://www.lasportal.org/ar/councils/lascouncil/Documents/\(\(%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9%20%D8%AF%20%D8%BA%20%D8%B9%201-2-2020.pdf](http://www.lasportal.org/ar/councils/lascouncil/Documents/((%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9%20%D8%AF%20%D8%BA%20%D8%B9%201-2-2020.pdf)

¹⁴ ОАЭ не обсуждали с арабскими странами нормализацию отношений с Израилем – госминистр // Finanz.ru. 20.08.2020. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/oe-ne-obsuzhdali-s-arabskimi-stranami-normalizaciyu-otnosheniy-s-izrailem-gosministr-1029521390>

Проблемы экономического развития Алжира в условиях снижения нефтяных цен

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-125-135

Аннотация: Являясь крупнейшим производителем и экспортером углеводородного сырья, Алжир испытывает серьезные экономические трудности в результате резкого снижения нефтяных цен. Решение возникающих проблем может быть связано с диверсификацией экономики, развитием аграрной сферы и достижением продовольственной самообеспеченности, а также поиском возможностей перехода к новой модели экономического развития.

Ключевые слова: нефтяные цены, нефтегазовая отрасль, инвестиционное законодательство, регулирование внешней торговли, диверсификация промышленности.

Solovieva Z.A.

Economic Problems of Algeria During the Decline of Oil Prices

Abstract: Algeria as a hydrocarbons producer and exporter faces serious economic problems because of collapse of oil prices and decline of export revenues. The possible decision is to develop diversification of the economy. It means not only to expand the manufacturing base, to gain food self-sufficiency, but also to shift to a new model of economic growth.

Keywords: oil prices, oil and gas industry, investment laws, foreign trade regulation, industrial diversification.

Изменения цен на мировых рынках углеводородов оказывают мощное воздействие на экономики нефтедобывающих государств, к числу которых относится Алжир. Начиная с 2014 г., когда баррель нефти марки Brent торговался на уровне, превышавшем 107 долл., прослеживается тенденция к снижению цен и усилению их волатильности: так, после падения ниже 30 долл. за баррель в начале 2016 г., произошло укрепление котировок к середине 2018 г.

до 70–80 долл., за которым последовало новое сокращение. В 2020 г. в результате распространения вируса COVID-19 наблюдалось беспрецедентное обрушение спроса на нефть по всему миру и образование огромного избытка предложения на рынках. Соответственно цены на углеводородное сырье резко упали в начале года, поднявшись затем к осени 2020 г. до около 40 долл. за баррель.

Валютная выручка Алжира от продажи углеводородного сырья, достигавшая 60 млрд долл. ежегодно до начала снижения цен в 2014 г., оценивается в 20 млрд долл. на 2020 г.¹ Для страны, 60% государственного бюджета и 95% стоимости экспорта которого обеспечивают доходы от продажи нефти и газа, подобные колебания угрожают финансовой и экономической стабильности, усиливают непредсказуемость внутренней социально-экономической ситуации.

Несмотря на заметное сокращение удельного веса нефтегазового сектора в производстве ВВП (с 44,3% в 2005 г. до 19,7% в 2017 г.)², его динамика в значительной степени определяет характер экономических процессов в стране, а именно темпы роста ВВП, наличие и величину дефицитов госбюджета и торгового баланса.

Начиная с 2015 г. наблюдается ежегодное снижение темпов роста ВВП с 3,7% до 0,8% в 2019 г. (а на 2020 г. Всемирный банк прогнозирует для Алжира падение ВВП на 3%). Что касается показателя ВВП на душу населения, то происходит его сокращение с 2017 г. (–1,13% в 2019 г.)³.

Дефицит госбюджета, достигавший 15% ВВП в 2015 г. и снизившийся до 6,4% в 2017 г., стал опять расти и составил в 2019 г. более 9% ВВП. Несмотря на урезанные государственные расходы и инвестиции, по прогнозу на 2020 г. он ожидается на уровне более 16% ВВП. Дефицит торгового баланса с 2,11 млрд долл. в январе 2018 г. возрос до 2,74 млрд долл. на конец 2019 г.⁴ Сокращение экспортных доходов на 51%, видимо, станет причиной дальнейшего увеличения дефицита торгового баланса в 2020 г. до 18,2% ВВП. Соответственно возрастает дефицит текущего баланса страны (до 18,8% ВВП в 2020 г. с 13,2% в 2017 г.)⁵. Уже в 2017 г. был полностью израсходован Нефтяной стабилизационный фонд, формировавшийся за счет поступлений от продажи углеводородного сырья и использовавшийся на финансирование фискального дефицита.

Валютные резервы Алжира постепенно тают. В конце 2016 г. их объем превышал 114 млрд долл., к концу 2018 г. он уменьшился до 79,8 млрд долл. В феврале 2020 г., по заявлениям официальных лиц, валютные резервы составляли не более 62 млрд долл.⁶

Таким образом, к началу всемирного кризиса, связанного с общей нестабильностью на фоне пандемии COVID-19, экономическая ситуация в стране уже была достаточно сложной и нуждающейся в принятии неотложных мер по ее корректировке. Очевидно, что «углеводородная» модель алжирской экономики, уязвимая для внешних шоков, теряет устойчивость, нуждается в серьезном реформировании для того, чтобы оставаться жизнеспособной и сохранять потенциал роста.

Одновременно с усилением неблагоприятных для Алжира тенденций на мировом рынке углеводородов наблюдается ухудшение ситуации в нефтегазовом секторе страны. В последние годы происходит сокращение добычи сырой нефти. Ее объем, составлявший в 2016 г. 1577 тыс. барр./сут., неуклонно снижается (в тыс. барр./сут.): 1540 в 2017 г., 1511 в 2018 г., 1486 в 2019 г.). В январе 2020 г. произошло падение до 1011 тыс. барр./сут., к июлю производство сократилось до 809 тыс. барр./сут., т. е. почти в два раза по сравнению со среднемесячным показателем за 2016 г.⁷

При этом растет доля внутреннего потребления углеводородного сырья (в том числе для нужд нефтеперерабатывающей промышленности), составляя до трети добычи.

Большая часть алжирской нефти добывается на старых и зрелых месторождениях. В связи с этим государственная компания «Сонатрак» (Sonatrach), фактический монополист в нефтегазовой отрасли, действует по двум направлениям – ведет активную разведку новых месторождений, а также пытается оптимизировать добычу на уже разрабатываемых месторождениях путем внедрения новейших технологий.

В 2016 г. было заявлено о намерениях инвестировать более 50 млрд долл. в разведку и освоение новых нефтяных полей в период до 2021 г. Примерно две трети территории страны фактически не обследовались на предмет наличия нефти и газа. Действительно, уже к 2017 г. было обнаружено 26 новых перспективных месторождений в южных и северных районах Алжира.

По доказанным запасам природного газа (4,5 трлн куб. м) Алжир занимает второе место в Африке после Нигерии. В 2019 г. было извлечено 89,6 млрд куб. м газа, из которых около 40% используется для внутренних нужд. Основная часть природного газа добывается на месторождении Хасси Р'Мел. Традиционно газ поставляется преимущественно в страны Европы (Италию, Испанию, Францию, Португалию) по долгосрочным контрактам сроками до 25 лет. Большинство из них заканчивается к 2021 г., в связи с чем Алжир рассматривает возможности заключения новых контрактов на более гибких условиях.

«Сонатрак» стремится привлекать ведущие иностранные компании для ведения изыскательских работ, однако для последних участие в алжирских проектах становится все менее привлекательным из-за снижения нефтяных цен, недостаточно выгодных инвестиционных условий, а также открытия новых крупных месторождений углеводородов в других странах Африки.

Сотрудничество с зарубежными партнерами осуществляется преимущественно на основе сервисных контрактов, при заключении которых подрядчик обязуется выполнить как необходимые геологоразведочные работы, так и работы по непосредственной добыче сырья за фиксированную плату. Это дает возможность алжирской стороне получать выгоды от передачи новейших технологий и ноу-хау. Так, например, в 2016 г. подобное соглашение, нацеленное на развитие добычи на давно эксплуатируемом нефтяном месторождении Хасси Мессауд было заключено с Global Japan Corporation, при этом планируется впервые начать извлекать попутный газ.

Ожидалось, что заметный импульс развитию отношений с иностранными партнерами придаст вступление в силу в июне 2020 г. принятого в декабре 2019 г. нового закона о регулировании деятельности в области углеводородов. Он предусматривает более прозрачные налоговые правила с возможностью применения льгот по налогам (в частности, отмену таможенных пошлин на большинство ввозимого оборудования для нужд нефтеразведки и нефтедобычи), упрощение правил валютного регулирования, а также упорядочивает процедуру заключения соглашений «Сонатрак» с зарубежными участниками. Предусматривается три вида возможных договоров: соглашение о создании совместного предприятия, контракты на условиях раздела про-

дукции и рискованные сервисные контракты. Ранее заключенные договоры могут быть переведены на новые условия. Необходимо отметить, что основным закон 51:49, в соответствии с которым «Сонатрак» всегда выступает мажоритарным партнером, а участие иностранной компании не может превышать 49% в совместном предприятии – остается неизменным для стратегически важных для экономики отраслей. Однако, даже в случае оживления совместной деятельности после появления нового законодательства, это может дать реальные результаты лишь со значительным временным лагом – по мнению специалистов «Сонатрак», в среднем от получения лицензии на работу иностранной фирмой до начала промышленной разработки месторождения проходит около 10 лет.

Определенные надежды на развитие нефтегазовой отрасли Алжира связаны с потенциальными возможностями добычи сланцевого газа, технологически извлекаемые запасы которого оцениваются в 20 трлн куб. м – третье место в мире после Китая и Аргентины⁸. Возможный экологический урон, наносимый природной среде его добычей, является причиной дебатов в среде специалистов и в обществе (в 2014 г. попытки разработки месторождения сланцевого газа в районе Ахнет вызвали протесты местного населения). К тому же, некоторые эксперты оценивают стоимость его добычи в Алжире как в четыре раза превышающую аналогичный показатель для традиционного природного газа. А в условиях снижения мировых цен на углеводородное сырье добыча сланцевого газа в настоящее время выглядит еще менее экономически эффективной.

Таким образом, в настоящее время алжирское руководство действует по нескольким направлениям с целью придать новые импульсы развития традиционно важному для страны нефтегазовому хозяйству. Кроме того, важной задачей является повышение уровня нефтепереработки и частичный переход от вывоза сырья к экспорту продукции с высокой добавленной стоимостью.

Обладая собственными ресурсами углеводородов, страна ввозит значительное количество топлива для внутренних нужд. Например, в 2019 г. потребности Алжира в бензине оценивались в 4 млн т, при этом его производство не превышало 2,7 млн т; аналогичная ситуация складывалась и по дизельному топливу – хозяйственные потребности в нем превышали 10 млн т, а производство составляло 8,5 млн т⁹. Еще

в 2017 г. правительством была разработана программа значительного расширения и технологического усовершенствования нефтеперерабатывающей промышленности, в соответствии с которой планировалось как увеличить производство на уже существующих пяти предприятиях отрасли, так и построить новые. Это должно поднять объем выхода продуктов переработки углеводородного сырья с 30 млн т в 2017 г. до 50 млн т к 2040 г. Осуществление этой задачи позволило бы Алжиру не только удовлетворять потребности в топливе собственной экономики, но и вывозить часть продукции начиная с 2021 г., постепенно наращивая экспортный потенциал.

В рамках программы в январе 2020 г. был заключен контракт стоимостью 3,7 млрд долл. между «Сонатрак» и консорциумом иностранных компаний – испанской Tecnicas Reunidas и корейской Samsung Engineering – на проектирование, материально-техническое снабжение и строительство предприятия по производству бензина и дизельного топлива в Хасси Мессауде. Предполагается, что к 2024 г. нефтеперерабатывающий завод выйдет на проектную мощность. Кроме того, два новых предприятия планируется построить в Бискре и Тиарете, однако конкретные условия контрактов еще неизвестны¹⁰.

Все это должно позволить Алжиру не только сократить расходы на импорт топлива, потребности в котором постоянно увеличиваются, но и расширить номенклатуру товарного экспорта и увеличить размеры валютной выручки.

В условиях усиливающейся нестабильности на мировых рынках, как было показано выше, экономические и финансовые показатели сигнализировали об ухудшении внутренней ситуации в Алжире уже с 2017 г. В этот период в стране был принят ряд антикризисных мер, целью которых было оживление экономики и ускорение экономического роста. В финансовой сфере такой стратегией стала политика количественного смягчения.

Количественное смягчение – экспансионистская денежно-кредитная политика, применяется центральным банком страны с целью увеличения ликвидности и стимулирования экономики. Обычно выражается в покупке центральным банком государственных облигаций, а также ценных бумаг у коммерческих банков, что приводит к снижению долгосрочных процентных ставок и росту денежной массы. Как показывает опыт других стран, количественное смягчение представ-

ляет собой достаточно спорную политику, несущую потенциальные риски – гиперинфляцию, чрезмерную задолженность, нестабильность валюты.

Одновременно правительством было принято решение перенести бюджетную консолидацию на период после 2020 г. (с тем, чтобы к 2022 г. достичь сбалансированного госбюджета). В тот момент руководство полагало, что внешние обстоятельства к этому времени станут более благоприятными, что позволит ускорить экономический рост и сократить негативное воздействие на него бюджетного дефицита, сдержать инфляцию.

С момента принятия политики количественного смягчения в ноябре 2017 г. по апрель 2019 г. центральный банк Алжира влил в экономику страны объем денежных средств равный 55 млрд долл., что составило 32% ВВП в 2018 г.¹¹ В результате принятия ряда мер, в частности, увеличения коэффициента обязательного резервирования для банков с 4 до 10%, инфляцию удалось снизить с 5,6% в 2017 г. до 4,3% в 2018 г. и 2,7% в 2019 г. Однако уже весной 2020 г. правительство объявило об отказе от политики количественного смягчения, признанной «необоснованной с самого начала». Этому предшествовала отставка и арест по обвинению в коррупции автора плана количественного смягчения – бывшего премьер-министра Алжира Ахмеда Уиахиа (Ahmed Ouyahia).

В сфере внешней торговли Алжир традиционно прибегал к протекционистской политике. Различные ограничения импорта товаров посредством введения тарифов, акцизных сборов, лицензирования были призваны сократить торговый дефицит, а также способствовать развитию внутреннего производства и изменить характер потребительского спроса, перенаправив его на местную продукцию. В начале 2018 г. алжирское руководство перешло к более строгим правилам регулирования импорта, заменив режим лицензирования временным запретом на ввоз более 850 товаров, причем, помимо некоторых продовольственных и потребительских категорий, под запрет попали отдельные виды промышленного оборудования и строительных материалов. Одновременно был расширен список товаров, акцизные сборы на ввоз которых составляли 30%, а также увеличены до 60% таможенные пошлины на импорт некоторых видов промышленной продукции (в том числе компьютеров и ноутбуков, электрических

кабелей, тракторов). По сведениям Министерства торговли Алжира, подобные меры позволили сэкономить 700 млн долл. только в 2018 г. Однако совершенно очевидно, что ограничение ввоза ряда важных категорий промышленных товаров, не производимых в стране в достаточном количестве и адекватного качества, никак не могло способствовать принятой в стране политике промышленной диверсификации. Уже в середине 2018 г. многие компании испытали острую нехватку различных видов импортной продукции, используемой в местном производстве (в том числе в такой важнейшей отрасли, как переработка сельхозпродукции). В связи с этим было объявлено, что с конца 2018 г. прямой запрет на ввоз ряда товаров заменяется на введение импортных пошлин в диапазоне 30–200%¹².

Между тем, уже давно было очевидно, что существующая модель развития алжирской экономики, опирающаяся преимущественно на углеводородное хозяйство и доминирующий госсектор, нуждается в кардинальной смене приоритетов и серьезных структурных реформах. Подобные цели были поставлены в плане развития хозяйства страны на 2015–2019 гг. В нем были выделены несколько основных отраслей, призванных стать основой диверсификации и придать новые импульсы развитию промышленного сектора Алжира. В их число вошли металлургия, механическая промышленность и обработка металлов, электротехническая и электронная отрасли, производство различной химической продукции, пластмасс, строительных материалов, фармацевтическая промышленность, агробизнес. Следует отметить, что все эти отрасли относятся к традиционным «старым» отраслям, они не способствуют переходу страны на новый технологический уклад. С другой стороны, подобный подход алжирского руководства в существовавших на тот период внешних обстоятельствах выглядел вполне реалистичным. Одновременно в рамках плана были сделаны попытки улучшить условия для ведения бизнеса мелкими и средними предприятиями, находящимися в менее благоприятных условиях по сравнению с традиционно мощным алжирским госсектором. Для этого в 2017 г. были внесены некоторые изменения в законодательство, направленные на упрощение процедур организации средних и мелких предприятий, повышение их конкурентоспособности, в том числе в сфере субподрядной и внешнеэкономической деятельности. Например,

с 2018 г. компании, работающие в качестве субподрядчиков в механической промышленности, были освобождены от налогов на добавленную стоимость и таможенных пошлин при ввозе необходимых компонентов и сырья.

Кроме того, было намечено организовать новые промышленные зоны и кластеры (три из них были открыты в 2018 г.), в которых предполагалось наладить тесное сотрудничество бизнес-структур и производственных организаций по разработке и внедрению новых технологий.

Очевидно, что фактически основным направлением экономической стратегии на 2015–2019 гг. стало развитие обрабатывающих отраслей в рамках традиционного импортозамещения. Однако за этот период удельный вес обрабатывающей промышленности в ВВП Алжира увеличился всего на 0,5% (с 23,5% до 24%), т. е. фактически остался на одном уровне, а по сравнению с 2010 г., когда этот показатель составлял 39,6%, даже заметно сократился¹³.

Политика импортозамещения также распространялась и на аграрный сектор Алжира. Страна вынуждена постоянно ввозить продовольственные товары, в частности, зерно, причем в некоторые годы за счет его импорта покрывается до 70% внутренних потребностей населения. Стоимость импорта продовольствия в среднем ежегодно составляет 9 млрд долл.¹⁴ В 2016 г. Министерство аграрного развития, сельского хозяйства и рыболовства объявило о начале осуществления программы «Феллах – 2019», нацеленной на увеличение производства продовольствия и снижение зависимости от его импорта. В качестве основных задач были намечены ежегодный рост аграрного сектора на 5%, расширение орошаемых площадей до 2 млн га (из которых 600 тыс. га будет занято посевами зерновых), сокращение импорта продовольствия более, чем на 2 млрд долл., увеличение экспорта продуктов питания до 1,1 млрд долл., а также создание 1,5 млн новых рабочих мест в различных отраслях аграрной сферы и рыболовства. Также было предусмотрено внедрение новейших технологий для снижения зависимости аграрного производства от погодных условий, применение современной техники и новых сортов растений¹⁵.

2019 год стал во всех отношениях тяжелым испытанием для алжирской экономики. К воздействию на нее внешних шоков при-

соединились эффекты внутренней политической нестабильности. В декабре 2019 г. в стране прошли выборы нового президента, которым предшествовали массовые народные протесты, направленные против возглавлявшего Алжир в течение 20 лет 82-летнего Абдельазиза Бутефлики (Abdelaziz Bouteflika), объявившего о намерении баллотироваться на новый срок. В результате он был вынужден уйти в отставку, а на президентский пост был избран бывший премьер-министр Абдельмаджид Теббун (Abdelmadjid Tebboune). Однако народные волнения в стране не утихали, поскольку вновь избранный президент воспринимался как часть старой правящей элиты, против которой и были фактически направлены массовые выступления. В канун нового 2020 г. премьер-министром Алжира был назначен бывший университетский профессор и дипломат Абдельазиз Джерад (Abdelaziz Djerad), сформировавший новое правительство. Перед этим, еще во второй половине 2019 г., было объявлено о двух назначениях на стратегически важные посты: нового главы важнейшей государственной компании «Сонатрак» и директора Центрального банка Алжира. По мнению властей, это должно было помочь в поиске решений выхода из кризиса и способствовать оживлению экономики. На фоне этих политических реформ и продолжающихся народных волнений разразилась пандемия COVID-19, еще более осложнившая ситуацию в стране.

В марте 2020 г. правительство заявило о том, что «страна переживает беспрецедентный многосторонний кризис»¹⁶. В связи с этим премьер-министр обратился к жителям Алжира с просьбой предъявлять меньше требований к новому правительству и прекратить массовые протесты. Он пообещал использовать имеющиеся финансовые ресурсы страны (видимо, подразумевая золотовалютные резервы в 60 млрд долл.) для того, чтобы население не слишком пострадало от вынужденных мер жесткой экономии. Несмотря на запланированное на 2020 г. сокращение расходов госбюджета более, чем на 9% (и это при том, что в условиях пандемии неизбежно вырастут расходы на здравоохранение и прочие общественные нужды), правительство не отменило разнообразные субсидии населению, предоставляемые как в сфере образования и здравоохранения, так и в области жилищно-коммунального хозяйства и расходов на топливо. Напротив, было объявлено об оказании финансовой поддержки

малообеспеченным семьям в размере 80 долл. ежемесячно. Также были временно заморожены ряд налоговых выплат в бюджет, платежей по долговым и кредитным обязательствам для мелких и средних предприятий промышленности и торговли.

2020 год стал периодом усиления экономической нестабильности и политической турбулентности в мире. На этом фоне внутренние проблемы Алжира обостряются, требуя от нового правительства принятия обдуманных и нестандартных решений. Причем не только в краткосрочном плане, но и на длительную перспективу.

¹ In Algeria, Protests Pause for COVID-19 as the Regime Steps Up Repression. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29028/in-algeria-protests-pause-for-covid-19-as-the-regime-steps-up-repression>

² Algeria Economic Outlook. URL: <https://www.afdb.org/en/countries-north-africa-algeria/algeria-economic-outlook>

³ World Development Indicators. URL: data.worldbank.org/indicator/

⁴ Algeria – Economic Forecasts – 2020–2022 Outlook. URL: <https://tradingeconomics.com/algeria/forecast>

⁵ Algeria's Economic Outlook – April 2020. URL: <https://www.worldbank.org/country/algeria/publication/economic-update-april-2020>

⁶ Algeria's forex reserves drop by \$10.6 bln in 9 months. URL: <https://www.reuters.com/article/algeria-reserves/algerias-forex-reserves-drop-by-10-6-bln-in-9-months-idUKL8N2A34I7>

⁷ Algeria – Economic Forecasts – 2020–2022 Outlook.

⁸ The Report Algeria 2017. P. 79. URL: www.oxfordbusinessgroup.com/country/algeria

⁹ Algeria to export petrol from 2021. URL: <https://www.petroleumafrica.com/algeria-to-export-petrol-from-2021/>

¹⁰ Algeria's Sonatrach lets contract for grassroots refinery. URL: <https://www.ogj.com/refining-processing/article/14074609/algerias-sonatrach-lets-contract-for-grassroots-refinery>

¹¹ Algeria Economic Outlook. URL: [afdb.org/en/countries-north-africa-algeria/algeria-economic-outlook](https://www.afdb.org/en/countries-north-africa-algeria/algeria-economic-outlook)

¹² The Report Algeria 2017.

¹³ World Development Indicators.

¹⁴ In Algeria, Protests Pause for COVID-19 as the Regime Steps Up Repression.

¹⁵ Le Maghreb. Le Quotidien de l'Economie. URL: www.lemaghrebdz.com/?page=detail_actuelite@rubrique=National@id=77302 05.06.2016

¹⁶ Algerian government calls for less street pressures to cope with “multidimensional crisis”. URL: <https://theArabweekly.com/algerian-government-calls-less-street-pressures-cope-multidimensional-crisis>

Перспективы диверсификации экономики Саудовской Аравии и ОАЭ после пандемии COVID-19

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-136-155

Аннотация: Крупнейшие по ВВП экономики арабского мира – Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты выступают одними из ключевых звеньев его стабильности. Пандемия COVID-19 нанесла по странам – нетто-экспортерам нефти больший удар, чем по ряду других государств, что в полной мере испытывают экономики этих и других аравийских монархий. Вопрос о перспективах дальнейшей экономической диверсификации аравийских монархий, крайне необходимой в условиях снизившегося спроса и цен на нефть, связан с проблемами восстановления спроса на нефть, состояния государственных доходов, возможностей диверсификации доходной базы государства, сохраняющейся зависимости развития монархий от экспорта нефти, которые связаны между собой.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, ОАЭ, страны-экспортеры нефти, мировой рынок нефти, доходы от экспорта нефти, пандемия COVID19, кризис, экономическая диверсификация

Gukasyan G.L.

Prospects for Economic Diversification in Saudi Arabia and the United Arab Emirates after the COVID19 Pandemic

Abstract: The largest economies in the Arab world by GDP – Saudi Arabia and the United Arab Emirates are among the key links of its stability. The COVID19 pandemic has dealt a greater blow to net oil exporting countries than to a number of other states, which is fully experienced by the economies of these and other Arabian monarchies. The question about the prospects of further economic diversification of the Arabian monarchies, which is urgently necessary under conditions of decreased demand and oil prices, is associated with the problems of recovery in oil demand, government revenue problems, the problems of diversification of the revenue base

of the state and the problems of continuing dependence of the of Arabian monarchies development on the oil exports, which are interconnected.

Keywords: Saudi Arabia, UAE, oil exporting countries, global oil market, oil export revenues, COVID-19 pandemic, crisis, economic diversification.

Рассматривая перспективы продолжения диверсификации двух крупнейших арабских экономик: первой по объему ВВП в арабском мире Саудовской Аравии и вторых по ВВП ОАЭ, от состояния которых во многом зависит экономическая стабильность в арабском мире, приходится учитывать, что процессы диверсификации экономических структур этих стран по-прежнему сильно зависят от финансовой базы, формируемой на основе доходов от экспорта нефти (и отчасти газа, прежде всего, в Катаре).

При этом сама по себе нестабильная ситуация на мировом рынке нефти не позволяет уверенно прогнозировать перспективы и темпы восстановления экономик рассматриваемых стран, как и стран – экспортеров нефти ОПЕК в целом, после экономического урона, нанесенного пандемией COVID-19. Так, представители соответствующего департамента Международного валютного фонда в октябре 2020 г. отмечали, что пандемия неравномерно ударила по экономикам стран Ближнего Востока и Центральной Азии – экспортеров нефти и стран – импортеров нефти, и уверенно прогнозировали за весь 2020 г. отрицательный показатель экономического роста для стран – экспортеров нефти макрорегиона: снижение ВВП по этим странам в среднем на 6,6%, а для всех стран – импортеров нефти – снижение на 1,1%. В целом для указанного макрорегиона МВФ оценил сокращение ВВП на 4,1% (т.е. это отрицательный рост в –4,1%), что на 1,3% хуже, чем по предыдущему апрельскому прогнозу МВФ 2020 г.

МВФ в октябре 2020 г. не ожидал заметного роста цен на нефть в 2021 г., прогнозируя диапазон цен в 2021 г. в коридоре 40–50 долл. за баррель, несмотря на начавшееся оживление цен из низшей точки падения, достигнутой в марте 2020 г., когда цена сорта нефти Брент упала на 40% от предкризисного уровня. Потери доходов из-за падения цен на нефть и пандемии для аравийских монархий оценивались впечатляющими величинами (Табл. 1), а суммарные потери для шести аравийских монархий только из-за падения экспорта нефти за весь 2020 г. МВФ в июле 2020 г. оценивал в размере около 270 млрд долл.¹

Таблица 1

**Оценка от 14 марта 2020 г. потерь аравийских монархий
вследствие падения цен на нефть в 2020 г. (млн долл. в сутки)²**

	Саудов- ская Аравия	ОАЭ	Кувейт	Катар	Оман	Бах- рейн
Ежедневные потери доходов при допущении цены нефти в 20 долл. за баррель	261	91	100	66	36	n/a
Оценка ежедневных потерь из-за приостановки туризма ввиду пандемии	75	50	10	30	6	9

В этой связи указывалось, что пандемия COVID-19 обостряет вопрос ускорения экономической диверсификации в странах – экспортерах нефти Ближнего Востока. Но самый ощутимый урон процессам диверсификации пандемия нанесла в таких сферах, как транспорт, туризм, недвижимость, торговля, полное восстановление которых может затянуться до 2023 г.³ В частности, в Саудовской Аравии затормозилось развитие ряда туристических проектов, на которые возлагается большая роль в диверсификации хозяйства, не говоря уже о приостановке Хаджа (в 2020 г. вместо 2 млн паломников святые места в Саудовской Аравии смогли посетить иностранные паломники в количестве лишь 1 тысячи человек). В королевстве туризм, включая религиозный (такой как Хадж и Умра), уже стал важной отраслью диверсификации экономики, в 2019 г. прямой и косвенный вклад турсектора в ВВП Саудовской Аравии составил 274 млрд риалов или 9,5% ВВП. Проекты развития туристической инфраструктуры в рамках «Видения Саудовской Аравии 2030» нацелены на то, чтобы многократно нарастить туристический поток в королевство. Недавно правительство Саудовской Аравии создало дополнительный инвестиционный фонд для развития туризма в объеме 4 млрд долл.

В апреле 2020 г. страны – участники Соглашения ОПЕК+ договорились о рекордном сокращении добычи после обвала цен на нефть (с 72 долл. за баррель в начале января 2020 г. до 25 долл. за баррель и даже ниже в марте 2020 г.), на фоне пандемии коронавируса и цено-

вой войны на рынке нефти с участием Саудовской Аравии (отчасти, против производителей сланцевой нефти, а отчасти против не стремящихся к согласованным акциям по стабилизации рынка стран – экспортеров нефти). Соглашение рассчитано на два года (до 1 мая 2022 г.) с постепенным восстановлением добычи. Сокращение производилось от уровня добычи октября 2018 г. Первый параметр сокращения – на 9,7 млн барр. в сутки – действовал три месяца в мае–июле, с августа по декабрь 2020 г. страны ОПЕК+ договорились поддерживать сокращение добычи на 7,7 млн барр. в сутки. С 1 января 2021 г. сокращение производства нефти должно было поддерживаться лишь в объеме 5,8 млн барр. в сутки. Ввиду второй волны коронавируса, начавшейся с осени 2020 г., участники соглашения с 2021 г. избрали вариант менее резкого восстановления добычи и договорились, что увеличат добычу не почти на 2 млн барр. в сутки (как было запланировано вначале), а лишь на 0,5 млн барр. в сутки, при постоянном мониторинге ситуации. В результате с начала 2021 г. сокращение составило 7,2 млн барр. в сутки. Предусмотрена возможность постепенного наращивания нефтедобычи на 0,5 млн барр. в сутки каждый месяц в течение первого квартала 2021 г. по результатам состояния рынка. Эти решения связаны с компромиссом между крупнейшими участниками ОПЕК+, особенно между Россией и Саудовской Аравией⁴.

В январе 2021 г. положение на мировом рынке нефти улучшилось после того, как Саудовская Аравия осуществила одностороннее сокращение добычи на дополнительные 1 млн баррелей нефти в сутки от требуемого по соглашению ОПЕК+ уровня, в связи с чем цены по фьючерсным контрактам на нефть быстро поднялись до 50 долл. за баррель. Шаг Саудовской Аравии показал, что эта страна – «нефтяной гигант» готова и способна проводить твердый курс в борьбе за рынок и защитить уровень экспортных цен на свою нефть (также как способна в других условиях удерживать долю рынка за счет больших поставок нефти и скидок при сниженных ценах). Вместе с тем, этот шаг Саудовской Аравии позволил оживиться производителям сланцевой нефти в США, хотя неуверенные инвестиционные настроения в отрасли остаются тормозящим фактором для роста добычи сланцевой нефти. Данные аспекты вносят неопределенность для перспектив восстановления цен на рынке, так как сланцевые производители в принципе способны быстро нарастить добычу.

Таким образом, на рынке нефти наблюдается оживление, но нет определенности его развития. Неизвестно, как будет развиваться мировая ситуация с пандемией COVID-19, при этом организация ОПЕК, вместе с примкнувшими к координации нефтяной политики странами (ОПЕК+), продемонстрировала и подтвердила способность сохранять контроль над пропорциями мирового рынка нефти и поддерживать ценообразование на постоянной основе⁵.

В обзоре мирового рынка нефти МЭА от середины января 2021 г. сделана очередная попытка обрисовать перспективы ситуации на рынке нефти с учетом последних событий. Так, был дан прогноз о том, что мировой спрос на нефть в 2021 г. увеличится на 5,5%, до около 96,6 млн барр. в сутки (мбс), в то время как в 2020 г. спрос упал на 8,8 мбс. Предложение нефти, упавшее в 2020 г. на 6,6 мбс, в 2021 г. может возрасти на около 1 мбс. (в декабре 2020 г. предложение составляло 92,8 мбс). Также прогнозируется, что мировая нефтеперерабатывающая промышленность в 2021 г. увеличит объемы переработки на около 4,5 мбс (после падения объемов в 2020 г. на 7,3 мбс). Недавнее похолодание в Европе и Азии также подтолкнуло потребление дизельного топлива, керосина. Мировые запасы нефти в 4 квартале 2020 г. сократились на 2,58 мбс, а уже в ноябре 2020 г. в странах ОЭСР 5 месяцев наблюдалось сокращение запасов. Цена на нефть Брент 12 января 2021 г. достигла 57 долл. за барр., т.е., уровня, которого не было с февраля 2020 г. В целом, МЭА в январе 2021 г. прогнозировало постепенное и, вероятно, устойчивое увеличение спроса на нефть, благодаря созданному соглашением ОПЕК+ дефициту на рынке. Также в МЭА считают, что участники соглашения ОПЕК+ в течение 2 квартала 2021 г. поддержат объем сокращения добычи нефти на уровне 5,8 мбс, но они избрали более гибкий путь ежемесячного согласования объема сокращения⁶.

В нынешних условиях именно влияние пандемии COVID-19 на состояние мирового спроса на нефть выступает решающим фактором неопределенности рынка и экономических перспектив стран – нетто экспортеров нефти. Так, наибольшая доля мирового потребления нефти приходится на транспортный сектор. Например, для стран ОЭСР 50% потребления нефти приходится на автомобильный транспорт, 8% на авиацию, 14% на нефтехимические производства и 9% на коммунальное хозяйство, коммерческий сектор и сельское хозяй-

ство. Естественно, что вследствие пандемии транспортный сектор сильно сократил объемы перевозок и потребления топлива, в огромном объеме сократилась миграция рабочей силы⁷.

В конце 2020 г. и в начале 2021 г. новые локдауны в целом ряде стран вносили неопределенность в перспективы восстановления рынка нефти. Кроме того, в условиях сокращенных уровней добычи и экспорта нефти страны – нетто экспортеры нефти будут осуществлять программы экономического развития и диверсификации в рамках достаточно ограниченных параметров доходной базы, что является главным вызовом для диверсификации их экономик.

Для понимания перспектив дальнейшей диверсификации в Саудовской Аравии следует комплексно смотреть на воздействие, которое оказала пандемия ситуацию в хозяйстве королевства и на возможности восстановления. Эти аспекты проявились в представленных Министерством финансов Саудовской Аравии параметрах государственного бюджета на 2021 финансовый год.

В 2020 г. на поддержку экономики Саудовской Аравии с начала пандемии в 2020 г. был направлен целый ряд стимулирующих мер. Они состояли, прежде всего, в снижении ставки рефинансирования центрального банка, что облегчило кредитование, дополнительных бюджетных ассигнованиях на поддержку занятости, налоговых льготах (отсрочка налоговых платежей), отсрочке сроков возврата кредитов и выплат процентов по займам. В общей сумме такие меры составили около 48 млрд долл. США или 7,3% ВВП королевства (1 сауд. риал = 0.2666 долл. США)⁸.

Несмотря на финансовую нагрузку, понесенную бюджетом страны в процессе осуществления стимулирующего пакета мер по поддержке экономики и населения с начала пандемии в 2020 г., руководство Саудовской Аравии намерено продолжать курс экономической диверсификации с уходом от ведущей роли нефтяного сектора. Это отражается в бюджете Саудовской Аравии, в котором сохраняется курс на поддержание финансовой стабильности и устойчивого экономического роста в условиях усилившейся волатильности на рынке нефти. Значимыми стали такие, очевидно «лежащие на поверхности» меры, как повышение налога на добавленную стоимость с 5 до 15% с 1 июля 2020 г., а также увеличение таможенных пошлин для ряда товаров с 0,5% до 15% с 20 июля 2020 г.

Планируемые бюджетные расходы королевства на 2021 финансовый год, как было объявлено, составят 990 млрд сауд. риалов, то есть останутся такими же, как и в прошлом году, несмотря на неопределенность с ожидаемыми в 2021 г. доходами от нефти. Это подтверждает последовательность курса властей на достижение принятых в плане «Видение Саудовской Аравии 2030» финансовых, социальных и экономических целей, при том, что расходы концентрируются на укреплении потенциала ненефтяных секторов хозяйства, которые в условиях нестабильности с доходами от экспорта нефти способны, в конечном счете, поддержать экономическое развитие и социальную стабильность, особенно через обеспечение занятости населения. Очевидно перспективными отраслями в условиях пандемии являются здравоохранение и образование, развитие которых предусмотрено в «Видении Саудовской Аравии 2030» с целью повышения качества жизни населения. Будет продолжен курс на выполнение различных программ в сфере жилищного строительства и повышения качества жизни, на осуществление крупнейших экономических проектов, с одновременным сохранением финансовых резервов королевства (суверенных фондов), выступающих в качестве «подушки безопасности» в условиях кризисных явлений.

В 2021 г. Министерство финансов Саудовской Аравии ожидает рост ВВП на 3,2% (в 2020 г. министерство прогнозировало на 2021 г. рост ВВП на 2.2%). Это основано на уверенности в том, что локдаун 2020 г. уже не повторится в 2021 г., а постепенное оживление мировой экономики и рынка нефти приведут к улучшению торгового баланса.

Прогнозируется, что доходы госбюджета Саудовской Аравии в 2021 г. достигнут 849 млрд сауд. риалов, что на 10% выше бюджетных доходов 2020 г., составивших около 770 млрд. Допущение основано на тенденции повышения цен на нефть. Налоговые доходы должны составить 30,3% общих доходов. Бюджетный дефицит прогнозируется на уровне 141 млрд риалов (4,9% от прогнозируемого ВВП на 2021 г.). В 2020 г. дефицит бюджета составил 12% ВВП. Государственный долг в 2021 г. прогнозируется на уровне 32,7% от прогнозного ВВП Саудовской Аравии на 2021 г., что меньше, чем размер долга в 2020 г. (34,3% ВВП), хотя и больше, чем в 2019 г. (22,8% ВВП).

Следует отметить, что данные по исполнению бюджета Саудовской Аравии за 2020 г. не окончательны, и еще могут быть скор-

ректированы, как это было и в предыдущие годы, но предварительные данные дают общее представление о перспективах экономики страны. Повышению доходной базы бюджета 2021 г. будут также способствовать различные меры по повышению ненефтяных доходов, такие как реформы в области цен на электроэнергию, топливо, субсидий, налогов. Это необходимо, так как власти королевства должны сократить объемы стимулирующих мер, введенных для смягчения кризиса 2020 г. Ключевым звеном покрытия расходов в условиях пандемии в 2021 г. может стать продолжение программы приватизации. Программа приватизации связана с осуществлением проектов государственно-частного партнерства, которые нацелены на снятие нагрузки с государственного финансирования⁹.

В 2020 г. фактические государственные расходы в Саудовской Аравии составили 1068 млрд риалов, так как правительство смогло достаточно успешно перераспределить различные статьи, при этом обеспечив пакет стимулирующих мер для поддержки экономики и населения, а также сферы здравоохранения. Так, был отложен и отчасти отменен ряд планируемых ассигнований бюджета на капитальные нужды. Из трех основных компонентов расходов: на образование, оборону и безопасность, здравоохранение и социальное развитие в 2020 г. увеличились только расходы на образование на 1,4% по сравнению с 2019 г., а расходы на здравоохранение, несмотря на пандемию COVID-19, остались на прежнем уровне, так как были перераспределены внутри сектора здравоохранения.

Отмеченные сектора (важные для экономической диверсификации в соответствии с «Видением Саудовской Аравии 2030») в перспективе 2021 г. будут зависеть от параметров бюджета на этот год. В частности, расходы на образование планируются на 3,8% меньше, чем в 2020 г. Рост расходов на образование в 2020 г. в большой мере был обусловлен необходимостью срочных вложений в цифровую инфраструктуру вследствие перехода на дистанционные формы обучения из-за пандемии. Сектор образования остается важным, согласно целям «Видения 2030», так как нужно готовить квалифицированную рабочую силу, вовлекать в трудовую деятельность женщин. В 2021 г. особое внимание будет уделено совершенствованию высшего образования, развитию специализированных академий, повышению квалификации преподавателей, профессионально-техническому обучению, цифровым технологиям.

В сфере здравоохранения и социального развития особое внимание будет уделено финансированию новых методов лечения и профилактики коронавирусной инфекции, организации медицинской помощи для всех категорий населения, затронутых пандемией, включая трудовых иммигрантов, любых иностранцев, находящихся в стране. Экстренные расходы на противодействие пандемии финансируются из специально сформированного централизованного бюджета для чрезвычайных ситуаций, и, отчасти, из текущих бюджетов организаций здравоохранения. Часть запланированных на развитие здравоохранения расходов при этом была отложена. Надо сказать, что на 2020 г. планировалось сокращение расходов на здравоохранение, которое из-за пандемии не было реализовано в полном объеме. Теперь на 2021 г. предусмотрено увеличение расходов на здравоохранение на 4,6% до 175 млрд риалов, по сравнению с 167 млрд в 2020 г. В этой сфере планируется реформа, связанная с созданием децентрализованных кластеров здравоохранения и развитием государственно-частного партнерства для снижения нагрузки на госбюджет¹⁰.

Важным направлением экономической диверсификации в Саудовской Аравии остается всемерное развитие инфраструктуры. Наступление пандемии заставило правительство королевства пересмотреть финансовые планы, отложить ряд расходов на инфраструктурные проекты по линии государственных агентств, что привело к сокращению расходов на инфраструктуру на 18,9%, до 137 млрд риалов, так как часть средств была перенаправлена на решение текущих проблем, вызванных пандемией. В бюджете 2021 г. правительство стремится возобновить работу над планируемыми в рамках «Видения 2030» проектами, хотя осознает необходимость покрытия возможных новых, связанных с пандемией расходов, и в перспективе. В этой связи в бюджете 2021 г. капитальные расходы оцениваются в размере около 101 млрд риалов, что на 26,3% ниже, чем в 2020 г. При этом целей «Видения 2030» правительство будет добиваться при перенесении центра тяжести на проекты государственно-частного партнерства. Такие флагманские проекты, как развитие инновационного города Неом на северо-западе, который должен создать 380 000 рабочих мест и приносить в ВВП страны ежегодно около 180 млрд риалов (48 млрд долл.), туристический мега-проект AMAALA на северо-

западном побережье Саудовской Аравии на Красном море, мегапроект в сфере развлечений Qiddiya, будут продолжены¹¹.

Правительство Саудовской Аравии стремится повысить роль частного сектора в развитии через привлечение частных инвестиций в различные сектора, включая обрабатывающую промышленность, туризм, возобновляемую энергетику. Это крайне необходимо для поддержания инвестиционных проектов. Несмотря на сокращение государственных доходов, испытываемое в настоящее время, руководство королевства подчеркивает значение долгосрочных планов экономической диверсификации, а также расширения приватизации. Заявленные на 2021–2022 гг. инвестиции инвестиционного фонда Public Investment Fund в размере 40 млрд долл. должны будут повлечь за собой дополнительные вторичные инвестиции, прежде всего иностранные. Хотя прямые иностранные инвестиции в Саудовскую Аравию в первой половине 2020 г. возросли на 12%, по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. их объем меньше, чем в предыдущие годы¹².

В Объединенных Арабских Эмиратах в 2020 г. был принят беспрецедентный пакет мер по поддержке экономики в условиях пандемии. Не приводя весь перечень этих мер, отметим пакет мер в финансово-кредитной сфере. Этот пакет в 2020 г. оценивался в 70 млрд долл. и составил 20% ВВП ОАЭ. Центральный банк ОАЭ снизил ключевую ставку на 125 базовых пункта, центральным банком на 6 месяцев были отменены все платежи по обслуживанию кредита, резервные требования были снижены на 7%, предоставлялись беспроцентные ссуды банкам, банкам было предписано ограничить размеры платежей за обслуживание с средних и малых предприятий и т. д. Правительство в рамках другого пакета мер на 7,2 млрд долл. увеличило государственные гарантии по кредитам, размеры субсидий на воду и электричество, субсидии на инфраструктурные проекты. Были введены послабления в области ряда таможенных платежей, меры поддержки занятости населения путем помощи компаниям (также, как и в Саудовской Аравии и других монархиях Залива)¹³.

Рассматривая перспективы продолжения экономической диверсификации в ОАЭ в 2021 г. и после вероятного выхода из пандемии, можно отметить, что авторы из ОАЭ на страницах газеты Gulf Business отмечали, что пандемия COVID-19 оказала тяжелое воздей-

ствие на все страны мира, и, несмотря на повсеместные меры финансового и кредитно-денежного стимулирования экономики, МВФ оценивает сокращение роста мирового ВВП за 2020 г. на 4,5%, что является худшей рецессией со времен II мировой войны. Единственная большая экономика, показавшая в 2020 г. рост, это экономика Китая, но и ее рост за 2020 г. оценивается в менее 2% – наименьший темп прироста за 40 лет. Экономику ОАЭ эти авторы рассматривают, как сильно пострадавшую от кризиса, так как она испытала в 2020 г. двойной удар, как от упавших нефтяных доходов, так и от подрыва развития ненефтяных секторов из-за пандемии. Сократились возможности бюджета по финансированию развития. В ОАЭ сокращение ВВП за 2020 г. оценивают в 6,9% (отрицательный рост –6,9%) при сокращении как нефтяного, так и ненефтяных секторов экономики. Наиболее подверженными удару пандемии выступили, естественно, такие важнейшие для диверсификации в ОАЭ сектора, как транспорт, логистика, торговля, туристический сектор, сектор развлечений. Всемирная выставка Dubai Expo 2020 была перенесена на октябрь 2021 г., ожидаемые от нее доходы оцениваются в 40 млрд долл. В некоторой мере смягчить удар по туристическому сектору помогла нормализация отношений между ОАЭ и Израилем в сентябре 2020 г., открывшая новое направление привлечения туристов. В целом Эмираты возлагают большие надежды на улучшение мировой экономической ситуации, благодаря применению вакцин против COVID-19, а также на слабый доллар, рекордно низкие процентные ставки и укрепление цен на нефть¹⁴.

Перспективы экономического развития ОАЭ на 2021 г. выглядят более оптимистично, чем положение в 2020 г., хотя сервисная экономика ОАЭ будет продолжать испытывать трудности из-за пандемии. Положительным является возобновление допуска туристов в Дубай и Абу Даби в конце 2020 г., в связи с чем только в Дубае доходы гостиничного сектора возросли на 46%, а количество постояльцев выросло в 3 квартале 2020 г. на 95%, в сравнении с 2 кварталом (эмират Абу Даби открыл свои границы только в самом конце года). Ожидание положительного темпа роста ВВП в 2021 г., который, по прогнозам МВФ, должен возрасти на около 1,3%, а в 2022 г. на 2,5%, благодаря повышению цен на нефть и правительственным планам оживления экономики, добавляет оптимизма бизнес сообществу и инвесторам в ОАЭ.

В ноябре 2020 г. кабинетом министров ОАЭ был одобрен федеральный бюджет на 2021 г., в котором, как заявлено, расходы должны составить 58,11 млрд дирхамов ОАЭ (AED). Это на 5% меньше, чем расходы по бюджету 2020 г. (61,35 млрд, которые были самыми большими в истории федерального бюджета ОАЭ (1 дирхам ОАЭ = 0,27 долл. США)). Некоторое снижение расходов объективно обусловлено необходимостью экономии в условиях кризиса. Премьер-министр ОАЭ, правитель Дубая шейх Мухаммед бин Рашид аль Мактум заявил, что «экономика ОАЭ будет в 2021 г. среди самых быстровосстанавливающихся экономик, правительство составило эффективный бюджет на 2021 г. и располагает всеми рычагами для обеспечения финансовой и операционной эффективности бюджета». Приоритетные направления финансирования по бюджету 2021 г. воспринимают преимущество задач последних лет. Так, 42,6% расходов приходится на расходы по социальному развитию и социальному обеспечению, 34,8% – расходы на государственный сектор, 15,7% – на образование, 8,1% – на здравоохранение, 7,4% – на инфраструктуру, где предусмотрено дополнительное финансирование ключевых проектов на сумму 963 млн AED. К ключевым федеральным проектам относятся такие, как финансирование Космического агентства ОАЭ и железнодорожной сети. При этом имеются самостоятельные бюджеты отдельных эмиратов, самые крупные – у Абу Даби, Дубая и Шарджи.

В перспективе, помимо мер поддержки, для стимулирования экономики в 2021 г. и далее власти ОАЭ намерены провести реформы по улучшению законодательства и инвестиционного климата. Одним из первоочередных направлений является изменение схемы собственности в компаниях с участием иностранных инвесторов. Допускается 100% собственность иностранного лица в коммерческих компаниях на территории ОАЭ (не только в свободных зонах), тогда как раньше допускалось владение не более 49% акций, а доля в 51% должна была принадлежать национальному участнику. Весьма вероятно, что эта мера оживит интерес иностранных инвесторов к участию в проектах в ОАЭ. Также с 30% до 70% увеличивается лимит разрешенного объема к первоначальному свободному размещению на фондовом рынке акций акционерных компаний. Эти меры должны способствовать росту деловой активности и увеличению привлечения фондов через национальные фондовые рынки, поддер-

жать стратегию по привлечению иностранного капитала и повышению роли ОАЭ как финансового центра. Наряду с этим проводится дальнейшая либерализация законодательства в сторону повышения толерантности, снимаются ограничения на совместное проживание незарегистрированных в браке пар, ослабляются ограничения на употребление алкоголя для иностранцев¹⁵.

Указанные меры продолжают курс руководства ОАЭ и отдельных эмиратов на превращение страны в самую удобную для пребывания, проживания, отдыха и работы людей самых разных национальностей и культур, что уже дало неплохие результаты для развития ОАЭ в предшествующий период.

В Дубае, лидирующем в области нефтегазовой диверсификации эмирате ОАЭ, также принят ориентированный на экономический рост бюджет на 2021 год, с акцентами на повышение темпов экономического роста, расширение социальной поддержки населения, различных льгот для населения и на развитие экономической инфраструктуры. Шейх Мухаммед бин Рашид аль Мактум одобрил бюджет Дубая с величиной расходов в 57,1 млрд AED и запланированными доходами в 52,31 млрд AED, что продолжает стратегию экспансионистской финансовой политики. Доходы достаточно значительны, несмотря на замораживание ряда налогов и сборов.

Расходы бюджета 2021 несколько меньше, чем в 2020 г., принимая во внимание чрезвычайные меры по поддержке экономики в условиях пандемии в 2020 г. Заявлено, что учитываются задачи проведения Всемирной выставки 2020, при этом правительство стремится расширить передачу (аутсорсинг) части своих функций по оказанию социальных услуг частному сектору для его большего вовлечения в экономическое развитие, что насущно необходимо. В бюджете Дубая 2021 на заработную плату и надбавки приходится 31%, 22% – на безопасность и охрану порядка, которые рассматриваются как приоритетные направления, 9% расходов направляется на поддержку инфраструктурных проектов, определяющих облик Дубая как наиболее комфортного в мире места для жизни, а в целом на инфраструктуру и транспортный сектор направляется около 41% расходов. По мнению генерального директора, председателя совета директоров Дорожно-транспортного управления Дубая Маттара Мохаммеда аль Тайера, принятые параметры бюджета повысят конкурентоспособность Дубая

и ускорят «строительство жизненно важных инфраструктурных проектов, нацеленных на предоставление услуг высшего класса, обеспечение комфортную среду как для граждан ОАЭ, так и для иностранных туристов». Чиновник отметил, что финансирование будет направлено в такие первостепенной важности транспортно-инфраструктурные проекты, как тоннель Аль-Шиндага, дорога в Аль Айн, мост Инфинити, тоннель Рашид бин Заед Рас Аль Хор¹⁶.

В Дубае на доходы от нефти приходится всего лишь 4% доходов бюджета, на неналоговые доходы, получаемые за счет государственных сборов приходится 59% доходов, а на налоговые доходы 31%. Еще 6% составляют государственные доходы от инвестиций. Таким образом, параметры бюджета Дубая подтверждают достаточно успешный курс на развитие доходной базы, повышение эффективности государственных расходов, увеличение уровня вовлеченности в экономическое развитие частного сектора. Бюджет подтверждает способность Дубая справляться с кризисом, восстанавливать экономический рост и проводить политику роста и финансово-экономической стабильности в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Как было заявлено в бюджетном послании, бюджет Дубая на 2021 г. продолжает стратегию на обеспечение предоставления в Дубае лучших по мировым стандартам социальных услуг в сфере здравоохранения, образования, культуры, инфраструктуры. Это соотносится с ключевой целью Стратегического плана Дубая 2021, в котором была утверждена стратегия обновления Дубая. Генеральный директор Департамента финансов Правительства Дубая Абдулрахман Салех Аль Салех подчеркнул, что влияние пандемии на государственные финансы Дубая через снижение доходов заставило правительство принять меры по снижению операционных расходов бюджета, при повышении инвестиционных расходов. Руководитель сектора по планированию указанного департамента Ариф Абдулрахман Ахли предположил, что ВВП Дубая в 2021 г. может возрасти на 4%, при том, что правительство рассматривает частный сектор в качестве одного из главных движущих сил роста¹⁷.

В декабре 2020 г. в Дубае уже наблюдался резкий рост деловой активности, отражаемый индексами рынка, стали возрастать доходы компаний ненефтяного сектора, однако продолжалось сокращение занятости. Наиболее быстрое восстановление наблюдалось в опто-

вой и розничной торговле, несколько менее быстрое в туристическом секторе и секторе строительства¹⁸.

Эксперты крупной международной компании в сфере банковского бизнеса HSBC еще в октябре 2020 г. отметили, что очевидным индикатором восстановления экономики ОАЭ и других стран ССАГПЗ в перспективе 2021 г. стало проявление уверенности инвесторов в регионе, выраженное в инвестиционном спросе на облигации государственных займов, который опережал предложение при конкурентоспособных курсах ценных бумаг и увеличении сроков погашения. Это свидетельствует о долгосрочной уверенности инвесторов в рынках стран ССАГПЗ. Подчеркивалось, что как в Абу Даби, так и в Дубае недавние выпуски суверенных инструментов госдолга привлекли спрос, в 5 раз превысивший предложение, несмотря на длительные сроки погашения займов (30 лет в Дубае и 50 лет в Абу Даби). Кроме того, на корпоративном уровне опросы представителей компаний ОАЭ показали, что, хотя они считают, что пандемия COVID-19 повлияла на компании ОАЭ сильнее, чем в среднем в мире, лишь 1% опрошенных представителей бизнеса чувствовал, что пандемия в долгосрочной перспективе может затронуть существование их компаний, а 51% опрошенных считал положение своих компаний вполне устойчивым. Отсюда делается прогноз о нахождении экономикой ОАЭ новых направлений роста, включая переформатирование цепей поставок и цифровые технологии¹⁹.

В заключение следует остановиться на международном аспекте экономического развития Саудовской Аравии и ОАЭ, определяющим фактором которого остаются проблемы реализации нефти и объемы ее добычи. «Замыкающим поставщиком» в ОПЕК до начала активной разработки сланцевой нефти традиционно выступала Саудовская Аравия. Для королевства, располагающего крупнейшими нефтяными резервами (слухи о быстром истощении которых, распространяемые в начале 2000-х годов, не подтвердились), при низких издержках разработки и добычи нефти, наличии финансовых возможностей для реализации мегапроектов в нефтяной сфере, отсутствии геополитических препятствий для наращивания добычи, вполне реалистичной выступает возможность выхода на уровень добычи в 12,5 мбс, о которой заявлялось до пандемии. Это потребует более длительной перспективы развития отрасли в Саудовской Аравии, инвестирования

в транспортную и перерабатывающую инфраструктуру за рубежом. Однако в ближайшей перспективе Саудовской Аравии сложно придерживаться четкой стратегии в области развития нефтяной сферы хозяйства из-за неопределенности относительно состояния мирового спроса на нефть. Это осложняет прогнозирование возможных доходов от экспорта нефти, необходимых для вложения в диверсификацию экономики, «монетизации» нефтяных ресурсов.

Перспективным является дальнейшее развитие нефтехимии, однако здесь также необходимо инвестирование в переработку за рубежом, существует и серьезная конкуренция со стороны перерабатывающих производств в странах-импортерах нефти, а в настоящее время пандемия замедлила рост мировой нефтехимии на фоне экономического спада.

Естественно, что неопределенность вносится и тенденцией к снижению потребления ископаемого топлива и перехода к «зеленой экономике», хотя темпы этого перехода оцениваются по-разному и роль нефти остается значительной, а также конкуренцией со стороны производителей вне ОПЕК и производителей сланцевой нефти. При этом цена на нефть должна обеспечивать покрытие ряда инвестиционных и текущих нужд экономики Саудовской Аравии, ОАЭ, других аравийских монархий, до тех пор, пока стратегия экономической диверсификации не обеспечит снижение зависимости аравийских монархий от «нефтедолларов». То есть ключевым вопросом выступает темп экономической диверсификации, с одной стороны, и наличие возможностей достаточно эффективно влиять на положение на мировом рынке нефти, с другой. В целом, перспективы воздействия на стабилизацию рынка будут определяться как состоянием мировой экономики на фоне пандемии или выхода из нее, так и результатами скоординированной политики стран – участников Соглашения ОПЕК+, так как даже такой крупнейший поставщик, как Саудовская Аравия, не может самостоятельно оказывать решающего воздействия на рынок нефти.

Экономическая диверсификация в аравийских монархиях еще не создала устойчиво замещающие «нефтедоллары» потоки доходов. Сдвиги на этом пути уже заметны, достаточно сказать о росте экспорта нефтехимической продукции из стран ССАГПЗ, успехах ОАЭ в укреплении своей роли коммерческого, финансового и туристического

ческого центра мирового значения (хотя по туризму пришелся особенно сильный удар пандемии COVID-19). Движение по пути диверсификации выражается в наращивании экспорта продукции обрабатывающей промышленности в ОАЭ, особенно из свободных экономических зон ОАЭ. Уже в 2016 г. ОАЭ имели 2 место после Бахрейна по доле обработанных товаров в экспорте, которая составляла 69,7% и с 1995 г. возросла на 39%. Но зависимость государственных доходов от нефти все еще высока, о чем свидетельствуют, в частности, данные о бюджетно-безубыточных уровнях цены на нефть, позволяющих при данном уровне как ненефтяных, так и нефтяных доходов покрывать необходимые бюджетные расходы (Табл. 2). Ослабление зависимости государственных доходов от доходов от экспорта нефти в перспективе будет одним из важнейших индикаторов успеха диверсификации (хотя это связано с чувствительной для аравийских монархий проблемой социальной стабильности).

Таблица 2

**Уровень бюджетно-безубыточной цены на нефть
в Саудовской Аравии, ОАЭ и других странах ССАГПЗ
по оценке на май 2020 г. (долл. за баррель)²⁰**

	Саудов- ская Аравия	ОАЭ	Кувейт	Катар	Оман	Бах- рейн
Бюджетно- безубыточная цена	76,1	69,1	61,1	39,9	86,8	95,6
Цена, необходимая для поддержания нулевого сальдо платежного баланса	44,2	32,0	50,6	37,6	62,1	80,8

Определенные сдвиги в снижении роли нефти в государственных доходах были достигнуты, но бюджетно-безубыточные цены еще высоки для условий рынка нефти, сложившихся в 2020 г. на фоне пандемии COVID-19. Катар находится в более выгодном положении, как крупный экспортер природного газа, на экспорт которого делают большую ставку, чем на экспорт нефти.

Резервы дальнейшей реструктуризации финансов в аравийских монархиях существуют. Так в Саудовской Аравии в 2020 г. доходы

госбюджета от нефти оценивались в 513 млрд сауд. риалов, а нефтяные – в 320 млрд, то есть нефтяные доходы составили 38% (при этом из-за пандемии и спада на рынке нефти доходы Саудовской Аравии от нефти в 2020 г. снизились примерно на 30%)²¹. В ОАЭ до пандемии за счет доходов от нефти формировалось около 35% государственных доходов²².

С точки зрения ряда западных экспертных центров, для диверсификации хозяйства нефтяных монархий и в 2021 году важнейшими направлениями остаются демонополизация рынка, в т.ч. в сфере коммунальных услуг, дальнейшее устранение барьеров для частного предпринимательства, повышение прозрачности бизнеса, институциональные и налоговые реформы (фискальная диверсификация), а также совершенствование системы образования, подготовки кадров²³. Впрочем, это давно проводящиеся в жизнь в аравийских монархиях направления диверсификации. Однако их воплощение в жизнь связано с национальными чертами, политическим устройством и с особенностями стратегии развития аравийских стран, не обладающих всеми параметрами современной промышленно развитой и одновременно рыночной экономики, соответствующей параметрам стран ОЭСР. Причем в этих условиях в монархиях монокультурный характер природно-ресурсной базы обуславливает существование естественных монополий, которые выступают механизмом для использования ресурсов с учетом задач модернизации и поддержания социальной стабильности.

Таким образом, перспективы восстановления двух крупнейших экономик арабского мира, Саудовской Аравии и ОАЭ, а также и других аравийских монархий, с одной стороны, будут основываться на восстановлении экономического роста благодаря снятию ряда ограничений, началу процесса вакцинации от коронавируса, а с другой стороны, на потенциале восстановления спроса и цен на нефть. В силу неопределенностей с развитием пандемии COVID-19, равно как и с развитием ситуации на мировом рынке нефти, перспективы восстановления роста и экономической диверсификации в аравийских монархиях могут столкнуться с некоторыми трудностями. Очевидно, что власти монархий будут предпринимать коррекцию макроэкономической структурной и бюджетно-финансовой политики с тем, чтобы изыскать новые направления диверсификации экономического

роста и резервы финансирования. Хотя до 2050 г. Саудовская Аравия по многим оценкам будет занимать место крупнейшего мирового экспортера нефти, подстегнутый пандемией COVID-19 тренд декарбонизации мировой экономики может усилиться, вследствие чего для аравийских монархий не имеют альтернативы различные направления диверсификации в сторону развития ненефтяных секторов хозяйственной деятельности. Вместе с тем необходима и диверсификация в самом нефтегазовом секторе: внедрение новых технологий со снижением издержек добычи и переработки нефти, снижение углеродной интенсивности в отрасли (в Саудовской Аравии она уже значительно ниже, чем при добыче тяжелой нефти в Венесуэле или в нефтяных песках в Канаде), а также расширение инвестиций в переработку и производство конечной продукции за рубежом. Последнее необходимо для получения большей доли добавленной стоимости от нефти. Еще одно направление диверсификации непосредственно в сфере нефти и нефтехимии – декарбонизация конечной продукции (то есть участие в инвестициях в технологии улавливания углерода и снижения его выделения, в чем Саудовская Аравия стремится активно участвовать). Наряду с этим необходимо продолжение усилий Саудовской Аравии по координации нефтяной политики стран – производителей в рамках Соглашения ОПЕК+.

¹ GCC to lose \$270 billion in oil revenues in 2020, says IMF // Gulf News. URL: <https://gulfnews.com/business/gcc-to-lose-270-billion-in-oil-revenues-in-2020-says-imf-1.1594640168553>

² Recovering from the dual shock of COVID-19 and the oil price drop // Strategy&. URL: <https://www.strategyand.pwc.com/m1/en/covid-19-oil-price-drop-gcc.html>

³ IMF reveals 2021 forecasts for oil prices and the Middle East economy. 19.10.2020. URL: <https://www.cnbc.com/2020/10/19/imf-reveals-2021-forecasts-for-oil-prices-and-the-middle-east-economy.html>

⁴ Страны ОПЕК+ решили ослабить сокращение добычи на 25% . URL: <https://www.rbc.ru/business/03/12/2020/5fc8c3999a7947f5d133f10c>

⁵ Oil Tops \$50 With Saudis Pledging a Surprise Unilateral Cut. Bloomberg. 5.01.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-04/oil-extends-losses-after-opec-talks-suspended-without-decision>

⁶ IEA cuts 2021 oil demand outlook as new Covid lockdowns weigh on fuel sales. 19.01.2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/01/19/oil-iea-cuts-2021-demand-outlook-on-renewed-covid-lockdown-measures.html>

⁷ A crude future? COVID-19s challenges for oil demand, supply and prices // Energy Res. Soc. Sci. 2020 Oct. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7360512/>

- ⁸ Mataf (Online converter). URL: <https://www.mataf.net/en/currency/converter-SAR-USD>
- ⁹ Saudi Arabia Budget Report 2021 // KPMG. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/sa/pdf/2020/kpmg-saudi-arabia-budget-report-2021.pdf>
- ¹⁰ Ibid. P. 8–9.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² 2021 Outlook: Worst seems to be over for Saudi Arabia // ZAWYA. 17.12.2021. URL: https://www.zawya.com/mena/en/economy/story/2021_Outlook_Worst_seems_to_be_over_for_Saudi_Arabia-ZAWYA202101217051212/
- ¹³ United Arab Emirates. Government and institution measures in response to COVID-19 // KPMG. // <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/04/united-arab-emirates-government-and-institution-measures-in-response-to-covid.html>
- ¹⁴ Outlook 2021: UAE's economic recovery in 2021 // Gulf Business. 8.01.2021. URL: <https://gulfbusiness.com/outlook-2021-uaes-economic-recovery-in-2021/>
- ¹⁵ United Arab Emirates – Economic Update. Market Report. 22.12.2020. URL: <https://www.embassypages.com/newzealand-embassy-abudhabi-unitedarabemirates>
- ¹⁶ Sheikh Mohammed approves Dh571 billion Dubai budget for 2021. 27.12.2020. URL: <https://www.khaleejtimes.com/news/government/20201227/sheikh-mohammed-approves-dh571-billion-dubai-budget-for-2021>
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Dubai private sector returns to growth in December but job cuts continue // Arabian Business. 11.01.2021. URL: <https://www.arabianbusiness.com/retail/457148-dubai-private-sector-returns-to-growth-in-december-but-job-cuts-continue>
- ¹⁹ UAE and GCC economies to rebound in 2021: HSBC's regional CEO. URL: <https://gulfnnews.com/business/banking/uae-and-gcc-economies-to-rebound-in-2021-hsbc-regional-ceo-1.74473371>
- ²⁰ Gulf States: Managing the Oil Crash // CSIS. 7.05.2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/gulf-states-managing-oil-crash>
- ²¹ KPMG Kingdom of Saudi Arabia Budget Report A review of the Saudi Arabia 2020 budget. URL: <https://home.kpmg/content/dam/kpmg/sa/pdf/2019/KingdomofSaudi%20Arabia2020BudgetReport.pdf>
- ²² Is the UAE moving away from oil? URL: <https://www.financialexpress.com/opinion/is-the-uae-moving-away-from-oil/1315453/>
- ²³ Saudi Oil Policy: Continuity and Change in the Era of the Energy Transition. The Oxford Institute for Energy Studies. January 2021. P. 10–11. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2021/01/Saudi-Oil-Policy-Continuity-and-Change-in-the-Era-of-the-Energy-Transition-WPM-81.pdf>

Пандемия COVID-19 и афро-азиатские страны

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-156-174

Аннотация: В статье рассматривается распространение вируса COVID-19 в афро-азиатских странах. В меньшей мере затронуты пандемией ряд стран Восточной и Юго-Восточной Азии, некоторые из них эффективно использовали цифровые технологии для отслеживания заболевших, в других сыграли роль жесткое соблюдение требований властей и самодисциплина. Невысок уровень выявленных заболеваний и в странах Африки.

Рассматривается влияние пандемии COVID-19 и введенных против нее мер на экономику стран Азии и Африки.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, страны Азии и Африки, экономический рост, сокращение ВВП, безработица.

Tsvetkova N.N.

COVID-19 Pandemics and Afro-Asian Countries

Abstract: In the article, the spread of COVID-19 pandemic in African and Asian countries is examined. East Asian and some South East Asian countries are less affected, some of them have efficiently used digital technologies for tracing infected people, and other countries have strictly observed government measures to combat the pandemic. The number of detected cases is not high also in African countries.

The impact of the pandemic and the measures applied against it on the economy of Asian and African countries is analyzed.

Keywords: COVID-19 pandemic, Asian and African countries, economic growth, GDP, unemployment.

Центральным событием 2020 года, «черным лебедем» для мировой экономики стала пандемия COVID-19. Какие страны и регионы оказались в большей мере затронуты пандемией, какие меры реально способствовали ее сдерживанию, какое влияние оказала пандемия на мировую экономику? На эти вопросы стремится ответить автор в настоящей статье.

Таблица 1

**Пандемия COVID-19: страны Азии и других регионов,
апрель 2020 г. – январь 2021 г. (тыс. человек)¹**

	Число заразившихся 26.04.2020		Число заразившихся 09.07.2020		Число заразившихся 01.10.2020		Число заразившихся 04.01.2020	
	Тыс.	Тыс. на 1 млн чело- век	Тыс.	Тыс. на 1 млн чело- век	Тыс.	Тыс. на 1 млн чело- век	Тыс.	Тыс. на 1 млн чело- век
Турция	107,8	1,3	209,0	2,5	318,7	3,8	2241,9	26,4
Иран	90,5	1,1	250,5	3,0	457,2	5,4	1249,5	14,8
Китай	82,8	0,058	83,6	0,058	85,4	0,059	87,2	0,061
Индия	26,5	0,019	771,9	0,6	6312,6	4,6	10345,1	7,5
Сауд. Аравия	16,3	0,468	220,1	6,3	334,6	9,6	363,2	10,4
Ирак							598,4	14,7
Израиль	15,4	1,8	33,9	3,7	248,1	27,0	442,2	48,1
Сингапур	13,6	2,329	45,4	7,8	57,8	9,9	58,7	10,0
Япония	13,2	0,105	20,2	0,16	83,0	0,66	241,0	1,9
Пакистан	12,7	0,058	240,8	1,1	312,8	1,4	488,5	2,2
Южная Корея	10,7	0,209	13,3	0,3	23,9	0,5	64,3	1,3
ОАЭ	9,8	1,0	53,6	5,4	94,2	9,5	214,7	21,6
Катар	9,4	3,248	102,1	36,4	125,8	44,8	144,6	51,5
Индонезия	8,9	0,032	70,7	0,26	287,0	1,0	772,1	2,8
Филиппины	7,6	0,069	51,8	0,5	311,7	3,5	478,8	4,3
Малайзия	5,8	0,179	8,7	0,27	11,2	0,35	120,8	3,7
Бангладеш	5,4	0,033	175,5	1,1	363,5	2,2	516,0	3,1
Таиланд	2,9	0,042	3,2	0,046	3,6	0,05	8,4	0,12
Бахрейн			30,9	18,2	70,9	41,3	93,5	54,0
Тайвань	0,429	0,018	0,449	0,019	0,514	0,02	0,815	0,03
Вьетнам	0,270	0,003	0,369	0,004	1,1	0,01	1,5	0,015
США	960,9	2,9	3160,0	9,5	7447,7	22,5	21114,0	63,6
Испания	223,8	4,8	300,0	6,4	769,2	16,5	1936,7	41,4

Окончание табл. 1

	Число заразившихся 26.04.2020		Число заразившихся 09.07.2020		Число заразившихся 01.10.2020		Число заразившихся 04.01.2020	
	Тыс.	Тыс. на 1 млн чело- век	Тыс.	Тыс. на 1 млн чело- век	Тыс.	Тыс. на 1 млн чело- век	Тыс.	Тыс. на 1 млн чело- век
Италия	195,4	3,2	242,1	4,0	314,9	5,2	2155,4	35,7
Франция	161,5	2,5	169,5	2,6	563,5	8,6	2655,7	40,6
Германия	156,5	1,9	198,8	2,4	292,9	3,5	1785,7	21,3
Великобритания	148,4	2,2	287,0	4,2	453,3	6,7	2654,8	39,0
Россия	80,9	0,6	707,3	4,9	1176,3	8,1	3260,1	22,3
Бельгия							650,0	56,0
Швеция							437,4	43,2
Чехия							746,7	70,0
Польша							1322,9	35,0
Украина							1078,3	24,7

На 4 января 2021 г. первое место в мире по числу инфицированных занимали США (21 млн инфицированных), второе – Индия (10,3 млн 7,5 тыс. на 1 млн населения), третье – Бразилия, четвертое – Россия. Если в начале октября в первую десятку по числу заражений входили 5 стран Латинской Америки: кроме Бразилии, Колумбия, Перу, Мексика, Аргентина, и одна страна Африки – ЮАР, то к началу 2021 г. – 5 стран Западной Европы Франция, Великобритания (5 и 6-е места), Италия, Испания и Германия (8–10-е места), США, одна страна Латинской Америки – Бразилия, а также Россия и 2 страны Азии: Индия и Турция (7-е место).

Во вторую десятку стран по числу инфицированных к 4 января 2021 г. входили 2 страны Азии: Иран (15-е место) и Индонезия (20-е место), одна страна Африки – ЮАР, 4 страны Латинской Америки: Колумбия, Аргентина, Мексика, Перу и 3 страны Европы: Польша, Украина, Нидерланды. Преобладали в первой двадцатке страны Европы (их было 8), Латинской Америки (5), в нее входили 4 страны Азии, одна страна Африки (ЮАР), США и Россия.

С 1 октября 2020 г. по 4 января 2021 г. число инфицированных коронавирусом возросло в США с 7,45 млн до 21,11 млн человек – более чем в 3 раза, в Великобритании – с 453,3 тыс. до 2654,8 тыс., более чем в 5 раз, во Франции – с 563,5 тыс. до 2655,7 тыс., почти в 5 раз, в Италии – с 314,9 тыс. до 2155,4, в 6 раз, в Испании – с 769,2 тыс. человек до 1936,7 тыс., в 2,5 раза. Появились страны, которые раньше не входили в число «антилидеров», но к 4 января у них зафиксирован высокий уровень заболеваемости: Польша – 1,32 млн, Украина – 1,08 млн. Высокий уровень распространения пандемии отмечен и в расчете на 1 млн населения: в США – 63,6 тыс., в Чехии – 70,0 тыс., в Бельгии – 56,0 тыс., в Испании – 41,4 тыс., во Франции – 40,6 тыс., в Великобритании – 39,0 тыс. Швецию, не вводившую ограничительных мер, все время приводили как удачный пример борьбы с пандемией, но на 4 января число инфицированных в этой небольшой по численности населения стране достигло 437,4 тыс., 43,2 тыс. на миллион жителей – это гораздо выше, чем в соседних скандинавских странах. С ситуацией в США и странах Западной Европы можно сравнить только ситуацию в латиноамериканских странах и некоторых странах Ближнего Востока.

К июлю 2020 г. Индия занимала третье место в мире по числу заболевших (772 тыс. человек). К 1 октября 2020 г. Индия вышла на второе место в мире с 6,3 млн человек, к 4 января 2021 г. число заболевших возросло до 10,35 млн но на 1 млн населения приходилось 7,5 тыс. случаев, что намного ниже, чем в других странах. В октябре 2020 г. индийские журналисты достаточно оптимистично оценивали ситуацию, говоря о том, число заболевших и уровень смертности в расчете на 1 млн человек (в стране с колоссальной численностью населения) невысокие².

Среди стран Азии во второй десятке на 1 октября 2020 г. фигурировали Иран, Бангладеш, Ирак, Саудовская Аравия, Турция, Пакистан, на 4 января 2021 г. – две страны: Иран и Индонезия. В третью десятку в январе 2021 г. вошли Ирак, Бангладеш, Пакистан, Филиппины, они занимали 26–29 места в мире по числу заболевших.

В Турции (вторая среди стран Востока по числу заболевших) число случаев возросло с 1 октября 2020 г. по 4 января 2021 г. с 312,8 тыс. до 2,24 млн в 7 раз; в Иране – с 457,2 тыс. до 1,25 млн в 2,5 раза, в расчете на 1 млн населения в начале 2021 г. – оно составило соответственно 26,4 тыс. и 14,8 тыс.

К 1 октября 2020 г. Бангладеш, и Пакистан вошли во вторую десятку: в Бангладеш было 363 тыс. инфицированных, в Пакистане – 312,8 тыс., к 4 января 2021 г. – соответственно 516 тыс. и 488,5 тыс., но в расчете на 1 млн населения число заразившихся в обеих странах было невелико: 3,1 тыс. и 2,2 тыс.

Уже в период с 26 апреля по 9 июля число инфицированных в странах Персидского залива стремительно выросло: в Саудовской Аравии – в 13,5 раз, с 16,3 тыс. до 220 тыс.; в Катаре – в 9,4 раза, до 102,1 тыс., в ОАЭ – в 5,5 раз, до 53,6 тыс. Кроме того, уже в июле в этих странах были очень высокими показатели числа инфицированных на 1 млн населения: 36,4 тыс. – в Катаре, 10,1 тыс. – в Омане, 18,2 тыс. – в Бахрейне. Правда, и число сделанных тестов было очень велико. Уже к 26 апреля каждый 10-й в ОАЭ сдал тест на коронавирус (впрочем, тесты можно сдавать неоднократно). К 4 января 2021 г. число инфицированных в Ираке достигло 598,4 тыс., в Саудовской Аравии – 363,2 тыс., в ОАЭ – 214,7 тыс. По числу заразившихся на 1 млн человек среди «антилидеров» находились Катар (51,5 тыс. тыс. на 1 млн населения), Бахрейн (54,0 тыс. на 1 млн населения)³.

Ситуация в Израиле считалась благоприятной. Однако уже на 26 апреля там насчитывалось 15,4 тыс. заразившихся. К 9 июля 2020 г. число заболевших увеличилось до 33,9 тыс., более чем в 2 раза. За полгода, с 9 июля до 4 января 2021 г. число инфицированных увеличилось до 442,2 тыс., 4 января 2021 г. их насчитывалось 48,1 тыс. на миллион, весьма высокий показатель. В Израиле были введены жесткие карантинные меры.

Среди стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) к 4 января число инфицированных коронавирусом было значительным в Индонезии – 772,1 тыс., на Филиппинах – 478,8 тыс., 9 июля заболевших в этих двух странах было немного – 71 тыс. и 52 тыс., но их число возросло соответственно до 287 тыс. и 311,7 тыс. к 1 октября. В Малайзии число инфицированных с 26 апреля к 1 октября 2020 г. увеличилось с 5,8 тыс. до 8,7 тыс., а к 4 января 2021 г. – до 120,8 тыс. Однако эти цифры не столь высокие по сравнению с показателями европейских и латиноамериканских стран.

Минимальным оставалось на 4 января 2021 г. число заболевших в Таиланде – 8,4 тыс. (0,12 тыс. на 1 млн населения), во Вьетнаме – 1,5 тыс. (0,015 тыс. на 1 млн, на Тайване – 815 заболевших (0,03 тыс. на 1 млн).

И по относительным, и по абсолютным показателям достаточно благополучно обстоит ситуация с коронавирусом в Южной Корее и Японии, хотя они столкнулись с ним раньше, чем США и европейские страны. В Южной Корее число заболевших увеличилось с 26 апреля к 1 октября с 10,7 тыс. до 23,9 тыс., к 4 января – до 64 тыс. (1,3 тыс. на 1 млн). В Японии с 26 апреля к 9 июля число заразившихся возросло с 13,2 тыс. до 20,2 тыс. человек, к 1 октября – 83 тыс., к 4 января – до 241,0 тыс. (1,9 тыс. на миллион населения). И в Южной Корее, и в Японии широко проводилось тестирование. При ухудшении ситуации в январе 2021 г. в Японии введен карантин, но не повсеместно, а в эпицентре распространения пандемии.

На Тайване уже в конце декабря 2019 г. стали отслеживать местоположение всех, кто прибыл из Уханя, их тут же поместили на карантин. Мобильное приложение показывало сведения обо всех инфицированных, где и когда они находились⁴. В Южной Корее каждый день проверяли на вирус 20 тыс. «подозреваемых», что, по разным данным, составляет от 3692 до 5370 на 1 млн человек – рекордные цифры в пересчете на душу населения. Можно было пройти тест, не выходя из машины. Передвижения инфицированных и их контакты стали отслеживать по платежным картам, по видеорекамерам, через мобильные приложения. Незарегистрированных сим-карт в Южной Корее нет. Вся информация о передвижениях больных коронавирусом сразу становилась достоянием гласности⁵. Все граждане могли узнать, куда и когда ходили инфицированные, и могли в случае контактов с ними обратиться к врачу.

Во Вьетнам первый инфицированный въехал из Китая еще в январе 2020 г. Страна смогла жестко подавить эпидемию в зародыше, установив строгий карантин не для всех, а только для тех, кто был инфицирован, и их контактов. Соседи помогали властям строго следить за соблюдением инфицированными карантина, снабжали сидящих на карантине продуктами. Другой фактор – дисциплина вьетнамцев: если им предписано сидеть дома, они будут строго соблюдать указания властей.

Достаточно благополучной считалась ситуация в Сингапуре. Однако с 26 апреля по 9 июля число заболевших увеличилось в 3,3 раза, с 13 тыс. до 45,4 тыс., к 4 января – до 58,7 (9,9 тыс. на миллион жителей, один из самых высоких показателей в Восточной и Юго-Восточной Азии).

В Китае с 26 апреля к 9 июля число инфицированных возросло с 82,8 тыс. до 83,6 тыс., к 1 октября – до 85,3 тыс.; к 4 января – до 87,2 тыс. (на 1 млн населения приходился 61 заболевший, 0,06 тыс.). В случае малейших вспышек заболевания быстро вводились жесткие ограничительные меры.

Наиболее успешной к началу 2021 г. можно признать борьбу с коронавирусом в странах Восточной и Юго-Восточной Азии: Китае, Тайване, Южной Корее, Японии, Вьетнаме и Таиланде.

Таблица 2

**Пандемия COVID-19: страны Африки и Латинской Америки,
июль 2020 г. – январь 2021 г.) (тыс. человек)⁶**

	Число заразившихся 09.07.20		Число заразившихся 01.10.20		Число заразившихся 04.01.21	
	Тыс.	Тыс. на 1 млн человек	Тыс. чел.	Тыс. на 1 млн человек	Тыс. чел.	Тыс. на 1 млн человек
Бразилия	1720,0	8,1	4813,6	22,5	7733,7	36,3
Перу	312,9	9,5	814,8	24,6	1019,5	30,7
Чили	303,1	15,6	463,0	24,2	618,2	32,2
Мексика	275,0	2,1	743,2	5,7	1448,8	11,2
Колумбия			829,7	16,3	1675,8	32,8
Аргентина					1640,7	36,1
ЮАР	224,7	3,8	674,3	11,3	1100,7	18,4
Египет	78,3	0,075	103,2	1,0	142,2	1,4
Нигерия	30,2	0,15	58,8	0,3	90,1	0,4
Гана	22,8	0,73	46,6	1,5	55,2	1,8
Камерун	14,9	0,56	20,8	0,78	26,8	1,0
Кот д'Ивуар	11,5	0,44	19,7	0,74	22,6	0,85
Кения	9,0	0,17	38,5	0,7	96,9	1,8
Сенегал	7,8	0,47	15,0	0,89	19,8	1,2
Конго	1,8	0,33	5,1	0,92	7,1	1,3
Кабо-Верде	1,5	2,8	6,0	10,8	11,9	21,3
Буркина Фасо	1,0	0,05	2,1	0,1	7,1	0,3
Эфиопия			75,4	0,7	125,6	1,1
Марокко			123,7	3,3	443,2	11,9
Тунис					143,5	12,1

Страны Латинской Америки: Бразилия, Колумбия, Аргентина, Мексика, Перу вошли в число «антилидеров» по распространению коронавируса. На 4 января 2020 г. в Бразилии насчитывалось 7,7 млн инфицированных (3-е место в мире), в Колумбии – 1,68 млн (11-е место), в Аргентине – 1,64 млн (12-е место), в Мексике – 1,45 млн (13-е место), Перу – 1,02 млн (18-е место). В этих странах высокий и относительный показатель заболеваемости в расчете на 1 млн жителей (36,3 тыс. в Бразилии, 36,1 тыс. в Аргентине, 32,8 тыс. в Колумбии, 32,2 тыс. в Чили).

Было высказано немало опасений об угрозе пандемии для стран Тропической Африки, тем более с учетом санитарных условий, нехватки больничных коек, врачей, лекарств. Но по состоянию на 9 июля 2020 г. большое число заболевших было отмечено только в ЮАР и Египте (225 тыс. и 78 тыс.). К 4 января 2021 г. ЮАР была шестнадцатой в мире (1,1 млн случаев). Достаточно большое число заболевших было выявлено к 4 января 2021 г. в странах Северной Африки: Тунисе (143,5 тыс.), Марокко (123,7 тыс.), Египте (103,2 тыс.). Что же касается стран Тропической Африки, то с 9 июля 2020 г. по 4 января 2021 г. число заболевших в Нигерии увеличилось с 30,2 тыс. до 90,1 тыс., в Гане – с 23 тыс. до 55,2 тыс., в Камеруне – с 15 тыс. до 20,8 тыс., в Кот д’Ивуаре – с 12 тыс. до 22,6 тыс., в Кении – с 9 тыс. до 96,9 тыс., в Сенегале – с 7,8 тыс. до 19,8 тыс., в Республике Конго – с 1,8 тыс. до 7,1 тыс., в Кабо-Верде – с 1,5 тыс. до 11,9 тыс., в Эфиопии (с 1 октября 2020 г.) – с 75 тыс. до 125 тыс. Быстрый рост числа заболевших за полгода можно отметить в Нигерии (в 3 раза), Кении (в 9 раз), Кабо-Верде (в 8 раз), в Гане и Сенегале – более чем в 2 раза. Однако в целом цифры невысокие, особенно если сравнивать их с показателями стран Латинской Америки, США, Европы. Относительный показатель на 4 января 2021 г. в большинстве стран Тропической Африки был невысоким: 0,3 тыс. на миллион человек в Буркина Фасо и 0,4 тыс. в Нигерии, от 1 тыс. до 2 тыс. – в Египте, Нигерии, Гане, Кении, Республике Конго, Сенегале. Заметно выше был этот показатель в Кабо-Верде – он достиг к 4 января 2021 г. 21,3 тыс. на 1 млн (при населении страны в 0,5 млн, в ЮАР – 18,4 тыс., в Марокко – 11,9 тыс. Но это гораздо ниже, чем в Бразилии, Аргентине, Чили (см. табл. 2). В чем тут причина? Меньшее количество анализов, безусловно, но оно и в странах Латинской Америки невелико. Симптомы коронавируса – температуру, ломоту в мышцах – можно легко спутать

с симптомами распространенной в Африке малярии. Низкий уровень смертности можно объяснить и тем, что в Африке к группе риска – лицам старше 65 лет – относятся 3–4% населения. А у молодых людей заболевание часто проходит бессимптомно.

На фоне стран Европы и США, Южной Азии и Ближнего Востока страны Восточной Азии и ряд стран Юго-Восточной Азии и Африки демонстрируют относительно благополучную ситуацию.

Широкомасштабное тестирование, а также основанные на использовании цифровых технологий наблюдение за зараженными коронавирусом людьми в режиме реального времени, строгое отслеживание контактов зараженных способствовали сдерживанию распространения пандемии в Южной Корее, Китае, на Тайване.

Проводилось широкомасштабное тестирование. Так, в октябре 2020 г. в Циндао (КНР) выявили 13 заболевших. После этого за 5 дней было проведено тестирование на коронавирус всего населения девятимиллионного города⁷. В других странах – даже при не слишком широком использовании цифровых технологий сдерживание пандемии происходит благодаря дисциплинированности населения, строгому подчинению указаниям властей (Вьетнам). В третьих странах (в Африке) – можно предположить, что не все случаи заражения населения выявляются, охват тестированием в расчете на миллион жителей невысок. Хотя абсолютное число выявленных случаев невелико, африканские государства тоже принимают меры по противодействию пандемии, вводят карантин, переводят школьников на дистанционное обучение, например, в Кабо-Верде, Сенегале.

Экономические последствия пандемии

В связи с охватившей мир пандемией COVID-19 и принятыми для борьбы с ней мерами, в частности, введением карантина, локдауном, экономическая ситуация ухудшилась. Во втором квартале 2020 г. мировой ВВП упал на 7,2% по сравнению со вторым кварталом 2019 г., это худший результат с 1997 г. Рост ВВП во втором квартале был зарегистрирован только у Китая (в первом квартале ВВП сократился)⁸. Падение ВВП в апреле–июне 2020 г. по сравнению с апрелем–июнем 2019 г. составило в Индии – 23,9%, в Великобритании – 21,7%, во Франции – 18,9%, в Италии – 17,7%, в Канаде – 13%, в Германии – 11,3%, в Японии – 9,9%, в США – 9,1%⁹.

Таблица 3

**Динамика ВВП и уровень безработицы
в 2019–2021 гг. (оценки МВФ) (%)¹⁰**

Страны	Динамика ВВП (%, +/-)			Уровень безработицы (% от экономически активного населения)	
	2019	2020*	2021**	2019	2020*
Все страны	2,4	-4,7	3,8		
В т. ч. развитые страны:	1,7	-5,8	3,9		
США	2,2	-4,3	3,1	3,7	8,9
Зона евро	1,3	-8,3	5,2	7,6	8,9
- Германия	0,6	-6,0	4,2	3,1	4,3
- Франция	1,5	-9,8	6,0	8,5	8,9
- Италия	0,3	-10,6	5,2	9,9	11,0
- Испания	2,0	12,8	7,2	14,1	16,8
Япония	0,7	-5,3	2,3	2,4	3,3
Великобритания	1,5	-9,8	5,9	3,8	5,4
Канада	1,7	-5,1	5,2	5,7	9,7
Австралия	1,8	-4,2	3,0		
Израиль	3,4	-5,4	4,9	3,8	6,0
Россия	1,3	-4,1	2,8	4,6	5,6
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	-0,5	-8,1	3,6		
-Бразилия	1,1	-5,8	2,8	11,9	13,4
-Аргентина	-2,1	-11,8	4,9	9,8	11,0
-Колумбия	3,3	-8,2	4,0	10,5	17,3
-Мексика	-0,3	-9,0	3,5	3,5	5,2
Азия					
-Южная Корея	2,0	-1,9	2,9		
-Тайвань	2,7	0	3,2		
-Сингапур	0,7	-6,0	5,0		
-Гонконг	-1,2	-7,5	-3,7		

Страны	Динамика ВВП (%, +/-)			Уровень безработицы (% от экономически активного населения)	
	2019	2020*	2021**	2019	2020*
Азия: страны с развивающимися рынками и развивающиеся страны	5,7	-0,7	8,0		
-Китай	6,1	1,9	8,2		
-Индия	4,2	-10,3	8,8		
-Индонезия	5,0	-1,5	6,1		
-Таиланд	2,4	-7,1	4,0		
-Малайзия	4,3	-6,0	4,8		
-Филиппины	6,0	-8,3	7,4		
-Вьетнам	7,0	1,6	6,7		
Ближний Восток и Центральная Азия	1,0	-5,7	3,2		
-Иран	-6,5	-5,0	3,2		
-Турция	0,9	-5,0	5,0	13,7	14,6
-Пакистан	1,9	-0,4	1,0		
-ОАЭ	1,7	-6,6	1,3		
-Саудовская Аравия	0,3	-5,4	3,1		
-Катар	0,8	-4,5	2,5		
Россия	1,3	-4,1	2,8	4,6	5,6

*оценка МВФ.

**прогноз МВФ.

На фоне пандемии, по предварительным оценкам МВФ, сделанным в октябре 2020 г., мировой ВВП сократится в 2020 г. на 4,7%, в том числе в развитых странах – на 5,8%, в США – на 4,2%, в зоне евро – на 8,3%. В Испании ВВП снизится на 12,8%, в Италии – на 10,6%, во Франции и Великобритании – на 9,8%, в Германии – на 6%. Прогноз был опубликован в октябре, а с 1 октября по 4 января 2021 г. число заболевших в этих странах резко возросло.

Значительное падение ВВП имеет место в 2020 г. в странах Латинской Америки и Карибского бассейна – на 8,1%, в том числе

в Аргентине – на 11,8%, в Колумбии – на 8,2%, в Бразилии – на 5,8%. В ряде стран Европы (Испании, Италии, Франции), и в странах Латинской Америки (Колумбии, Бразилии, Аргентине) резко возросла безработица (см. табл. 3).

Меньшим будет сокращение ВВП в странах Азии с развивающимися рынками – в среднем на 0,7%. Но за этой средней цифрой скрываются разные ситуации. В целом рост ВВП отмечен среди стран всех регионов, фигурирующих в табл. 3, только в 2 странах – Китае (1,9%) и Вьетнаме (1,6%). Даже страны, в целом успешно справившиеся с пандемией к январю 2021 г., столкнулись с сокращением ВВП: на 1,9% – у Республики Кореи, на 5,3% – у Японии; нулевой рост ВВП отмечен на Тайване. В Таиланде, где число заболевших невелико, падение ВВП составило 7,1%, в немалой степени это можно объяснить сокращением доходов от туризма. На Филиппинах ВВП понизится на 8,3%, в Малайзии – на 6,1%, в Сингапуре – на 6,0%. В Индии ВВП сократится на 10,8%, страна сильно пострадала от пандемии, она находится на втором месте в мире по числу заболевших. В странах Северной Африки, Ближнего Востока и Центральной Азии ВВП сократится в 2020 г. на 5,7%, в том числе в Турции и Иране – на 5%, значительно сокращение ВВП у стран-экспортеров нефти: ОАЭ, Саудовской Аравии, Катара (см. табл. 3).

Таблица 4

Динамика ВВП в 2019–2021 гг. (оценки МВФ) (%)¹¹

	2019	2020*	2021**
Африка к югу от Сахары	2,8	-3,5	3,1
Нигерия	2,2	-4,3	1,7
Ангола	0,9	-4,0	3,2
Республика Конго	-0,6	-7,0	-0,8
ЮАР	0,2	-8,0	3,0
Гана	6,5	0,9	4,2
Сенегал	5,3	-0,7	5,2
Кот д’Ивуар	6,5	1,8	6,2

Окончание табл. 4

	2019	2020*	2021**
Страны с низким доходом	5,9	0,1	3,4
-Эфиопия	9,0	1,9	0,0
-Кения	5,4	1,0	4,7
-Танзания	7,0	1,9	3,6
-Уганда	6,7	-0,3	4,9
-ДРК	4,4	-2,2	3,6
-Мали	5,1	-2,0	4,0
-Мадагаскар	4,8	-3,2	3,2
Марокко	2,2	-7,0	4,9

*оценка МВФ.

**прогноз МВФ.

ВВП Марокко в 2020 г. снизится на 7%. Среди стран Африки южнее Сахары наибольшим в 2020 г. будет сокращение ВВП у ЮАР (-8%) и у стран-экспортеров нефти: Республики Конго (-7%), Нигерии (-4,3%), Анголы (-4%). Сократится ВВП у Мадагаскара (-3,2%), Демократической Республики Конго (-2,2%), Мали (-2%), Уганды (-0,3%). Между тем это страны с низким ВВП на душу населения, для них такое сокращение особенно болезненно. На 0,7% снизится ВВП в Сенегале. У целого ряда стран Тропической Африки: Танзании, Эфиопии, Кении, Кот д'Ивуара, ВВП повысится на 1-2%, у Ганы – менее чем на 1% (см. табл. 4).

Коронавирус уже сыграл роль «черного лебедя» в мировой экономике. В Докладе Мирового банка «Глобальные экономические перспективы, аналитические главы» за июнь 2020 г. отмечается, что «пандемия КОВИД-19 нанесла разрушительный удар по и без того уже хрупкой глобальной экономике», имела место «беспрецедентная комбинация негативных шоков». Многие страны вводили локдаун. И сама пандемия, и принятые меры повлекли за собой сокращение спроса и закрытие предприятий.

В ряде развивающихся стран уровень падения ВВП ниже, чем в развитых, и на основе этого делаются прогнозы о повышении роли в мировой экономике таких стран, как Китай, Вьетнам, даже страны Африки. В аналитических материалах Мирового банка сделан вывод,

что среди стран с развивающимися рынками и развивающихся стран «особенно пострадают страны, которые зависят от экспорта сырья, поступлений от туризма, переводов эмигрантов, те страны, которые вовлечены в глобальные цепочки стоимости (ГЦС) и опираются на экспорт своей промышленной продукции»¹². Много ли развивающихся стран не войдет в этот перечень? И скорее всего, это будут менее развитые страны, чей экономический бум вызывает серьезные сомнения.

Обвал цен на мировом рынке углеводородов в 2020 г. был колоссальным. Упал спрос и на другие виды сырья. Цены на металлы понизились к концу апреля на 23%¹³. От падения спроса и цен на мировом рынке сырья пострадали экспортеры сырья. В Африке наиболее заметно сократился в 2020 г. ВВП у стран-экспортеров нефти: Анголы, Нигерии, Республики Конго, на Ближнем Востоке – у Саудовской Аравии, ОАЭ, Катар.

Многие страны Азии и Африки получают значительные переводы от эмигрантов. По абсолютным масштабам переводов от эмигрантов в середине 2010-х гг. лидировали Индия, Китай, Филиппины, Нигерия, Египет, Пакистан, Бангладеш, Вьетнам. Доля переводов была высокой у таких стран, как Таджикистан, Молдова, Грузия, Сенегал, Кабо-Верде¹⁴. В первой половине 2020 г. переводы от эмигрантов сократились у стран Тропической Африки приблизительно на 25%, у стран Восточной Европы и Центральной Азии – на 28%, у стран Южной Азии – на 22%¹⁵. Это означает падение доходов достаточно широких слоев населения, весьма существенное для этих стран.

От коллапса международной торговли промышленной продукцией пострадают страны, активно включенные в глобальные цепочки стоимости, это страны – экспортеры готовой продукции, например, электроники, в частности, многие страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Правда, Китай, например, сейчас все больше ориентируется на внутренний спрос.

В краткосрочном плане пандемия уже ограничила перемещение людей между странами, вызвала сокращение числа международных рейсов до 20% от прежнего уровня, прекращение поездок туристов, сокращение международной торговли, нарушение контрактов о поставках, отток капитала из стран с развивающимися рынками

и развивающихся стран, падение цен на сырье. «Шрамы останутся надолго»: коронакризис окажет влияние на инвестиции, инновации, произойдет эрозия человеческого капитала у безработных, сократится объем международной торговли¹⁶. «Сожмутся» глобальные цепочки стоимости, поэтому оценивать перспективы Китая стоит и с учетом данного фактора, хотя есть много данных в пользу усиления Китая, возможно, Вьетнама и некоторых экономик «фронтира».

Если говорить о перспективах стран Африки на фоне пандемии, то следует отметить, что в странах Тропической Африки более 60% занятых приходится на неформальный сектор. 70% населения регионов южнее Сахары живет ниже уровня бедности. Доходы в неформальном секторе в среднем в 4 раза ниже, чем доходы в организованном секторе (2 тыс. и 8 тыс. долл. в год). 70% жителей стран Африки южнее Сахары живут в трущобах, 70% населения в них страдает от недоедания¹⁷. Это к вопросу об оценке перспектив прорывного развития этих стран. Впрочем, высокие темпы возможны, но это будет эффект низкой базы. Общий вывод аналитиков Мирового банка: «Глобальная рецессия будет глубокой и продолжительной»¹⁸.

Сильнее других пострадали некоторые отрасли. Были практически сведены к минимуму международные авиаперевозки. Пострадала сфера туризма, а она имеет немалое значение для целого ряда стран, в том числе стран Европы, Азии, Африки.

Мировой экспорт туристических услуг, по данным ЮНКТАД, в 2018 г. достиг 1,44 трлн долл., 26,4% от всего мирового экспорта услуг¹⁹. 58,7% доходов от экспорта туристических услуг приходилось в 2018 г. на развитые страны, доля развивающихся стран Азии составила 28,9%, стран Африки – 3,5%²⁰.

Среди 15 ведущих экспортеров туристических услуг, по данным ВТО, в 2017 г. лидировали Евросоюз (417 млрд долл.; все 28 стран вместе взятые, ведущими экспортерами были Франция, Испания, Италия, Великобритания), США; Австралия, Канада. Среди 15 первых экспортеров туристических услуг были страны и территории Азии: Таиланд (третье место, 57,5 млрд долл., 2,1% мирового экспорта), Китай (38,8 млрд долл.), Макао (КНР) (35,7 млрд долл.), Япония (33,9 млрд долл.), Гонконг (КНР) (33,2 млрд долл.), Индия, Турция, ОАЭ, Сингапур²¹.

Страны Африки не входят в число первых экспортеров туристических услуг. Однако целый ряд стран Африки успешно развивает

международный туризм: среди стран Северной Африки – это Египет, Марокко, Тунис, среди стран Африки южнее Сахары – ЮАР, Танзания, Маврикий, Кения, Уганда, Руанда, Сенегал, Сейшельские острова, Нигерия, Ботсвана, Мадагаскар, Кабо-Верде, Камерун, Намибия, Эфиопия, Замбия, Гана, Кот д’Ивуар, Мозамбик, Зимбабве, Гамбия²². Доходы от туризма для стран Африки часто являются одним из основных источников поступлений от экспорта, у них не так много альтернативных источников валютных доходов. Потеря этих доходов для них более болезненна, чем для развитых стран.

В марте 2020 г. доходы от международного туризма сократились в мире на 75%. К 27 апреля выполнялось лишь 20% от общего числа международных рейсов по сравнению с предыдущим годом. У стран, участвовавших в опросе Мирового банка, число прибывающих туристов сократилось на 100%²³.

Пандемия коронавирусной инфекции подстегнула интерес в сфере туризма и общественного питания к аппаратам, которые могут обслуживать людей. Конкуренция с роботами грозит категориям персонала, работающего в тесном контакте с клиентами: горничным, швейцарам и официантам. По данным американского агентства Research and Markets, в 2019 г. объем мирового рынка сервисных роботов превысил 17 млрд долл., роботы доставляют постояльцам багаж и ужин, убирают номера и помогают на кухне.

Рестораны из-за пандемии могут превратиться в столовые самообслуживания. Вместо комнаты отдыха для персонала появятся «отстойники» для роботов – помещения, где роботы будут храниться и заряжаться до следующей рабочей смены.

Роботы не только помогают сотрудникам, но и претендуют на их рабочие места. Первую роботизированную гостиницу построили в 2015 г. в японском тематическом парке Huis Ten Bosch. Теперь это сеть из 15 отелей, расположенных по всей Японии. Создатели отеля планируют построить тысячу роботизированных гостиниц по всему миру. Клиентов в японском отеле встречает человекоподобный робот-портье, внешне похожий на милую японку в белой форме. Пока постояльцы регистрируются в системе на терминале, она поддерживает несложную беседу на японском. Вещи до номера донесет робот-портье, а разложить их поможет робот-гардеробщик, который выглядит, как металлическая рука. Убирают в номере роботы-

пылесосы, а для желающих экскурсию по отелю проводит робот-экскурсовод. Вместо ключей в отеле используется технология идентификации лиц. Освещение в номере работает от датчиков движения. Работают в отеле и настоящие люди: они следят, чтобы роботы не вышли из-под контроля. На всей территории гостиницы установлены камеры, которые позволяют следить за работой сотрудников, как живых, так и механических.

При этом есть предположение, что официантов, горничных, кассиров и портье ждет сокращение: живые контакты клиентов с персоналом уйдут в прошлое. «И если сейчас роботы кажутся эксклюзивной дорогой игрушкой, то в будущем именно живые сотрудники будут считаться особенностью заведения. В будущем места, где клиентов обслуживают живые люди, перейдут в категорию элитных: гостиницы, рестораны и салоны красоты будут заманивать этим посетителей»²⁴.

Потеря рабочих мест пока была в большей степени связана с падением спроса, сокращением персонала и, вследствие этого, с закрытием компаний. Однако в перспективе на занятость окажет влияние и автоматизация. По многим странам Азии и Африки в Докладе МВФ от октября 2020 г. нет данных об уровне безработицы. Безработица заметно возросла в 2020 г. в США, Испании, Италии, Франции, Великобритании, в странах Латинской Америки, в Турции (см. табл. 3). Особенно затронутыми безработицей оказались молодые люди, те, кто впервые выходит на рынок труда. Каждый шестой молодой человек в мире потерял работу с начала коронакризиса. Молодежь, пострадавшую от этого кризиса больше других, уже назвали «поколением локдауна»²⁵. Однако в условиях пандемии возникают и новые рабочие места, например, резко возрос спрос на услуги курьеров.

Многие авторы приходят к выводу о необходимости изменения мировой экономической системы по выходе из пандемии.

Показательно, что с резкой критикой мировой экономической системы выступил Папа римский Франциск в своей энциклике «Fratelli tutti» от 3 октября 2020 г. В ней говорится: «Хрупкость мировых систем перед лицом пандемии продемонстрировала, что не все вопросы могут быть решены благодаря свободному рынку. Неолиберализм воспроизводит себя прибегая к магическим теориям

“просачивания благ от крупного бизнеса к массам населения” (trickle-down или spillover) как единственного решения социальных проблем общества. Но это не решает проблему неравенства, которое порождает новые формы насилия, угрожающие самой ткани общества. Порочная глобальная экономическая система постоянно держит бедных на грани выживания, обогащая немногих»²⁶.

¹ Составлено по: Reported Cases, Deaths, by Country, Territory or Conveyance. 26.04.2020; 10.07.2020; 02.10.2020; 5.01.2021. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/>

² Data is the new gold. This is how it can benefit everyone – while harming no one. Recoveries // India's Covid silver lining. Sonali Acharjee. Delhi. October 1, 2020. URL: <https://www.indiatoday.in/india-today-insight/story/recoveries-india-s-covid-silver-lining-1727448-2020-10-01>

³ Reported Cases and Deaths by Country or Territory. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/#countries>

⁴ Taiwan's aggressive efforts are paying off in fight against COVID-19. URL: <https://www.solutionsjournalism.org/stories/taiwan-s-aggressive-efforts-are-paying-off-in-fight-against-covid-19>

⁵ Туева Е. Как выздоровела Южная Корея // Коммерсант. URL: <https://www.msn.com/ru-ru/news/article/>

⁶ Составлено по: Reported Cases, Deaths, by Country, Territory or Conveyance. 10.07.2020; 2.10.2020; 04.01.2021. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/>

⁷ Последние данные о ситуации с COVID-19 в России и мире. URL: <https://ria.ru/20201018/koronavirus-1580324719>

⁸ Global GDP shrinks 7.2% in Q2CY20; records worst fall since 1997. 25.09.2020. URL: https://www.businesstoday.in/current/world/global-gdp-shrinks-72-in-q2cy20-records-worst-fall-since-1997/story/417023.html?utm_source=recengine

⁹ Which top economies have suffered worst GDP fall due to COVID-19? // BusinessToday. In. 1.09.2020. URL: <https://www.businesstoday.in/current/economy-politics/which-top-economies-have-suffered-worst-gdp-fall-due-to-covid-19/story/414683.html>

¹⁰ Составлено по: IMF. World Economic Outlook. A Long and Difficult Ascent. October, 2020. IMF, Wash., 2020. P. 11, 55 –59.

¹¹ Ibid.

¹² Global Economic Prospects. Analytical Chapters. June 2020. World Bank Group. P. 11.

¹³ Global Economic Prospects. Analytical Chapters. June 2020. World Bank Group. P. 138.

¹⁴ От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени. Колл. мон. / сост., науч., лит. ред. С. А. Панарин. ИВ РАН, Алтайский гос. Университет. Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2018. С. 84.

¹⁵ Global Economic Prospects. Analytical Chapters. June 2020. World Bank Group. P. 138.

¹⁶ Global Economic Prospects. Analytical Chapters. June 2020. World Bank Group. P. 134.

¹⁷ Global Economic Prospects. Analytical Chapters. June 2020. World Bank Group. P. 137, 143, 144.

- ¹⁸ Global Economic Prospects. Analytical Chapters. June 2020. World Bank Group. P. 148.
- ¹⁹ Services (BPM6): Exports and imports by service-category and by trade-partner, annual. Travel. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx>
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ World Trade Statistical Review 2018, WTO, Geneva, 2018. P. 154.
- ²² Services (BPM6): Exports and imports by service-category and by trade-partner, annual. Personal travel; World Development Indicators. 10.05.2020. URL: <http://wdi.worldbank.org/table/6.14#>
- ²³ Global Economic Prospects. Analytical Chapters. June 2020. World Bank Group. P. 137, 138.
- ²⁴ Лабутина Д. Люди исчезнут: как пандемия изменит рестораны и отели. Когда официантов и портье заменят роботы. 03.06.2020. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/06/a_13104853.shtml?datesubscribe=03062020&utm_source=email&utm_medium=gazeta_daily&utm_campaign=2020-06-03&utm_content=top_news&utm_term=title
- ²⁵ ILO Monitor. COVID and the World of Work. Fourth Edition. 27.05.2020.
- ²⁶ Market capitalism failed in COVID pandemic, needs reform: Pope Francis // Associated Press. 4.10.2020. URL: <https://www.businesstoday.in/current/economy-politics/market-capitalism-failed-in-covid-pandemic>

Экономическое сотрудничество России и Японии на фоне пандемии COVID-19

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-175-185

Аннотация: В статье рассматриваются перспективы российско-японских экономических отношений на современном этапе. Внимание уделяется выполнению Программы из 8 пунктов, разработанной и принятой в 2016 г. Особенно подробно изучается сотрудничество в области медицины, энергетики и передовых технологий на фоне пандемии COVID-19.

Ключевые слова: Япония, Россия, экономическое сотрудничество, пандемия, сотрудничество в области медицины, энергетика, передовые технологии.

Ustinova T.N.

Russian-Japanese economic cooperation during the COVID-19 pandemic

Abstract: The article considers trends and perspectives of Russian-Japanese relations at the present stage. Attention is paid to the implementation of the Eight-Point Program, developed and adopted in 2016. Cooperation in the fields of medicine, energy and advanced technologies during the coronavirus pandemic are analyzed in particular detail.

Keywords: Japan, Russia, economic cooperation, pandemic, cooperation in the field of medicine, energy, advanced technologies.

В конце июня 2019 г. в Осаке в рамках проходившего в то время Саммита «Группы двадцати» состоялись двусторонние переговоры Президента России В.В. Путина и премьер-министра Японии Синдзо Абэ. Это была рабочая встреча, во время которой стороны договорились о продолжении двустороннего сотрудничества в различных областях, несмотря на то, что им так и не удалось подписать мирный договор. Это необходимо, поскольку Россия и Япония являются непо-

средственными соседями и заинтересованы в партнерских отношениях друг с другом.

Развитие сотрудничества между Россией и Японией в различных экономических, научных, медицинских и других областях начало активно развиваться с начала 2000-х годов. С того времени, после подписания Соглашения об экономическом сотрудничестве в сентябре 2000 г. в Токио, работает российско-японская комиссия по научно-техническому сотрудничеству (КНТС). Организацией работы комиссии занимаются: с российской стороны Министерство науки и образования, с японской – Министерство иностранных дел Японии. До 2020 г. комиссия работала на постоянной основе: регулярно проводились совместные заседания, консультации и обсуждения новых проектов в научно-технической сфере.

Государства очень заинтересованы в торгово-экономическом партнерстве, поскольку для Японии Россия – это страна, способная обеспечить энергетическую и продовольственную безопасность (речь идет в том числе и о зависимости Японии от полезных ископаемых). А российский Дальний Восток для Японии – важнейший плацдарм, предусматривающий бесперебойное поступление энергетического сырья. России в свою очередь Япония может помочь в решении проблем с развитием экономики и промышленных технологий, а также она является источником инвестиций в дальневосточную промышленность.

После официального визита президента России В.В. Путина в 2016 г. Япония снова начала увеличивать инвестиции в российские проекты и закупать в России немалое количество сжиженного природного газа. Возник проект сооружения энергомоста, по которому электроэнергия из России передавалась бы непосредственно в Японию. Этот проект предполагается развивать постепенно: сначала передавать электроэнергию с уже имеющихся на острове Сахалин электростанций, потом добавить электроэнергию с материковых электростанций и в конечном итоге присоединить электроэнергию сибирских ГЭС. Со стороны Японии данным проектом занимается SoftBank Group, руководство которой готово инвестировать в него немалые суммы¹.

В 2016 г. по предложению премьер-министра Японии С. Абэ был принят план экономического сотрудничества из 8 пунктов. В рам-

ках этого плана было согласовано более 200 совместных проектов в разных областях. Например, в апреле 2018 г. состоялась официальная церемония начала работы Платформы для поддержки японских инвестиций на Дальнем Востоке (JPPV)². В настоящее время в рамках этого проекта при участии японских инвесторов уже успешно функционируют следующие предприятия: Дальневосточный центр глубокой переработки древесины (Амурск), Производство полимерных изоляторов (Хабаровск), производство резиновых и пластмассовых изделий (Хабаровский край), корпорация «Технониколь» (производство кровельных, гидро- и теплоизоляционных материалов, Хабаровский край), круглогодичный тепличный комплекс (республика Саха (Якутия), ряд производств композитного кораблестроения (Приморский край) и угледобывающий комплекс «Колмар» (республика Саха (Якутия)³. Японские инвесторы особенно заинтересованы в строительстве на Дальнем Востоке медицинских центров, деревообрабатывающих предприятий, заводов по производству строительных материалов, расширении действующих сельскохозяйственных комплексов. Проекты в основном малые и средние, но это все равно серьезный шаг к расширению сотрудничества в различных сферах, включая инновации, медицину, высокотехнологичное производство, развитие инфраструктуры и другие. На рабочем уровне продолжают консультации Японии с Россией по вопросам совместной хозяйственной деятельности на Южно-Курильских островах. Даже во время пандемии COVID-19 с использованием видеоконференций и других способов проводились заседания комплексной рабочей группы на уровне директоров департаментов 5 июня, 28 августа и 4 сентября, а также различные мероприятия, такие как встречи экспертов по обращению с отходами, по туризму и по выращиванию тепличных овощей, состоявшиеся 5 августа, 27 августа и 13 октября 2020 года⁴.

Большое внимание в настоящее время уделяется проектам в области медицины. Были подписаны меморандумы о сотрудничестве между ГНИЦПМ Минздрава России и Университетом медицинских наук Шиги, а также геронтологическим научно-клиническим Центром (ФГБОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России) и Национальным центром по изучению гериатрии и геронтологии (Япония) (ДВФУ)⁵. Япония очень заинтересована в совместных научных разработках таких тем, как исследования в области сердечно-со-

судистых заболеваний, смертность от которых в России по-прежнему остается на первом месте. Япония готова делиться наработками эндоваскулярных операций (операций не на открытом сердце) в обмен на данные многочисленных российских исследований. Также для Японии важен опыт проведения и сложных операций на сердце, и японские врачи хирурги-кардиологи готовы приезжать в Россию и проводить операции под руководством опытных российских коллег⁶. Сотрудничество планируется в таких областях, как долгосрочная медико-социальная помощь при деменции, использование электронных карт e-Health, телемедицинских технологий, внедрение инновационных технологий в области геронтологии и гериатрии.

Интересным направлением медицинского сотрудничества двух стран является телемедицина. Этому способствовало интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, что позволило повысить доступность квалифицированной медицинской помощи людям, находящимся вдали от современных медицинских центров. В настоящее время телемедицина является одной из самых активно развивающихся направлений здравоохранения. В Японии телемедицина и дистанционный мониторинг востребованы очень широко, в том числе и из-за значительного процента пожилых людей, поэтому любое сотрудничество в этом направлении рассматривается японскими специалистами как высокоприоритетное. В частности, в проектах Токийского университета принимают участие сотрудники НМИЦ радиологии и МНИОИ им. Герцена, МНОЦ МГУ им. Ломоносова⁷. В ноябре 2019 г. для обсуждения совместных исследований в данном направлении Москву посетил доктор Я. Ота – профессор Института медицинских исследований при Токийском университете. Его визит был организован директором АНО «Японский центр» Х. Митихиро⁸.

В современных условиях пандемии вируса COVID-19 подобное дистанционное общение пациента с врачом становится еще более актуальной задачей, поэтому можно прогнозировать дальнейшее развитие сотрудничества с японскими врачами и учеными в этом направлении.

В мае 2020 г. Президент России и премьер-министр Японии договорились о сотрудничестве двух стран в борьбе с коронавирусом. В качестве одного из конкретных проектов, которые приветство-

вали лидеры наших стран, можно назвать создание экспресс-теста на коронавирус нового типа, который разработало японо-российское совместное предприятие «Эвотек-Мирай Геномикс» на основе изобретенного в Японии метода экспресс-диагностики SmartAmp. Об этом экспресс-тесте президент Путин упомянул 17 марта как о тесте, разработанном совместно Японией и Россией. По связанному с тестом проекту 6 мая была достигнута договоренность об инвестировании через японо-российский инвестиционный фонд, созданный в 2017 году на основе Плана сотрудничества из восьми пунктов. Капитал для этого фонда предоставляется Японским банком экономического сотрудничества (JBIC) и Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ)⁹. Тест был разработан в результате сотрудничества с японской стороны – исследовательского института RIKEN (Институт физико-химических исследований), и венчурной компании, основанной RIKEN; с российской стороны – компании «Эйдос-Медицина», основанной Казанским федеральным университетом. Благодаря этому сотрудничеству станет возможным быстрое и высокоточное тестирование на коронавирус нового типа вне зависимости от места его проведения. Общий объем инвестиций в проект оценивается в 2,5 млрд рублей. Линейка тест-систем адаптирована как для стационарных лабораторий, так и для портативных мини-лабораторий¹⁰. Также развивается сотрудничество российских компаний с производителем медоборудования для гематологической диагностики компанией «Сисмекс», которая 4 июля 2019 г. запустила первую очередь локализованного в Московской области на территории парка «Дега Ногинск (Богородский)» предприятия по производству медицинских смесей и реагентов-анализаторов.

Одним из самых перспективных направлений экономического сотрудничества двух стран является энергетика. Особенно приоритетны четыре следующих направления: ископаемые виды топлива, атомная энергетика, возобновляемые источники энергии (ВИЭ) и водородная энергетика¹¹. В рамках состоявшегося в 2019 г. Международного экономического форума в Санкт-Петербурге был проведен бизнес-диалог «Россия-Япония» и заключен ряд новых экономических соглашений. Самая крупная сделка была заключена в энергетической сфере, традиционно выступающей в качестве самой привлекательной для вложений для японского бизнеса, и объясня-

ется скорее экономической целесообразностью, чем другими соображениями. После нескольких лет интереса к проекту, консорциум японских компаний Mitsui и Japan Oil, Gas and Metals National Corp. (JOGMEG) заключил сделку суммой около 3 млрд долл. о приобретении 10% в проекте по сжижению газа «Арктик СПГ-2» компании «Новатэк», а также о покупке около 2 млн т СПГ из этого проекта ежегодно на долгосрочной основе. Mitsui уже длительное время работает на российском рынке и является одним из главных иностранных участников проекта «Сахалин-2». Японские компании стали четвертым иностранным инвестором после французской Total и китайских CNODC («дочка» CNPC) и CNOOC¹². Незадолго до этого, в конце июня, в Японию была доставлена первая партия сжиженного газа из проекта «Ямал-СПГ» в рамках долгосрочного договора с Total.

Тема энергетики очень актуальна для Японии именно сейчас, когда она столкнулась с энергетическим кризисом. Причиной кризиса стали непривычно низкие показатели температуры воздуха. Рост потребления электроэнергии вырос в несколько раз, что и привело к существенному повышению цен на нее. В целом же причин энергетического кризиса несколько. Это и значительные потери в отрасли атомной энергетики после аварии на Фукусиме (атомный сектор потерял более 20% своих производственных мощностей), и отсутствие достаточного количества запасов природного газа, на который Япония стала переводить свои электростанции. В частности, крупнейшие компании Tokyo, Chubu, Kansai и Kyushu Electric Power практически вдвое сократили выработку электроэнергии. Также объемы производства сократили станции Higashi Ogishima и Kansai Electric¹³. Отрицательную роль сыграла пандемия COVID-19, которая обрушила мировые рынки углеводородов (как и многие другие направления). Практически все японские АЭС находятся в стадии холодной заморозки. Приостановлено строительство двух новых реакторов. В настоящее время перезапущены три реактора: на блоках № 1 и № 2 АЭС «Сендай» (общая мощность 1780 МВт) и на блоке № 3 АЭС «Иката» (мощность 890 МВт) компании Shikoku Electric Power¹⁴.

Японские потребители в основном используют природный газ, поступающий из-за рубежа в сжиженном виде – СПГ. Незначительный объем 0,4% от общего потребления добывается внутри страны в префектурах Ниигата, Хоккайдо и др.

Крупнейшими компаниями по добыче и потреблению нефти и газа являются:

- Inpex Corporation
- Japan Petroleum Exploration Company
- JX Nippon
- Cosmo Oil
- Idemitsu Kosan

Импорт газа составил 112 млрд м³, импорт нефти – 197 млн тонн. Крупнейшими странами-поставщиками энергоресурсов в Японию являются:

Нефть: Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Россия.

Газ: Австралия, Катар, Малайзия, Россия.

В сентябре 2020 г. министр энергетики А. Новак сообщил, что за 6 месяцев того же года экспорт нефти составил 3,39 млн тонн, увеличившись на 0,53 млн тонн по сравнению с аналогичным периодом 2019 года, а экспорт угля за тот же период этого года вырос на 0,63 млн тонн до 9,76 млн тонн¹⁵. Поставки нефтепродуктов, сжиженного природного газа (СПГ) также держатся на высоком уровне. Продолжается успешное развитие сотрудничества двух стран в атомной сфере и по возобновляемым источникам энергии. В перспективе – двустороннее сотрудничество в области водородной энергетики.

Про сотрудничество в области поставок в Японию СПГ, являющееся важной частью развития двусторонних экономических отношений, необходимо сказать подробнее. В настоящее время одним из ключевых в этой области является новый проект «Арктик СПГ-2» по развитию производства СПГ на базе Салмановского (Утреннего) нефтегазоконденсатного месторождения. Другими успешными примерами реализации проектов двустороннего сотрудничества в сфере газа являются проекты по строительству завода СПГ на полуострове Ямал («Ямал СПГ») и по строительству хабов по перевалке СПГ на полуострове Камчатка и в Мурманской области. Продолжаются переговоры о строительстве в поселке Пригородное на острове Сахалин третьей очереди (Третьей технологической линии) проекта «Сахалин-2», расположенного в поселке Сабетта. Реализацией проекта с российской стороны занимается компания «Новатэк», общая сумма вложенных иностранных инвестиций – 27 млрд долл. Комплекс строится при участии российских и зарубежных компа-

ний на базе Южно-Тамбейского газового месторождения в Ямало-Ненецком автономном округе РФ¹⁶. Доля энергоресурсов в общем объеме российского экспорта в Японию традиционно составляет более 70%, поэтому торгпредство не может оставлять без внимания совместные российско-японские проекты в области энергетики и оказывает им всемерную поддержку в непосредственном контакте с японскими партнерами.

Основными акционерами проекта стали также компании Total (20%), CNPC (20%) и Фонд Шелкового пути (9,9%)¹⁷.

Инвесторами со стороны Японии выступили JVIC¹⁸ (сумма вложений 200 млрд евро)¹⁹, компании Hitachi и Chiyoda. В декабре 2017 г. завод приступил к производству сжиженного газа. В условиях пандемии работа завода проводится в штатном режиме, сообщение с Японией не нарушено.

Сотрудничество в области гидроэнергетики и возобновляемых источников энергии пока представлено скромнее, но оно также развивается. Примером может служить Соглашение о сотрудничестве в сфере водородной энергетики, заключенное в 2017 г. между правительством Магаданской области, ПАО «РусГидро» и японской компанией Kawasaki Heavy Industries, LTD. На Колыме планируется построить завод для генерации водорода с использованием процесса электролиза. Электроэнергию для завода будет поставлять Усть-Среднеканская ГЭС²⁰.

Не прекратилось в условиях пандемии и сотрудничество в других сферах. Например, в декабре 2020 г. состоялся российско-японский молодежный онлайн-форум, в работе которого приняло участие более 40 человек. В частности, участники обсудили возможности молодежного сотрудничества по темам «Вклад молодежи в развитие побратимских связей городов и регионов России и Японии», «Российско-японские молодежные обмены в области спорта», «Области сотрудничества и конкретные предложения в условиях пандемии Covid-19» и «Роль и перспективы российско-японских молодежных обменов в условиях пандемии Covid-19»²¹. Участники отметили важность регулярного обмена информацией о культуре и истории двух стран, а также о повседневной жизни молодых россиян и японцев для улучшения взаимопонимания. В качестве возможных форматов молодежного сотрудничества в условиях пандемии были

предложены совместное изучение японского и русского языков в формате онлайн и проведение онлайн-мероприятий для студентов и школьников, в том числе молодежных обменов в области спорта и в рамках побратимских связей городов, ведение совместного блога, проведение онлайн-экскурсий и онлайн-конкурсов по различным темам²².

Организаторами форума выступили МИРЭА – Российский технологический университет, выполняющий функции Координационного бюро российско-японских молодежных обменов, и Японо-Российский центр молодежных обменов (Япония) при поддержке Минобрнауки России и МИД Японии.

В последние годы заметен рост интереса японских компаний к созданию в России своих производств сельскохозяйственной продукции. Например, компания JGC Corporation развивает тепличное производство пищевой продукции в Хабаровске, где ее предприятие выращивает не только томаты и огурцы, но и японскую паприку и клубнику, причем частично продает эту продукцию на местном рынке. Или другой пример: с декабря 2016 г. в Якутске успешно производит овощи в теплицах японская компания Hokkaido Corporation. А недавно дочерняя компания крупной металлургической корпорации JFE Engineering Corporation совместно с Marubeni Corporation объявила о планах начать в Московской области выращивание клубники²³.

Хороший потенциал развития сотрудничества с японцами есть и у российской IT-индустрии: последние годы уверенно растут экспортные поставки программного обеспечения, которое все больше востребовано и в Японии. В качестве примера российских IT-продуктов, получивших заметную популярность в Японии, можно привести игры компании Playrix. На сотрудничество в области IT-технологий пандемия не повлияла, поскольку многие продукты тестируются онлайн.

Определенные шансы есть у специфической фармацевтической и косметической продукции, а также БАДов. Например, НПЦ «Микромир», выпускающий средства гигиены и лечебную косметику на основе бактериофагов, недавно начал экспорт в Японию. Уже первая поставленная партия геля для гигиены и нормализации микрофлоры кожи и мягких тканей «Фагодерм» по объему соответствовала их месячному производству.

Таким образом, несмотря на пандемию Covid-19 экономическое сотрудничество двух стран продолжается. В интересах и России и Японии поддерживать диалог и выстраивать многоформатные отношения, основанные на принципах добрососедства. Ключевой задачей является создание благоприятных условий для расширения экономического взаимодействия и культурного и гуманитарного сотрудничества с учетом переформатирования в связи с пандемией.

¹ Кузнецов А. В. Особенности инвестиционной стратегии Японии и перспективы сотрудничества с Россией. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-investitsionnoy-strategii-yaponii-i-perspektivy-sotrudnichestva-s-rossiei>

² Фонд развития Дальнего Востока. Российско-японская инвестиционная Платформа. URL: https://www.fondvostok.ru/international_cooperation/rossiysko-yaponskaya-investitsionnaya-platforma/

³ Сайт Министерства РФ по развитию дальнего Востока и Арктики. 18.08.2020. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/12867/>

⁴ Тохиса Кодзуки: лидерам Японии и России удалось взять хороший старт // РИА Новости. 18.11.2020. URL: <https://ria.ru/20201118/kodzuki-1585000833.html>

⁵ Медицинская Россия. URL: <https://medrussia.org/8806-gerontologii/>

⁶ Медвестник. Портал российского врача. URL: <https://medvestnik.ru/content/interviews/Dlya-razvitiya-rossiisko-yaponskih-otnoshenii-v-sfere-zdravoohraneniya-est-mnogovozmojnostei.html>

⁷ Телемедицина: опыт Японии и сотрудничество с Россией // It Week. URL: <https://www.itweek.ru/its/article/detail.php?ID=210568>

⁸ Ibid.

⁹ Посол Японии в РФ рассказал, как Москва и Токио борются с коронавирусом // Российская газета. 1.06.2020. URL: <https://rg.ru/2020/06/01/posol-japonii-v-rf-rasskazal-kak-moskva-i-tokio-boriutsia-s-koronavirusom.html>

¹⁰ Торгпред РФ: Москве и Токио нужен знаковый проект сотрудничества // ТАСС. 17.07.2020. URL: <https://tass.ru/interviews/8991303>

¹¹ ФБА «Экономика сегодня»: Газовый приоритет: четыре направления сотрудничества России и Японии в энергетике назвал эксперт. URL: <https://rueconomics.ru/308397-gazovyi-prioritet-chetyre-napravleniya-sotrudnichestva-rossii-i-yaponii-v-energetike-nazval-ekspert>

¹² Киреева А. Россия и Япония: тернистый путь к новым отношениям // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-yaponiya-ternisty-put-k-novym-otnosheniyam/>

¹³ Савчук С. Япония погружается во тьму // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210115/yaponiya-1593051064.html>

¹⁴ Атомная энергия 2.0. URL: <http://www.atomic-energy.ru/SMI/2017/03/28/74135>

¹⁵ Агентство нефтегазовой информации. URL: <https://www.angi.ru/news/2883498-%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%20>

%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BA%3A%20%D0%97%D0%B0%202020%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%20%D1%8D%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%20%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%AF%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D1%83%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B8%D0%BB%D1%81%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%200%2C53%20%D0%BC%D0%BB%D0%BD%20%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BD/

¹⁶ Промышленность // Нефтегазовый комплекс Сахалинской области. 10.02.2016. URL: <https://sakhalin.gov.ru/index.php?id=168>

¹⁷ Россия начала производить СПГ в Арктике, стремясь захватить мировое лидерство // ИНОСМИ. Россия сегодня. 15.12.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171215/241014566.html>

¹⁸ Japan Bank for International Cooperation. URL: <https://www.jbic.go.jp/ja/>

¹⁹ Россия начала производить СПГ в Арктике, стремясь захватить мировое лидерство // ИНОСМИ. Россия сегодня. 15.12.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171215/241014566.html>

²⁰ РусГидро подписало соглашение о сотрудничестве с японской Kawasaki и правительством Магаданской области // Информационное Агентство АК&М. 07.09.2017. URL: http://www.akm.ru/rus/news/2017/september/07/ns_5862490.htm

²¹ Молодежь России и Японии обсудила возможности сотрудничества в условиях пандемии // МИЦ Новости России. URL: <http://www.kremlinrus.ru/news/165/132330/>

²² Там же.

²³ Грамматчиков А. Нефть в обмен на модернизацию // Эксперт. 24.08.2020. URL: <https://expert.ru/expert/2020/35/neft-v-obmen-na-modernizatsiyu/>

ЮАР под бременем Ковида

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-186-196

Аннотация: Несмотря на первое место ЮАР в Африке по числу заболевших и умерших от коронавирусной инфекции в истекшем 2020 году, масштабы потерь здесь далеки от европейских и американских, а печать пандемии на экономике и социальной жизни ЮАР связана не столько с самой болезнью, уступающей по распространению и урону от нее ВИЧ/СПИДу и туберкулезу, сколько с размахом и жесткостью мер по борьбе с COVID-19. Но нет худа без добра: чрезвычайное положение, комендантский час, локдаун и армейское патрулирование улиц привели к резкому сокращению уровня преступности в этой захлебывающейся от разгула криминала стране. Тяжелый «коронавирусный» урон для экономики ЮАР, вступившей в рецессию еще до пандемии, отчасти компенсируется щедростью и размахом различных финансовых трансфертов пострадавшим предприятиям и населению, однако неизвестно, насколько их хватит. Положение осложняется управленческой деградацией и расколом в партии власти, а также начавшейся в конце года второй волной пандемии с появлением нового, более агрессивного и заразного штамма COVID-19, схожего, но не совпадающего с британским.

Ключевые слова: ЮАР, коронавирусная пандемия, локдаун, криминал, рецессия, социальные трансферты.

Skubko Yu. S.

South Africa under the burden of COVID-19

Abstract: Though South Africa is the country most affected on the African continent by COVID-19 pandemic, the spread and mortality from this virus is below that of AIDS and tuberculosis infections also reaching record levels here in recent years. New and most heavy economic losses for South Africa being already hit in 2019 by recession and spur of unemployment were caused largely not by coronavirus pandemic itself but rather by measures to contain it such as lockdowns and curfews. On the positive side most visible is a drastic decrease in the street crime levels – army patrols proved effective against robbery and murders, especially in the so called infor-

mal settlements controlled by criminal gangs. Also commendable is the wide spread and generosity of different social transfers and grants to compensate losses by enterprises and individuals/families most affected by emergency measures. Socio-economic problems of the country are aggravated by poor governance and corruption with deep divisions and infight within the ruling ANC leadership. By the end of 2020, the situation in the country has aggravated with a second wave of coronavirus pandemic caused by a new and more aggressive modification of the virus.

Keywords: South Africa, COVID-19, lockdown, crime, social transfers.

Високосный 2020 год стал годом «великого перелома», когда разбушевавшаяся пандемия COVID-19 стала средством ускоренного перевода многоликого человечества в единообразный режим цифрового концлагеря, когда «новая нормальность» с закрытием границ, локдаунами и переходом в онлайн, социальным дистанцированием, видеонаблюдением, QR-кодами и масочным режимом превратила права и свободы личности в сладкое воспоминание о возможно невозвратном прошлом. Как и во многих других странах, на социально-экономические и политические процессы в ЮАР наложилась «каинова печать» не столько самой пандемии, сколько мер по борьбе с ней. Ожидаемость (пандемию неоднократно предсказывали мировые аналитические центры), синхронность и размах этого то ли природного бедствия, то ли, как считают некоторые независимые аналитики, созданного в лабораториях средства перереформатирования человечества, позволяют предположить, что цель нагнетаемого во всем мире коронавирусного психоза – заключить охваченное страхом население в некое новое тоталитарное мироустройство под началом транснациональных корпораций. Рассматриваются и другие возможные версии, одна из них – что это «шокотерапия», необходимая для смены технологических укладов, ранее менявшихся через мировые войны¹. Множество вопросов, связанных с пандемией, остаются открытыми, но, по крайней мере ясно, что вирус есть и медицина против него не бессильна.

Год в ЮАР был тяжелым, но не безысходным. И нет худа без добра: чрезвычайное положение, карантин и привлечение армии для патрулирования улиц привели к резкому сокращению уровня преступности в этой захлебывающейся от разгула криминала стране. Ответом на вспышку коронавирусной инфекции стал так называемый

локдаун (букв. «закрытие на замок»): ввели комендантский час и социальное дистанцирование, перевели сферу образования и большинство услуг в онлайн, развернули в помощь полиции армейские части для вооруженного патрулирования и пресечения нарушений карантина. После введения такого социального локдауна число убийств в ЮАР в марте-апреле сократилось по сравнению с аналогичным периодом 2019 года, согласно заявлению министра полиции Бхеки Селе, с 326 в неделю до «всего» 94, а изнасилований с 699 до 101². Предприятия разных отраслей на период карантинных ограничений прекратили частично или полностью свою деятельность, стали переходить на особый режим функционирования, когда большая часть сотрудников была переведена на дистанционную работу. Закрылись (или без особого успеха переводились в «онлайн») школы и университеты. При этом спрос на многие товары и услуги вместе с платежеспособностью населения упал, продажи и доходы обвалились, резко возросла безработица и т. д. Для поддержания бизнеса и компенсации падения доходов населения государство стало предоставлять масштабную помощь и компаниям, и пострадавшим лицам, и домохозяйствам.

На начало 2021 г. в ЮАР было отмечено больше всего инфицированных и умерших от коронавируса среди всех стран Африки – около полутора миллионов и 50 тыс. соответственно – половина «континентальных» цифр³. При этом отметим, что африканский континент был затронут пандемией по пока не вполне понятным причинам значительно слабее, чем Европа, Америка и Азия (всего в мире на конец 2020 г. переболело 84 млн человек, умерло около 2 млн). Среди ведущих «ковидных» держав, наряду с США, оказались страны БРИКС – Китай, откуда эпидемия по-видимому пошла, но быстрее всего «погашена» (если верить китайским данным), Индия и Бразилия. РФ и ЮАР серьезно затронуты, но в гораздо меньших масштабах.

В условиях захлестнувшей Южную Африку преступности чрезвычайные меры, включая патрулирование неблагополучных территорий (в том числе контролируемые разве что ОПГ так называемые неформальные поселения, попросту районы трущоб, где проживает порядка 20 млн человек и куда раньше и полиция боялась заглядывать), оказались во многих отношениях как нельзя кстати и стали, как говорят англичане, *blessing in disguise* (замаскированное благословение). Они снизили преступность и повысили степень управляемости

слабоуправляемой страны, самой развитой в Африке, но в последнее время переживающей деградацию и обострение проблем во многих сферах жизни. Страны, вступившей в 2020 г. уже в условиях тяжелого кризиса в экономике и социальной сфере, усугубляемого расколом в партии власти (пытающийся проводить антикоррупционную чистку президент Сирил Рамапоса безуспешно борется с топ-коррупционерами, возглавляемыми генеральным секретарем правящего АНК Эйсом Магашуле и бывшим президентом Дж. Зумой). В этих условиях оперативное введение режима чрезвычайной ситуации весной даже способствовало, несмотря на издержки для экономики, определенной социальной стабилизации в стране и росту доверия населения, «приятно удивленного» быстротой принятых мер и размахом компенсационных трансфертов, к ее руководству.

Сама по себе коронавирусная инфекция в ЮАР – лишь одна из угроз здоровью, и она значительно уступает по своему распространению и летальности ВИЧ/СПИДу: в 2019 г. в ЮАР число ВИЧ-инфицированных составило 7,7 млн человек, умерло 72 тыс. (еще несколько лет назад умирало свыше 100 тыс. ежегодно) – рекордное число в мире. Следующая по уровню смертности инфекционная болезнь – туберкулез, распространяемый, как и Ковид, воздушно-капельным путем (около 30 тыс. смертей в 2017 г., еще недавно – по 100 тыс. ежегодно)⁴. Распространенность ВИЧ среди людей в возрасте от 15 до 49 лет в ЮАР составляет рекордные 20%. Вспомним еще более печальную историю: в период с 1997 по 2010 год, когда лидеры ЮАР считали ВИЧ/СПИД выдумкой неокolonизаторов и «лечили» свеклой (министр здравоохранения ЮАР г-жа Манто Тшабалала-Мсиманг получила в те годы прозвище Dr. Beetroot – доктор Свекла, ее вместе с президентом ЮАР в 1999–2008 гг. Табо Мбеки считают виновными не менее чем в 300 тыс. «избыточных» смертей), запрещающая антиретровирусные препараты. 2,8 млн южноафриканцев умерли от причин, связанных с ВИЧ/СПИДом⁵.

Введенный в конце марта 2020 г. режим чрезвычайной ситуации в ЮАР включал, среди прочего, запрет на продажу алкоголя, сигарет и даже выгул собак. Это («сухой закон»), конечно, было явным «перебором» и привело к разграблению винных магазинов и складов, а также к уходу алкогольного рынка в теневую экономику и расцвету бутлегерства.

Перечисляя издержки и потери, отметим также, что несмотря на внушительные размеры антиковидного пакета социальной поддержки в ЮАР в 2020 г., составляющего порядка 10% ВВП (наибольший процент среди развивающихся экономик), безработица к концу года достигла 45% (около 30% в начале года), а снижение ВВП предварительно оценивалось в 8%⁶. Южная Африка ввела ограничения на социальную мобильность и взаимодействие, введя режим чрезвычайной ситуации и национального локдауна с марта по май 2020 г., а затем, с поправкой на риски, начала поэтапное открытие экономики, прерванное в конце года новой волной пандемии. Такая политика привела к рекордному за целое столетие сокращению ВВП на 51,4% во втором квартале 2020 г., а затем, после некоторого восстановления, к новым ограничениям и новому экономическому спаду в ноябре–декабре, когда распространилась вторая волна уже мутировавшего к тому времени и ставшего более заразным коронавируса. Эти связанные с пандемией потрясения, обрушившие занятость и заработки (потеря от 2 до 3 млн рабочих мест из 17 млн в «формальном» секторе экономики страны, особенно среди низкооплачиваемых и уязвимых категорий работников, в первую очередь женщин), усугубили и без того высокий уровень нищеты и неравенства в ЮАР. Учитывая это, президент Сирил Рамапоса представил план восстановления южноафриканской экономики после потрясений, связанных с пандемией, который, впрочем, предполагает значительные иностранные инвестиции. Но этих инвестиций пока нет и не предвидится, в том числе и потому, что международные рейтинговые агентства снизили рейтинг инвестиционной привлекательности деградировавшей экономики страны до «мусорного». Лидеры ЮАР сегодня отчаянно пытаются что-то предпринять перед лицом нарастающих угроз, причем далеко не только из-за коронавируса. Более чем десятилетие ухудшения экономических показателей от стагнации к спаду (так называемое потерянное десятилетие Зумы-президента в 2009–2018 гг.) вызвало хаос в африканском гиганте – здесь и некомпетентность политического руководства, к тому же расколотого на противоборствующие фракции в правящем АНК, и почти тотальная коррупция, затронувшая и практику борьбы с пандемией (госзакупки).

Как и повсюду в мире, политика карантина и социальной изоляции в попытке обуздать распространение инфекции привела

к значительному снижению благосостояния ряда категорий занятых (прежде всего в сфере услуг) и домашних хозяйств. Эти связанные с пандемией потери в сфере производства, занятости, рабочего времени и доходов среди низкооплачиваемых и уязвимых групп населения усугубили и без того высокий уровень бедности и неравенства в Южной Африке. Согласно новому докладу ПРООН (исследование социально-экономического воздействия COVID-19 в Южной Африке), экономике ЮАР потребуется не менее пяти лет для восстановления от воздействия COVID-19. Ожидается, что общий ВВП Южной Африки сократится как минимум на 5–8% в 2020 г. и будет медленно восстанавливаться до 2024 г.⁷ Согласно этому исследованию, число домохозяйств за чертой бедности увеличивается по мере выпадения из нижнего среднего класса. 54% домохозяйств, в которых «кормильцы» были вытеснены с постоянной работы на неформальные или временные контракты в пострадавших от пандемии предприятиях, впадут в нищету после истечения срока действия пакета стимулов. Это приведет к новым серьезным неудачам в постоянно декларируемой, но безуспешной борьбе с бедностью, безработицей и неравенством, хотя меры поддержки, конечно, смягчили падение экономики и социальные издержки⁸. Отмечается, что секторы экономики, наиболее пострадавшие от вспышки COVID-19 (точнее, от мер борьбы с ней), включают автомобилестроение, текстильную промышленность, образовательные услуги, общественное питание и гостиничный бизнес, туризм, производство напитков, табачных изделий, обуви и др. Финансовые услуги, сфера недвижимости и бизнес-услуг сократились на 30% то время как транспортная отрасль, хранение и связь сократились на 70%. Спад в горнодобывающей промышленности – 73%. Особенно пострадали малые и средние предприятия⁹.

Как страна, наиболее продвинутая в своем развитии на континенте и наиболее вовлеченная в мировой рынок, ЮАР оказывается и наименее защищенной в условиях обострения всех противоречий и кризисных явлений в глобальной экономике. И все же есть противоположные тенденции – своевременный ввод режима ЧС в ЮАР, массовые пособия нуждающимся и поддержка малого бизнеса, другие подобные меры позволяют обществу сохранять веру во вменяемость власти и ее способность к конструктивным решениям в усло-

виях кризиса. К тому же, депрессивную экономику страны поддерживала значительно возросшая на мировых рынках цена на добываемое здесь золото и металлы платиновой группы (отсюда – положительное сальдо внешнеторгового баланса) в условиях ослабления американского доллара и торговых войн.

Примерно 90% южноафриканского пакета мер стимулирования было выделено на дополнительную поддержку здравоохранения, помощь муниципалитетам в предоставлении основных услуг, защиту заработной платы через Фонд страхования от безработицы, дальнейшую поддержку доходов через налоговую систему, финансовую поддержку малого и неформального бизнеса и – самый крупный компонент – схема кредитных гарантий. Примечательно, что около 10% пакета стимулов (3,2 миллиарда долларов США) было выделено на социальную помощь, включая увеличение денежных трансфертов или социальных грантов (сумма всех существующих социальных грантов была увеличена) на шесть месяцев с мая по октябрь 2020 года, а затем эти меры были продлены. Грант на преодоление ущерба от COVID-19 предназначен для лиц старше 18 лет, безработных и не получающих дохода или других социальных пособий. Заявление президента в октябре включало дальнейшее расширение доступности гранта, учитывая его впечатляющий охват. По состоянию на середину октября были распределены 18,5 млн грантов. Вместе с существующим грантом на поддержку детей, которым уже охвачено 13 млн детей и 8 млн опекунов, а также другими грантами, доступными примерно 5 млн получателей, пакет президента Рамапосы предоставлял столь необходимую поддержку примерно 36 млн человек, или 61% населения Южной Африки – чуть менее двух третей населения страны. В конечном счете, пакет мер стимулирования, предложенный правительством ЮАР, отвечал лучшим мировым стандартам, а охват, с точки зрения поддержки бедных и уязвимых слоев населения, был впечатляющим. Схема кредитных гарантий, составляющая две пятых пакета стимулов, требует, чтобы система частного банковского обслуживания предоставляла ссуды фирмам, терпящим бедствие. Хотя это ключевой компонент пакета стимулов, связывающий государственную поддержку через банки с частным сектором, его выплаты были медленными и подчинялись строгим кредитным критериям финансовых учреждений Южной Африки. Конечно, такая поддержка была

оказана за счет значительного увеличения бюджетного дефицита, но это – общемировая тенденция¹⁰. Другой вопрос, насколько долго страна сможет жить в кредит. В июле 2020 г. МВФ предоставил ЮАР дополнительный чрезвычайный займ в целях борьбы с пандемией в размере 4,3 млрд долл., что должно было еще больше привязать экономический курс страны к политике международных финансовых институтов¹¹. Южная Африка тратит огромные суммы денег, чтобы вновь поставить страну на ноги после отчасти избыточных ограничений, соблюдавшихся, правда, в основном лишь в относительно законопослушных и благополучных регионах, охватывающих, в лучшем случае, лишь половину страны.

Режим ЧС в ЮАР в период пандемии позволил значительно снизить один из высочайших в мире уровней преступности: статистические данные показывают массовое сокращение преступной деятельности почти по всем направлениям. Отмечено снижение числа убийств на 72%, и угона автомобилей на 81%. Аналогичные тенденции были замечены в зарегистрированных нападениях, покушениях на убийства, грабежах и изнасилованиях¹².

Южная Африка, страна, наиболее сильно пострадавшая от пандемии COVID-19 в Африке, успешно закрыла для путешествующих воздушные и значительно менее успешно пытается закрыть свои сухопутные границы, стремясь сдержать распространение болезни.

Из мер, принятых в последнее время, стоит отметить установку 40-километрового забора вдоль границы с Зимбабве в попытке пресечь контрабанду и удерживать нелегальных мигрантов, однако заполняющие СМИ многочисленные фотографии контрабандистов, плывущих через реку Лимпопо и несущих на себе богатый ассортимент товаров, свидетельствуют о том, что на нелегальных «пунктах пропуска» между двумя странами ничего не изменилось. Новый пограничный забор был быстро поврежден бандами контрабандистов, которые действуют вдоль границы, способствуя перемещению любых товаров между двумя странами. Перевозятся, в частности, запрещенные южноафриканским локдауном сигареты и алкоголь в приграничный южноафриканский город Мусина, и контрабандисты возвращаются с кукурузной мукой и другими основными товарами, которых в Зимбабве не хватает. Контрабандные товары затем перемещаются внутри ЮАР на коммерческих грузовиках, кото-

рые освобождаются от введенных локдауном ограничений. Банды используют запряженные ослами повозки и небольшие транспортные средства, чтобы перевезти свою «запрещенку» из многих незаконных, но успешно функционирующих пограничных переходов вдоль Лимпопо в город Бейтбридж в Зимбабве. Река Лимпопо, которая является частью границы между Зимбабве и ЮАР, является хорошо известным транзитным пунктом для нелегальных мигрантов и контрабандистов, перемещающихся между двумя странами. Они (контрабандисты) подкупают солдат и полицейских, обслуживающих обе стороны границы. Все, включая полицию, прекрасно понимают, что контрабанда по-прежнему процветает, несмотря на все официальные ограничения и запреты на поездки. Есть опасения, что контрабанда приведет к трансграничным инфекциям и усилит вспышки коронавируса в обеих странах¹³. Это – лишь один из возможных примеров, похожая ситуация наблюдается на границе с Мозамбиком.

Обнаруженная в Южно-Африканской Республике в ноябре 2020 г. новая мутация коронавируса, получившая название 501.V2, имеет способность выявлять слабые места иммунной системы каждого отдельного человека, что повышает агрессивность инфекции. Об этом заявила в декабре в интервью местному телеканалу генеральный директор Совета по медицинским исследованиям ЮАР Гленда Грей: «Ученые установили, что вирус-мутант 501.V2, попадая в организм человека, считывает его индивидуальный иммунный ответ и пытается найти слабые места». В результате можно ожидать, что в течение короткого времени этот вариант COVID-19 даст целую группу агрессивных штаммов коронавируса, так как он изменяется с каждым новым перемещением больших масс людей. Грей заметила, что подобное поведение присуще ряду групп вирусов, однако 501.V2 уже продемонстрировал свою очень высокую агрессивность и способность быстро приспосабливаться к иммунной реакции человеческого организма. Повышенная контагиозность (заразность) характеризует как новый южноафриканский, так и новый британский штамм коронавируса, в связи с чем в конце 2020 г. большинство европейских стран вновь закрыли свои границы для путешественников из ЮАР и Великобритании. Остается открытым вопрос об эффективности уже созданных в мире вакцин от COVID-19 против нового

южноафриканского штамма, поэтому вакцинация здесь пока практически не начиналась (от вакцины AstraZeneca здесь отказались ввиду ее малой эффективности и побочных эффектов), но альтернативы вакцинации, по-видимому, нет¹⁴. Южноафриканская система здравоохранения перегружена пандемией COVID-19, наложившейся на уже существующие серьезные вызовы. Несмотря на значительный в последнее время прогресс в борьбе с эпидемиями ВИЧ и туберкулеза, страна сталкивается с многими проблемами в сфере здравоохранения, особенно в сельских районах и тауншипах, включая недостаточное финансирование, кадровый дефицит и некомпетентное руководство. С распространением коронавирусной инфекции и введением чрезвычайных мер по борьбе с ней, избежать дальнейшего обвала экономики в ЮАР надеются с помощью массовой вакцинации, правда, пока неизвестно, когда и чем.

¹ Лайф разбирался, для чего по всему миру развёрнуты тысячи биологических лабораторий и почему коронавирус может быть оружием. URL: <https://life.ru/p/1313980>

² Significant reduction in crime since lockdown. URL: <https://www.sanews.gov.za/south-africa/significant-reduction-crime-lockdown>

³ SA sets grisly Covid-19 record as Ramaphosa declares 2020 the year of the health worker. URL: <https://www.news24.com/news24/southafrica/news/sa-sets-grisly-covid-19-record-as-ramaphosa-declares-2020-the-year-of-the-health-workers-20201231>

⁴ These are now the top natural killers in South Africa. URL: <https://www.businessinsider.co.za/heres-what-is-killing-south-africans-now-2018-30>

⁵ South Africa's inability to honestly confront AIDS shows the dangers of America's COVID-19 denialism. URL: <https://theconversation.com/south-africas-inability-to-honestly-confront-aids-shows-the-dangers-of-americas-covid-19-denialism-151905>

⁶ South African economy collapses amid lockdown. URL: <https://www.dw.com/en/south-african-economy-collapses-amid-lockdown/av-55098675>

⁷ COVID-19 In South Africa: Socio-Economic Impact Assessment. URL: <https://reliefweb.int/report/south-africa/covid-19-south-africa-socio-economic-impact-assessment>

⁸ Ibid.

⁹ Economic and Distributional Impact of COVID-19: Evidence from Macro-Micro Modelling of the South African Economy. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/saje.12275>; South African Covid Strain Raises Growing Alarm in the U.K. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-04/south-african-covid-strain-raises-growing-alarm-in-the-u-k>

¹⁰ Lockdown economics in South Africa: Social assistance and the Ramaphosa stimulus package. URL: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2020/11/20/lockdown-economics-in-south-africa-social-assistance-and-the-ramaphosa-stimulus-package/#:~:text=Like%20elsewhere%20across%20the%20globe,phased%20opening%20of%20the%20economy>

¹¹ IMF Executive Board Approves US\$4.3 Billion in Emergency Support to South Africa to Address the COVID-19 Pandemic. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/07/27/pr20271-south-africa-imf-executive-board-approves-us-billion-emergency-support-covid-19-pandemic>

¹² South Africa's latest crime stats – everything you need to know. URL: <https://businesstech.co.za/news/government/448346/south-africas-latest-crime-stats-everything-you-need-to-know-2/>

¹³ South Africa Confirms More Than 1 Million Cases of COVID-19. URL: <https://covid-19dashboard.news24.com/>

¹⁴ South African Covid Strain Raises Growing Alarm in the U.K. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-04/south-african-covid-strain-raises-growing-alarm-in-the-u-k>

Внутренние императивы внешней политики ИРИ

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-197-205

Аннотация: Характер внешней политики Ирана во многом определяется особенностями внутривластной системы страны и историей ее формирования после исламской революции 1979 г. С этой точки зрения изучение истории формирования основных институтов государства имеет важный характер для осмысления методов и средств внешней политики Ирана, в том числе и на Ближнем Востоке. Автор подчеркивает уникальный характер новой политической системы, созданной в результате исламской революции в Иране. Основные институты государства в той или иной степени были проникнуты религиозным содержанием, что, так или иначе, сказывалось на внешней политике государства. В значительной мере это произошло в результате активного участия исламского духовенства в революционном движении и процессе формирования институтов власти. Автор исследует роль религиозных деятелей в процессе создания новой политической системы Ирана и оказываемого ими влияния на выработку основных направлений внешней политики страны.

Ключевые слова: Иран, Ближний Восток, политика, власть, ислам, духовенство, революция, Сирия.

Akhmedov V.M.

Internal imperatives of the foreign policy in Iran

Abstract: The character of the Iranian foreign politic determines in many cases by the specific features of the existing political system and the history of its developments after Islamic revolution in Iran in 1979. In this regard, the study of the history of the main state institutions is of particular importance in the processes of understanding of the methods and steps of the Iranian foreign policy and in the Middle East, as well. An author emphasizes the unique nature of the Iranian political system created as a result of the Islamic revolution in Iran. The leading institutes of the new state in Iran had a wide religious component and this fact had its influence on the different aspects of the Iranian foreign politics. This happened as a result of the active role of the Islamic religious authorities in the revolutionary processes and

their assistance in formatting a new institutions of the state and power instruments. An author investigates the role of Islamic clerics in creating new political system in Iran and their role in the processes of elaborating the main directions of the Iranian foreign politics.

Keywords: Iran, Middle East, politics, revolution, Syria, power, political institutions, Islam, clerics.

В результате исламской революции в Иране 1979 г. религиозным лидерам удалось захватить власть, вытеснив с политической сцены другие политические течения. Вступив в альянс со светской оппозицией, духовенство сумело объединить разрозненные социальные слои, стремившиеся к социальной справедливости, под лозунгами, выраженными в религиозной форме, и подняло массы на штурм режима. Исламские лидеры ИРИ смогли предложить эффективный проект государственного устройства – исламскую республику, которая воплощала в жизнь идею исламского правления в современном мире, разработанную идеологом революции – аятоллой Хомейни. Созданная в Иране в послереволюционные годы политическая система обеспечила представителям религиозных кругов руководящие позиции в стране и обществе.

В настоящее время правящий в Иране режим стремится подтвердить свою жизнеспособность и доказать универсальность созданной системы правления, проводя активную внешнюю политику в Ближневосточном регионе. Иран сегодня играет ключевую роль в событиях в Ираке, Афганистане, Сирии и Йемене, где во многом пытается определять ключевые внутренние и внешние процессы этих странах. Таким образом политическое и военное руководство страны демонстрирует успешность развития Исламской Республики Иран, чтобы показать возможность реализации проекта исламской модели развития в новых международных условиях.

Попытки обосновать феномен исламской революции и связь религии и политики, разобраться в специфике вновь созданной политической системы по-прежнему служат предметом пристального внимания зарубежных политиков и ученых. Данный факт объясняется активностью Ирана на международной арене, ростом исламских движений, их поисками новых моделей общественного устройства¹.

Как известно, развитие исламского религиозного мировоззрения проходило одновременно с формированием религиозной общины (уммы) и политического союза, во главе которого стоял сам пророк Мохаммед. Он олицетворял собой религиозную и политическую власть, которая, согласно исламскому учению, имеет божественное начало. После его смерти эта традиция у шиитов была продолжена имамами – толкователями вероучения и руководителями религиозной общины. Закрепленное в шиитской традиции право улемов на иджитхад, т.е. право комментировать и интерпретировать Коран и выносить суждения по важным вопросам социальной и религиозной жизни, определяло особое положение шиитского духовенства в обществе.

Политизация шиитского духовенства Ирана начала явно проявляться с середины XIX в. Тогда религиозные деятели стали выступать против попыток закабаления страны колониальными державами, пытаясь поставить заслон процессу вестернизации. Так духовенство активно противостояло проникновению западных государств и России в Иран и неоднократно объявляло им джихад.

Духовенство сыграло важную роль в Конституционном движении 1905–1911 г. в Иране. Именно в этот период было положено начало идеологии религиозно-политического модернизма, т.е. предприняты попытки адаптировать идейно-нормативную базу ислама к требованиям современного общественного развития.

В годы Второй мировой войны и в начале 1950-х гг. в ходе борьбы за национализацию нефти духовенство выступило в качестве организованной политической силы на базе идеологии религиозно-политического модернизма.

Послевоенные десятилетия стали периодом расцвета исламской политической мысли в Иране. Религиозные и светские идеологи, разделявшие идеи религиозного модернизма (аятоллы Р. Хомейни, А. Табатабаи, С.М. Талегани, М. Мотаххари, М. Бехешти, М.К. Шариатмадари, а также А. Шариати, М. Базарган и др.) вырабатывали религиозную идеологию, которая впоследствии легла в основу исламской революции. Тезис о неразделимости ислама и политики становится базисом этой концепции².

Развивая идеи А. Хомейни, иранские реформаторы разрабатывают планы установления исламского правления в стране. Они

активно пропагандируют свои идеи исламского модернизма, стремясь таким образом поднять «...волну интеллектуального пробуждения, проникать внутрь общества, постепенно формировать в умах просыпающихся религиозных масс образ исламского правления и, наконец, установить его»³.

Параллельно с выработкой идейной концепции исламского движения начинается деятельность по созданию организационной структуры духовенства. В 1961 г. в Куме нелегально возникает Общество преподавателей Кумского теологического центра (ОП КТЦ).

В Уставе организации подчеркивалось, что основные цели ее деятельности – это защита и распространение ислама и борьба за внедрение исламских норм в политику, экономику, судебную систему, социальную и культурную сферы. Впервые Общество проявило себя, выступив против иницилируемой шахом модернизации страны в июне 1963 г. Его членам удалось поднять мелких торговцев, ремесленников и полупролетарские элементы на борьбу с реформами и спровоцировать в Куме, Тегеране и ряде других городов столкновения с правительственными войсками. Эти события в современной иранской историографии оцениваются как предшественники исламской революции⁴.

В 1973 г. по инициативе улемов Кума, близких к Хомейни, создается Общество борющегося духовенства Тегерана (ОБД). Среди его организаторов выделялись А. Хаменеи, А.А. Хашеми Рафсанджани, М. Мотаххари, М. Бехешти и др. ОБД была сформирована как закрытая политическая организация духовенства, в состав которой вошли 95 богословов. За несколько лет они сумели взять под свое руководство большинство мечетей и культовых мест и мобилизовать массы на антишахскую борьбу⁵.

Постепенно А. Хомейни трансформирует традиционные представления о власти. Он вводит понятия «исламская республика» и «исламское народовластие». Базовым принципом иранской модели исламского государства становится принцип «веляят-е факих», т.е. руководство обществом и государством со стороны наиболее знающего и почитаемого богослова-правоведа. Помимо «хомейнизма» идеи политического ислама звучали и у других представителей исламского модернизма. Активно их пропагандировали представители леворадикального толка в шиизме – светский идеолог

А. Шариати и аятолла М. Талегани, в работах, которых ислам сочетался с социалистическими идеями⁶.

По оценке ряда иранских исследователей, исламская республика как цель исламской революции представляла собой новую модель государственного устройства, сочетающую в себе республиканские принципы и исламскую сущность⁷.

После февральского восстания (1979 г.) на повестку дня встал вопрос о создании новой системы власти в стране. В первые послереволюционные дни Общество борющегося духовенства (ОБР) объявило о создании религиозной политической партии – Партии исламской республики (ПИР). Было инициировано создание политической организации с целью установления исламского режима и обеспечения политического лидерства духовенства. Новое политическое объединение позиционировалось не как исламская партия, а именно как партия духовенства⁸.

Создание ПИР можно рассматривать как развитие идей исламского модернизма. Эта организация представляла собой институт современной политической практики, руководителями и членами которого были представители религиозного сословия. В ПИР были представлены различные течения, и она превратилась в коалиционное объединение различных исламских сил. В основном благодаря деятельности ПИР удалось закрепить в проекте Конституции принцип «веляят-е факих» и консолидировать власть в руках духовенства.

Конституция страны сформулировала основные принципы политического устройства исламской республики и закрепила исламские нормы организации общества и экономической деятельности как государственные. Духовного лидера страны выбирает и смещает Совет экспертов, в который входят представители высшего шиитского духовенства, избираемые каждые восемь лет. Первым духовным лидером – главой страны стал сам имам Хомейни. К органам исламского правления также относятся Наблюдательный совет и Совет по определению целесообразности принятых решений.

В модели иранского государства присутствуют и либерально-демократические элементы. Так, конституция провозглашает принцип разделения властей. Высшим органом законодательной власти страны является однопалатный парламент – Собрание народного совета или меджлис. Он избирается каждые четыре года прямым

тайным всеобщим голосованием. Парламент принимает решения по всем вопросам в рамках, определенных Конституцией, ратифицирует все международные договоренности, утверждает кандидатуры членов кабинета. В тоже время деятельность меджлиса осуществляется под контролем Наблюдательного совета, что в определенной степени ограничивает его потенциал.

Во главе исполнительной власти стоит президент, избираемый всеобщим голосованием на четыре года, и он не может занимать этот пост в течение более чем двух сроков. Президент – высшее после рахбара официальное лицо в стране. Полномочия президента охватывают управление экономической, политической и культурной жизнью страны, осуществление связей с иностранными государствами, обеспечение общественного порядка, но не включают контроль над вооруженными силами страны.

Таким образом, система государственного устройства ИРИ представляет собой сложный симбиоз из элементов теократии и республики, где превалирует ислам. Различные религиозные, военные и гражданские организации активно участвуют в системе выработки решений. Но их возможности серьезно ограничены на этапе принятия решений. Как правило, последнее слово остается за духовным лидером. Одновременно были созданы специальные институты мобилизации масс и подавления инакомыслия – КСИР и басидж (народная милиция).

К середине 1980-х гг. духовенство сумело установить практически полный контроль над политической жизнью страны, и ислам стал системообразующим элементом властной конструкции. В этой связи в отечественной и зарубежной иранистике появились различные оценки сложившейся в Иране системы власти⁹. Некоторые западные исследователи рассматривали иранский проект как неудавшуюся попытку воплощения исламской утопии¹⁰.

Вышеприведенные оценки режима относятся к периоду его становления. Дальнейшее развитие системы власти в ИРИ дало анализам возможность увидеть новые грани в модели исламского правления, в котором отмечалось сочетание идей исламизма и демократии¹¹. Ряд исследователей отмечал попытки соединения идей теократии и демократии в системе государственного управления¹². О развитии демократического потенциала в условиях исламской республики писали и другие ученые¹³.

Начало 1990-х гг. обозначило новый этап в развитии исламской республики. Новый президент ИРИ Х. Рафсанджани, пытался осуществить программу либеральных экономических реформ и проводил более гибкую внешнюю политику с целью нормализации отношений с арабскими странами. Правительство призывало начать широкий международный диалог с целью привлечения западных технологий и инвестиций. По оценке ряда экспертов, реформы этого периода стали попыткой увязать принципы неолиберальной западной модели с исламским банкингом и исламской экономикой¹⁴.

С середины 1990-х гг. активизируется деятельность политических партий и организаций и начинается формирование партийной системы. К этому периоду в лагере «левых» произошло значительное изменение позиций. Они дистанцировались от идеологии исламского левого радикализма, приняв идеи свободного рынка, приватизации, развития гражданских свобод, заговорили об изменениях в политической системе, поддержали расширение связей с западным миром и посчитали возможным допуск культурных достижений западной цивилизации в исламское общество¹⁵.

После избрания в 1997 г. президентом ИРИ М. Хатами 18 политических групп и партий объединились на платформе исламской демократии и сформировали «Фронт 23 мая» в поддержку нового президента. Это и положило начало движению, которое в Иране стало известно как реформаторское. Его идейным штабом стала Ассоциация борющегося духовенства – политическая организация религиозных деятелей реформаторской направленности, отколовшихся еще в конце 1980-х гг. от Общества борющегося духовенства. Реформаторам противостоял консервативный фланг. Он также объединял почти два десятка партий и возглавлялся Обществом борющегося духовенства.

Первые два десятилетия XXI века оказались весьма бурными и неоднозначными для развития политической системы Ирана. Арабские восстания 2010–2011 гг. и предшествовавшие им события в Иране 2009 г. заставили иранских правителей обратить серьезное внимание на развитие и совершенствование системы управления страной и обществом. Несмотря на явные успехи Ирана на внешнеполитическом поприще, внутреннее положение страны, хотя и остается стабильным, но периодически подвергается испытаниям на прочность.

В 2018 г. по Ирану прокатилась волна выступлений и демонстраций, на которых звучало недовольство экономической ситуацией в стране и снижением уровня жизни. Впервые за всю историю существования ИРИ открыто осуждались диктатура духовенства, исламский режим и лично духовный лидер. Ряд аналитиков на Западе и в самом Иране рассматривали эти события как преддверие антиисламской революции, сильно преувеличив их размах и политическую суть протестов¹⁶.

Действительно, пока вряд ли возможно утверждать, что в Иране сложились предпосылки для революционной ситуации. Власть сохраняет запас прочности, однако недовольство политикой духовенства среди молодых поколений нарастает. Значительная часть религиозно-политической элиты осознает необходимость кардинальных преобразований ради выживания исламской республики. Но она не готова принять тот факт, что духовенство не должно управлять обществом, и допустить секуляризацию режима. К тому же позиции радикального духовенства, которое пользуется поддержкой армии и органов безопасности, чрезвычайно сильны в условиях активных военно-политических действий, которые Иран предпринимает в странах Арабского Востока и Персидском заливе.

В условиях сильнейшего внешнего давления со стороны США, отсутствия явных перспектив возобновления переговоров с США и Западом по «мирному атому», ужесточения внутренней политики и игнорирование требований нового поколения может поставить под угрозу будущее режима.

Таким образом, после исламской революции в Иране была создана новая модель государственного устройства. Она базировалась на религиозной доктрине особого характера с учетом иранской специфики шиитского вероучения. Выстроенная властная конструкция сочетала в себе признаки демократии, воплощенной в деятельности по сути фасадных управленческих структур (парламент, правительство). В тоже время основной механизм принятия решений оставался в руках военных и клерикалов. Особенности политической системы ИРИ не могли не сказаться на внешней политике Ирана и ее особом характере, который ярко проявился в арабских государствах Ближнего Востока, прежде всего в Сирии, Ираке, Йемене¹⁷.

- ¹ Дунаева Е. В. Политическая система Исламской республики Иран: вызовы либеральной модернизации // Восток (Oriens). 2016. № 1. С. 111–120.
- ² Доктрина исламской революции. Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. М.: Научная книга. 2015. С. 85.
- ³ Подробнее об этом см.; Fehmi, Houwaidi. Iran from the Inside. Cairo. Al-Ahram Center for Translation and Publication. 1987. P. 365–376.
- ⁴ Подробнее об этом см.: Arab-Iranian Relations / Ed. by Khair el-Din Haseeb. Center for Arab Unity Studies. Beirut. 1988. P. 1–18.
- ⁵ Дараби А. Политические течения в современном Иране. Тегеран: Исследовательский центр культуры и научной мысли. С. 187–189.
- ⁶ Подробнее об этом см.: Banani, Amin. The Modernization of Iran. Stanford, Calif, 1961. P. 5–27.
- ⁷ Лукьянов А. К. Исламская революция. Иран – опыт первый. М.: Май-принт, 2015. С. 61–73.
- ⁸ Подробнее о политике иранского духовенства см.: Шадлу А. Фракционизм в исламском течении. 1360–1380. Тегеран: Возара. 2003. С. 281; A Century of Revolution: Social // Movements in Iran / Ed. by John Foran. Minneapolis [n.pb.], 1994. P. 1–20.
- ⁹ Подробнее см.: Скляров Л. Е. Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция. М.: Наука, 1993. С. 230–233.
- ¹⁰ Кепель Ж. К «мусульманской демократии»? // Неприкосновенный запас. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/kepel.html>.
- ¹¹ Вознесенский А. Д. Восток и политика. Политические системы. Политические культуры. Политические процессы. М.: Аспект-Пресс, 2015. С. 266.
- ¹² Abrahamian E. A History of Modern Iran, New York: Cambridge University Press, 2014. P. 164.
- ¹³ Ansari A. M. Iran, Islam and Democracy. The Politics of Managing Change. London: Chatam House, 2016. P. 18–23; Moussawi I. Shi'ism & The Democratisation Process in Iran with a Focus on Wilayat al-faqih. London: Saqi Books, 2015. P. 15.
- ¹⁴ Ульченко Н. Ю., Мамедова Н. М. Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана). М.: Городец, 2016. С. 257.
- ¹⁵ Подробнее об этом периоде и внешней политике ИРИ см.: Hunter, Shireen T. Arab-Iranian Relations. Dynamics of Conflict and Accommodation. London–New York, 2019. P. 1–19, 245–277.
- ¹⁶ Mashaei Opened the Tasks of Ahmadinejad's Mission: to Bring the Regime to a Revolutionary Situation. URL: <http://www.tabnak.ir/fa/news/766109>.
- ¹⁷ Подробнее об этом см.: Hunter, Shireen T. Arab-Iranian Relations. Dynamics of Conflict and Accommodation.

Власть и оппозиция в Пакистане (2018–2019 гг.)

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-206-227

Аннотация: В статье автор анализирует политическую борьбу Пакистанской партии справедливости (ППС) и оппозиционного альянса Демократического движения Пакистана (ДДП). Впервые пришедшая к власти по итогам парламентских выборов в августе 2018 г. ППС столкнулась с отрицанием признавать ее легитимность бывшими правящими партиями – Пакистанской мусульманской лигой (Наваз), Пакистанской народной партией (ПНП) и блоком право-религиозных партий – Мутахида Маджлис-и Амаль (Объединенный совет действия (ММА). Однако, различия целей и задач каждой партии в рамках антиправительственной кампании усилили противоречия внутри самого оппозиционного движения, и, как следствие, привели к расколу в его рядах.

Ключевые слова: Пакистан, политическая борьба, оппозиционное движение, право-религиозный альянс.

Zamaraeva N.A.

The ruling PTI and opposition in Pakistan (2018–2021)

Abstract: In the article the author analyzes the political struggle of the Pakistan Tehreek-e-Insaf (PTI) and the broad opposition alliance. The PTI won the parliamentary elections in August 2018 for the first time in modern history, faced the strong political opposition – the former ruling parties– the Pakistan Muslim League (Nawaz), the Pakistan People's Party (PPP) and the bloc of religious parties – MMA, they rejected to recognize its legitimacy. Differences in the goals and objectives of each of opposition parties led to contradictions within the opposition movement, and, as a result, to failure.

Keywords: Pakistan, political opposition, religious party.

Оппозиция и ее организованная форма – оппозиционное движение – неотъемлемый элемент социально-политической жизни Исламской Республики Пакистан. Оппозиция традиционно активна независимо от правления военной, военно-гражданской или граждан-

ской администрации. Длительность, размах действий и география ее выступлений варьируются от одного месяца до полутора-двух лет; протестные марши проходят в основном в урбанизированных центрах, куда ручейки людей стекаются по окружным магистралям, образуя к назначенной дате мощную толпу митингующих. Единственное, что всегда объединяет протестное движение – цель, и цель – демонтаж власти, отставка первого лица государства, независимо от его позиции: демократически избранный премьер-министр, президент или главный военный администратор, имевший чин генерала, занимавший пост начальник штаба сухопутных войск.

Еще одной объединяющей характеристикой является оперативное сплочение рядов недавних жестких политических оппонентов с целью свержения нового лидера страны. Они объединяются в альянсы, назначают организационный комитет, разрабатывают маршруты следования, остановки (в основном по направлению к федеральной столице – Исламабад), организуют питание для участников, места ночлега, добиваются официального разрешения властей на проведение маршей и т.д. Каждое выступление демонстрантов несет в себе заряд агрессии, криков, стенаний, мусора и грязи. У каждого невольного свидетеля нескольких маршей протеста во время поездок в Пакистан создается впечатление их масштабного дирижирования.

Так было, например, в начале декабря 2018 г. Пакистанская народная партия, Пакистанская мусульманская лига (Наваз) и десять менее крупных политических партий объявили о создании альянса – Демократическое движение Пакистана. Его участники заявили о переломном моменте в политической истории Пакистана.

Традиционно оппозиционное движение в стране формируется сразу после объявления результатов всеобщих парламентских выборов и/или отстранения военными от власти правящего кабинета министров. Политические партии, чьи кандидаты проиграли выборы, незамедлительно выступают против результатов Избирательной комиссии Пакистана. Они обвиняют и политических оппонентов, и государственные институты, задействованные в избирательных кампаниях в подтасовках и нечестности при подсчете голосов. Однако каждое оппозиционное движение выступает против конкретного лица или действия властей. Продолжительность протестной кампании обусловлена целями и традициями партий.

2018 – год очередной избирательной кампании в Пакистане, и еще задолго до ее начала страна пережила острый политический кризис. Судебная коллегия Верховного суда вынесла решение о дисквалификации премьер-министра Миан Мухаммада Наваз Шарифа, предъявив обвинение в коррупции в конце июля 2017 г. В начале августа 2017 г. кабинет министров возглавил Х. Аббаси. Судебные дела также были открыты против ряда министров центрального правительства, членов правящей (2013–2018 гг.) политической партии Пакистанская мусульманская лига (Наваз).

ПМЛ (Н) резко критиковала и военный истеблишмент, а также судебную систему, которая, по мнению премьер-министра Х. Аббаси, вмешалась в работу исполнительной власти. Политическая нестабильность оказала негативное влияние на страну. В апреле 2018 г. Верховный суд принял решение уже о пожизненной дисквалификации Н. Шарифа, как председателя основанной им же еще в 1980-х годах политической партии ПМЛ (Н). Это означало не только его «политическую» казнь: удар был нанесен и по престижу партии. Позднее, весной 2018 г. правящая партия не сумела взять под контроль верхнюю палату парламента, проиграв сенатские выборы. Она быстро теряла и кадры, и влияние. Таким образом, ее шансы на победу в парламентских выборах 2018 г., на возврат к власти таяли¹.

Ситуация для ПМЛ (Н) осложнялась борьбой с тогдашним политическим оппонентом ПНП. Позиции партий разнились, во-первых, по кандидатуре на пост председателя Сената от оппозиции; во-вторых, по кандидатуре на пост главы переходного правительства (июнь–август 2018 г.). ПМЛ (Н) твердо настаивала на своей кандидатуре, отвергая все предложения оппозиции. Согласно статье 244-А Конституции 1973 г., депутаты должны в течение трех дней окончательно утвердить имя временного премьер-министра. Политические оппоненты не сумели договориться, и решение вопроса было передано в парламентский комитет, который также не смог прийти к согласию из-за разногласий. В итоге, Избирательная комиссия Пакистана назначила кандидатуру Сардара Хазар Хан Хосо². Срок полномочий кабинета министров истекал 31 мая 2018 г.

Политические силы, которые поддерживали решение Верховного суда о дисквалификации Н. Шарифа, опасались активности его

родственников и близких соратников. 6 июля 2018 г. он и его дочь Марьям были арестованы. Поводом стало обвинение в коррупции суда Национального бюро отчетности (НБО). Решением по делу о коррупции – вопросу о недвижимости в Авенфилде (Великобритания) – суд Национального бюро отчетности приговорил бывшего премьер-министра Н. Шарифа к тюремному заключению сроком на 10 лет, Марьям – к семи годам, а ее мужа – капитана в отставке Мухаммеда Сафдара – к одному году заключения. Обвиняемые также были лишены права участвовать в выборах или занимать государственные должности в течение 10 лет с момента их освобождения после отбывания наказания; им не разрешалось подавать ходатайства о предоставлении финансовых кредитов в течение 10 лет с даты их осуждения согласно разделу 15 Указа о национальной ответственности 1999 г. Иными словами, Н. Шариф и члены его семьи фактически были отстранили от избирательной кампании 2018 г.

Высокий суд Исламабада 19 сентября 2018 г. под давлением приостановил решение суда Национального бюро отчетности по делу о недвижимости семьи Шарифов в Авенфилде. Решающую роль сыграло состояние здоровья Н. Шарифа. Впоследствии НБО оспорило приостановку, но Верховный суд отклонил ходатайство³.

Основной задачей ПМЛ (Н) в период избирательной кампании 2018 г. стало поддержание единства рядов. Но последовавшее за дисквалификацией Н. Шарифа бегство 20 ветеранов ПМЛ (Н) в другие партийные объединения (ППС и ПМЛ (К)) нанесло ей больший урон. В пакистанских СМИ ставили вопрос о выживаемости партии.

Именно в такой обстановке крупнейшие политические объединения вступили в борьбу за места в нижней палате парламента. Всеобщие выборы в Пакистане, состоявшиеся 25 июля 2018 г., принесли победу Техрик-и-инсааф – Пакистанской партии Справедливости (ППС). Получив большинство мест в Национальной ассамблее (НА, нижней палате парламента), партия впервые в новейшей истории страны заняла правящие позиции. Ее лидер Имран Хан стал 22-м премьер-министром страны.

Генералитет в 2018 г., как и в 2008 и 2013 гг., придерживался политики невмешательства в избирательные кампании (за исключением вопросов общественного порядка и охраны границ).

Приход к власти ППС нарушил исторически устоявшийся в Пакистане 20-летний цикл смены власти двух общенациональных политических партий (ПНП и ПМЛ (Н)) и примерно 10-и летний цикл военных/военно-гражданских администраций.

ППС впервые пришли к власти в общенациональном масштабе, что стало вызовом для традиционных политических объединений, правивших страной на протяжении десятков лет или входивших в состав федеральных правительств, таких как Пакистанская мусульманская лига (Наваз), Пакистанская народная партия, Джамиат Улема-и-Ислам-Фазл (ДУИ (Ф)). Зародившаяся в первой декаде XXI века. ППС своей победой в 2018 г. разрушила традиционное сорокалетнее переменное лидерство ПНП (партии Б. Бхутто-Зардари), ПМЛ (Н) (партия клана Шарифов) и правления военных администраций. Таким образом, в 2018 г. Пакистан столкнулся со сменой правящих политических элит. Причин подобных результатов несколько. Одна из них – разочарование населения в знакомых политических лидерах и, как следствие, требование перемен.

ППС по итогам голосования получила 16,85 млн голосов, ПМЛ (Н) – 12,89 млн, ПНП – 6,9 млн 6,01 млн человек проголосовали за независимых кандидатов, 2,53 млн – за альянс праворелигиозных партий ММА и 2,19 млн – за Техрик-и Лабаик.

Набрав 115 от общего числа в 270 мест в нижней палате парламента, ППС не получила большинство мест. Партии-победительнице необходимо было набрать не менее 137 мест в НА с тем, чтобы сформировать кабинет министров, не входя в коалицию с другими партиями.

Второе место по количеству голосов (58 мест) в НА завоевала ПМЛ (Н), бывшая правящая партия; ПНП получила всего 28 мест, альянс ММА завоевал 10 мест. И завершила состав будущего парламента Пакистанская мусульманская лига-Каид-и Азам, набрав 4 голоса.

Следует обратить внимание на две особенности, которые проявились после подведения итогов избирательной кампании 2018 г. Провал крупных политических игроков означал оттеснение их не только от центральной власти, но, например, ПМЛ (Н) потерпела сокрушительное поражение в своей родной провинции – Панжабе, вотчине клана Шарифов.

Умело выстроенная избирательная кампания И. Ханом в 2017–2018 гг. в крупнейшей провинции, население которой составляет

53% страны, изменила сознание местного электората, традиционно на протяжении десятков лет голосовавшего за Шарифов. ППС завоевала 123 места в провинциальном собрании. ПМЛ (Н), несмотря на громкие антикоррупционные судебные дела против ее видных деятелей, оставалась второй крупной политической силой в Панджабе, Партия получила немного больше голосов в сравнении с ППС – 127 мест. Но И. Хан при поддержке других партий сумел сформировать коалиционный кабинет министров в Лахоре, столице провинции, под руководством своей партии, несмотря на ожесточенную борьбу оппонента. Шахбаз Шариф, президент ПМЛ (Н) (младший брат бывшего премьера Н. Шарифа) обещал сделать все возможное для формирования «своего» правительства в провинции. Таким образом, семейный клан защищал не только свое политическое будущее, но и те мегапроекты, которые стартовали еще в 2013–2018 гг. на федеральном и провинциальном уровнях в период правления ПМЛ (Н).

В другой провинции, Синде, родной для семьи Бхутто-Зардари, по итогам парламентских выборов 2018 г. Пакистанская народная партия вновь стала правящей. Однако она потеряла лидерство в крупнейшем мегаполисе страны – Карачи. Забегая вперед подчеркнем, что, несмотря на оппозиционные настроения, ПНП позднее согласилась сотрудничать с федеральными властями на постоянной основе. Подобный расклад политических сил в центре и двух крупнейших провинциях страны в дальнейшем окажет влияние на развитие оппозиционного движения в 2018–2020 гг.

Всеобщие выборы в Пакистане в 2018 г. породили очередную волну турбулентности внутривнутриполитической жизни в стране. И никто не исключал обострения противоречий между политическими оппонентами как в центре, так и в провинциях.

Проигравшие на выборах 2018 г. ПМЛ (Н), ПНП и альянс ММА заявили о непризнании результатов голосования, требуя их пересчета⁴, что и положило начало оппозиционному движению. Они незамедлительно призвали другие партии к формированию единого политического фронта для борьбы, по их утверждению, с фальсификацией результатов выборов. Первоначально ПНП отказалась от участия, заявив о переходе на скамейку оппозиции только в Национальной ассамблее⁵.

Проигравшие партии также обвиняли военный истеблишмент в негласной поддержке И. Хана. В прошлом они были вне власти только в годы правления военных и военно-гражданских администраций генерала М. Зия-уль-Хака (1977–1988 гг.) и генерала П. Мушаррафа (1999–2008 гг.).

В пакистанских СМИ в те дни много писали о «мягком перевороте», о переходе руководства государственными институтами Пакистана в руки управленцев среднего звена, намекая на личность нового главы кабинета министров. Неприятие среднего класса у руля власти стало одним из основных мотивов политической оппозиции.

В 2013–2018 гг. И. Хан возглавлял коалиционное правительство Хайбер-Пахтунхва (ХП), третьей по численности населения провинции страны после Панджаба и Синда. Будучи второй оппозиционной партией в нижней палате парламента в те годы, ППС, тем не менее, была слабо представлена в федеральных органах власти. Таким образом, должного опыта государственного масштабного управления он не имел.

Однако основную политическую активность И. Хан направил на организацию массовых кампаний с требованием отставки премьер-министра Н. Шарифа летом–осенью 2014 г. в центре Исламабада, и позднее демонстраций по всей стране в поддержку решения Верховного суда 28 июля 2017 г. об отстранении от должности того же Н. Шарифа.

Приход к власти лидера ППС привел к перераспределению центром финансовых средств, потока иностранных инвестиций, социальных и инфраструктурных проектов в пользу населения своей провинции. В прошлом многие проекты в Хайбер-Пахтунхва часто финансировались по остаточному принципу.

Вызовом традиционной политической элите стала сама личность И. Хана. Выходец из среднего класса, он долгие годы стремился «прорваться» в высшие эшелоны власти. Опора на средний класс оставалась одним из основных активов политической стратегии ППС. Рост влияния партии на формирование политического дискурса, особенно в городских условиях был очевиден. Средний класс в силу ряда причин (например, недостаточно организован) не мог привести ППС к власти в прежние годы, но в 2018 г. при негласной поддержке генералитета создал «альтернативу» политическим тяже-

ловесам – ПНП и ПМЛ (Н), долгое время доминировавшим в пакистанской политике. Победа ППС, как писали пакистанские СМИ, стала возможной на фоне демонизации «коррупцированных политиков» на примере Н. Шарифа⁶.

Многие в Пакистане расценили победу И. Хана как движение широких слоев общества навстречу реальным переменам. Его лозунги – «отказ от коррупции, верховенство закона и императив политической борьбы за обеспечение равенства, достоинства и свободы для многострадальных этнических групп...»⁷ – были очень востребованы в пакистанском обществе.

В противоречие традициям осенью 2018 г. страну не охватили массовые уличные беспорядки. Политическая буря разразилась только в стенах парламента, и в первых рядах выступала лидер оппозиции Шерри Рехман (депутат от ПНП).

Оппозиционные ПМЛ (Н), ПНП, Национальная народная партия и праворелигиозный альянс ММА в преддверии нового созыва депутатов в законодательные органы власти приступили к формированию так называемого Великого оппозиционного альянса. Они заявляли, что сплоченная оппозиция в парламенте укрепит демократический процесс, и только сплоченный депутатский корпус поможет правительству восстановить принципы демократии. Единственной целью оставалась организация совместной кампании протеста внутри и вне стен законодательного собрания против предполагаемых, по их мнению, фальсификаций на выборах 25 июля 2018 г., а также выработки стратегии проведения уличных протестов. Оппозиционные партии вновь и вновь обвиняли Избирательную комиссию Пакистана в отказе от предоставления им равных условий в избирательной кампании и нарушении протоколов подсчета голосов. И. Хан со своей стороны предлагал оппозиции помощь в расследовании фактов нарушений во время голосования, но проигравшие партии отказались.

Но оппозиция, сотканная из недавних политических оппонентов, внутренне уже была раздроблена. Приход к власти какой-либо политической партии в Пакистане сопровождался незамедлительным «переходом» на ее сторону бывших оппонентов. Несмотря на поредевшие ряды ПМЛ (Н), ПНП – враждебная, опытная и организованная оппозиция – пришла на первую сессию НА.

Основная борьба политических партий в стенах нижней палаты парламента нового созыва развернулась за должности спикера и вице-спикера. Каждая партия продвигала своего кандидата. Оппозиция подвергала критике любое действия правящей ППС, отвергала ее лидерство. ППС в свою очередь обвиняла ее в попытке переманить законодателей выгодными предложениями. Под предлогом защиты Конституции и демократии объединенная оппозиция выдвинула кандидатуру от ПМЛ (Н) на пост премьер-министра, на пост спикера НА – представителя ПНП и вице-спикера НА – члена Муттахида Меджлис-и Амал.

Амбициозный план И. Хана в первые 100 дней, который включал вопросы экономического развития, расширение возможностей трудоустройства молодежи, решение жилищной проблемы и проведение структурных реформ, был отвергнут ПМЛ (Н) и ПНП как неприемлемый для страны.

Недавно избранный премьер-министр столкнулся с проблемой не только отсутствия опыта управления такой сложной страной, как Пакистан; перед ним стояла задача укрепления парламентских рядов, государственных институтов для эффективного проведения новых реформ, усиления центристских сил в обществе. Поставленные жизнью задачи диктовали в первую очередь сохранение устойчивой политической системы, прочной конструкции демократических институтов.

Этого было крайне трудно добиться в условиях дисбаланса власти, роста агрессии политических оппонентов.

Воодушевленный победой на парламентских выборах, широкими властными полномочиями, премьер-министр И. Хан уже в начале 2019 г. заявил о реализации программ реформ в стране: пересмотр налоговой и административной системы (обсуждалось введение системы единой провинции, так называемой One Unit), в СМИ развернулась дискуссия об отмене 18-й конституционной поправки (вступила в действие в апреле 2010 г.) и т. д. Оппозиционные партии, и первую очередь ПНП, в период правления которой (2008–2013 гг.) и была одобрена поправка, выступила против, заявив, что система One Unit ослабит федерацию и приведет к распаду страны⁸.

Одновременно в эти же дни власти ставили задачу заручиться поддержкой оппозиционных партий в парламенте в вопросе о повтор-

ном продлении действия военных судов. Ситуация с безопасностью в стране оставалась сложной. В январе 2015 г. парламент одобрил формирование военных судов для рассмотрения дел о терроризме после нападения пакистанских талибов на школу детей военнослужащих в декабре 2014 г. 21-я поправка к Конституции 1973 г. вступила в силу незамедлительно. Первое продление поправки в 2017 г. также было одобрено парламентскими законодателями.

Оппозиция в нижней палате парламента, возглавляемая президентом ПМЛ (Н) Ш. Шарифом, при поддержке депутатов от ПНП и альянса ММА критиковала все инициативы правительства, обвиняя в игнорировании ключевых экономических проблем. Партии договорились о совместной стратегии против предложенного правительством ППС федерального бюджета на 2019–2020 финансовый год.

И. Хан, в свою очередь, осенью 2018 г. использовал для нейтрализации политической оппозицией традиционный метод, разработанный еще в годы правления военных или военно-гражданских режимов.

Начиная с 2017 г. вновь активно заработало Национальное бюро отчетности (НБО, National accountability Bureau). В первые годы XXI в. рамках НБО были учреждены специальные суды с правом на арест обвиняемого в коррупции и освобождение под залог; замораживание его счетов и конфискацию имущества; дисквалификацию и запрет на участие в избирательной кампании и/или занятие государственных должностей. Наделенный широкими полномочиями, этот государственный орган ставил цель искоренить коррупцию, а также привлечь к ответственности лиц, замеченных в коррупционных действиях. Решения судов НБО часто использовалось как ключевой инструмент в борьбе с политическими оппонентами, например, членами кланов Шарифов и Бхутто. Именно опираясь на материалы судебного дела, подготовленного в рамках НБО, Верховный суд Пакистана дисквалифицировал экс-премьер-министра Н. Шарифа в июле 2017 г.

Придя к власти, И. Хан продолжил практику НБО, и рассмотрения судебных дел по обвинению в коррупции продолжились; одновременно были заведены новые против членов других партий, например, ПНП (судебное дело против экс-президента Асифа Али Зардари и других). Это привело к снижению активности указанных партий.

Во имя укрепления рядов, спасения и ПМЛ (Н), и семьи Шарифов на руководящие позиции партии была выдвинута дочь Наваз Шарифа – Марьям Шариф, которая фактически возглавила партию. В период третьего премьерства ее отца (2013–2017 гг.) она работала в сфере здравоохранения и образования.

Аналогичная ситуация сложилась и для ПНП. Партия оставалась одной из крупнейших в нижней палате парламента. Но именно в этот период партия также переживала «омолаживание» рядов. Билавал Бхутто-Зардари, потомок некогда могущественной политической династии Бхутто, дебютировал в избирательной кампании. Бывший президент Пакистана Асиф Зардари одержал победу в своем избирательном округе и вернулся в НА. Но главное – ПНП, начиная с августа 2018 г., оставалась правящей в своей провинции⁹. В Синде ПНП получила абсолютное большинство голосов, что позволило ей оставаться у власти третий срок подряд. В других провинциях партия имела незначительное влияние. Таким образом, на первые позиции в старейших общенациональных политических партиях вышло второе и третье поколение политиков – дети и внуки основателей общенациональных политических партий – Билавал Зардари-Бхутто (ПНП) и Мариам Шариф (ПМЛ (Н)).

Назначение 3 мая 2019 г. Мариам Наваз исполняющим обязанности президента ПМЛ (Н) было оспорено членами правящей ППС, которые обратились в Избирательную комиссию Пакистана, утверждая, что она не вправе занимать какую-либо партийную должность, поскольку осуждена судом 6 июля 2018 г. по делу о коррупции. Избирательная комиссия Пакистана 17 сентября 2019 г. отклонила ходатайство о смещении лидера ПМЛ (Н) М. Наваз с должности вице-президента партии и постановила, что она имеет право занимать эту должность¹⁰.

Позднее судебные дела по обвинению в коррупции, подготовленные Национальным бюро отчетности, также были открыты против бывшего премьер-министра Шахида Хакана Аббаси, министра иностранных дел Хаваджи Мухаммада Асифа и других¹¹.

Аресты лидеров общенациональных политических партий и содержание их в изоляторах только подтолкнули партии к активизации протестного движения против правящей администрации. Однако недавние политические оппоненты все еще не были

готовы к объединению рядов; также существовала опасность новых репрессий.

Серия коррупционных судебных процессов против лидеров бывшей правящей ПМЛ (Н) подорвала ее имидж и снизила интерес у населения страны. В то же время ПНП продолжала поиск новых политических ориентиров.

Первые признаки формирования организованной оппозиции проявились уже в 2019 г. Влиятельный на политической арене страны в первой декаде XXI в. маулана Фазлур Рехман (лидер партии ДУИ (Ф)) проиграл выборы и в центре, и в провинции Хайбер-Пахтунхва, где в прошлом выигрывал выборы. В провале он обвинял партию ППС, военный истеблишмент, судей, Избирательную комиссию Пакистана и т. д. На короткое время он исчез с политической арены.

Альянс религиозно-политических партий Муттахида Маджлиси-и Амал возродился в 2017 г. с планами вернуться в большую политику, участвуя в избирательной кампании 2018 г. Он представлял собой блок праворелигиозных объединений Джамиат Улема-и-Ислам-Фазл (ДУИ (Ф)), Джамаат-и-Ислами (ДИ), Джамиат Ахле Хадис (ДаХ), Техрик-и ислами (ТИ), который в 2002–2007 гг. возглавлял коалиционное правительство в Северо-Западной пограничной провинции (с апреля 2010 г. – Хайбер-Пахтунхва)¹².

Помимо кандидатов от названных партий, насчитывалось еще более 400 кандидатов, которые были выдвинуты в Национальную ассамблею, что подтверждало возрождение праворелигиозных политических сил в стране.

Партии активно включились в избирательную кампанию 2018 г., поставив цель взять реванш за годы политического простоя. Несмотря на проигрыш первых трех позиций (премьер-министр, председатель Национальной ассамблеи и лидер парламентской оппозиции) на всеобщих парламентских выборах 25 июля 2018 г., маулана Ф. Рехман остался в политическом мейнстриме Пакистана.

Оппозиция усилила давление на новое правительство. Ф. Рехман выдвигал все более жесткие требования: установить минимальную месячную заработную плату в размере 20000 рупий, пересмотреть тарифы на электроэнергию и газ до уровня, установленного на 31 мая 2018 г., повысить зарплату на 50% государственным служащим до уровня класса BPS-16, отменить налоги на растительное и топленое

масло, восстановить стипендии студентам, вернуть нулевую ставку экспорта, предоставить бесплатное лечение и лекарства в государственных больницах. В случае неисполнения правительством требований его партии, он призвал к уличным демонстрациям.

Ф. Рехман настаивал на немедленном блокировании Исламабада, выражая таким образом несогласие с результатами выборов 2018 г. и назначением И. Хана на пост главы кабинета министров, обвиняя новые власти в росте цен, экономических кризисах, вызванных политикой, по его мнению, некомпетентного нового правительства. С особой резкостью он критиковал военный истеблишмент за вмешательство в выборы 2018 г.¹³

В июне 2019 г. впервые он объявил об антиправительственном марше на Исламабад, запланировав его проведение на октябрь. На Всепартийной конференции, созванной по инициативе праворе- лигиозного лидера, оппозиционные партии обсуждали маршруты движения и график митингов¹⁴.

Отказавшись от агрессивной политики против федерального правительства после ареста лидеров ПМЛ (Н) и ПНП и провала движения за недоверие председателю Сената, оппозиция первоначально ограничилась протестными заявлениями. Одновременно предложила поэтапный график борьбы за смещение премьер-министра И. Хана:

- проводить политические митинги и акции протеста в местах массового скопления населения урбанизированных центров и на автомагистралях;
- организовать временные сидячие забастовки;
- блокировать Исламабад.

И уже в сентябре 2019 г. лидеры двух оппозиционных партий (ПМЛ (Н) и ДУИ (Ф)) согласились с мауланой Ф. Рехманом провести длинный марш в Исламабад с требованием отставки правительства ППС и формирования нового кабинета. Они объясняли свои действия необходимостью вывести страну из кризиса. Лидер ДУИ (Ф) планировал решающий марш на октябрь 2019 г. Позиции внутри ПМЛ (Н) разделились.

Джамат-и-Ислами, известная своей уличной властью, также не планировала присоединяться к ДУИ (Ф) и выступать против ППС. Партия критиковала политику федерального правительства, но у ее

руководства был собственный план борьбы. Так называемые «народники» постепенно дистанцировались от запланированной сидячей забастовки. Билавал Бхутто-Зардари обещал оказать моральную поддержку антиправительственному движению. По его мнению, оппозиция не имела права призывать к отставке правительства ввиду отсутствия четкого плана действий.

ДИ и ПНП критиковали лидера ДУИ (Ф) за преследование корыстных интересов и отступничество от борьбы за права кашмирского народа, что, по их мнению, наносило ущерб имиджу Пакистана.

Марьям Наваз вновь была арестована 8 августа 2019 г. судом Национального бюро отчетности, но на этот раз по делу о финансовых операциях на сахарном заводе Чодри, где она числилась мажоритарным акционером. Ее имя включили в Список контроля доступа, и ей был запрещен выезд из страны. Но уже в ноябре после обращения в Высокий суд Лахора и оплаты двух облигаций на поручительство на сумму 20 млн рупий и дополнительно 70 млн рупий, ей вернули паспорт. В ноябре 2019 г. Н. Шарифу было разрешено вылететь в Лондон на лечение. Марьям его сопровождала.

Судебные преследования членов семьи Шарифов и членов бывшего правящего кабинета министров внесли раскол в ряды ПМЛ (Н) и, соответственно, в позиции братьев Навазов по вопросу об участии в марше протеста, назначенного на 31 октября 2019 г. В отличие от старшего брата Ш. Шариф не поддержал политику «агитации» против властных структур. Он стремился избежать конфронтации с военным истеблишментом, так как правительство И. Хана пользовалось поддержкой генералитета. Присоединиться к маршу протеста ДУИ (Ф) означало пойти против истеблишмента.

Наваз Шариф, напротив, отказался договариваться с военным истеблишментом, который, напомним, дважды лишал его поста премьер-министра (1999 г. и 2017 г.).

Федеральные власти официально разрешили марш Азади, подчеркивая право демонстрантов на протест. «Правительство, твердо веря в демократические идеалы, дало разрешение провести предложенный «Азади Марш» при условии, что он состоится в рамках закона и Конституции», – говорилось в заявлении, опубликованном канцелярией премьер-министра¹⁵. Ультиматум оппозиции об отставке премьер-министра И. Хана власти даже не выдвигали¹⁶.

Однако Министерство внутренних дел (МВД) в преддверии запланированной протестной акции обсуждало вопрос о мерах противодействия против Ансар-ул-Ислам (АуИ), молодежного военизированного крыла партии ДУИ (Ф). АуИ позиционировала себя как организация, обеспечивающая режим безопасности проведения марша Азади. В ответ на запрос МВД кабинет министров подтвердил, что частным вооруженным группировкам запрещалось блокировать автомагистрали и держать в заложниках граждан Пакистана. Высказывались опасения, что эти группировки численностью до 80 тыс. человек имели возможность саботировать общественный порядок во время проведения протестов во всех районах страны. МВД поставило вопрос перед властями о запрете участия «боевого крыла» ДУИ (Ф), заявив, что АуИ представляла реальную угрозу миру и спокойствию в Исламабаде.

Еще в 2008 г. правящая в те годы Пакистанская народная партия запретила АуИ, включив ее в список террористических группировок¹⁷. Таким образом, в 2019 г. новые федеральные власти решили провинциальным правительствам принять меры против АуИ. В уведомлении, выпущенном МВД подчеркивалось, что группировка «функционировала как военная организация», что требовало принятия мер в соответствии с разделом 2 Закона 1974 г. о частных военных организациях (упразднение и запрещение) против Ансар-ул-Ислам».

В дни активной подготовки оппозиционных партий к антиправительственным акциям протеста в федеральной столице АуИ оказалась в центре внимания правоохранительных органов после того, как группировка выступила в качестве почетного караула мауланы Ф. Рехмана. Это было воспринято как демонстрация силы против федеральных властей. Маулана Ф. Рехман опроверг обвинения, заявив, что присутствие молодых членов АуИ следовало рассматривать, как проявление солидарности с идеалами партии¹⁸; и функции молодежи, симпатизирующей идеалам ДУИ (Ф) заключались в обеспечении безопасности высшего руководства партии и поддержание дисциплины¹⁹.

Власти утверждали, что большинство охранников «в школьной форме» были членами ДУИ (Ф). Воинственная риторика привлекла в их ряды другие молодежные группы. Члены старейшей молодеж-

ной организации Ислами Джамаат-и-Тулаба (ИДТ) из университетов и колледжей в Пакистане были введены в состав молодежных сил, подконтрольных Ф. Рехману.

Образованная в далеком декабре 1947 г., ИДТ (численностью 25 членов) ставила три цели: проповедовать идеалы Ислама, воспитывать любовь к изучению исламской литературы и готовить студентов к жизни в Исламском обществе. К середине 1950-х годов, став общенациональной организацией, она расширила лист требований, настаивая, в первую очередь, на введении исламской системы образования во всех университетах и колледжах. В 1990-е годы список вновь расширился: противодействие военному сотрудничеству с США, поддержка религиозных режимов в Афганистане; позднее члены ИДТ активно участвовали в джихаде в Афганистане.

Власти заявили, что страна, которая уже воюет против угрозы религиозного терроризма (имеются в виду военные операции в 2014–2018 гг. против местных и иностранных боевиков в районах компактного проживания пуштунов), не может позволить студенческим организациям стать питательной средой религиозной нетерпимости²⁰.

Праворелигиозные партии часто побуждали запрещенные организации, такие как Лашкар-и Джангви, поддерживать воинствующие настроения в студенческом сообществе и предоставляли финансирование ее членам.

В рассматриваемый период федеральное правительство Пакистана проводило реформу религиозного образования, объявленную еще в конце 2014 г. в рамках Национального плана действий (НПД). Ставилась цель синхронизировать обучение в медресе с образованием в государственных и частных учебных заведениях по единому учебному плану. Объяснялось это тем, что ученики медресе из-за ограниченного набора учебных программ и концентрации внимания только на изучении Ислама, не могли использовать возможности, предлагаемые современной системой образования²¹. Реформа медресе проходила с большими вызовами для властей. Блокировались ее усилия пересчитать и официально зарегистрировать небольшие учебные классы при мечетях. Муллы при поддержке праворелигиозных партий шли крайне неохотно. К началу 2019 г. правительство административно контролировало только 113 медресе²². Большая их часть оставалась незарегистрированной.

Одной из косвенных причин жесткой реакции властей на привлечение мауланой Ф. Рехманом учащейся молодежи в свои ряды – пресечение нелегального финансирования террористических организаций. В 2018 г. Пакистан был включен в Серый список Целевой группы по финансовым мероприятиям в области отмывания денег (ЦГФМ) с соответствующими ограничениями. Исламабад взял обязательства выполнить ряд требований, чтобы не только быть исключенным из Серого списка, но и избежать Черного списка ЦГФМ. Правительство стало уделять больше внимания действиям против неблагополучных организаций²³.

В октябре 2019 г. на встрече в Париже ЦГФМ признал, что Пакистан добился «ощутимого прогресса» под руководством нового правительства. Однако большинство вопросов в рамках плана действий оставались нерешенными, включая эффективные меры по предотвращению финансирования терроризма²⁴. Целевая группа по финансовым мероприятиям приняла решение, что Пакистан останется в Сером списке до февраля 2020 г., и поручила Исламабаду принять дополнительные меры для полной ликвидации финансирования терроризма и отмывания денег²⁵. Это был серьезный вызов властям, которые взяли на себя обязательства выполнить 27 пунктов требований к январю 2020 г.²⁶

Агрессивный характер заявлений ДУИ (Ф) отчасти объясняли событиями в соседнем Афганистане. Именно в 2019 г. США при посредничестве Исламабада вели переговоры с афганским Движением Талибан (ДТ), т.е. военно-политической оппозицией правительства президента Афганистана А. Гани. Цель переговоров – признание ДТ политической силой современного Афганистана и подписание в дальнейшем соглашения США о перемирии с ДТ.

Маулана Ф. Рехман в 90-е XX в. – начале XXI в. активно поддерживал и идеологию афганских талибов, и приход их к власти в октябре 1996 г.. Таким образом, в 2019 г. он рассматривал Политическую комиссию ДТ во главе с муллой Барадаром как триумфаторов на переговорах с США.

Воинственность заявлений лидера ДУИ (Ф) убедила федеральное правительство пойти на переговоры с тем, чтобы не допустить проявления «социального экстремизма». Местные СМИ писали, что

«...прогрессивные и умеренные политические силы в Пакистане законно обеспокоены таким сценарием»²⁷.

Правительственная комиссия во главе с министром обороны П. Хаттаком с вниманием отнеслась к требованиям оппозиции. Она предложила предоставить убедительные доказательства фальсификации результатов всеобщих выборах 2018 г. на рассмотрение специально сформированному парламентскому комитету. В его состав вошли спикер Национальной ассамблеи А. Кайзер и спикер провинциального собрания Панджаба П. Элахи²⁸. И уже 26 октября 2019 г. центральные власти и оппозиционные партии достигли соглашения о месте проведения массового мероприятия «Марш Азади» и выдали ДУИ (Ф) сертификат об отсутствии возражений для проведения демонстрации в окраинных районах Исламабада 31 октября 2019 г.²⁹ Письменное соглашение было подписано заместителем комиссара Исламабада и Генеральным секретарем Исламабадского отделения партии ДУИ (Ф). Организаторы демонстраций взяли ответственность за безопасность во время шествий.

Оппозиционные партии ПМЛ (Н), ПНП и Национальная народная партия объявили о своей поддержке антиправительственной демонстрации.

Марш стартовал в Карачи 27 октября, сотни людей шумно с лозунгами ехали на автобусах, первую остановку сделали в Лахоре, столице провинции Панджаб, позднее в Мултане. Оппозиция подтвердила отказ от блокирования фурами дорог и сидячих митингов. После пятидневного марафона, вечером 31 октября демонстранты собрались на окраине Исламабада в секторе Н-9, но не вошли в Красную зону федеральной столицы. Участники сидячей забастовки стояли лагерем около двух недель³⁰.

Маулана Ф. Рехман возглавил оппозиционное движение в Пакистане. Широкая медийная кампания и освещение в прессе деталей переговоров с властями привлекли к нему общенациональное внимание. Требования к властям оставались прежними: отставка премьер-министра, проведение новых выборов и гарантии защиты исламских статей Конституции 1973 г. Одновременно он обвинял армию во вмешательстве во внутреннюю жизнь страны.

Тысячи протестующих вышли на улицы страны уже 30 октября 2019 г. Но уже вечером 1 ноября 2019 г. в противоречие прежним

заявлениям две оппозиционные партии ПМЛ (Н) и ПНП до входа в Исламабад объявили об отказе участвовать в сидячей забастовке, подтвердив давно назревавший раскол в рядах политической оппозиции³¹.

Генералитет на 226-й конференции командиров корпусов 4 ноября 2019 г. поддержал решение кабинета министров о проведении акций протеста, подтвердив, что армия останется беспристрастной, безучастной к политике³²; призвал к сплоченности заинтересованных сторон по ключевым национальным проблемам, а также гарантировал властям охрану правопорядка в федеральной столице³³.

Учитывая, что партия Асифа Али Зардари укрепила позиции на провинциальных выборах в родной провинции Синд, ее руководство не было заинтересовано в проведении широкого протестного движения против правящей партии Пакистанское Движение за справедливость.

Проведя несколько безрезультатных дней в сидячей забастовке, маулана Ф. Рехман заявил 12 ноября 2019 г. о начале плана «В» – блокирование основных автомагистралей и торговых связей по всей стране. Это нарушало договоренности с властями. Активисты ДУИ (Ф) вместе с партией Пуштунхва Милли Авами заблокировали шоссе Кветта-Чаман на северо-западе страны³⁴, а также призвали к активным протестам в районах, где еще сохранилось влияние ДУИ (Ф) – Южном Вазиристане и в округе Малаканд и Пешаваре провинции Хайбер-Пахтунхва³⁵.

Власти ответили на вызов Ф. Рехмана оперативно. Тысячи полицейских заблокировали основные дороги контейнерами, перегородившие магистрали участникам марша³⁶. И только 19 ноября 2019 г. оппозиционные партии отменили блокаду дорог и антиправительственные сидячие забастовки³⁷.

Марш Азади в Исламабаде в 2019 г. потерпел неудачу. Причину многие видели в том, что ДУИ (Ф) вышла на улицы в одиночку³⁸. Несмотря на обещание Н. Шарифа оказать всестороннюю поддержку акции, его партия лишь в устной форме поддержала Джамиат Улема-и-Ислам-Фазл. Даже Марьям Наваз не участвовала в сидячей забастовке в Исламабаде³⁹.

Протестная кампания в 2019 г. имела несколько отличительных черт. На передний фланг оппозиции вышла праворегигиозная

партия, опытная ДУИ (Ф). Ее лидеры сумели привлечь к антиправительственным демонстрациям другие партии, которые не получили желаемых результатов в парламентской избирательной кампании 2018 г. Но оппозиция выдвигала главное требование – отставка действовавшего премьер-министра.

Видя бесперспективность антиправительственных выступлений, основной союзник по альянсу ММА – партия Джамаат-и-Ислами – не присоединились к маршу Азади. Несмотря на провал протестного движения, лидер ДУИ (Ф) заявил о победе возглавляемой им кампании⁴⁰. Действия, вернее бездействие политической оппозиции, он рассматривал как упущенную ими возможность⁴¹.

В пакистанских СМИ писали, что участие мауланы Ф. Рехмана в антиправительственном «силовом шоу» была продиктована его убежденностью стать во главе оппозиции, вновь заявить о себе в национальной политике. Судебные дела против членов семьи Шарифов и семьи Зардари по обвинению в коррупции ослабили не только возглавляемые ими общенациональные партии, но и в целом антиправительственную оппозицию⁴².

Антиправительственная кампания под руководством праворегиозного лидера мауланы Ф. Рехмана стала одним из первых уроков, который преподнесла разрозненная политическая оппозиция правящей Пакистанской партии справедливости в 2018–2019 гг. В новейшей истории Пакистана не было прецедентов свержения правительства посредством многодневных маршей, сидячих забастовок или публичных митингов.

¹ Политический кризис в Пакистане 2017–2018 гг. // Азия и Африка сегодня. № 7. С. 27–33. URL: <https://asaf-today.ru/s032150750000095-6-1/>

² PPP-PML-N tension limits chances of consensus caretaker PM. URL: <https://nation.com.pk/10-Apr-2018/ppp-pml-n-tension-limits-chances-of-consensus-caretaker-pm>

³ ECP dismisses plea to remove Maryam as PML-N vice president. URL: <https://www.dawn.com/news/1505712/ecp-dismisses-plea-to-remove-maryam-as-pml-n-vice-president>

⁴ Why regaining power in Punjab more important for PML-N. URL: <https://nation.com.pk/28-Jul-2018/why-regaining-power-in-punjab-more-important-for-pml-n?show=>

⁵ PML-N cracks in Punjab. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/356154pml-n-cracks-in-punjab>

⁶ The middle muddle. URL: <https://www.dawn.com/news/1426131/the-middle-muddle>

⁷ Ibid.

⁸ Opposition to attend NAP briefing only if PM gives it in parliament. URL:

<https://www.dawn.com/news/1473256/opposition-to-attend-nap-briefing-only-if-pm-gives-it-in-parliament>

⁹ Inside the new Assembly. URL: <https://www.dawn.com/news/1427088/inside-the-new-assembly>

¹⁰ ECP dismisses plea to remove Maryam as PML-N vice president. URL: <https://www.dawn.com/news/1505712/ecp-dismisses-plea-to-remove-maryam-as-pml-n-vice-president>

¹¹ Court gives NAB until Aug 6 to file final reference against Abbasi in LNG case. URL: <https://tribune.com.pk/story/2253109/court-gives-nab-until-aug-6-to-file-final-reference-against-abbasi-in-lng-case>

¹² Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана XX век. М.: ИВ РАН, Крафт +, 2008. 566 с.

¹³ As ultimatum of PM's resignation ends, Fazl says he has 'plans B and C. URL: <https://tribune.com.pk/story/2092883/1-ultimatum-pms-resignation-ends-fazl-says-plans-b-c/>

¹⁴ Government to allow JUI-F's 'Azadi March' to go ahead as long as it remains peaceful. URL: <https://www.dawn.com/news/1512479/government-to-allow-jui-fs-azadi-march-to-go-ahead-as-long-as-it-remains-peaceful>

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Govt says ready for negotiations, but PM's resignation is off the table // <https://tribune.com.pk/story/2092263/1-govt-rejects-demand-pms-resignation-urges-jui-f-follow-earlier-agreement/>

¹⁷ 70 Organizations Proscribed by Ministry of Interior u/s 11-B-(1) r/w Schedule-I, ATA 1997. URL: <https://nacta.gov.pk/proscribed-organizations/>

¹⁸ Ansarul Islam. JUI-F rejects ban on Ansarul Islam. URL: <https://tribune.com.pk/story/2087923/1-jui-f-rejects-ban-ansarul-islam/>

¹⁹ Federal govt bans JUI-F's Ansarul Islam 'militia'. URL: <https://tribune.com.pk/story/2086506/1-federal-govt-empowers-provinces-ban-crack-ansarul-islam/>

²⁰ Student militancy. URL: <https://nation.com.pk/22-Oct-2019/student-militancy>

²¹ PM vows to end parallel education systems. URL: <https://nation.com.pk/03-Oct-2019/pm-vows-to-end-parallel-education-systems>

²² 113 madrassas now under govt supervision, FATF told. URL: <https://tribune.com.pk/story/2113083/1-113-madrassas-now-govt-supervision-fatf-told/>

²³ Pakistan to remain on FATF grey list till February. URL: <https://www.dawn.com/news/1511090/pakistan-to-remain-on-fatf-grey-list-till-february>

²⁴ Ibid.

²⁵ Pakistan to remain on FATF grey list till February. URL: <https://www.dawn.com/news/1511090/pakistan-to-remain-on-fatf-grey-list-till-february>

²⁶ FATF 27 points to be implemented by Jan 2020: Azhar. URL: <https://tribune.com.pk/story/2085981/2-fatf-27-points-implemented-jan-2020-azhar/>

²⁷ Pakistan and the Future of the Taliban: 10 Things to Consider. URL: <https://cgpolicy.org/articles/pakistan-and-the-future-of-the-taliban-10-things-to-consider/>

- ²⁸ Don't force our hand, Khattak warns opposition. URL: <https://tribune.com.pk/story/2083264/1-govt-will-enforce-writ-azadi-march-held-warns-khattak/>
- ²⁹ JUI-F Azadi March. URL: <https://www.dawn.com/live-blog/>
- ³⁰ PTI govt, opposition reach deal on 'Azadi March' venue. URL: <https://tribune.com.pk/story/2087845/1-azadi-march-khattak-claims-reaching-agreement-opposition/>
- ³¹ PPP, PML-N to stay away from sit-in. URL: <https://www.dawn.com/news/1514353/ppp-pml-n-to-stay-away-from-sit-in>
- ³² Azadi March to take 'new direction' after two days. URL: <https://nation.com.pk/08-Nov-2019/azadi-march-to-take-new-direction-after-two-days>
- ³³ Amid 'Azadi March', army urges 'cohesion of stakeholders on key national issues'. URL: <https://tribune.com.pk/story/2093406/1-gen-qamar-reaffirms-armys-continued-support-state-institutions/>
- ³⁴ JUI-F blocks Quetta-Chaman highway as 'Plan B'. URL: <https://nation.com.pk/13-Nov-2019/azadi-march-jui-f-swings-into-action-with-plan-b-blocks-quetta-chaman-highway>
- ³⁵ Fazl claims was offered Senate chairmanship to end sit-in. URL: <https://tribune.com.pk/story/2104123/1-fazl-claims-offered-senate-chairmanship-end-sit/>
- ³⁶ JUI-F Azadi March. URL: <https://www.dawn.com/live-blog/>
- ³⁷ 'Plan B' concludes: Rahbar Committee calls off roads blockades. URL: <https://tribune.com.pk/story/2102904/1-plan-b-concludes-rahbar-committee-calls-off-roads-blockades/>
- ³⁸ Consensus among opposition to get rid of PTI govt: Fazl. URL: <https://www.dawn.com/news/1571537/consensus-among-opposition-to-get-rid-of-pti-govt-fazl>
- ³⁹ PML-N to continue to offer lip service for sit-in. URL: <https://tribune.com.pk/story/2095654/1-pml-n-continue-offer-lip-service-sit/>
- ⁴⁰ Fazl claims was offered Senate chairmanship to end sit-in. URL: <https://tribune.com.pk/story/2104123/1-fazl-claims-offered-senate-chairmanship-end-sit/>
- ⁴¹ Consensus among opposition to get rid of PTI govt: Fazl. URL: <https://www.dawn.com/news/1571537/consensus-among-opposition-to-get-rid-of-pti-govt-fazl>
- ⁴² Is the Maulana looking for a vacuum? URL: <https://tribune.com.pk/story/2098344/6-maulana-looking-vacuum/>

**Внешнеполитическое поведение Японии
в условиях деформации и роста напряженности
в мировом устройстве в начале XXI века:
особенности подготовки к глобальному конфликту**

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-228-274

Аннотация: В статье исследуются направления в японской дипломатии в новом мировом порядке XXI в., по которым она будет целеустремленно двигаться, превращаясь в «нормальное государство» с активной внешней политикой и сильной современной армией и флотом. Полувековой послевоенный пацифизм Японии второй половины XX в., как политика отказа от военных методов решения политических конфликтов, был всего лишь временным этапом в ее внешней политике и инструментом адаптации страны к стабильному послевоенному биполярному миропорядку, а отнюдь не постоянной характеристикой ее внешнеполитического поведения. Переход страны к активной внешней политике в пост-биполярном миропорядке – это курс на адаптацию Японии к хаосу и нестабильности системы международных отношений, к новым более жестким условиям своего выживания в мире.

Ключевые слова: новый мировой порядок XXI в., новый мировой конфликт, американский фактор, Россия, США, Китай, Курильские острова.

Krupyanko M.I., Areshidze L.G.

**Japan's International Behavior
in the period of Deformation and Intensifying of International
Tension in the New World Order at the Beginning of XXI century:
the Preparation for the Global conflict**

Abstract: In the New World order of XXI century Japan will gradually move towards the so cold “normal state” pursuing its own interests in foreign and domestic policy, modern army and fleet. Half a century in XX century after the Second World War pacifism as a policy of denying power methods of resolving the political conflicts was an instrument of adaptation of Japanese diplomacy to the stable af-

terwar world order and not a permanent factor of its foreign policy behavior. Japan's transfer in the direction to her active diplomacy in the post-bipolar world order and her reaction to the chaos and instability of new world system of XXI century and preparing to new demands of her surviving.

Keywords: new World order of XXI century, new world war, American factor, Russia, USA, China, Kuril islands.

Начальник Генерального штаба ВС России Валерий Герасимов, выступая перед иностранными военными атташе 18 декабря 2019 г. подчеркивал, что обстановка в мире в начале XXI в. продолжает оставаться крайне нестабильной и ее деформация приобретает все более динамичный характер¹. По его мнению, такое развитие системы мироустройства обусловлено стремлением некоторых ведущих мировых игроков навязать свои принципы поведения другим суверенным государствам, в том числе, и с использованием силовых методов. По этой причине не стоит исключать возникновения кризисных ситуаций, которые способны перерасти к 2050 г. в военный конфликт глобального масштаба.

Аналогичной точки зрения придерживается и широко известный в мировых научных кругах американский политолог, директор коммерческой разведывательно-аналитической организации STRATFOR профессор Джордж Фридман. В своей работе «Следующие 100 лет: прогноз на XXI век» он пишет, что к 2050 г. Япония неизбежно станет участником, как минимум, одного крупного вооруженного конфликта в Восточной Азии и в западной части Тихого океана². Это связано с тем, что внешняя политика США сохраняет и в XXI в. все свои структурные геополитические особенности. Америка продолжит держать под своим контролем все стратегически важные моря и океаны. Такой контроль является основой не только гарантией ее безопасности, но и возможностью влиять на развитие системы международных отношений в выгодном для себя направлении.

К 2050 г. Фридман также предрекает третью мировую войну, которая станет результатом конфронтации двух блоков. Первый блок предположительно будет сформирован США, Польшей (она станет лидером Евросоюза), Великобританией, Индией и Китаем. Второй – примет форму альянса Турции и Японии. Начало конфликту положит скоординированная атака турок и японцев. Разумеется, они не будут

стремиться к оккупации или уничтожению США, но будут заинтересованы подписать с ними соглашение, которое гарантировало бы им распределение сфер влияния: северо-запад Тихоокеанского региона остается районом, подконтрольным Японии, а Ближний Восток – Турции³.

Поэтому закономерным выглядит тот факт, что в новом мировом порядке XXI в. Япония должна будет целеустремленно двигаться в направлении превращения страны в «нормальное государство» с активной внешней политикой и сильной, современной армией и флотом. Полувековой послевоенный пацифизм Японии второй половины XX в., как политика отказа от военных методов решения политических конфликтов, был всего лишь временным этапом в ее внешней политике, инструментом адаптации страны к стабильному послевоенному биполярному миропорядку, а отнюдь не постоянной характеристикой ее внешнеполитического поведения. Переход страны к активной внешней политике в пост-биполярном миропорядке – это также курс на адаптацию Японии к хаосу и нестабильности системы международных отношений, к новым более жестким условиям ее выживания в мире. Если принять во внимание, что в новом миропорядке Япония испытывает серьезные демографические проблемы быстро стареющего населения страны, а также утрату своих позиций второй державы в рейтинге мировых экономик, пропускающая с 2010 г. впереди себя Китай, то становится понятным, что такой переход для Японии стал объективно неизбежен.

Уже первые, рассмотренные выше шаги Японии в этом направлении в новом мировом порядке XXI в. позволяют с некоторой долей определенности представить себе ее ближайшее внешнеполитическое будущее. Оно будет напрямую связано с успехами или провалом усилий японских властей по выстраиванию стабильных отношений на трех важных для ее выживания, как суверенной нации, направлениях – американском, китайском и корейском.

Важнейшим и сложнейшим для Японии в этом отношении останется американский вектор. Дело в том, что Дальний Восток и западная часть Тихого океана, где расположены Японские острова – стратегически важны для США, в первую очередь, потому, что американские ВМС и ВВС с территории своих военных баз могут здесь уверенно контролировать выходы в мировой океан своих главных соперников,

включая Китай, Россию и государства Корейского полуострова, которые также, как и Япония, не намерены зависеть от США в вопросе свободного использования акватории этой части Тихого океана. Накануне Второй мировой войны Япония, как самая мощная военно-морская держава региона того времени, уже пыталась оспорить гегемонию США в Тихом океане и вступила в войну именно за контроль над западной частью океана. Однако на том историческом этапе она проиграла сражение и была вынуждена капитулировать по итогам войны на Тихом океане 1941–1945 гг. Однако на новом историческом витке, используя новейшие виды вооружений, Япония хотела бы освободиться от столь затянувшейся «опеки старшего брата» и стать самостоятельным игроком в этой части мира, которая является для нее важнейшим районом выживания нации.

Хорошо известно, что Япония, оставаясь одной из ведущих экономик мира, не имеет собственных запасов природных ресурсов и вынуждена постоянно импортировать все основные энергетические и промышленные ископаемые, необходимые ей для производства, начиная с нефти и заканчивая редкоземельными металлами. Без импорта этих ресурсов, в особенности без стабильных поставок углеводородов, Япония в считанные месяцы из высокоразвитой промышленной державы превратилась бы в периферийное государство. Власти Японии никогда не забывают, что страна была вынуждена вступить в войну с США на Тихом океане в декабре 1941 г. только потому, что американский флот заминировал тогда проходы японским танкерам с нефтью в Малаккском проливе. Однако и сегодня этот пролив полностью контролируется военно-морскими силами США, из чего японские политики уже давно сделали простой вывод о том, что настоящее и будущее экономического благополучия нации по-прежнему целиком и полностью находится в руках Америки, с чем Япония, как «нормальное государство», не может мириться в XXI в.

Японии трудно будет согласиться с единоличным стратегическим доминированием своего союзника – Соединенных Штатов Америки, как важнейшего для ее жизненных интересов района мира. США на протяжении многих послевоенных десятилетий XX в. бесспорно держали здесь свой военно-морской флот и части ВВС, не желая уступать контрольные позиции никакому другому мировому игроку, включая и своего союзника в лице Японии. Но в любом

учебнике по международным отношениям четко прописано, что государство, если оно считает себя суверенным и независимым, не должно зависеть от политической воли другого государства, так как рано или поздно это приведет к обострению отношений и военной конфронтации между ними⁴.

Не является исключением из этого правила и считающая себя суверенной Япония. Поведение страны, находящейся в стратегической ловушке на протяжении столь длительного исторического периода времени, становится непредсказуемым. Страна, оказавшаяся в безвыходном положении, в интересах своего дальнейшего существования теоретически может занять агрессивную позицию по отношению к государству, которое угрожает ее жизненным интересам.

Разумеется, Япония, как стратегический союзник США, пойдет на обострение отношений с ними только в самом крайнем случае, т. е. когда последние по своему усмотрению лишат ее выхода в Тихий океан. В начале XXI в. ни Япония, ни США, к счастью, не имели повода идти на резкое обострение отношений друг с другом и вступать в вооруженный конфликт. Вместе с тем, фундаментальный принцип стратегического планирования, как у японских, так и у американских политиков, гласит: «надейся на лучшее, но готовься к худшему». Не случайно после убийства 3 января 2020 г. в результате ракетного удара США по аэропорту Багдада главы спецподразделения «Аль-Кудс» иранского «Корпуса стражей исламской революции» (КСИР) генерала Касема Сулеймани, глава британского Минобороны Бен Уоллес отдал приказ кораблям «HMS Montrose» и «HMS Defender» незамедлительно вернуться к обязанностям по сопровождению британских торговых судов в Ормузском проливе.

И хотя на сегодня Япония, разумеется, все еще уступает США по совокупной военно-технической мощи, она последовательно стремится умножить свой силовой потенциал в ближайшие десятилетия. И когда это произойдет, Америка почувствует потенциальную угрозу своему стратегическому доминированию в западной части Тихого океана. Ведь в действиях Японии по наращиванию своего военно-морского потенциала США всегда усматривали потенциальную для себя опасность, чтобы в Токио ни говорили о теоретической и практической невозможности вооруженного конфликта между двумя союзниками.

В новом миропорядке Япония готова к радикальным изменениям в политике мировых цен на нефть, не исключая их резкого повышения. На этот случай она не исключает варианта, что США захотят силой захватить ближневосточные нефтяные месторождения, которые являются основными поставщиками углеводородов для японской промышленности. Профессор Джордж Фридман, например, считает, что такое развитие событий возможно в ближайшие 20–30 лет⁵. Дальновидные японские политики, такие, как Ясухиро Накасонэ, также допускали подобное неблагоприятное для Японии развитие событий⁶. Свидетельством вероятности такого развития событий в начале 2020 г. явилась политика США, спровоцировавшая убийство Касема Сулеймани и предопределившая «очередной виток напряженности» на Ближнем Востоке. Эскалация развития событий в регионе стала результатом присутствия здесь американских военных. К тому же США уже давно исключили себя из международно-правовой системы, что никогда не вело к решению проблемы.

Вместе с тем выступить против Америки в периоды максимального роста цен на энергоносители японским властям не просто. Для этого они должны будут, как минимум, вступить в стратегический союз с Китаем или Россией и объединить с ними усилия перед лицом американской угрозы. И чем выше будут мировые цены на нефть, тем выше будет вероятность военной конфронтации между Японией и США за контроль над морскими проливами – Ормузским и Малаккским. Ведь очевидно, что и в новом мировом порядке дисбаланс сил в Восточной Азии и на Тихом океане останется значительным, и складываться он будет не в пользу Японии. Поэтому японские лидеры активно готовятся к любым неожиданным поворотам событий.

Впрочем, очевидно было и то, что не Япония будет определять будущую расстановку сил в регионе Восточной Азии и в западной части Тихого океана, и не она будет инициатором потенциального вооруженного конфликта, так как она в нем не заинтересована. Основными и активно действующими игроками процесса изменения в балансе сил в регионе будут три великие державы – США, Китай и Россия. Вместе с тем «линия разлома» в японо-американских отношениях пройдет именно при решении вопроса о защите жизненно важных для нее морских коммуникациях в западной части Тихого

океана, по которым Япония импортирует промышленное сырье и экспортирует готовые промышленные товары. Таким образом, внешняя политика Японии будет ориентирована на сохранение безопасной зоны своего влияния в Восточной Азии путем вовлечения в нее развивающихся стран региона. Это необходимо для охраны морских коммуникаций в регионе от возможных попыток в настоящем или будущем любой из 3-х великих держав – США, Китаю или России перекрыть их в ущерб интересам Японии.

К 2030 г. власти Японии будут готовы создать свою «зону ответственности» с радиусом до 800 км от побережья островов, используя возможности национальных ВМС, ВВС и систем космической разведки. Это район, который включает в себя территорию до границ с Китаем (до города Шанхай) и с Россией (до города Владивосток). Это главный район стратегических интересов Японии на Тихом океане, своего рода японская «Брестская крепость», на которую она может спроецировать свою военную силу. Япония оснащена всем необходимым для обороны этой «зоны ответственности» уже сегодня, однако к началу 2030-х годов ее силы быстрого реагирования будут способны находиться в состоянии постоянной боевой готовности.

Однако именно такого развития событий на японском направлении опасаются военные круги США, не заинтересованные в том, чтобы Япония обрела силовой потенциал, достаточный для того, чтобы бросить вызов американским стратегическим интересам в районе с радиусом в 6–7 тыс. км от побережья Японских островов⁷. Ведь на этом удалении от границ Японии расположены Гавайские острова в центральной части Тихого океана – историческая военно-морская база ВМС США и их 50-й штат. Это территория, по которой почти 80 лет назад в декабре 1941 г. японцы уже наносили авиационные удары, разгромив тогда военно-морскую базу Перл Харбор. В XXI в. власти Японии ожидают, что США также будут отстаивать здесь свои доминирующие позиции «до последней капли крови», и поэтому не допустят возрождения японской военно-морской или космической мощи, способной повторить опыт нападения на Перл Харбор в середине XX в.

По мнению профессора Джорджа Фридмана, и с ним, на наш взгляд, нельзя не согласиться, японские власти не заинтересованы в развязывании вооруженного конфликта на Тихом океане, так как

это приведет к полному разрыву американо-японских союзнических отношений и, в конечном счете, к поражению Японии на этот раз уже в новом мировом порядке⁸. Но несмотря на это, США заблаговременно будут готовиться к усилению японского военно-морского присутствия в американской зоне ответственности в акватории западной части Тихого океана.

В чем Япония действительно заинтересована, так это в обеспечении безопасности морских путей доставки сырья и топлива в Малаккском проливе, и она будет настаивать, чтобы Америка предоставила ей гарантии безопасности, хотя, возможно, и невольно, таким образом будет втягивать США в конфронтацию с ней. Скорее всего, Вашингтон откажет в предоставлении таких гарантий, и тогда Токио должен будет готовиться защищать жизненно важные для себя морские проливы своими силами.

Более того, власти Японии готовятся к тому, что уже к 2040-м годам от японо-американского военно-политического союза образца 1951 г. могут остаться только красивые воспоминания, а в отношениях между двумя бывшими верными союзниками возникнут глубокие разногласия⁹. Хуже всего для Японии будет то, что по мере обретения ею потенциала, способного бросить вызов Америке на Тихом океане, США вступят в союз с Сеулом или Пекином, которые, в свою очередь, также, оставаясь озабоченными усилением военной мощи Японии, могут пойти на союз с Америкой против Японии, старой колониальной державе и своему историческому противнику в Восточной Азии.

В свою очередь японцы, потенциально опасаясь американского силового вмешательства в сферу их жизненных интересов на Тихом океане, будут вынуждены наращивать быстрыми темпами свой силовой потенциал, так как, в противном случае, Япония рискует остаться в изоляции в регионе Восточной Азии и столкнуться с региональной антияпонской коалицией стран, которую возглавят США.

К тому же у японцев не будет иного выхода, кроме как искать себе новых союзников – партнеров, которые захотели бы прийти им на помощь. И тогда Япония пойдет на формирование собственной «дружественной коалиции» на другом конце Азии в лице Турции¹⁰.

Очевидно, что такое развитие событий может привести к тому, что уже к середине 2030-х годов, по мере усиления военного потен-

циала Турции и Японии, США столкнутся с нарушением баланса сил в разных частях Евразии¹¹. При этом отношение Америки к своим бывшим союзникам, действительно, радикально трансформируется и, согласно известной поговорке, вектор взаимодействия сменится «от любви – к ненависти». Не случайно один из важнейших принципов «Новой стратегии национальной безопасности президента США», которую объявил Дональд Трамп в 2017 году, гласил: «В мире происходит неблагоприятное для американских интересов смещение глобального баланса сил. Новая стратегия США представляет собой план восстановления поступательной динамики нашей страны, чтобы нивелировать многие из этих негативных тенденций. Необходимо противодействовать установлению власти какой-либо одной державы над всей Евразией¹².

Другими словами, речь идет о том, что власти Японии будут готовиться к тому, что США не захотят допускать, чтобы в новом мировом порядке XXI в. у них появился бы новый сильный соперник на море, а Япония и Турция позиционируют себя как новые морские державы, при том, что Япония готова господствовать в северо-западной части Тихого океана, а Турция – в Восточном Средиземноморье.

Кроме того, нельзя забывать, что Япония уже в конце XX в. располагала определенным космическим потенциалом и таким образом могла влиять на формирование нового баланса сил в мире в невыгодном для США направлении. Очевидно, что Токио ожидает, что к середине XXI в. политика американских властей будет направлена на активное противодействие освоению Японией космического пространства в военных целях. И ей следует готовиться к этому заблаговременно. Подтверждением тому, что США и их союзники в Западной Европе имеют решимость мешать Японии в освоении космоса, могут служить решения саммита НАТО в Лондоне, который проходил 3–4 декабря 2019 г., и на котором космос был официально признан пятой операционной средой военных действий с ограниченным числом участников¹³. Поэтому власти Японии будут готовиться к любому, в том числе и к наихудшему для своих интересов сценарию развития обстановки в регионе Восточной Азии, включая и космическое пространство.

Япония не исключает, что к середине XXI в. характер японо-американских союзнических отношений может измениться до неуз-

наваемости. Во-первых, это касается природы самого партнерства. В период холодной войны Америка нуждалась в Японии, как в своем «непотопляемом авианосце» в западной части Тихого океана на направлениях сдерживания своих стратегических противников в лице Советского Союза и КНР. Поэтому США были заинтересованы в предоставлении ей полных гарантий доступа к источникам сырья и к пользованию стратегическими проливами – Ормузским и Малаккским для его транспортировки, а также для вывоза готовой продукции на экспорт. В пост-биполярном миропорядке XXI в. интересы США были скорректированы в условиях, когда Япония становится «нормальным государством».

В принципе и в XXI в. американцы не хотели бы отказаться от стратегических услуг Японии, т. е. от того, чтобы она продолжала наращивать свою военную мощь на Дальневосточных рубежах на границе с Россией и Китаем, а также, чтобы она и дальше обслуживала американские военные базы на своей территории. Поэтому американцы разрешают ей укреплять боеспособность своих ВМС в западной части Тихого океана, а также создавать современную армию и сильные ВВС и даже участвовать, правда, в ограниченных масштабах, в гонке космических вооружений¹⁴.

Но Япония будет идти на все на это только до определенного предела, т. е. до момента, пока не встанет вопрос о физическом выживании японской нации в новом миропорядке. Такой момент может наступить, если США заблокируют Японии жизненно важные для нее проливы в Тихом океане и сформируют новые антияпонские военные союзы в Восточной Азии. Тогда Япония сможет использовать свой силовой потенциал для их разблокирования и, следовательно, вступит в силовую конфронтацию с США.

Во-вторых, власти Японии должны будут готовиться к тому, что в новом мировом порядке XXI в. власти США не дадут втянуть себя в вооруженные конфликты в Азии ради защиты японских национальных интересов. До окончания войны с международным терроризмом в 2018–2019 гг. Вашингтон не шел на обострение отношений с Японией и не ставил под угрозу террористических атак такие жизненно важные маршруты поставок нефти в Японию, как Малаккский и Ормузский проливы. Однако ситуация может измениться в случае, если поведение Японии пойдет вразрез с американскими интере-

сами, и она откажется выполнять свои союзнические обязательства перед США. В этом случае американцы смогут принять решение о блокировке проливов и перекрытии путей транспортировки нефти в Японию, что для нее будет означать национальную катастрофу.

В-третьих, нарастание противоречий в отношениях с США может подтолкнуть власти Японии сместить акценты в своей торговой политике – с преимущественной ориентации на рынки США в пользу рынков Евразии, включая рынки Китая, Кореи и даже России. К тому же в XXI в. экономика Японии будет остро нуждаться в дешевой рабочей силе по причине ускоренного развития неблагоприятной демографической ситуации в стране. Япония, как известно, уже в конце XX в. оказалась в положении государства с быстро стареющим населением и объективной необходимостью в большом притоке рабочих мигрантов. Однако она не была готова принимать их у себя в значительном количестве. Европейский миграционный кризис, который возник в начале 2015 г. в связи с многократным увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов в страны Европейского союза из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии, наглядно показал властям Японии, что страны ЕС оказались не подготовлены к их приему и не смогли равномерно распределить их по своим территориям, что в итоге спровоцировало большую напряженность в отношениях всех членов Евросоюза между собой¹⁵.

Однако прием иностранных мигрантов в Японии будет трудно реализовать еще и по другой причине – страна является монолитной нацией. Долгие годы японцы решали проблему дефицита рабочей силы, не ориентируясь на приток иностранных рабочих на свои предприятия, предпочитая перемещать японские предприятия за рубеж, в районы проживания самой дешевой рабочей силы. Однако такая японская экспансия также имела свои экономические ограничения, так как нельзя было постоянно заниматься «индустриализацией» зарубежных стран в ущерб интересам своих собственных трудовых ресурсов. Поэтому у японских властей не останется иного выхода, кроме как осваивать зарубежную рабочую силу в соседних странах Азии в рамках своего «паназиаатского проекта», точно также, как она это делала в первой половине своей колониальной истории XX в., захватывая рынки дешевой рабочей силы в Китае, Корее и в странах ЮВА.

В-четвертых, японским властям, возможно, придется использовать политическое давление на США, когда станет окончательно ясно, что Америка не намерена выводить свои военные базы с территории Окинавы за пределы острова, так как для японцев это будет означать, что они оставляют свои базы на японской территории в качестве потенциальных объектов для нанесения ракетных атак противников Америки в Восточной Азии. Такие удары по военным базам США на Японских островах могут быть нанесены со стороны Китая, Северной Кореи или России. Разумеется, подобные события не произойдут ни в 2020, ни в 2025 году. Но их развитие можно легко себе представить в 2040–2050-е годы, когда баланс сил в Евразии изменится, а стратегический союз Японии с США почти 100-летней давности (с 1951 года) фактически может прекратить свое существование, и Япония к этому времени найдет себе новых союзников в лице Турции или Индии¹⁶.

В-пятых, Япония может ожидать обострения японо-американских отношений к середине XXI в. и по причине экономического ослабления соседнего Китая. Ведь сильный и стабильный Китай начала XXI в. был способен не только сдерживать японский силовой потенциал, но и создавать помехи на пути ее экономической экспансии в страны Азии в рамках реализации «паназиаатского проекта», однако слабому Китаю решать такие задачи может быть и не под силу¹⁷. Правда, США даже в случае серьезного обострения своих отношений с Японией будут делать вид, что сохраняют с Токио доверительные отношения. В свою очередь, и Токио не будет заинтересован демонстрировать всему миру свою враждебность по отношению к Америке, особенно, если получит твердые заверения от Вашингтона, что американцы обеспечат ей защиту стратегически важных проливов в Тихом океане. Очевидно и то, что в новом мировом порядке Япония не будет первой вступать в конфронтацию с США. Более того, Япония совершенно не заинтересована нести на себе огромные военные расходы и иметь риски, связанные с поиском и созданием замены японо-американским отношениям.

Вместе с тем японские лидеры готовятся к тому, что военный союз с США и надежды на получение бессрочных гарантий безопасности с их стороны не могут продолжаться вечно и оставаться константой в новом миропорядке XXI в. Рано или поздно Япония должна

начать самостоятельно обеспечивать интересы своей безопасности для выживания нации, а не полагаться на «ядерный зонтик» Америки. Ведь и США всегда были заинтересованы не столько в том, чтобы вечно «защищать» Японию, сколько в том, чтобы Япония как можно более продолжительное время зависела от Америки. И чем дольше она оставалась бы подчиненным США союзником, тем большее влияние Вашингтон мог оказывать на ее внешнюю политику и тем существеннее это влияние определяло бы ее действия на международной арене в выгодном для США направлении. Однако такое положение не может устраивать Японию в новом нестабильном миропорядке, в котором «все воюют против всех».

И когда уровень стратегической зависимости Японии от США превысит допустимые для национального самосознания японцев пределы, ее правящие круги «по требованию» многочисленных и влиятельных националистических сил захотят проводить самостоятельную политику в Восточной Азии, которая далеко не во всем будет отвечать стратегическим интересам США, что, в свою очередь, приведет к резкому обострению японо-американских отношений. Избежать такого нежелательного для обеих партнеров разворота событий стороны смогут только в одном случае – если им удастся наладить баланс интересов, а власти США пойдут на уступки японцам. В противном случае – избежать прямой конфронтации между двумя традиционными конкурентами и соперниками на Тихом океане будет не просто.

Впрочем, если оправдается прогноз министра иностранных дел Великобритании Бена Уоллеса, сделанный им в интервью газете *The Sunday Times* 10 января 2020 г., то в самое ближайшее время США могут оставить лидирующие позиции в мире¹⁸. Только в 2019 г. США вывели американские войска из Сирии, а президент Дональд Трамп попросил НАТО принимать более активное участие в ситуации на Ближнем Востоке. В результате таких действий, по мнению Уоллеса, Лондон будет вынужден пересмотреть свою оборонную стратегию и готовиться к ведению войн в новом миропорядке без участия США. Японские власти не исключают такой сценарий развития событий и для себя.

Много трудностей ожидает Японию в новом миропорядке и на китайском направлении. Дело в том, что после холодной войны

и разрушения биполярного мира Япония накопила достаточное количество проблем в своих отношениях с КНР (и экономических, и политических, и военных), и потому можно смело утверждать, что Токио готов к любым осложнениям отношений со своим дальневосточным соседом, которые могут даже перерасти в вооруженное противостояние.

В биполярном мире 1950–1980-х годов, после окончания войны во Вьетнаме в 1975 г. Дальний Восток и западная часть Тихого океана не были районом, откуда Япония ожидала угрозы затягивания в военный конфликт. Однако японские политики хорошо осознавали, что такое положение не могло продолжаться неопределенно долгое время, и уже в начале XXI в. власти Японии стали ощущать тревогу в связи с непрекращающимися и явно провокационными территориальными притязаниями Китая на оспариваемые у Японии острова Сэнкаку (Дяоюйдао). Поэтому японские военные стали заблаговременно готовиться к неизбежной дестабилизации ситуации в этой части Тихого океана и, как следствие, к неминуемому затягиванию ее в вооруженный конфликт с Китаем.

Из всех вариантов возможной стратегической дестабилизации в этом регионе к середине XXI в. наиболее вероятными, на наш взгляд, могут стать попытки столкновения двух дальневосточных государств, в основе которого будет лежать взаимное недоверие и обострение борьбы за сферы влияния в Азии и на Тихом океане. Уже в начале XXI в. эти две восточноазиатские страны остро конкурировали друг с другом в борьбе за доминирование в этой части мира. Серьезное соперничество между ними поддерживалось сопоставимыми размерами экономического и военного потенциала обеих стран, а также их политическим мировым авторитетом. Эти факторы и определяли неустойчивость стратегического поля в регионе.

Положение усугублялось еще и тем, что к соперничеству двух ведущих региональных держав за доминирование в регионе активно подключались другие мировые игроки, включая США, Южную Корею и Россию. Власти Японии видели, что Китай пытается ее опередить и прирастить свой силовой потенциал и влияние за счет, например, сближения с Россией, или расширить свою зону контроля за счет налаживания отношений с государствами Средней Азии или с государствами Корейского полуострова. Замечая это, Токио незамедли-

тельно оперативно реагировал на эти попытки китайских властей, ибо по объективным соображениям не мог допустить усиления позиций Китая в восточноазиатском регионе в нарушение тем самым сложившегося баланса сил.

Впрочем, такой баланс стал коренным образом разрушаться уже после окончания холодной войны и разрушения биполярного мира. Япония, например, заметно замедлила темпы своего экономического роста, тогда как соседний Китай, напротив, развивался весьма динамично. Разумеется, японская экономика оставалась в регионе Восточной Азии достаточно сильной по своей совокупной мощи, но экономика Китая при этом опережала ее по темпам роста. Японские власти не рассматривали сложившуюся ситуацию, как угрожающую национальным интересам в начале XXI в., однако, они внимательно «мониторили», в первую очередь, достижения Китая в области военного строительства, особенно тщательно наблюдая за его контактами по военной линии с Россией с тем, чтобы избежать усиления силового потенциала Китая за счет «сложения» его с российским¹⁹.

Кроме того, если еще в 1970-е годы в системе международных отношений еще сохранялось традиционное понимание, что восточноазиатские страны – это в целом внутренне стабильный регион, не отличавшийся агрессивным поведением в отношении своих ближайших соседей, то уже в новом мировом порядке XXI в. в этом вопросе оценки аналитиков расходились – внешняя политика таких стран, как Китай и Россия с внутривосточной и внешнеполитической точек зрения стали рассматриваться как достаточно агрессивные.

Какие же аспекты внутренней и внешней политики Китая на японском направлении представляются для последней наиболее опасными на фоне борьбы двух держав за сферы влияния в Азии, и как власти Китая при желании могли бы спровоцировать в регионе взрывоопасную ситуацию? С нашей точки зрения, здесь можно выделить ряд факторов, прямо ускоряющих эти процессы.

Во-первых, это накапливание в части общества антияпонских настроений, что могло бы, в случае обострения ситуации в регионе, быть использовано властями Китая. Дело в том, что Китай простирается с запада на восток более, чем на 4 тыс. км, но 80% его населе-

ния проживает на Восточном побережье шириной всего 650 км. Здесь концентрируются этнические китайцы, которые исторически всегда были настроены крайне враждебно по отношению к японцам, не раз пытавшимся их колонизировать на протяжении длительного исторического периода, начиная с конца XIX и в 30-е годы XX в. Высокая плотность антияпонски настроенных китайцев в непосредственной географической близости от берегов Японии существенно облегчает китайским властям переброску на японские острова десантных подразделений НАОК. Силам самообороны Японии будет сложно отразить атаки такого рода.

Во-вторых, Япония знает, что Китай не упустит возможности воспользоваться ее повышенной уязвимостью в плане энергоснабжения. В отличие от Японии, Китай имеет значительные, а главное – автономные запасы промышленного сырья и топлива, достаточные для выживания в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств. Он также стратегически не уязвим от блокировки Малаккского пролива, по которому в Японию направляются танкеры с нефтью и газом из стран Ближнего Востока. В свою очередь, Япония, напротив, крайне чувствительна с точки зрения прекращения стабильных поставок сырья и энергоносителей, так как ее экономика может самостоятельно просуществовать на искусственно сделанных запасах сырья всего лишь несколько месяцев. Именно этот фактор в значительной мере определяет повышенную стратегическую уязвимость Японии по сравнению с относительно более независимым в сырьевом отношении Китаем. Последний при определенных обстоятельствах легко сможет перекрыть жизненно важные для Японии проливы в Тихом океане, включая Макасарский, Тайваньский и Корейский.

В-третьих, для Японии также опасен и искусственно подогреваемый китайскими властями дух реваншизма как национальной идеи. В своей истории Китай долгие годы находился на положении японской колонии и китайский народ хранит в исторической памяти негативные воспоминания о периоде пребывания на своей территории японских колонизаторов. Поэтому основной национальной идеей развития Китая в новом мировом порядке XXI в. стала «идея реванша за годы колониального унижения и морального подавления». В отличие от Китая, Япония избежала участи прямого коло-

ниального порабощения Западом. Напротив, она получала помощь от европейских стран и США в форме промышленных технологий и секретов военной подготовки, как сразу после завершения революции Мэйдзи в 1868 г., так и после окончания Второй мировой войны в 1945 г. Японские ВМС, например, были созданы по образцу и подобию военного флота Великобритании, японскую сухопутную армию помогали создавать немецкие военные специалисты. Благодаря такой поддержке, Япония быстро превратилась в сильного мирового игрока, способного бросить вызов как своим соседям по Дальнему Востоку, так и США на Тихом океане в середине XX в. Японская императорская армия на рубеже XIX и XX вв., по сути, подряд выиграла две трудные для нее войны – с соседним Китаем в 1895 г. и с царской Россией в 1905 г., а в середине XX в. совершила вооруженное нападение на Соединенные Штаты Америки.

Власти современного Китая никогда не забудут о национальном унижении, когда японские солдаты организовали настоящий «китайский холокост» в Нанкине в 1937 г. и на протяжении почти 10 лет оккупировали страну вплоть до 1945 гг. Естественно, что Япония серьезно опасается «китайского реванша» в новом мировом порядке при благоприятном для Пекина стечении международных обстоятельств и изменении стратегического баланса сил на Дальнем Востоке в пользу Китая.

В-четвертых, Япония не может закрывать глаза и недооценивать динамичное военное строительство в Китае, стремительное укрепление наступательного потенциала НОАК. Успехи Китая в экономическом развитии имели своим реальным воплощением фантастическое увеличение расходов на военные нужды и строительство военной инфраструктуры. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира SIPRI за 2018 год, КНР занимала второе место в мировом рейтинге расходов на вооружение (после США – 649 млрд долл.): в 2018 г. Пекин потратил 250 млрд долл. на модернизацию своей армии, а его военный бюджет за последние десять лет вырос на 83%. По словам эксперта SIPRI, «Китай не хочет, чтобы США слишком сильно приближались к региону и к соседним азиатским странам. Поэтому между крупнейшими мировыми игроками, включая США и Китай сохраняется и будет еще долго существовать большая напряженность».

Расходы Китая на военные нужды в 5,3 раза превышали расходы на те же цели Японии, которые в 2018 г. составляли всего 46,6 млрд долл.²⁰ Эти красноречивые данные свидетельствуют о том, что военная мощь Китая, если судить только по внушительным размерам военных расходов, на несколько порядков превосходила силовой потенциал Японии²¹.

Сравнение суммарной численности военнослужащих в обеих странах также складывается не в пользу Японии: если под ружьем в НОАК в 2018 г. находилось от 2 до 2,3 млн человек и, кроме того, она имела 510 тыс. подготовленных резервистов и была самой многочисленной в мире, то по своему численному составу Силы самообороны Японии не превышали всего 247,7 тыс. человек и занимала по этому показателю 18-е место в мире²².

Несмотря на разительный контраст в уровне военных расходов в Китае и Японии и в общей численности военнослужащих, странам удавалось сохранять региональный баланс сил в Восточной Азии в течении первых двух десятилетий XXI в. Но это было возможно не столько благодаря «мудрости» японских или китайских дипломатов, сколько отношениям этих двух стран с США. Ведь Китай также жизненно зависит от экспорта своей продукции на американские рынки, от готовности американцев пока еще покупать китайскую продукцию, а не выставлять ей непреодолимые торговые барьеры, какие администрация Трампа объявила, например, в отношении стран Евросоюза в 2018 г. Точно также в послевоенные десятилетия второй половины XX в. от американского рынка в значительной степени зависело динамичное развитие и японской экономики. Поэтому наихудшим сценарием развития событий в регионе Восточной Азии стало бы нарушение стабильных торговых связей этих двух азиатских стран с Соединенными Штатами Америки.

Вместе с тем, как Япония, так и Китай из года в год становятся в военном отношении все сильнее, и это не может не вызывать их растущего взаимного недоверия и тревоги. Очевидно, что обе страны смогут мириться с таким развитием событий только до определенного предела, за которым у партнеров может появиться потребность прервать бесконечную гонку вооружений и попытаться первыми организовать упреждающие боевые действия, чтобы не оказаться застигнутыми противником врасплох.

Кроме того, если отношения Японии с США в рамках военно-политического союза, вероятнее всего, смогут сохраняться относительно стабильными, как минимум, до середины XXI в., то устойчивое развитие американо-китайских отношений может быть прервано в любой момент, как это, например, уже, имело место в июне 2018 г., когда обнаружилось, что торговый дефицит США с Китаем достиг рекордной величины в 375 млрд долл. по итогам 2017 г., и президент Трамп объявил, что эту проблему он должен во что бы то ни стало решить в национальных интересах Америки, т.е. в ущерб Китаю²³.

Японские власти в новом мировом порядке будут всегда учитывать в своем поведении, что действия американского президента Дональда Трампа подчиняются конкретной логике, впервые озвученной им еще на предвыборном этапе: «Америка – прежде всего» (America First). Он объявил тогда целью своей деятельности на посту президента, в случае успеха кампании, «возвращение США статуса ведущей мировой индустриальной державы». Для этого Трамп пообещал вернуть в страну рабочие места, которые были потеряны из-за переноса производственных мощностей корпорациями США в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и, прежде всего, в Китай. Трамп потребовал тогда от Китая сократить профицит в торговле с США на 200 млрд долл. до конца 2020 г., в частности, путем снижения импортных тарифов на товары и услуги до уровня аналогичных тарифов в США, а также прекратить государственную поддержку Китаем секторов промышленности, обозначенных в плане «Сделано в Китае–2025»²⁴. Разумеется, в Японии учитывают, что власти Китая, заинтересованные в повышении уровня благосостояния своих граждан за счет расширения экспорта, в том числе, на емкий американский рынок, могут, например, переключить свои поставки с американского рынка на российский, нарушив тем самым региональный баланс сил и вызвав тревогу у соседней Японии в связи с расширением российско-китайского стратегического сотрудничества. В этом случае политическая зависимость Китая от США могла бы ослабнуть, чего американцы также не хотят допускать.

Поэтому, какую стратегию защиты на китайском направлении выберут для себя власти Японии к середине XXI в., во многом будет зависеть от того, как будет функционировать экономика

КНР, нарушит ли ее развитие сложившийся стратегический баланс сил в регионе или нет. Китай не представлял большой угрозы для Японии, когда у руля в стране стоял председатель ЦК КПК Мао Цзэдун, который сдерживал развитие китайской экономики. Однако после смерти Мао к власти пришел Дэн Сяопин, сторонник отхода от жесткой социалистической идеологии и планового хозяйства, что позволило китайскому обществу совершить разительный скачок в развитии, максимально эффективно использовать отложенный спрос населения и помножить его на талант и способности широких народных масс.

С другой стороны, важным фактором, вызывающим сильное беспокойство в Японии, является нарастающая из года в год внутренняя нестабильность китайского общества и его перерождение в великую державу с экспансионистской идеологией и национальной идеей реванша за колониальное прошлое. Рост внутренней неустойчивости в Китае с каждым годом происходит на фоне ужасающего имущественного расслоения. По данным Народного банка КНР за 2019 год, только 60 млн китайцев из 1,4 млрд населения страны относили себя к среднему классу, имея годовой доход, эквивалентный 20 тыс. долл. Однако эти 60 млн китайцев составляли всего лишь 5% населения Китая и были сконцентрированы в прибрежных Восточных районах КНР, а также в Пекине²⁵. Основное же ядро китайского общества составляли 600 млн человек, годовые доходы которых не превышали 1 тыс. долл. в год, что составляло менее 3 долл. в день на семью. Доходы еще 440 млн китайцев не превышали от 1 до 2-х тыс. в год (около 6 долл. в день). Бедные слои китайского общества заселяют центральные и западные районы страны.

Правящие круги Японии не может не беспокоить растущая нестабильность китайского общества, неравенство доходов в котором считается одним из самых высоких в мире. Так, 1% наиболее обеспеченных китайцев контролирует около 33% всего благосостояния страны, а 25% наиболее бедных – лишь 1%²⁶. Для Китая показатель коэффициента Джини, используемого для измерения распределения доходов среди жителей страны, за последние 20 лет увеличился с 0,3 в 1980-х гг. до 0,49 в 2012 г. При этом Всемирный банк считает уровень неравенства высоким, если значение данного коэффициента превышает 0,4. Среди 25 наиболее населенных стран мира, для которых

Всемирный банк регулярно измеряет коэффициент Джини, только у ЮАР и Бразилии этот показатель был выше, чем у Китая – 0,63 и 0,53 соответственно.

В связи с неослабевающими тенденциями имущественного и социального неравенства в КНР японские власти опасаются, что там может начаться процесс территориального размежевания и распада, который многие западные аналитики предвидят к 2030–2035 гг. Сегодня центральным властям в Пекине пока еще удастся балансировать между нищим «большинством» и зажиточным «меньшинством» в Китае. Однако с каждым годом становится все более очевидным, что любые попытки властей равномернее перераспределить доходы самых богатых в пользу самых бедных слоев населения могут ослабить механизм стабильного управления в стране по причине роста недовольства обеспеченных кругов страны политикой правительства. В 1940–1950-х Мао решал проблему социального и материального неравенства в обществе с помощью массовых репрессий, экспроприации имущества у зажиточных слоев восточных районов и перераспределения богатства в пользу малоимущих слоев глубинных западных районов страны. Сегодня такой вариант решения данной проблемы может привести страну к установлению жесткой диктатуры, что может спровоцировать массовые протесты как внутри Китая, так и в мире.

Япония внимательно отслеживает особенности социального и экономического развития Китая. Аналитики приходят к выводу, что в ближайшем будущем власти КНР не смогут предложить простые пути решения данной проблемы. Неравенство в доходах в китайском обществе будет сохраняться и даже усиливаться, а разрыв между самыми обеспеченными и малоимущими слоями населения может составить более, чем 20 раз. При том, что средняя зарплата в КНР в 2019 г., например, составляла 1050 долл. в крупных городах и 450 долл. в провинциях, минимальная зарплата в Китае в 2019 г. была 325 долл. в месяц, что на 50 долл. было ниже даже прожиточного минимума²⁷. Для более, чем миллиарда китайцев, живущих в условиях крайней нищеты, даже незначительное снижение уровня жизни может стать катастрофическим. Любые попытки китайских властей снизить уровень доходов зажиточных слоев населения путем введения, например, прогрессивного налога на доходы, также могут при-

вести к росту недовольства на этот раз уже в кругах власти имущих, т. е. правящей элиты, которая способна оказывать сильное давление на центральные органы власти. В результате в Китае могут вспыхнуть социальные волнения, которые приведут к еще большему росту нестабильности, что может повысить общий градус агрессивности в обществе. Соседняя Япония хотела бы избежать такого развития событий по причине непредсказуемости их последствий для своих национальных интересов.

Японские власти опасаются также любых неожиданностей в поведении со стороны китайской диаспоры на своей территории, что могло бы стать следствием процессов дестабилизации внутреннего положения в Китае, которые японцы не в состоянии контролировать. Численность китайской диаспоры в Японии составляет около полумиллиона человек. Китайские мигранты есть во всех 47 префектурах Японии, однако большинство из них проживает в префектурах Токио (181,6 тыс. человек), Канагава (60,6 тыс. человек), Сайтама (57,6 тыс. человек) и Осака (54,4 тыс. человек)²⁸. В последнее время китайский бизнес все активнее требует от местных властей выдачи лицензий на занятие торговой деятельностью в китайских кварталах в центральных районах Токио, в частности, в районе Икэбукуро.

Тревогу у японских властей вызывает также усиливающийся рост социальной напряженности в китайском обществе в связи с ростом безработицы, которая легко может стать взрывоопасным материалом. Дело в том, что еще в марте 2014 г. в Пекине был одобрен план, предусматривавший переселение к 2020 г. 100 млн крестьян из сельской местности на жительство в города. Власти Китая готовились к переходу на новую экономическую модель, главным двигателем которой стал бы не приток новых инвестиций, а растущее внутреннее потребление. Правительственные аналитики при этом исходили из того, что горожане потребляют больше товаров и услуг, чем сельские жители. Переселившись в города, они существенно расширили бы спрос на разнообразную пищевую продукцию, недвижимость, бытовую технику, включая холодильники, стиральные машины, а также на компьютеры. Вместе с тем большинство китайских крестьян, которых кормит их земельный надел, чаще всего потребляют только то, что производят в своем личном хозяйстве²⁹.

Многие бывшие крестьяне, переехав в крупные города Китая в поисках работы, в условия нестабильной рыночной экономики, могут легко ее лишиться, превратившись в безработных. Таким образом, однажды пополнив городское население, бывшие крестьяне могут легко стать причиной ускорения роста социальной нестабильности. Впрочем, часть из них, потеряв работу в городе, могли бы вернуться в свои деревни и увеличить там число нищих и недовольных, создав на этот раз взрывоопасную людскую массу уже в китайской глубинке.

Японские власти не могут не учитывать в своих будущих отношениях с Китаем в XXI в., что при любом внутривластном раскладе центральным властям в Пекине придется жестко подавлять внутренние социальные беспорядки и укреплять внутреннюю дисциплину в обществе, прибегая при этом, в том числе, и к помощи армии, как это уже имело место в июне 1989 года на площади Тяньаньмэнь, когда для подавления волнений студенческой молодежи были использованы регулярные войска, вооруженные автоматическим оружием и использовавшие танки (число погибших тогда мирных граждан варьировалась от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. – М. К.).

Власти Японии в своих отношениях с Китаем всегда учитывают, что китайская армия НОАК – это не просто огромная военная машина, а прочный каркас, который скрепляет своими связями все китайское общество воедино. Однако эта сила собрана из представителей беднейших слоев населения и ее лояльность власти может сохраняться только при условии, если она хорошо оплачивается. Чтобы понизить градус массового недовольства по причине классового расслоения в обществе, власти Китая должны облагать растущими подоходными налогами население прибрежных восточных районов страны и 60 млн «богатых» китайцев, которые таким образом фактически должны содержать НОАК.

Однако усиление налогового бремени на эти зажиточные слои общества способно спровоцировать законное недовольство и сопротивление с их стороны. Более того, собранных в виде налогов с этой состоятельной и материально обеспеченной части китайского общества средств все равно не будет хватать, чтобы покрывать расходы, необходимые для обеспечения лояльности армии центральным вла-

стям, а также для понижения градуса социальной напряженности в обществе, которое, в целом, состоит из беднейших слоев населения страны.

Японию беспокоит, что власти Китая на сегодняшний день не имеют готовых решений, как разрешить сложные внутренние проблемы развития страны на ближайшие десятилетия. Правящие круги Японии опасаются, что в качестве возможного выхода из ситуации и отвлечения внимания общества от нарастающих внутренних трудноразрешимых проблем Пекин может пойти на обострение обстановки в Южно-Китайском море и на использование территориальных споров с Японией как повод для развязывания с ней вооруженных конфликтов.

В первой половине XXI в. правящие круги Японии ожидают возможного нарушения стабильности стратегического поля вокруг Японских островов не только со стороны Китая, но также и со стороны Корейского полуострова, развитие событий на котором в новом мировом порядке было далеко от стабильного, особенно после встречи Ким Чен Ына и Дональда Трампа 12 июня 2018 г. и отказа руководства КНДР прекратить ракетно-ядерные испытания в 2019 г.³⁰

Что же опасного для своих интересов в развитии событий на Корейском полуострове может ожидать Япония от политики корейских государств к середине XXI в.?

Прежде всего это неослабевающий рост антияпонских настроений в корейском обществе. Япония и в первой половине XXI в. будет вынуждена мириться с тем, что корейцы, как на Севере полуострова, так и на его Юге – сохраняют к ней чувства вражды и недоверия. В биполярном миропорядке Япония рассчитывала на смягчение этих настроений с помощью и поддержкой со стороны США. Ведь после окончания Корейской войны в 1953 г. Соединенные Штаты разместили на территории Южной Кореи 20 своих военных баз, руководство которых было всегда готово в случае необходимости, выполнять инструкции, прописанные в Американо-южнокорейском договоре о взаимной обороне от 1 октября 1953 г. и оказывать военную и политическую помощь правящему режиму Республики Корея для сохранения внутренней стабильности и выполнения ею союзнических обязательств³¹.

Правда, и в новом миропорядке в Японии рассчитывают на то, что США окажут ей помощь и содействие в нормализации двусто-

ронных отношений с Южной Кореей. 8 августа 2019 г. заместитель помощника госсекретаря США Марк Кнаппер, находясь с официальным визитом в Южной Корее, прямо выступил с призывом к властям страны как можно скорее нормализовать отношения с Японией и положить конец трениям, нараставшим в двусторонних политических и экономических отношениях в последние месяцы³². Он подчеркнул тогда, что «США считают, что Южная Корея и Япония должны переоценить принятые в последние месяцы политические решения, которые нанесли серьезный урон взаимному доверию». По утверждению Марка Кнаппера, противостояние Сеула и Токио негативно сказывается на общей ситуации в регионе и создает для КНДР, России и Китая «возможность бросить вызов» США и их союзникам в регионе. Он призвал Сеул и Токио «проявить благоразумие с тем, чтобы не дать конфликту повредить двусторонние экономические и военные связи».

Дело в том, что 2 августа 2019 г. правительство Японии приняло решение исключить Южную Корею из списка стран, в которые без ограничений по упрощенным схемам поставлялись японские наноматериалы и высокотехнологичные составляющие. Соответствующее решение вступило в силу 28 августа того же года. На этот демарш Токио Сеул пообещал ввести ответные ограничительные меры, а также пересмотреть договор об обмене разведывательными данными с Японией. 1 июля 2019 г. Япония ужесточила контроль за экспортом в Южную Корею трех видов материалов, необходимых для производства полупроводников, и экранов различных электронных устройств. Поводом для этого, в частности, послужили подозрения, что часть этих компонентов нелегально поставлялись из Кореи в КНДР, однако Сеул категорически отвергал такую вероятность.

Японцев откровенно беспокоили планы США по сокращению численности своего военного контингента на Корейском полуострове. При этом в армию Южной Кореи с 2020 г. набиралось на 20% меньше солдат в подразделения KATUSA, которые непосредственно оказывают помощь американскому контингенту. Все это подтверждало опасения Токио о возможности сокращения военного присутствия США в Корее уже с 2020-х годов. Об этом со ссылкой на минобороны Республики Корея и американских экспертов писала южнокорейская газета «И-Дэйли»³³.

В свою очередь в Токио приветствовали факт открытия в декабре 2015 г. на территории Южной Кореи новой современной военной базы США, которая стала крупнейшим зарубежным американским военным объектом в Восточной Азии. На работы по ее созданию власти США потратили в общей сложности более 13 млрд долл. База была расположена в районе южнокорейского города Пхентхэк, находящегося в 70 км к югу от Сеула. Она была создана на основе уже существовавшей на этом месте другой американской базы «Кэмп Хампхрейс», которая теперь будет увеличена по площади почти в 3,5 раза.

В 2020 г. в Республике Корея находилось 28,5 тыс. американских военнослужащих, включая штаб дивизии, бронетанковую, авиационную и артиллерийскую бригады. Помимо крупнейшей военной базы в Пхентхэке, на территории Южной Кореи функционировали еще 2 крупные авиабазы – в Осане и Кёнсане. В марте 2017 г. США разместили в стране противоракетный комплекс THAAD в Осане, провинции Кёнги³⁴. Корейские власти выступали против любого сокращения пребывания войск США на своей территории, хотя при этом и не желали увеличивать расходы по оплате их пребывания.

Во-вторых, опасным с точки зрения интересов Японии в отношении будущего развития ситуации на Корейском полуострове является отсутствие стабильности в отношениях Севера и Юга, и возможность неожиданного нарушения стратегического равновесия в межкорейских отношениях с серьезными последствиями этого для безопасности Японии. Так, еще 2 октября 2017 г. руководство КНДР внезапно потребовало от Республики Корея разорвать договор 1953 года о взаимной обороне Республики Корея с США, однако Сеул отказался это сделать³⁵. Более того, после каждого такого «выпада» со стороны Пхеньяна в адрес Сеула США и Южная Корея еще теснее начинают координировать свои усилия по денуклеаризации Корейского полуострова и наращивать дипломатические меры по сдерживанию ракетных программ КНДР.

В-третьих, власти Японии испытывают большую тревогу от возможного в ближайшем будущем объединения Кореи. Токио никогда и в прошлом не доверял не только властям Севера, но и Юга Кореи, и всегда опасался непредсказуемых последствий возможного воссоединения двух корейских государств, т.е. процесса, который в его активной стадии был запущен руководством КНДР еще в период

проведения Олимпиады-2018 в Пхёнчхане. Возникает вопрос, почему власти Японии так опасаются объединения Кореи в новом мировом порядке, какие угрозы своей безопасности в этом случае они видят для себя со стороны нового сильного союзного государства на Корейском полуострове?

Свои тревоги Токио связывает с рядом факторов. Во-первых, Северная и Южная Кореи являются развитыми современными технологическими центрами, объединение которых способно только взаимно усилить их технический и военный потенциал. Север преуспел в разработке современного ракетного и ядерного вооружения, тогда как Южная Корея достигла больших успехов в разработке новейшей электроники и других направлений технического прогресса. Южная Корея уже сегодня тратит значительные средства на НИОКР, в том числе, и военной сфере, и является крупнейшим в мире инвестором в научные исследования. В 2018 г. доля расходов на науку в ВВП Южной Кореи составляла 4,2%, что было эквивалентно 60,5 млрд долл. (63,7 трлн вон). По этому показателю Сеул обогнал Израиль, ранее занимавший 2-е место в мире (с показателем 4,11% ВВП), и стал региональным конкурентом Японии и США в этой области. Самая большая часть инвестиций идет на прикладные исследования и новейшие разработки в промышленности, но правительство делает крупные инвестиции и в фундаментальную науку. В последующие годы власти Южной Кореи намерены значительно увеличить инвестиции в НИОКР, доведя их до 5% ВВП.

Японии сегодня трудно успевать за научно-техническими достижениями южнокорейских специалистов, в том числе и в военной области. Так, еще в июне 2017 г. стало известно, что Южная Корея провела успешные испытания перспективного противотанкового ракетного комплекса ПТРК, схожего по своим характеристикам с американским «джавелином». Южнокорейский ПТРК «Hyeongung» (экспортное название «Raybolt»), разработкой которого занималась компания LIG Nex1, представляет собой практически точную копию американского FGM-148 Javelin, однако южнокорейские разработчики заявляют о полностью «отечественных» решениях. Противотанковый комплекс является одним из самых сложных направлений южнокорейского ВПК. На разработку ПТРК «Hyeongung» ушло 10 лет. Подробные характеристики изделия разработчик, естественно,

не уточняет, однако, эксперты ставят новинку в один ряд не только с американским, но и с израильским ПТРК «Spike-MR», реализованными по принципу: «выстрелил – забыл».

Активное, масштабное и целенаправленное финансирование приводило в движение южнокорейский ВПК на протяжении последних двух десятилетий XXI в. Правительство Южной Кореи ставило перед разработчиками военной техники стратегические задачи, а затем направляло деньги корпоративным партнерам на их реализацию. Формула взаимодействия государства и частного бизнеса в сфере ВПК была разработана еще отцом президента Пак Пак Кын Хе, диктатором Пак Чжон Хи, который захватил власть в 1961 г. путем переворота. Во время своего 18-летнего правления он поддерживал компании, которые впоследствии стали опорными центрами современной южнокорейской экономики, так называемые «чеболи»³⁶.

Экономическое и военно-промышленное развитие Южной Кореи за счет этих производств привело к тому, что Южная Корея превратилась из беднейшей страны в одну из ведущих промышленно развитых стран мира – члена Группы двадцати (G20). Государственная и частная поддержка военных НИОКР и сегодня остается драйвером дальнейшего экономического роста. Корпоративные гиганты Кореи «чеболи» по-прежнему доминируют в НИОКР и в ВПК. По данным Корейского института оценки и планирования в области науки и технологий, из 63,7 трлн вон, потраченных на НИОКР в 2014 г., 49,2 трлн вон были инвестированы частными предприятиями. Много прикладных исследований в военной сфере в Южной Кореи происходят за закрытыми дверями и остаются в высшей степени непрозрачными, что особенно сильно беспокоит Токио и существенно повышает градус роста нестабильности в развитии ситуации на Корейском полуострове³⁷.

Во-вторых, серьезным фактором беспокойства для японских властей остаются успехи КНДР в ракетно-ядерной области. А достижения здесь весьма впечатляющие. В новом мировом порядке власти Японии всегда нервно реагировали на успехи КНДР в атомной и ракетной промышленности³⁸.

Северная Корея действительно добилась в 2010-е годы значительных результатов в этих областях³⁹. КНДР провела 6 испытаний ядерных устройств: по одному в 2006, 2009, 2013 годах, двух в 2016 г.

и одному в 2017 г. 24 августа 2019 г. Северная Корея выпустила баллистические ракеты малой дальности с военного аэродрома «Сондока», расположенного в провинции Южный Хамгенг. Они пролетели около 380 км и достигли высоты 97 км – самой большой из всех запусков в Северной Корее в 2019 г.

Последним поводом для серьезного беспокойства Японии стало испытание Северной Кореей термоядерного устройства. По самым минимальным оценкам, сделанным в США, Северная Корея уже обладает 60 ядерными боезарядами. Кроме того, за последние 20 лет она предприняла шесть попыток запусков искусственных спутников Земли с использованием достаточно мощных ракетополетителей. Первые четыре запуска завершились неудачей, но последние два (в 2012 и 2016 гг.) разместили спутники на орбите. Надо заметить, что технологии запуска северокорейских спутников были аналогичны тем, что используются в пусках межконтинентальных баллистических ракет с боевой начинкой. Кроме того, в 2016 г. Пхеньян испытал ракету средней дальности (около 3000 км) «Мусудан» и баллистическую ракету морского базирования с запуском с борта подводной лодки⁴⁰.

Уже в июле 2017 г. Северная Корея успешно испытала свою первую межконтинентальную баллистическую ракету (МБР). Согласно некоторым оценкам, Пхеньян после таких испытаний получил возможность угрожать своим ядерным оружием территории США. Эти события коренным образом изменили представления японских властей об угрозе, которую режим Ким Чен Ына представлял для безопасности самой Японии. Как сообщала газета «Вашингтон пост» в июле 2018 г., Ким Чен Ын намеревался обмануть Трампа и не хотел выдавать США полную информацию о северокорейских ракетных и ядерных программах, чтобы скрыть от американцев свой реальный силовой потенциал⁴¹.

Северокорейские чиновники знают немало способов, как утаить от американцев и их союзников реальное количество боеголовок, ракет и военных объектов, составляющих их ударный ядерный потенциал. При этом в Пхеньяне всегда исходили из того, что западные спецслужбы не располагают точными данными. В этих условиях у властей Японии имелось немало оснований не доверять Северной Корее, подписавшей 12 июня 2018 г. с президентом США Трампом соглашение, в котором она обязывалась прилагать совместные уси-

лия для достижения мира на Корейском полуострове и подтверждала свои намерения по денуклеаризации КНДР и ликвидации испытательного полигона в Пхунгери.

Хорошо известно, что все северокорейские ракетные испытания формально запрещены резолюциями Совета Безопасности ООН. Впервые санкции против КНДР были введены в 2006 г. после первого успешного испытания северокорейского ядерного оружия. Резолюция Совета Безопасности ООН 1718 г. тогда требовала от северокорейского руководства прекратить ядерные испытания и наложила запрет на экспорт в Северную Корею ряда наименований военной техники, а также предметов роскоши. Для контроля за соблюдением санкционного режима был создан Комитет Совета Безопасности ООН по санкциям в отношении КНДР 11 сентября 2017 г. Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 2375, запрещающую экспорт в КНДР из государств – членов ООН нефти и нефтепродуктов, а также создание совместных предприятий с участием северокорейского капитала. Кроме того, СБ ООН накладывал запрет на экспорт из КНДР северокорейского текстиля, газового конденсата и жидкостей в государства – члены ООН⁴².

Это значит, что Япония, помимо многих других ограничений СБ ООН, налагаемых на КНДР, могла бы на законных основаниях сбивать тестируемые корейские баллистические ракеты. Однако японские власти не делали этого, опасаясь продемонстрировать всему миру несовершенство своей системы ПРО, которая могла бы оказаться не вполне надежной. В этом случае Япония могла бы скомпрометировать веру в современное японское вооружение, чего Токио, естественно, хотел бы избежать.

Все разговоры о готовности Сил самообороны Японии нанести упреждающий удар по ядерным объектам на территории КНДР – не более, чем политический блеф, ведь Япония формально даже не ядерная держава. Даже США, теоретически рассматривая такую возможность еще с 1994 г., не решались этого делать. В 2017 г. должностные лица администрации Трампа публично и открыто утверждали, что «все варианты ракетного удара по КНДР находятся у президента на столе» для борьбы с угрозой, которую Северная Корея может представлять для Соединенных Штатов и их союзников в Восточной Азии. Однако дальше слов дело никогда не доходило⁴³.

В-третьих, Япония не верит в успех американской политики умиротворения руководства КНДР по причине неуверенности в их позитивных геополитических последствиях для США. Поэтому Вашингтон вместо упреждающего удара по КНДР, который обещал нанести президент Трамп, 12 июня 2018 г. последний провел прямые переговоры с Ким Чен Ыном в Сингапуре. По итогам саммита лидеры государств подписали соглашение. Во время церемонии подписания Трамп назвал это соглашение «очень важным документом, довольно всеобъемлющим документом». Ким Чен Ын в свою очередь отметил, что «мир увидит серьезные изменения»⁴⁴. Вместе с тем уже 22 июня 2018 г. стало известно, что США продлили срок действия санкционного режима в отношении КНДР еще на один год. Соответствующее решение было принято лично президентом США. «Существование и риск распространения используемого в оружии расщепляющегося вещества на Корейском полуострове, действия и политика правительства Северной Кореи по-прежнему создают необычную и экстраординарную угрозу национальной безопасности, внешней политики и экономике Соединенных Штатов. По этой причине режим чрезвычайного положения, объявленный указами ... должен сохраняться в силе и после 26 июня 2018 г. Поэтому ... я продлеваю на один год режим чрезвычайного положения по отношению к Северной Корее», – говорилось в официальном сообщении Белого Дома⁴⁵.

В принципе, власти Японии могли бы быть удовлетворены действиями США по сдерживанию ракетно-ядерных программ КНДР. Ведь в соответствии с такой линией, администрация Трампа, также, как и все предыдущие американские администрации, постепенно реализовывала задачу денуклеаризации Северной Кореи, т.е. осуществляла политику лишения Пхеньяна «военного атома». Кроме того, США делали своим внешнеполитическим приоритетом на этом направлении ликвидацию всех ракетных программ Северной Кореи. Однако анализ экспертных публикаций в Японии все же свидетельствовал о том, что власти до конца не были удовлетворены политикой США на северокорейском направлении, так как всякий раз после очередного ракетного испытания Пхеньяна США затягивали принятие кардинального решения проблемы режима Ким Чен Ына.

Более того, в августе 2017 г. бывший государственный секретарь США Рекс Тиллерсон и министр обороны Джеймс Маттис изложили

цели и содержание новой политики США для Корейского полуострова. Целью Америки, по их словам, оставалась денуклеаризация полуострова. Вместе с тем, и на этот раз в Токио обратили внимание, что администрации президента Трампа открыто не выражала своей заинтересованности в смене режима в Пхеньяне или в ускоренном воссоединении Кореи. В Токио и Вашингтоне хорошо различали, что стратегической целью властей Северной Кореи в прошлом, настоящем и будущем является создание надежного ядерного щита в первую очередь для обеспечения гарантированных условий сохранения существующего режима. Ведь все режимы КНДР рассматривали ядерное оружие, как залог выживания своего политического выживания и как надежный способ противостояния любым внешним угрозам по его смене, откуда бы они не исходили.

В период с 2009 по 2016 г. Сеул и Вашингтон тесно координировали свою политику по отношению к КНДР в рамках т.н. «стратегического терпения», что означало давление на режим в Пхеньяне с целью побудить его власти вернуться за стол переговоров о денуклеаризации. Такая политика осуществлялась посредством расширения многосторонних и односторонних санкций, а также через попытки убедить власти Китая оказывать в этом вопросе еще большее давление на Пхеньян. Даже сохранение т.н. «военного статус-кво» на Корейском полуострове де-факто означало бы продолжение американской политики нарастающего одностороннего и многонационального давления на власти КНДР посредством экономических и дипломатических средств. В действительности же американская политика «сдерживания» Северной Кореи была нацелена на слом статуса-кво и расширение американского военного присутствия на Корейском полуострове, что и побуждало власти КНДР сосредотачиваться на обеспечении своей ядерной и ракетной безопасности.

В-четвертых, Токио заинтересован и в дальнейшем оказывать на руководство КНДР политическое, экономическое и военное давление, прибегая для этого к помощи США и их союзников по НАТО. Япония всегда приветствовала, например, любое дополнительное размещение американских противоракетных систем на территории Южной Кореи. По оценкам японских политиков, любое расширение противоракетной обороны Южной Кореи, совершенствование методов киберзащиты, совместные военные учения США и РК, а также

отслеживание и запрет на транспортировку любых, в первую очередь стратегических грузов в Северную Корею – все это оказывает сильное моральное давление на власти в КНДР, побуждая их в конечном счете идти на определенные уступки.

К такому выводу японские власти пришли, анализируя итоги первой исторической встречи президента США Дональда Трампа и лидера Северной Кореи Ким Чен Ына в Сингапуре 12 июня 2018 г., когда руководство КНДР в результате американо-северокорейских переговоров согласилось все-таки выбрать путь постепенной денуклеаризации Корейского полуострова. При этом Пхеньян добился от президента США предоставления КНДР «гарантий безопасности». И хотя лично Трамп на словах тогда остался весьма довольным результатами саммита, однако некоторые эксперты посчитали, что Северная Корея получила в результате переговоров для себя больше преимуществ, чем США – для себя⁴⁶.

Власти Японии хотели бы, чтобы США и их союзники по НАТО и дальше способствовали укреплению военного потенциала Южной Кореи в целях сдерживания Севера. В Токио приветствовали регулярные поставки Сеулу новейшего вооружения американского или западноевропейского производства. Так, в октябре 2016 г. Германия передала властям Южной Кореи первую партию крылатых ракет большой дальности. В штаб-квартире компании Taurus Systems GmbH состоялась тогда церемония передачи южнокорейским военным первой партии ракет KEPD350K⁴⁷: Сеул стал первым азиатским покупателем. Контракт, подписанный в 2013 г., по разным данным, включал поставку от 170 до 180 ракет. Ракеты были предназначены для запуска с истребителей F-15K Slam Eagle (модификация для Кореи).

В-пятых, следует особо заметить, что Япония опасается любого отхода США в сторону от политики сдерживания Пхеньяна. Японские власти, например, с неодобрением восприняли объявленную 19 июня 2018 г. администрацией Трампа приостановку Соединенными Штатами и Южной Кореи совместных военных учений на Корейском полуострове⁴⁸. Речь тогда шла о совместных военных учениях Ulchi Freedom Guardian, которые были запланированы обеими странами на август 2018 г. и которые проводились регулярно с 1976 г. Вашингтон принял такое решение на фоне выстраи-

вания диалога с Северной Кореей, пока последняя демонстрировала «дух доброжелательности». В заявлении американского оборонного ведомства отмечалось, в частности, что «США по-прежнему координируют дополнительные действия с Южной Кореей. Никаких решений на счет следующих военных учений не принималось». В 2017 г. в таких учениях участвовало около 17,5 тыс. американских военных и более 50 тыс. южнокорейских военнослужащих.

В интервью телеканалу FoxNews 14 июня 2018 г. президент Трамп вообще заявлял, что хочет «как можно скорее вывести американских военных с Корейского полуострова»⁴⁹. Американский лидер подчеркивал тогда, что содержание американских военных на Корейском полуострове слишком «дорого обходится» Вашингтону⁵⁰. В Южной Корее на постоянной основе пребывает более 28 тыс. американских военнослужащих. Эти войска регулярно участвует в совместных с Сеулом военных учениях, что вызывает законное недовольство и критику со стороны Пхеньяна, но всегда, впрочем, приветствовалось властями в Токио.

Власти Японии с настороженностью наблюдают за высокими темпами военного строительства в самой Северной Корее. При этом японские эксперты видят следующие основные причины необходимости для ее руководства в наращивании национального ракетного и ядерного потенциала.

Во-первых, это связано с тем, что обладание государством наступательным оружием массового поражения, и, прежде всего, атомным, а также владение средствами его доставки позволяет ему сохранять и укреплять свою независимость, особенно в нестабильном новом мировом порядке XXI в. Такой подход всецело применим и к властям КНДР. 30 декабря 2019 г. на пленуме центрального комитета Трудовой партии лидер КНДР Ким Чен Ын официально заявлял о необходимости обеспечения безопасности страны «наступательными» мерами⁵¹. Он говорил тогда о важности принимать конструктивные и наступательные меры для полного обеспечения суверенитета и безопасности страны. Кроме того, Ким Чен Ын ставил задачи в области внешней политики, оборонной промышленности и вооруженных сил КНДР, что, по мнению северокорейского лидера, также является необходимыми мерами в свете сложившейся в мире крайне нестабильной ситуации.

Уже на начало 2020-х годов КНДР располагала мощными современными ракетами, способными достигать территории Японских островов, а также главной военной базы США в восточной части Тихого океана – Гуама и других стратегических объектов США в Тихом океане. 1 января 2020 г. глава КНДР заявил, что Пхеньян в скором времени завершит разработку нового стратегического оружия повышенной мощности. Правда, власти Южная Корея постоянно предостерегают власти КНДР от испытания нового стратегического вооружения. Министерство объединения Южной Кореи, например, призвало КНДР не проводить его испытания, полагая, что если Север осуществит демонстрацию нового вооружения, то это подорвет переговоры о денуклеаризации Корейского полуострова и помешает усилиям по установлению там мира».

Кроме того, эксперты подтвердили наличие у Северной Кореи химического и биологического оружия⁵². Японские военные специалисты также исходят из того, что эти классы ОМП могут быть задействованы режимом КНДР в случае начала вооруженного конфликта на полуострове.

Во-вторых, Японию беспокоит, что власти КНДР ускоренными темпами совершенствуют свои вооруженные силы и быстро их модернизируют. На эти цели в начале XXI в. выделялись значительные ресурсы, включая средства, предназначенные на развитие новых асимметричных возможностей наступления, таких, например, как силы специального назначения. Спецназ армии КНДР, по сообщениям американской разведки, насчитывает до 200 тыс. военнослужащих, включая 140 тыс. морских пехотинцев и 60 тыс. солдат 11-го штурмового корпуса⁵³ (11-й штурмовой корпус Трудовой армии Кореи является основной частью спецназа КНДР, чьей задачей является ведение специальных военных операций, в том числе, на территории Южной Кореи – М. К.).

В-третьих, большую тревогу в Японии вызывает тот факт, что северокорейская армия, постоянно наращивая свой наступательный потенциал, использует нестандартные для XXI в. методы сокрытия от противника своих потенциальных агрессивных возможностей. Так, Северная Корея серьезно укрепила силовой потенциал многих своих ключевых стратегических объектов, применяя для этого обширную сеть подземных тоннелей и коммуникаций, что представ-

ляет еще одну особенность повышения уровня секретности атакующих возможностей северокорейской армии. Япония учитывает, что 70% наземных сил и 50% воздушных и военно-морских подразделений КНДР дислоцированы в пределах 100 км от ДМЗ. Это значит, что в случае начала военных действий на полуострове они смогут оперативно атаковать территорию Южной Кореи и Японии.

В-четвертых, КНДР является одной из главных угроз кибербезопасности в мире. Однако из-за высокой степени секретности оценок киберпотенциала Северной Кореи, данные о нем сильно разнятся. Из того объема информации, которая стала известна с японской стороны, например, можно сделать вывод, что начиная с 2009 г., Пхеньян регулярно проводит многочисленные успешные кибератаки против южнокорейских финансовых учреждений и средств массовой информации⁵⁴. Министерство внутренней безопасности США в июне 2017 г. выпустило бюллетень, в котором утверждалось, что Северная Корея нацелена на медиа, аэрокосмическую, финансовую и критическую инфраструктуры в Соединенных Штатах и их союзников, включая, разумеется, и Японию⁵⁵.

В-пятых, определенное беспокойство в правящих кругах Японии вызывает тот факт, что военный потенциал основного военного союзника США на Корейском полуострове – армии Республики Корея, по численности своего личного состава составляет примерно половину от штатного состава вооруженных сил КНДР. Последнее обстоятельство заставляет некоторых японских военных аналитиков предполагать, что Южная Корея, возможно, не располагает достаточным потенциалом, чтобы встретить прямой атакующий удар с Севера. Поэтому двумя ключевыми компонентами защиты позиций интересов Японии на Корейском полуострове по-прежнему остаются Договор о взаимной обороне между США и Республики Корея от 1 октября 1953 г. и постоянное присутствие в Южной Корее 28,5 тыс. американских войск, размещенных на 20 основных военных базах на территории Южной Кореи.

Важным фактором и реальной силой сдерживания КНДР в случае обострения ситуации к югу от ДМЗ выступают американские войска, расквартированные в Южной Корее. Вооруженные силы США тесно взаимодействуют в своей подготовке с вооруженными силами РК. Соединенные Штаты предоставляют РК информацию

ЦРУ, а также данные военной разведки. В совместных операционных планах США и Республики Корея уже давно не скрывается тот факт, что Соединенные Штаты смогут развернуть свои подразделения для укрепления силового потенциала РК в случае обострения напряженности на Корейском полуострове⁵⁶.

Япония приветствует действия США по постоянному наращиванию своего военного потенциала в Южной Корее, направленного на сдерживание КНДР. Если еще с 2004 г. ВВС США начали использовать регулярную ротацию самолетов с расширенными ударными возможностями, и эти самолеты часто оставались на территории Южной Кореи на несколько недель, а иногда и месяцев под предлогом участия в совместных с Сеулом маневрах, то уже начиная с 2016 г. Пентагон размещал с согласия южнокорейских властей американские батареи ПРО системы THAAD на постоянной основе. Эти батареи включают 8 пусковых установок и 48 самолетов-перехватчиков, которые развернуты в РК с начала 2018 г. THAAD предназначена для перехвата баллистических ракет среднего и малого радиуса действия.

Япония никогда не брала на себя ответственности за обеспечение гарантий безопасности на театре военных действий на Корейском полуострове. Власти страны были удовлетворены тем, что такая ответственность всегда лежала на Тихоокеанском командовании США – USPACOM, которое было создано для этих целей еще 1 января 1947 г. В настоящее время численность американской военной группировки USPACOM составляет 375 тыс. военнослужащих. Силы USPACOM выглядят весьма внушительно и включают в свой состав:

- части Тихоокеанского флота США (Третий и Седьмой флоты), которые состоят из 200 кораблей, включая пять ударных групп авианосцев, около 1100 самолетов и более 130 тыс. морских пехотинцев и гражданских служащих;
- части Корпуса морской пехоты США, включающие две морские экспедиционные группы в составе 86 тыс. военнослужащих и 640 самолетов;
- части военно-воздушных сил Тихого океана, составляющих 46 тыс. военнослужащих и гражданских лиц, а также более 420 самолетов;
- части сухопутных сил, включающие 106 тыс. человек в составе одного корпуса и двух дивизий, а также более 300 самолетов. Этот

контингент состоит из 1200 бойцов, подготовленных для проведения специальных операций.

Для совместного американо-южнокорейского командования в Республике Корея 7 ноября 1978 г. было создано Командование объединенными силами (CFC) со своей отдельной штаб-квартирой. CFC осуществляет командование над более чем 600 тыс. американских и южнокорейских военнослужащих, развернутых в мирное время в Республике Корея. В военное время эти силы могут получить дополнительно около 3,5 млн корейских резервистов, а также резервные контингенты военнослужащих из США. CFC командует американский генерал с аналогичным по рангу генералом армии РК в качестве своего заместителя. В случае возникновения боевых действий на полуострове южнокорейская армия будет находиться под непосредственным оперативным командованием американцев.

Власти Японии проинформированы о том, что официальный Пхеньян регулярно заявляет протесты против военного присутствия США на Корейском полуострове, рассматривая эти войска в качестве реальной угрозы своей безопасности. Поэтому руководство КНДР предлагало в качестве дипломатического торга обменять специальным соглашением между США и КНДР вывод американских войск с полуострова, обусловив его денуклеаризацией Северной Кореи. Подобное решение устраняло бы возможность северокорейских военных операций против Соединенных Штатов, Южной Кореи и Японии, а также могло бы создать основу для внутривнутриполитических реформ в КНДР и налаживания отношений с США, в том числе, и в области экономики. Однако администрация Трампа, тем не менее, не давала свое согласие на такой обмен.

В свою очередь японские власти приветствовали июньские договоренности на высшем уровне между президентом США Трампом и лидером КНДР Ким Чен Ыном об установлении новых американо-северокорейских отношений в «соответствии с желанием мира и процветания народов двух стран». Однако по итогам встречи в верхах президента США и лидера КНДР в июне 2018 г. Япония заявила, что восстановит отношения с Пхеньяном только в том случае, если «северокорейское правительство проведет полное разоружение и решит проблему похищений японских граждан»⁵⁷.

Об этом, в частности, заявлял премьер-министр страны Синдзо Абэ в ходе трехсторонней встречи с президентом Южной Кореи Мун Чжэ Ином и премьером Китая Ли Кэцяном в Токио 9 мая 2018 г. – первой встречи в таком формате с 2015 г. Абэ тогда также подчеркивал, что «следуя резолюциям Совбеза ООН, мы должны продвигать наши усилия с целью того, чтобы Северная Корея избавилась от тяжелых ядерных вооружений и различных видов баллистических ракет в полной, необратимой и поддающейся контролю форме»⁵⁸. По словам Абэ, трем странам необходимо тесно сотрудничать с международным сообществом, пока Северная Корея не предпримет шаги по денуклеаризации. Он также обратил внимание на необходимость решения проблемы японских граждан, похищенных разведкой КНДР.

Власти Японии постоянно испытывают давление со стороны южнокорейского руководства, в частности, Мун Чжэ Ина, призывавшего Токио возобновить диалог с КНДР по нормализации отношений между странами⁵⁹. На межкорейском саммите в мае 2018 г. председатель Госсовета КНДР Ким Чен Ын также заявлял о готовности Пхеньяна возобновить диалог с Японией «в любое время»⁶⁰.

Власти Японии, в принципе, положительно реагируют на эти призывы. Встреча трех лидеров – КНДР, Республики Кореи и Японии – состоялась до исторической встречи между Мун Чжэ Ином с лидером Северной Кореи Ким Чен Ыном, которая произошла 26 мая 2018 г. в демилитаризованной зоне Пханмундже на границе двух стран⁶¹. Тогда лидеры двух стран договорились идти вместе по пути денуклеаризации полуострова, а также прикладывать усилия по заключению мирного договора о формальном прекращении Корейской войны 1950–1953 гг.

Япония приветствовала также и тот факт, что в процесс нормализации ситуации на Корейском полуострове вовлечены три государства: Южная Корея и КНДР, которые являются непосредственными участниками многолетнего конфликта, а также Япония, как ключевой союзник США в регионе. Китай же выступает в роли главного дипломатического посредника между ними. «Мы хотим подтвердить сотрудничество с президентом Мун Чжэ Ином перед встречей между лидерами США и Северной Кореи», – заявил премьер-министр Японии Синдзо Абэ во время своего визита в столицу Иордании Амман 9 мая 2018 г., назвав предстоящий саммит «очень важным»⁶².

«Я хочу подробно обсудить, как мы можем наставить Северную Корею на правильный путь, разрешить вопрос похищения, производства ракет и решения ядерной проблемы и создать светлое будущее», – добавил Абэ, ссылаясь на похищение в предыдущие десятилетия корейцами японцев и их обучение в качестве шпионов.

Япония положительно отреагировала на потепление межкорейских отношений, вызванное проведением зимних Олимпийских игр в феврале 2018 г., так как это имело важные последствия для формирования нового геополитического расклада сил в регионе Восточной Азии. Как известно, Токио долгое время придерживался жесткой линии в диалоге с Пхеньяном, но по результатам нормализации американо-северокорейских отношений после исторической встречи Трампа и Ким Чен Ына в Сингапуре 18 июня 2018 г., а также не желая оставаться за бортом происходящих процессов на Корейском полуострове, сменил «гнев на милость». Премьер-министр Абэ выразил тогда даже готовность встретиться с Ким Чен Ыном и обсудить злободневные проблемы, накопившиеся в отношениях двух стран за долгие годы противостояния и взаимного недоверия.

В заключение хотелось бы привести слова Синдзо Абэ, высказанные им в программном выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 25 мая 2018 г., в котором было сформулировано основное видение внешней политики Японии в новом мировом порядке XXI в. И хотя его речь была в основном посвящена отношениям Японии с Россией, ее вполне можно рассматривать и как выражение намерений японских правящих кругов по выстраиванию новых отношений со всеми ведущими игроками региона.

«Давайте помечтаем! Каким будет мир, когда между Японией и Россией установится постоянная стабильность? Я думаю, мы создадим оплот мира в одном большом уголке Северного и Восточного полушарий. Прочный оплот, поддерживающий как регион, так и весь мир. Думаю, что при этом Северный Ледовитый океан, Берингово море, северная часть Тихого океана, Японское море станут магистральной морской дорогой мира и процветания. А острова, являвшиеся причиной противостояния между Японией и Россией, превратятся в символ японско-российского сотрудничества, открыв новые возможности в качестве логистического опорного пункта.

Японское море, вероятно, также изменится, став логистическим хайвеем. Во Владивостоке стараниями обеих стран уже продвигаются вперед усилия по развитию этого красивого порта в качестве океанических ворот. Представьте, как грузы туда-сюда перевозятся в водах от Северного Ледовитого океана до Японского моря. Без всякого сомнения, одним из таких грузов будет СПГ, получаемый из газовых месторождений в Северном ледовитом океане, начиная с Ямала. СПГ, перевозимый на тяжелых ледоколах, к северу от Японии будет перегружаться на обычные танкеры. Затем, благодаря работе японских компаний, обладающих богатым опытом, он будет доставляться потребителям в Японии, Китае, Азии, даже далеко в Индии. Япония – крупнейший в мире импортер СПГ. Компании, крупнейшие в мире по объемам закупок СПГ, также находятся в Японии.

Япония обладает богатым опытом по формированию рынков и разработке ценовых механизмов. Исходя из этого, думаю, что в этой сфере установятся такие отношения, которые будут выигрышными как для Японии, так и для России. Российский СПГ из Северного ледовитого океана, благодаря совместной работе с Японией, станет гигантским стабилизирующим фактором для мирового рынка. Из Северного ледовитого океана в Берингово море, северную часть Тихого океана, затем из Японского моря в Индию и Тихий океан.

Ось стратегического противостояния периода холодной войны радикально преобразилась в акваторию мира и процветания. Конечно, мы сделаем ее пространством прочного верховенства права. Думаю, что при этом впервые по-настоящему проявится потенциал, которым обладают Север и Дальний Восток России, и рост российской экономики будет походить на использование турбонаддува. Это будет выгодно всем соседним странам, включая Японию, и станет важным вкладом в мировую экономику.

Может, это все пустые мечты, грезы наяву? Я так не думаю. Эти цели, конечно же, достижимы, если продолжать движение шаг за шагом. Кроме того, дамы и господа, мирный договор между Японией и Россией необходим именно для того, чтобы реализовать такое широкое видение.

По крайней мере, мы с Президентом Путиным до этого дня при каждой встрече уточняли это друг у друга»⁶³.

А тем временем, 25 октября 2019 г. власти Японии отправили боевые корабли ВМС Сил самообороны на Ближний Восток к побережью Омана. Официальная цель военной миссии – сбор информации о потенциальных угрозах для торгового судоходства. Но им будет дано право защищать японские гражданские суда силой оружия. 24 октября 2019 г. газета South China Morning Post сообщала на своем сайте, что по словам министра иностранных дел Японии Тосимицу Мотэги, они должны будут обеспечивать безопасность судоходства в регионе. Отдельно подчеркивалось, что корабли будут действовать самостоятельно и не станут частью объединенных сил, которые американцы пытались там сформировать в ответ на рост напряженности из-за недавних нападений на танкеры. В этих нападениях США и Великобритания обвиняли Иран, с которым Япония ссориться не хотела. Токио также не заинтересован «вообще лезть в это мутное дело». Однако защищать свои интересы надо, так как один из пострадавших танкеров принадлежал японской компании⁶⁴.

Правда, японская общественность тогда довольно нервно отреагировала на действия властей, являвшихся, по сути, агрессивными, поэтому официальные круги поспешили заявить, что японские военные корабли намерены осуществлять только наблюдение и сбор информации о потенциальных угрозах. Однако даже такая интерпретация вызвало негодование японцев, и газета «Асахи», например, ребром поставила вопрос «о законности подобной операции»⁶⁵. А по данным Токийского новостного агентства «Кёдо цусин», разведкой дело не ограничится – кораблям будет дана санкция применять оружие в ответ на угрозы для японских торговых кораблей. На Ближний Восток был также направлен один японский эсминец из числа патрулировавших побережье Сомали. До конца 2019 года к нему присоединились еще, как минимум, один военный корабль из состава морских сил японской армии.

Очень хотелось бы, чтобы миролюбивые мечты японского премьера, сформулированные им в выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 25 мая 2018 г., стали явью, однако надежд на это, увы, немного. 7 мая 2019 г., уже после того, как новый император Японии Нарухито впервые выступил с официальной речью перед японской общественностью, министр иностранных дел Японии Таро Коно заявил, что Токио

желает заключить мир с Москвой до конца эры Рэйва⁶⁶. Он, в частности, отметил, что Япония собирается приложить все усилия для мирного существования страны, и Токио намерен достичь гармоничных отношений в дипломатии.

«Японии необходимо активизировать свои дипломатические усилия, – подчеркнул Коно, – и, среди прочего, решить вопросы, которые остаются со времен Второй мировой войны. В частности, заключить мирный договор с Россией и добиться возвращения японцев, похищенных властями Северной Кореи в 1970–1980-х годах». Коно выразил надежду на то, что этого Токио сможет добиться в новую эпоху. «Считаем, что нам надо приложить усилия и двигаться вперед, чтобы решить эти две проблемы», – подчеркнул он.

Заключению мира между двумя странами, как известно, препятствуют территориальные претензии Японии. Токио настаивает на возвращении четырех островов, расположенных в южной части Курильской гряды: Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи. Их во время Второй мировой завоевал СССР, однако Москва и Япония так и не подписали мирный договор. Позднее Токио стал увязывать его подписание с возвращением островов. В конце 2018 г. между двумя странами снова активизировались переговоры о мирном договоре, однако, ни у Кремля, ни у МИДа РФ нет планов передавать Японии острова. Одно из ключевых условий Москвы для заключения мирного договора – это вывод всех американских военных баз с Японских островов. Однако очевидно, что ни Токио, ни Вашингтон на это никогда не пойдут, так как они являются стратегическими союзниками, а заключенный между ними договор позволяет Вашингтону иметь свои военные базы на японской территории.

¹ В Генштабе считают, что предпосылок для крупномасштабной войны до 2050 года нет. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/7367547>

² См. об этом: Friedman, George. *The Next 100 Years // A Forecast for the 21st Century*. Anchor Books, New York, 2010. P. 65–66.

³ Ibid. P. 66; Блюменфельд, Самюэль. Третья мировая война начнется в 2050 году. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170817/240062699.html>

⁴ См. об этом: Бордачев Т. В. Ключевые понятия теории международных отношений // *Теория международных отношений в XXI веке*. М.: Международные отношения, 2015. С. 189–203.

⁵ Friedman, George. *The Next 100 Years*. P. 69.

- ⁶ См. об этом: Накасонэ, Ясухиро. Государственная стратегия Японии в XXI веке. М.: NOTA BENE, 2001. С. 60–69.
- ⁷ Friedman, George. The Next 100 Years. P. 142–143.
- ⁸ Ibid. P. 143.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ См. об этом: Хакенсбергер А. Эрдоган взял курс на превращение Турции в ведущую силу в регионе // Die Welt. 28.06.2018. URL: <https://www.inopressa.ru/article/28Jun2018/welt/erdogan.html>
- ¹¹ Friedman, George. The Next 100 Years. P. 144–148.
- ¹² Трамп: новая стратегия национальной безопасности США. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-national-security-strategy/4168347.html>
- ¹³ На фоне скандалов в Лондоне проходит саммит НАТО — трансляция. URL: <https://regnum.ru/news/2796164.html>
- ¹⁴ Освоение космоса в Японии. URL: <http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/foto-japan/1988/4-1988.html>
- ¹⁵ Саммит ЕС достиг соглашения по миграционной политике. 29.06.2018. URL: <https://iz.ru/761125/2018-06-29/sammit-es-dostig-soglasheniia-po-migratcionnoi-politike>
- ¹⁶ Сучков М. Как США борются за сохранение важного союзника Турции. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/02/07/2018/5b39d4b79a79476be8497313?from=newsfeed>
- ¹⁷ Hughes, Christopher. Japan's Remilitarization. The International Institute for Strategic Studies. London, 2009. P. 21–34; Oros, Andrew. Japan's Security Renaissance: New Policies and Politics for the Twenty-First Century. Columbia University Press, New York, 2017. P. 96–125; Pyle, Kenneth. Japan Rising: The Resurgence of Japanese Power and Purpose. Public Affairs, New York, 2007. P. 310–362; Фридман, Джордж. Следующие 10 лет: 2011–2021. М., 2011. С. 243.
- ¹⁸ The Sunday Times. 10.01.2020.
- ¹⁹ См. об этом: Егисман В. Китай и Россия: новая главная угроза для США и их союзников. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/vj-senate-military-threats/4765808.html>
- ²⁰ Pocket World Figures, 2019 edition // The Economist. London, 2019. P. 82. URL: <https://www.dw.com/ru/sipri>
- ²¹ Deutsche Welle. 05.03.2018. URL: www.dw.com
- ²² Pocket World Figures, 2019 edition. P. 82; См. также: Армия Китая – самая многочисленная армия в мире. URL: <https://warways.ru/roda-vojsk/armiya-kitaya.html>
- ²³ Каминский А. Торговые войны: почему США передумали мириться с Китаем. 04.06.2018. URL: <http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/362459-torgovye-voyny-pochemu-ssha-peredumali-miritsya-s-kitaem>
- ²⁴ Стратегия «Made in China 2025» направлена на стимулирование экономической трансформацию Китая и модернизацию его обрабатывающей промышленности. По словам Forbes.com, план показывает, что Китай пытается продвигать инновации, чтобы продолжить «победоносную игру» в глобальной конкуренции. См.: Стратегия Made in China 2025. Краткие выдержки из зарубежных СМИ. URL: chinanew.tech/made_in_china_2025_news
- ²⁵ Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН: Отдел народонаселения. URL: <https://countrymeters.info/ru/China>

²⁶ Китай – среди лидеров по неравенству доходов. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/01/14/624048-kitai-neravenstvu-dohodov>

²⁷ <https://emigranto.ru/strany-azii/kitai/zarplata-v-kitae.html>.

²⁸ То:до:фу:кэнбэцу дзайрю:сикакубэцу дзайрю:гайкокудзин – соно 1 Тю:гоку (Распределение из города Вонсана на восточном побережье в направлении Японского моря. Ракеты пролетели от 70 до 200 км (см.: Асахи симбун. 4.05.2019). А 1 января 2020 г. глава КНДР пообещал продемонстрировать «новое стратегическое оружие», если Вашингтон не откажется от своей враждебной политики в отношении КНДР . Об этом Ким Чен Ын заявил на пленарном заседании ЦК Трудовой партии Кореи (ТПК) 30 декабря 2019 г. По его словам, КНДР приостановила запуски межконтинентальных баллистических ракет ради установления доверия с США, а дальнейшее ядерное сдерживание со стороны Пхеньяна будет зависеть только от позиции Вашингтона. «В своем заявлении он подтвердил, что мир станет свидетелем нового стратегического оружия, которым КНДР будет обладать в ближайшем будущем». В начале декабря 2019 г. Пхеньян провел «очень важное испытание» на космодроме Sohae, что окажет ключевое влияние на стратегическое положение Кореи. Северная Корея также пригрозила пойти «другим путем», в случае если власти Вашингтона не согласятся на уступки в переговорах по денуклеаризации Корейского полуострова. Ким Чен Ын добавил, что не даст Соединенным Штатам воспользоваться диалогом с Пхеньяном в своих целях. По словам северокорейского лидера, если США не откажутся от своей враждебной политики в отношении КНДР, «денуклеаризации не будет никогда» (Асахи симбун. 1.01.2020).

²⁹ Скосырев В. Великое переселение китайцев из деревни в город. URL: http://www.ng.ru/world/2014-03-19/8_china.html

³⁰ В ночь на 4 мая 2019 г. Северная Корея вновь произвела запуски ракет малой дальности из города Вонсана на восточном побережье в направлении Японского моря. Ракеты пролетели от 70 до 200 км (см.: Асахи симбун. 4.05.2019). А 1 января 2020 г. глава КНДР пообещал продемонстрировать «новое стратегическое оружие», если Вашингтон не откажется от своей враждебной политики в отношении КНДР . Об этом Ким Чен Ын заявил на пленарном заседании ЦК Трудовой партии Кореи (ТПК) 30 декабря 2019 г. По его словам, КНДР приостановила запуски межконтинентальных баллистических ракет ради установления доверия с США, а дальнейшее ядерное сдерживание со стороны Пхеньяна будет зависеть только от позиции Вашингтона. «В своем заявлении он подтвердил, что мир станет свидетелем нового стратегического оружия, которым КНДР будет обладать в ближайшем будущем». В начале декабря 2019 г. Пхеньян провел «очень важное испытание» на космодроме Sohae, что окажет ключевое влияние на стратегическое положение Кореи. Северная Корея также пригрозила пойти «другим путем», в случае если власти Вашингтона не согласятся на уступки в переговорах по денуклеаризации Корейского полуострова. Ким Чен Ын добавил, что не даст Соединенным Штатам воспользоваться диалогом с Пхеньяном в своих целях. По словам северокорейского лидера, если США не откажутся от своей враждебной политики в отношении КНДР, «денуклеаризации не будет никогда» (Асахи симбун. 1.01.2020).

³¹ Корейский конфликт: крупнейшие военные базы США в регионе. 9.03.2013. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1051512>

³² Washington Post. 9.08.2019.

³³ См. об этом: Кирьянов О. США могут сократить военный контингент в Южной Кореи. 18.10.2019. URL: <https://rg.ru/2019/10/18/smi-ssha-mogut-sokratit-voennyj-kontingent-v-uzhnoj-koree.html>

³⁴ См. об этом: Кирьянов О. В Южной Кореи появится крупнейшая в мире военная база США. URL: <https://rg.ru/2015/12/15/baza-site-anons.html>

³⁵ Муллаходжаева Т. Военное сотрудничество США и Южной Кореи. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3326201>.

³⁶ Чеболь – южнокорейская форма финансово-промышленных групп. Конгломерат, представляющий собой группу формально самостоятельных фирм, находящихся в собственности определенных семей под единым административным и финансовым контролем государства. Чеболи возникли в Южной Кореи в конце Корейской войны и существуют до сих пор. Примерами чеболи являются корпорации Samsung, LG, Hyundai.

³⁷ Why South Korea is the world's biggest investor in research. URL: <https://www.nature.com/news/why-south-korea-is-the-world-s-biggest-investor-in-research-1.19997>

³⁸ Гатинский А. В Пхеньяне пригрозили «потопить Японию» и «испепелить США» // Цит. по: Центральное телеграфное агентство КНДР (ЦТАК) от 14.09. 2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/09/2017/59ba496f9a79475c6587c1a3>

³⁹ См. об этом: Korean People's Army Navy. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/dprk/navy.htm>; Google-Earthing the North Korean Military. URL: <http://radioopensource.org/google-earthing-the-north-korean-military/>

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Wasington Post. 1.07.2018.

⁴² Security Council condemns nuclear test by democratic People's Republic of Korea, unanimously adopting Resolution 1718 (2006). URL: <https://www.un.org/press/en/2006/sc8853.doc.htm>; Gladstone, Rick. U.N. Security Council imposes punishing new sanctions on North Korea. The New York Times. 5.08.2017.

⁴³ Кондратьев В. Трамп допустил «все варианты» действий после ракетного пуска КНДР. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1921362/>

⁴⁴ США на год продлили санкции в отношении КНДР. URL: https://news.rambler.ru/conflicts/40162860/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См. об этом: Юрьева Н. В Сингапуре состоялась историческая встреча Ким Чен Ына и Дональда Трампа. URL: <https://www.1tv.ru/news/2018-06-12/347007-v-singapore-sostoyalas-istoricheskaya-vstrecha-kim-chen-yna-i-donald-trampa>

⁴⁷ Модель 350K является модернизированной версией ракеты Taurus KEPD 350, созданной в 2005 г. От базовой версии она отличалась наличием модулей Rockwell Collins GPS и Selective Availability Anti-Spoofing Module (SAASM), позволяющих снизить влияние вражеских систем радиоэлектронной борьбы. Taurus KEPD 350 предназначены для нанесения высокоточных ударов по хорошо защищенным объектам без захода самолета в зону действия ПВО противника. Ракеты способны в автоматическом режиме определять, отслеживать и поражать цели (в том числе пробивать шестиметровые стены бункеров). Ракета имеет верхнерасположенное раскрывающееся крыло небольшого удлинения и крестообразное хвостовое оперение с приборами управления.

⁴⁸ См. об этом: США и Южная Корея объявили о приостановке совместных военных учений. 9.06.2018. URL: <https://ria.ru/20180619/1522955135.html>; Порадовали Трампа: о чем договорились Северная и Южная Кореи. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-45571191>; В США подтвердили приостановку военных учений с Южной Кореей // Асахи симбун. 20.6.2018.

⁴⁹ Трамп заявил о желании вывести войска с Корейского полуострова. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/06/2018/5b21a8609a794728bfe75460>

⁵⁰ Косырев Д. Безумный саммит в Сингапуре: что родила гора. 13.06.2018. URL: <https://ria.ru/analytics/20180613/1522592688.html>

⁵¹ Центральное телеграфное агентство Кореи ЦТАК. 1.01.20.

⁵² Южная Корея посчитала биологическое и химическое оружие КНДР. 5.10.2009. URL: <https://lenta.ru/news/2009/10/05/biochem/>

⁵³ Кто будет скомпрометирован агрессией: сценарии развития корейского кризиса // EADaily. URL: <http://mediarupor.ru>

⁵⁴ См. об этом: Судный день по чучхе: блэкаут вместо ядерного гриба. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/07/30_a_11876035.shtml

⁵⁵ В США предупредили о киберугрозе со стороны КНДР. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2018/06/15/n_11661691.shtml

⁵⁶ Ланцова И. С., Политика США по отношению к Северной Корее: конец XX – начало XXI в. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-po-otnosheniyu-k-severnoy-koree-konets-xx-nachalo-xxi-v>

⁵⁷ См. об этом: Асахи симбун. 5.05.2018; Премьер Японии назвал условие восстановления отношений с КНДР. 9.05.2018. URL: <https://iz.ru/741213/2018-05-09/premer-iaonii-nazval-uslovie-vosstanovleniia-otnoshenii-s-kndr>

⁵⁸ Асахи симбун. 5.05.2018.

⁵⁹ Иомиури симбун. 8.05.2018.

⁶⁰ Президент Южной Кореи призвал Японию возобновить диалог с КНДР. URL: <https://iz.ru/740695/2018-05-08/prezident-iuzhnoi-korei-prizval-iaoniiu-vozobnovit-dialog-s-kndr>

⁶¹ Лидеры Северной и Южной Кореи встретились второй раз за месяц. URL: <https://meduza.io/news/2018/05/26/lidery-severnoy-i-yuzhnoy-korei-vstretilis-vtoroy-raz-za-mesyats>

⁶² Синдзо Абэ пообещал предоставить помощь Иордании. URL: <https://edo-tokyo.livejournal.com/7228245.html>

⁶³ Выступление премьер-министра Японии Синдзо Абэ на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (25 мая 2018 г.). URL: <https://www.nippon.com/ru/features/c00731/>

⁶⁴ South China Morning Post. 25.10.2019.

⁶⁵ Асахи симбун. 25.10.2019.

⁶⁶ Асахи симбун. 7.05.2019.

Историографический обзор работ по японо-турецким отношениям

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-275-292

Аннотация: В статье дается обзор основных работ по двусторонним японо-турецким отношениям. Продолжающаяся эволюция японо-турецких отношений характеризуется периодами активизации, застоя и оживления. Это нашло свое отражение в научных публикациях, в основном, зарубежных авторов и ряде работ отечественных исследователей. В этих работах нашли отражение многогранные отношения между двумя странами: от исторических параллелей до перспектив их развития.

Ключевые слова: японо-турецкие отношения, история, стратегическое партнерство.

Ledovskaya O.A.

Historiographical Overview of Studies on Japanese-Turkish Relations

Abstract: The article deals with the main studies on Japanese-Turkish bilateral relations. These relations have overgone the periods of activity, stagnation and revival, which were reflected in different scholar publications of mainly foreign authors and some of the domestic researches. These studies examine historic roots of bilateral relations as well as multidimensional and multifaceted character of international relations of both countries and prospects for their cooperation.

Keywords: Japanese-Turkish relations, history, strategic partnership.

В настоящее время все отчетливее обозначаются тенденции формирования многополярного мирового порядка, при котором кроме США – главного стратегического партнера Японии – существенную роль в мировой политике и экономике играют и другие страны. Перед Японией объективно встает необходимость приспособливаться к быстро меняющемуся миру и новой расстановке сил на междуна-

родной арене. О глубоких изменениях в геополитической ситуации в мире свидетельствуют двусторонние отношения между Японией и Турцией, вошедшей в число стран, с которыми Япония подписала «Совместную декларацию о стратегическом партнерстве». Подобный статус межгосударственных отношений, определенный в 2013 г., отражает высокую степень разностороннего сотрудничества между двумя странами и, соответственно, определяет их взаимные обязательства, исходя из широкого круга своих взаимодополняющих национальных интересов. Целью этой декларации было придать новое качество двустороннему сотрудничеству в политической, экономической, научно-технической, культурной, гуманитарной и др. областях.

Особую значимость этих отношений отмечает американский политолог Джордж Фридман в своей книге «Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века». Подчеркивая «мощь Японии на побережье Тихого океана» и «распространение сферы влияния Турции в Средней Азии и западной части Китая», автор считает, что в середине XXI в. возникнет возможность при условии сотрудничества Турции и Японии создания пан-евразийской силы, способной соперничать с США¹. Фридман исходит из того, что в отличие от Балкан, Кавказа и арабского мира, Турция «представляет собой остров стабильности посреди хаоса. И по мере того, как будет расти мощь Турции (учитывая, что ее экономике и армии уже нет равных в этом регионе), ее влияние также будет усиливаться»².

С точки зрения Японии, Турция является той страной, которая позволит Токио войти в обширный район Ближнего Востока, где Турция в последнее время стала играть одну из ключевых ролей. При этом, учитывая потребности и географическое положение Японии – второй по экономической мощи державы в мире, автор делает вывод, что для Японии главная и единственная цель – установление влияния в Восточной Азии. Фридман подчеркивает, что «Япония примечательна своей внутренней стабильностью, сохраняющейся в ходе крупных сдвигов в экономике и политике». Возрождение Японии как региональной державы, по его мнению, создает предпосылки для усиления глобальной мощи, что позволит ей наращивать свою военно-воздушную и военно-морскую силы. Это, в свою очередь, противоречит интересам США и, с точки зрения Фридмана, создает опасный цикл, что приведет к геополитическим изменениям, и у Японии

появятся возможности создать собственную коалицию на другом конце Азии в лице Турции. Турция – не только экономически жизнеспособная, но и стратегически важная страна, которая занимает одно из самых выгодных положений из всех стран Евразии. Турция имеет легкий доступ к арабскому миру, Европе, России и, прежде всего, к Средиземному морю. Она является центром региональной торговли, а также обладает собственной экономической мощью. В связи с этим автор высказывает точку зрения, что Турция «превратится в важный фактор, который японцам придется учитывать в своих стратегических планах, поскольку Япония издавна зависит от поставок нефти из Персидского залива. После того как Турция установит господство над Персидским заливом, у японцев появится заинтересованность в достижении взаимопонимания с Турцией. Обе эти страны к тому времени будут обладать мощными экономиками и начнут превращаться в сильные в военном отношении державы. Также они будут заинтересованы в безопасности морских путей от Ормузского до Малаккского пролива. Таким образом, интересы обеих держав могут в значительной степени совпадать, а точек трения между ними окажется совсем немного»³. Прогнозируется, что становление Турции как региональной и морской державы совпадет по времени с укреплением мощи Японии. Это, по мнению автора, вызовет особое беспокойство у США, так как в Персидском заливе господство Турции будет подавляющим, а в северо-западной части Тихого океана будет «доминировать» Япония.

Автор высказывает интересную мысль о том, что по мере усиления описанного процесса мощь Японии и Турции, находящихся на противоположных концах Азии, станет существенной. Обе страны начнут распространять свои интересы на Азиатской части материка и потому станут развертывать военно-морские силы таким образом, чтобы суметь вовремя оказывать поддержку своим же интересам на суше. Кроме того, обе страны будут наращивать космические потенциалы, запуская обитаемые и автоматические космические станции. В определенной степени Турция и Япония станут сотрудничать в освоении космоса. В технологическом плане Япония будет намного опережать Турцию, но доступ к турецким пусковым установкам увеличит безопасность Японии от американского удара. Такое сотрудничество станет еще одной причиной для беспокойства США.

Кроме того, автор считает вероятной заинтересованность Турции и Японии в ограничении власти США, что толкнет эти страны к созданию естественного союза. «Таким образом, Япония и Турция формально станут союзниками, а возникновение этого союза вызовет прилив энтузиазма у мусульман по всей Азии. Они начнут думать, что японо-турецкий союз ставит их на перекресток путей, ведущих к власти»⁴.

Фридман неоднократно подчеркивает, что Японии необходимо присутствие в Азии, чтобы справиться со своими демографическими проблемами и получить необходимые сырьевые материалы. Этого Японии не добиться, если она не установит контроль над северо-западной частью Тихоокеанского побережья. А Турция – точка пересечения трех континентов, каждый из которых будет находиться в состоянии разной степени хаоса. Турции придется стабилизировать регион, чтобы добиться дальнейшего развития. Хотя действия Японии и Турции будут вызывать беспокойство США, в самих этих странах будут уверены, что для них это вопросы выживания. Основываясь на геополитических факторах, которые делают японо-турецкий союз «естественным», автор приходит к выводу, что в текущем столетии будет достигнуто соглашение, гарантирующее Японии и Турции собственные сферы влияния, и что «отношения между этими странами окажут огромное влияние на XXI век»⁵.

Японо-турецкие отношения прошли определенный исторический путь развития до установления дипломатических отношений между ними. Продолжающаяся эволюция японо-турецких отношений характеризуется периодами активизации, застоя и оживления. Каждому из них были присущи как свои специфические особенности внутреннего и международного положения, так и факторы, определяющие общую обстановку в мире.

Эти события нашли свое отражение в многочисленных зарубежных исследованиях.

Ранние контакты между двумя странами исследуются, в частности, в трудах Курта Сингера, Стэнфорда Дж. Шоу, Э. Эсина, Эдвина Рейшаура, Ё. Хориути, Дж. Бисли, Тисё Найто, Торадзиро Ямады, Умута Арика.

Исследователи находят много общего в древней истории Японии и Турции. Курт Сингер, немецкий экономист и философ, иссле-

дуя японский характер и историю страны, приводит в своих работах данные о том, что предки японцев и турок существовали на одних и тех же землях в течение определенного времени, что оказало большое влияние на их традиции, язык и т.п.⁶ В одном из старейших письменных памятников Японии «Нихонги»⁷, составленном во второй половине VIII века, приводится история создания империи Ямато, связанная с императором Дзимму (Тэнно). «В возрасте 45 лет, когда на западных землях царили тьма, запустение и беспорядок, он призвал своих старших братьев и детей и обратил свой взор в сторону земли свежих рисовых колосьев и плодородных тростниковых равнин во славу Небесных предков, и рассказал, что слышал от предков о «сказочной земле на Востоке, окруженной со всех сторон голубыми горами, где восходит Солнце. Именно туда император Дзимму направился со своей свитой»⁸.

В турецкой мифологии также есть упоминание «процветающей земли Отукен», где первоначально жили турки и откуда они мигрировали на Запад из-за засухи и климатических изменений. Согласно одной из версий правитель последовал за волком (который является турецким тотемом) и нашел выход к зеленым пастбищам на Западе. В другой версии он прошел через гору на Запад к плодородным землям. В третьей – правитель велел своей свите направить свои стрелы туда, куда они хотели бы прибыть, и свита направила их на Запад, где садится солнце⁹. Российский историк Ю.И. Дробышев, исследуя проблему кочевников отмечает, что «*под именем Отюкен (написание этого географического названия варьируется в трудах различных авторов) известна местность в Монголии, бывшая политическим и сакральным центром нескольких могучих кочевых империй. Известия о ней дошли до наших дней благодаря тюркским руническим надписям, сочинениям китайских историографов и некоторым другим источникам. Несмотря на то что Отюкен в той или иной мере привлекает внимание ученых, специальных исследований ему посвящено весьма мало, и в сложившихся о нем представлениях остается еще много неясного*»¹⁰.

В многочисленных исследованиях зарубежных и отечественных авторов есть сведения об общих географических и этнографических корнях японского и турецкого народов. Турецкий ученый Эмел Эсин приводит данные о передвижении османских турок, кото-

рые образовались из массы кочевников, по Алтайским горам к востоку от Евразийских степей и к югу от реки Енисей и озера Байкал, по территории теперешней внешней Монголии. Начиная со второго тысячелетия до н. э. в меняющихся политических, военных и климатических условиях на Алтае кочевники нападали на оседлые народы на границе степей. Те, которые двинулись на юг и запад в направлении Восточной Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии, известны как турки-огузы, а те, на которых они нападали – туркоманы или турки¹¹. Из китайских источников, на которые ссылается Эмел Эсин, следует, что первые турки были известны как «туркофоны» (говорящие по-турецки) на землях, простиравшихся к северу от Китая, к западу от долины Яксарта, называемой так китайцами-динлинами¹².

В работе российского востоковеда С.Ф. Орешковой «Османская империя: очерки истории» подробно исследуется формирование огузского этноса, процесс этнического синтеза тюркоязычных народов¹³.

Эдвин Райшауэр, известный американский ученый, специалист в области истории и культуры Японии и Восточной Азии, отмечает, что японцы, в основном принадлежащие к монголоидной расе и тесно связанные со своими соседями в Корее и Китае, как и все современные народы, являются продуктом обширной расовой смеси. Археологические данные, на которые ссылается ученый, убедительно показывают, что большое число, если не большинство, из ранних жителей Японии пришли на острова из Кореи и Северо-Восточной Азии, и есть неоспоримые исторические свидетельства, что значительный поток людей с Корейского полуострова продолжался до восьмого века до н. э. Райшауэр приводит в своих работах источники начала девятого века, которые приписывают континентальное происхождение более чем трети аристократических семей при японском дворе¹⁴.

В книге Эдвина Райшауэра и Джона К. Фэйрбанка «Восточная Азия» приводятся данные археологических раскопок, которые свидетельствуют о том, что народу, переместившемуся на японские острова 6–7 тыс. лет назад, не хватало знаний о керамике, но их каменные орудия полностью совпадали с найденными орудиями в Северо-Восточной Азии. Ранняя японская культура, распространившаяся на острова в третьем тысячелетии до н. э., известна как Дзёмон. Она

была тесно связана с другими ранними культурами, которые были характерны для лесистых местностей, простиравшихся от современной Финляндии, через Сибирь до Северо-восточных районов США¹⁵.

Новая культура существовала до 3 века до н.э. и называлась «культурой гробниц» из-за огромных глиняных тумулусов, а позже каменных погребальных камер, которые были свойственны этой культуре и напоминали древнюю Корею и ее северо-восточную глубинку¹⁶.

Действительно, эти данные, по мнению исследователей, свидетельствуют о близости географических и этнографических корней турецкого и японского народов. Судя по историческим и археологическим находкам, они, скорее всего, происходят с урало-алтайских земель, из северных равнин Азии. Их ремесла, язык, социально-антропологические обычаи также свидетельствуют об этом сходстве.

Турецкий исследователь Севим Текели приводит интересные данные о том, что первая карта Японии, несмотря на то, что она была составлена с ошибками и представляла собой просто грубый чертеж, была создана в XI веке Махмудом Кашгари – турецким эрудитом, лингвистом, историком и географом. В книге «Диван лугат ат-турк» (Свод тюркских слов), которую он закончил в 1070 г., он изобразил в деталях на круглой карте мира Восток, Запад, Север и Юг¹⁷ (официально карта Японии была начерчена в XIV в. и была впервые включена в мировой атлас в XV в.).

Первые официальные контакты между двумя странами проходили на фоне их шагов на международной арене, которые совпадали по некоторым вопросам. Обе страны столкнулись с проблемой неравноправных договоров, которыми они были связаны с такими державами как Великобритания, Россия, Германия, Франция и Соединенные Штаты. При помощи неравноправных договоров, а также секретной дипломатии и открытой агрессии, эти страны боролись за большее влияние в Турции и Японии.

Эти вопросы были подробно исследованы известным российским ученым-востоковедом Л.Н. Кутаковым в книге «Россия и Япония». Он подчеркивает, что «задача пересмотра неравноправных договоров, навязанных Японии в 1850-х и 60-х годах, стала главным приоритетом внешней политики государства»¹⁸. Автор анализирует значение «миссии Ивакура», направленной в Западную Европу

и Америку в 1871 г. для ведения переговоров о пересмотре вышеназванных договоров.

В исследовании японского ученого Хироси Нагабы из Токийского Института развивающихся экономик кратко анализируются основные исторические события в двусторонних японо-турецких отношениях на протяжении длительного периода времени – с XVII по начало XX вв., прослеживается исторический процесс, через который прошли Япония и Турция для установления дипломатических отношений¹⁹.

В работе «Столетие турецко-японских отношений» турецкого исследователя и дипломата, бывшего посла Турции в Японии, Умута Арика рассказывается о том, что во время этой миссии за рубежом принц Томоми Ивакура поручил секретарю японского внешнеполитического ведомства Гэнъитиро Фукути отправиться в Турцию в 1871 году и подготовить специальный доклад. Автор приводит многочисленные данные, основываясь на документальных источниках, о «желании Японии заключить соглашение о дружбе между двумя странами»²⁰. Чрезвычайно интересной представляется приведенная Умутом Ариком переписка между посланником Японии в Санкт-Петербурге Янагихарой и послом Турции в Санкт-Петербурге адмиралом Шакир-пашой по вопросам установления дипломатических отношений между двумя странами²¹. В течение нескольких десятилетий обе страны пытались преодолеть существовавшие противоречия в трактовке положения о «наиболее благоприятствуемой нации», которое рассматривалось ими в качестве условия заключения дипломатических отношений.

Важное место в историографии японо-турецких отношений занимает трагическая история с фрегатом «Эртугрул». Японский историк Тадахиса Такахаси подробно описывает события, связанные с отправкой фрегата со специальной миссией из Турции в Японию, его кораблекрушением, спасением оставшихся в живых турецких моряков и отправкой их на японских корветах в Турцию²². Эти события оказали большое влияние на дальнейшее развитие двусторонних связей и до сих пор находят отклик в современных публикациях, посвященных японо-турецким отношениям.

В то же время ряд исследователей довольно сдержанно относятся к значению миссии фрегата «Эртугрул». Так, например, Нобуо

Мисава – японский историк, профессор университета Тойо, высказывает точку зрения, что «специальная миссия в Японию явилась не знаком уважения японскому императору, а желанием султана Абдулхамида II продемонстрировать мощь Османской империи всем мусульманам по дороге в Японию»²³. В книге «Начало обучения японскому языку в Османской империи», написанной Н. Мисавой в соавторстве с турецким историком Гокуром Акадагом, ставится под сомнение необходимость организации обучения японскому языку в Стамбуле, что имело место после прибытия выживших в кораблекрушении моряков²⁴.

Британский историк У. Дж. Бисли подробно описывает события, предшествовавшие началу русско-японской войны, в частности, переговорам посла Японии при Сент-Джеймском дворе Британии Тадасу Хаяси и британского министра иностранных дел Лансдауном, которые завершились подписанием англо-японского договора 1902 г. Договор носил антирусскую направленность и был для Японии подготовкой к русско-японской войне²⁵. Переговоры Хаяси и Лансдауна могли явиться одним из факторов, тормозивших японо-турецкие переговоры о заключении договора об установлении дипломатических отношений между ними, т. к., по мнению Верховной Порты, в тот период Япония не была заинтересована в установлении отношений на основе международного права.

В работах турецкого историка Нимета Акдес Курата подробно анализируется реакция Турции на русско-японскую войну 1904–1905 гг., а также позиция Турции в отношении закрытия прохода через черноморские проливы для российского Черноморского флота²⁶. Автор также рассказывает о специальном посланнике султана Абдулхамида II, полковнике Пертев Демиркане, который в качестве наблюдателя был участником военных действий в японской армии в Маньчжурии. Автор отмечает, что в Турции и Японии были сильны антирусские настроения, что явилось мощным фактором, способствовавшим поиску схожести их позиций в отношении установления дипломатических отношений.

Большой интерес представляют малоисследованные данные о возможности заключения в 1906–1907 гг. «секретного» договора между Турцией с одной стороны и Британией и Японией – с другой. Противником возможного договора выступила Россия, т. к. имелись

сведения о его антироссийской направленности. Японский историк Тисо Найто подробно описывает дипломатические шаги, предпринятые Россией для изоляции Турции от возможного заключения подобного договора, а также реакцию Японии в отношении этих событий²⁷.

Важное место в исследованиях двусторонних японо-турецких отношений занимает рассмотрение их позиций в отношении Севрского договора, а также Лозаннского мирного договора, подробно проанализированных в работах российского востоковеда-турколога Н.Г. Киреева²⁸, турецких исследователей Хикмета Баюра²⁹ и Османа Олча³⁰. Американский историк Стэнфорд Дж. Шоу исследует позицию Турции на Лозаннской мирной конференции 1922 г.³¹

Сеха Л. Мерай, турецкий ученый, профессор права, изучил в деталях ход Лозаннской мирной конференции, на которой представители японской делегации предлагали турецкой стороне пойти на компромисс и принять решения конференции. По итогам конференции был подписан мирный договор, а также ряд конвенций и протоколов, которые не только провозгласили мир между союзными государствами и Турцией, но и установили официальные дипломатические отношения между Японией и Турцией³².

Обмен дипломатическими представительствами Турции и Японии произошел в 1925 г., что подробно описано в исследовании японского ученого Тадахисы Такахаси «Краткий обзор турецко-японских отношений 1871–1945»³³. Важным событием в двусторонних японо-турецких отношениях явилось создание в 1925 г. турецко-японской торговой ассоциации. Первым президентом ассоциации явился Инабата Кацутаро, президент Осакской торговой палаты, а посланник Турции Фуат Хулуси стал ее почетным президентом. В этой связи следует особо упомянуть одного из членов этой ассоциации – Торадзиро Ямаду, издавшего свои мемуары.³⁴

Т. Ямада оставил значительный след в истории японо-турецких отношений. Его книги, а также деятельность считаются фундаментальной основой дружественных японо-турецких отношений. Он прибыл в Стамбул в 1892 г. в качестве предпринимателя с большой суммой пожертвований для семей жертв кораблекрушения фрегата «Эртугрул». Он оставался в Турции на протяжении двух десятков лет, преподавая японский язык турецким морским офицерам (в числе

которых был и Кемаль Ататюрк), выполняя ряд особых поручений султана Абдулхамида II, а также знакомя турок с японской культурой. Его деятельность стала началом периода активизации контактов между двумя странами. Он был одним из первых японцев, принявших ислам и совершивших хадж в Мекку в 1914 г. Он изменил свое имя на Абд аль-Халиль, а после 1923 г. – на Сою Ямада.

Следует отметить также работу японского историка Хё Мураками «Япония. Годы испытаний 1919–1952»³⁵. Автор подробно исследует обстановку в стране накануне второй мировой войны, приводит данные о выходе Японии из Лиги Наций, о визите в Москву министра иностранных дел Японии Мацуока Ёсукэ и его переговорах со Сталиным.

Турккая Атаев, турецкий ученый, специалист по международным отношениям, в своих исследованиях подробно останавливается на основных факторах, оказавших влияние на двусторонние турецко-японские отношения, а именно: положение Турции перед Второй мировой войной, ее отношения с ведущими державами во время войны, а также анализирует Ялтинское соглашение и его значение для послевоенного устройства мира³⁶.

Дальнейшее развитие двусторонних отношений нашло свое отражение в работе Умута Арика³⁷. На основе большого фактологического материала он выделяет основные этапы турецко-японских отношений, рассматривает факторы, повлиявшие на их развитие. Автор приходит к выводу о новых перспективах «особого партнерства» между Турцией и Японией в XXI в.³⁸

Большой интерес представляет литература по достаточно мало изученной теме истории исламской общины в Японии. В работе Стэнфорда Дж. Шоу и Эзель Курал Шоу «История Османской империи и современной Турции» рассказывается о деятельности нескольких представителей «младотурок» в России после их приглашения в Москву, а затем об эмиграции некоторых из них в Монголию, Маньчжурию и Японию. В Японии, в частности, они принимали активное участие в политической жизни³⁹. В книге Абу-Бакара Моримото прослеживается создание турецкой общины в Японии⁴⁰.

Вопросы развития двусторонних японо-турецких отношений в конце XX – начале XXI в. нашли свое отражение в ряде работ отечественных исследователей. Работы Свистуновой И.А.⁴¹, Ивано-

вой И.И.⁴², Зиновьевой И.Г.⁴³ оценивают перспективы развития отношений между двумя странами как взаимовыгодные, способствующие сохранению стабильности в Азии. Так, в частности, в работе И. Свистуновой отмечается, что на «международном уровне Турция и Япония разделяют общие взгляды по таким вопросам, как реформирование Совета Безопасности ООН (выступают за расширение его состава), ядерное нераспространение (в частности, обе страны участвуют в Инициативе по ядерному нераспространению и разоружению), борьба с терроризмом, помощь развитию стран третьего мира и др. Анкара и Токио стремятся решить вопрос развития политических отношений в условиях географической удаленности друг от друга за счет углубления сотрудничества на многостороннем уровне, в рамках международных организаций»⁴⁴.

Из современных турецких исследователей привлекают внимание работы Сельчука Чолакоглу, посвященные политике Турции в Восточной Азии и, в частности, турецко-японским отношениям⁴⁵. Автор считает возможным поддержку политики Турции на Ближнем Востоке со стороны Японии, которая будет содействовать Турции в преодолении сирийского кризиса. Гокнур Акчадаг, профессор университета Йылдыз, подробно исследует экономические отношения между двумя странами и приходит к выводу о необходимости заключения соглашения о свободной торговле между ними⁴⁶.

Турецкий политолог, профессор Мехмет Озкан (Бахадир Пехливантурк) отмечает, что Япония занимает особое место во внешней политике Турции. Сравнивая отношения Турции с ее региональными соседями и другими государствами, для которых более характерен реалистический или прагматический характер, автор приходит к выводу, что государственные деятели Турции испытывают в отношении Японии определенную степень «сентиментальности» и «романтизма». Истоки этого автор находит в исторических повествованиях времен Османской империи⁴⁷. Тем не менее, по мнению автора, наряду с эмоциональной окраской в двусторонних отношениях присутствует также и рациональный расчет, что в социальном контексте способствует гармоничному сотрудничеству обеих стран, особенно по глобальным проблемам⁴⁸.

Следует также остановиться на вышедшей в 2003 г. (год был объявлен «годом Турции в Японии») работе «Восходящее солнце

и турецкий полумесяц: новые перспективы в истории японо-турецких отношений» под редакцией турецкого историка Сельчука Эсенбеля и японского историка Инабы Тихару. Исследование состоит из нескольких очерков, посвященных различным историческим темам. Один из авторов, Сельчук Эсенбель представляет обзор турецко-японских отношений, охватывающих период между 1868 г. и зашедшими в тупик переговорами о заключении договора между двумя странами в 1920-х гг. Другой автор – Селим Дерингил фокусируется на взглядах Османской империи в конце XIX в. на Японию как на «неизвестную страну». Дерингил также предполагает, что «Эртугрул» был послан в Японию в первую очередь с целью «поднять Османское знамя в азиатских водах»⁴⁹. Это было связано с растущим интересом к Абдулхамиду II в странах на побережье Индийского океана и Ост-Индии в 1890-х гг.⁵⁰ Японский историк Инаба Тихару подробно рассматривает вопрос о проливах Босфор и Дарданеллы во время русско-японской войны 1904–1905 гг.

Исторический очерк Кимуры Масато о «неправительственной экономической дипломатии» между Японией и Турцией рассказывает о Инабате Кацутаро, центральной фигуре в японском финансовом механизме в периоде между двумя мировыми войнами. Японский автор Сирайва Кацухико делает обзор литературы, связанной с Турцией в период с 1862 по 1912 гг., анализирует образ Японии у турецкого населения. Турецкий исследователь Назир Озбек подробно рассказывает об интеллектуальной и политической карьере исламского деятеля Абдурашида Ибрагимова, о его поездках в Японию в 1908–1909 гг., связях с политическими деятелями Японии в период с 1908 по 1912 гг. Японский историк Сакамото Цукому приводит данные о встрече Абдурашида Ибрагимова и Янаоки Котаро, первого японца, принявшего ислам на рубеже XX в., а также об их совместной поездке в Мекку. В очерке Мацунаги Акиры рассказывается о Гаязе Исхаки – деятеле национального движения волжских болгар, эмигрировавшем в Турцию в 1939 г., о его визите в Японию в 30-е годы XIX в. и деятельности турецкой общины на Дальнем Востоке. Определенный интерес представляет очерк Инабы Тихару о разведывательной деятельности России в Стамбуле во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Икей Масару в своей статье останавливается на работе Ближневосточной торговой конференции в Стамбуле в 1926 г., на ее

результатах и значении в двусторонних японо-турецких отношениях. Герхард Крепс и Рона Айбэй исследуют неизвестные аспекты японо-российско-турецких отношений в конце Второй мировой войны. В работе также приводятся две статьи, посвященные социальным и экономическим процессам в обеих странах: в статье Сахары Тецуя сравниваются муниципальные реформы в Японии периоды Мэйдзи и турецкие реформы времен Османской империи; статья Ибрагима Озтюрка посвящена экономическому кризису в Японии и Турции. Таким образом, названное исследование представляет собой первый всеобъемлющий научный труд, в полной мере отражающий основные события и тенденции в японо-турецких отношениях.

В 2017 г. был опубликован доклад Центра ближневосточных исследований (Ortadoğu Araştırmaları Merkezi, также известный как ORSAM) под названием «Япония – Турция. Диалог по глобальным вопросам»⁵¹. В этом исследовании японские и турецкие ученые, дипломаты и представители различных министерств отмечают объективную потребность двух стран в развитии отношений между двумя странами. Анализируется необходимость заключения соглашения о свободной торговле между Японией и Турцией с целью вывести политическую и геополитическую напряженность из двусторонних японо-турецких отношений. Авторы приходят к выводу, что при условии совпадения интересов и целей государственных и частных секторов экономик обеих стран, двусторонняя торговля и инвестиции являются первоначальной и наиболее важной основой для развития отношений между Турцией и Японией⁵².

Специального упоминания заслуживают изданные материалы симпозиумов 2014 и 2016 гг. в Анкаре, организованных правительствами Японии и Турции. Первый симпозиум был посвящен в основном двусторонним отношениям. Материалы второго симпозиума свидетельствуют о том, что и Япония, и Турция стремятся углубить свое сотрудничество путем вовлечения в такие мировые глобальные проблемы, как: борьба с терроризмом; прямые иностранные инвестиции; комплексная безопасность и безопасность человека; деятельность Шанхайской организации сотрудничества как союза по обеспечению безопасности, а не военного союза; необходимость реализации экономической интеграции и развитие культурных связей между странами региона.

Далее следует остановиться на материалах международного симпозиума, проходившего 22–23 июня 2019 г. в университете Тойо в Токио под названием «Новое рассмотрение значения 100-летней годовщины Парижской конференции 1919 г.». В опубликованной исследовательской работе «Корни японской политики в отношении Среднего Востока и ислам» под редакцией профессора Нобуо Мисавы (университет Тойо) особое внимание привлекают статьи Гокнур Акчадаг (университет Нишанташи, Стамбул), а также профессора Хироси Като (университет Хитоцубаси). В первой статье «Турецко-японские дипломатические и торговые отношения на фоне политических событий начала XX в.» автор приходит к выводу, что Первая мировая война явилась поворотным моментом в японской политике на Ближнем и Среднем Востоке: после Парижской конференции Япония начала активно продвигаться в восточном Средиземноморье под контролем Британии, в частности, в Османской империи. Во второй статье «Японская экспансия в восточном Средиземноморье в период между Первой и Второй мировыми войнами с точки зрения статистических данных по Суэцкому каналу» рассматриваются политические, военные и торговые составляющие этого процесса, которые автор называет «желтой опасностью», приведшей к противодействию западных стран в отношении демпинга японских товаров⁵³.

Многие аналитики, подчеркивая большое значение Турции в регионе Ближнего Востока, в то же время считают необходимым повышение ее роли в международных отношениях на глобальном уровне. Так, например, по мнению С. Яагами, бывшего директора Японского Института международных отношений, «более значимая роль Турции в региональном и международном контексте необходима с точки зрения ее более четкого понимания роли Японии, при этом не недооценивая и не переоценивая ее, что, в свою очередь, позволит реалистично рассматривать перспективы японо-турецкого сотрудничества»⁵⁴.

По мнению ряда исследователей, «эти государства принадлежат разным географическим ареалам, но имеют схожие стратегии будущего. Их геополитический вектор все больше отдаляется от Вашингтона, изменяя курс в сторону Китая, России, Индии и Ирана»⁵⁵.

Однако следует подчеркнуть, что потребность в активизации японо-турецкого сотрудничества формировалась на протяжении нескольких десятков лет не без американского влияния. Как отмечается в некоторых исследованиях, «и Япония, и Турция являются двумя ключевыми игроками в амбициях США по контролю на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Обе страны имеют конкурентоспособную экономику и нередко вступают в союз с государствами, живущими на политической «орбите» США. У Японии хорошие отношения с Южной Кореей, Турция до последнего времени взаимодействовала с Саудовской Аравией и Израилем. Стремясь сохранить и укрепить свое господство в регионе, Вашингтон всегда старался поддерживать безупречные отношения с обеими странами и обеспечить себе, таким образом, постоянный контроль над делами в регионах»⁵⁶. Тем не менее очевидно, что, помимо геополитических интересов США, существует объективная потребность двух стран в развитии отношений.

В этом отношении следует отметить мнение канадского исследователя индийского происхождения Амитава Ачарии, который считает, что «американский мировой порядок, основывающийся только на США, подходит к концу. На смену ему приходит «мультиплексный мир», который в отличие от многополярности в международной системе делает мир более взаимосвязанным и взаимозависимым»⁵⁷.

В этой связи можно привести цитату турецкого исследователя Бахадира Пехливантюрка, что «существующий гегемонистский подход к решению мировых проблем недостаточен. Для таких стран как Турция и Япония более актуально «горизонтальное» сотрудничество»⁵⁸.

Все приведенные выше исследования отражают основные исторические события в двусторонних японо-турецких отношениях. Хотя некоторые из них носят фрагментарный характер, тем не менее, в основном, дают полную картину основных тенденций двусторонних отношений. Современные работы различных зарубежных и отечественных авторов свидетельствуют о том, что в настоящее время между Японией и Турцией разрабатываются различные подходы, способствующие росту и повышению доверия в отношениях между ними.

- ¹ Friedman, George. The Next 100 Years. A Forecast for the 21st Century. N-Y, London, 2009. P. 170.
- ² Ibid. P. 170.
- ³ Ibid. P. 159.
- ⁴ Ibid. P. 173.
- ⁵ Ibid. P. 8.
- ⁶ Singer, Kurt. Mirror, Sword and Jewel - The Geometry of Japanese Life. Kodansha Int. Ltd. Fourth printing. 1985.
- ⁷ Нихонги (полностью «Нихон сёки» – «Анналы Японии») – один из старейших письменных памятников Японии, работа над которым была завершена в июле 720 г.
- ⁸ Singer, Kurt. Mirror, Sword and Jewel- The Geometry of Japanese Life. P. 122.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Дробышев Ю. И. Средневековый Отыюкен // Восток (Oriens). № 4. 2012. С. 5.
- ¹¹ Esin, Emel. A History of Pre-Islamic and Early Islamic Turkish Culture. Istanbul, 1980.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Орешкова С. Ф. Османская империя: очерки истории. М.: ИВ РАН, 2019.
- ¹⁴ Reischauer, Edwin O. Japan, the Story of a Nation. Third Edition. English Printing, 1987.
- ¹⁵ Reischauer, Edwin O., Fairbank, John K. East Asia. The Great Tradition. Boston–Tokyo, 1968. P. 456.
- ¹⁶ Ibid. P. 459.
- ¹⁷ Tekeli, Sevim. Map of Japan. Turkish Ankara: Historical Society Press, 1985. P. 2.
- ¹⁸ Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1988. С. 204.
- ¹⁹ Nagaba, Hiroshi. Japan and Turkey. Historical Process for Diplomatic Relations. URL: <https://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/01/HIROSHI-NAGABA.pdf>
- ²⁰ Chisho, Naito. Niti-to Kosho-shi. Tokyo, 1931. P. 15; Tatahashi, Tadahisa. Turk–Japon Munasebetlerine Kisa bir Bakis 1871–1945. Ankara, 1978. P. 128; Arik, Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations. Second Edition. 1991. P. 18.
- ²¹ Ibid.
- ²² Takahasi, Tadahisa. Turk-Japon Munasebetlerine Kisa biz Bakis 1871-1945.
- ²³ Misava, Nobuo. Relations between Japan and the Ottoman Empire in the 19th Century. Tokyo, 2003.
- ²⁴ Misava, Nobuo, Akcadag, Goknur. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. Istanbul, 2013.
- ²⁵ Beasley W. G. The Modern History of Japan. N-Y–London, 1986. P. 170.
- ²⁶ Nimet, Akdes Kurat. Turkey and Russia. Ankara, 1970. P. 133.
- ²⁷ Chisho, Naito. Niti-to Kosho-shi. P. 19.
- ²⁸ Киреев Н. Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН, 2007. С. 154–157.
- ²⁹ Bayur, Hikmet. The History of Turkish Revolution. 1940–1967.
- ³⁰ Olcay, Osman. Towards the Sevres Treaty. Ankara, 1981.

- ³¹ Shaw, Stanford J. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. 1976.
- ³² Meray, Seha L. The Lausanne Peace Conference, Minutes and Documents. 2001.
- ³³ Takahasi, Tadahisa. Turk-Japon Munasebetlerine Kisa biz Bakis 1871–1945.
- ³⁴ Yamada, Torajiro. Toruko Gokan (Обзор Турции).
- ³⁵ Murakami, Hyoe. Japan. The Years of Trial 1919–1952. Kodansha International, 1983.
- ³⁶ Ataev, Turkkaya. Turkish Foreign Policy 1939–1945. Ankara University, 1965.
- ³⁷ Arik, Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations. A Special Partnership. 1991.
- ³⁸ Ibid. P. 311.
- ³⁹ Akcadag, Goknur. Is a Turkish-Japanese Trade Agreement Imminent?
- ⁴⁰ Morimoto, Abubakr. Islam in Japan. Tokyo, 1980.
- ⁴¹ Свистунова И. А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы национальной стратегии. № 5. 2015.
- ⁴² Иванова И. И. Турецко-японское партнерство // Турция, Современные проблемы экономики и политики. М.: ИВ РАН, 1997.
- ⁴³ Зиновьева И. Г. Турецко-японские отношения на современном этапе // Восточный альманах. Вып. II. 2018.
- ⁴⁴ Свистунова И. А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея). С. 73.
- ⁴⁵ Colakoglu, Selcuk. Turkey's East Asian Policy: from Security Concerns to Trade Partnerships. 2014.
- ⁴⁶ Akcadag, Goknur. Is a Turkish-Japanese Trade Agreement Imminent?
- ⁴⁷ Pehivanturk, Bahadir. Turkish-Japanese Relations: Turning Romanticism into Rationality // International Journal. Vol. 67. Issue 1. 2012.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Esenbel, Selcuk . Rising Sun and the Turk Crescent: Perspectives on the History of Japanese-Turkish Relations. Istanbul, 2003.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Japan-Turkey Dialogue on Global Affairs. Center for Middle Eastern Strategic Studies (ORSAM). Report № 207. March 2017.
- ⁵² Ibid. P. 194–195.
- ⁵³ The Roots of the Japanese Policy against the Middle East and Islam. ACRI Research Paper Series 17. Reconsideration on 100 Anniversary of Paris Conference (1919) at the International Symposium (June 22–23, 2019), Toyo University / Ed. by Nobuo Misava.
- ⁵⁴ Yamagami, Shingo. Japan is Back // Japan-Turkey Dialogue on Global Affairs. Center for Middle Eastern Strategic Studies (ORSAM). Report № 207, March 2017. P. 31.
- ⁵⁵ Турция и Япония в поисках нового Большого Брата. URL: <https://ktovkurse.com/politika/turtsiya-i-yaponiya-v-poiskah-novogo-bolshogo-brata>
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Acharya, Amitav. The End of American World Order. Cambridge, Polity Press, 2014.
- ⁵⁸ Pehivanturk, Bahadir. Turkey-Japan: Dialogue on Global Affairs // Perceptions. Vol. XXI. № 1. Spring 2016. P. 9.

Политика «активного пацифизма» и Сил Самообороны Японии

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-293-306

Аннотация: В статье рассматривается политика Японии в послевоенный период и на современном этапе. Отмечается, что в соответствии с Конституцией, в частности, 9-й статьей, до недавнего времени Япония придерживалась пацифизма в своем политическом курсе. С приходом к власти кабинета премьер-министра Синдзо Абэ в 2012 г. в Японии начинается проводиться политика «активного пацифизма». В контексте проведения этой политики рассматривается трансформация Сил Самообороны Японии (ССЯ) в XXI веке, а также анализируется проблема легитимации ССЯ на современном этапе.

Ключевые слова: Япония, пацифизм, политика «активного пацифизма», национальная безопасность, коллективная самооборона, Конституция, Либерально-демократическая партия, Силы Самообороны Японии.

Romanova I.A.

Japan's Policy of Proactive Pacifism and Self-Defense Forces

Abstract: The article discusses Japan's policy in the post-war period and in the modern stage. After the World War II Japan, according to its Constitution, pursued a policy of pacifism inside and out of the country, which has changed to proactive pacifism after the cabinet of prime-minister Shinzo Abe came to power in 2012. The article gives special attention to the transformation of self-defense forces of Japan in 21-th century. It analyzes the actual problem of legitimation of self-defense forces in the context of pursuing by Japan the policy of proactive pacifism.

Keywords: Japan, pacifism, the policy of proactive pacifism, national security, collective self-defense, Constitution, Liberal Democratic Party, self-defense forces of Japan.

В 1947 г. в Японии вступила в силу Конституция, которая действует и в настоящее время. Конституция закрепила либерально-демократические преобразования в области государственного строя,

а также в специальной 9 «мирной» статье задекларировала пацифистский характер политического курса Японии.

После поражения во Второй мировой войне Япония подчинилась оккупировавшим ее Союзническим войскам. Одним из требований, которые были предъявлены Японии Штабом союзных оккупационных войск по итогам войны, была демилитаризация страны с тем, чтобы не допустить возвращения Японии к статусу военной державы. Вместе с тем в Штабе оккупационных войск существовали разные мнения по вопросу, нужна ли Японии армия.

США, являвшиеся главной силой среди оккупационных войск в Японии, придерживались курса на демилитаризацию страны. Однако такой позиции они придерживались до того момента, пока с началом холодной войны не обострились противоречия с СССР как на глобальном, так и региональном уровнях. В новых условиях США изменили свою позицию – в Восточной Азии им потребовались союзники, чтобы «сдерживать коммунистическую угрозу». В политических кругах Соединенных Штатов было принято решение, что Япония как раз и должна стать одним из таких союзников, и для осуществления этой задачи был взят курс на восстановление ее военного потенциала.

Премьер-министр Японии Есида Сигэру (1948–1954 гг.) был противником восстановления армии: он отстаивал точку зрения, что Япония, согласно 9 статье, не может обладать вооруженными силами даже в целях самообороны. Однако под давлением со стороны Соединенных Штатов японский премьер вынужден был изменить свою позицию. Так, в январе 1950 года он заявил: «Отказ от войны не означает отказа от права на самооборону», при этом, правда, настаивая на том, что «осуществление права на самооборону возможно и без оружия»¹.

8 июля 1950 г. вслед за началом Корейской войны главнокомандующий оккупационными войсками союзников в Японии генерал Макартур инициировал создание в Японии «резервного полицейского корпуса» численностью в 75 тысяч человек, которые должны были заменить на своем посту американских солдат, которые отправлялись в Корею, а также увеличить личный состав управления морской безопасности. Основная цель создания корпуса формулировалась как «защита демократического строя». Задачей нового формиро-

вания являлась в первую очередь борьба с возможными внутренними беспорядками.

Несмотря на попытки японской власти оформить данное подразделение как полицию, многое свидетельствовало о том, что эти силы создавались как новая армия. «Резервный полицейский корпус» был обеспечен карабинами, крупнокалиберными винтовками, легкими и тяжелыми пулеметами, минометами, танками и артиллерией. В лагерях подготовки рекруты проходили 13-недельный базовый курс, основанный на программах тренировок армии США.

Таким образом, в 50-е годы в Японии, по сути, начинается процесс воссоздания вооруженных сил. На первом этапе – в виде «резервного полицейского корпуса» в составе 75 тыс. человек, а затем, после подписания в 1951 г. Сан-Францисского мирного договора и окончания оккупации, в виде «корпуса национальной безопасности» численностью 110 тыс. человек. В августе 1954 г. на базе этого корпуса были созданы Силы Самообороны Японии (ССЯ), куда входили наземные, морские и воздушные подразделения. Было также учреждено Управление национальной обороны.

В своей эволюции Силы Самообороны Японии прошли несколько этапов, однако, их положение и статус начинают кардинально меняться в начале XXI века, когда страна, по мнению японской правящей элиты, в новых геополитических условиях столкнулась с новыми угрозами национальной безопасности.

Первым признаком изменения представлений о национальной безопасности стало начало создания Совета национальной безопасности Японии. В конце июня 2003 г. в кабинете премьер-министра Коидзуми Дзюнъитиро было принято решение о начале разработки концепции по созданию органа, подобного Совету национальной безопасности в США (СНБ), который бы оказывал непосредственную помощь премьер-министру в быстром принятии решений, касающихся вопросов национальной безопасности. Этот орган, как предполагалось, включал бы специалистов из соответствующих министерств и ведомств, в обязанности которых входило бы обеспечение премьер-министра необходимой информацией, а также разработка тактики и стратегии обеспечения национальной безопасности². С 1986 г. в Японии уже функционировал Совет безопасности, который включал в свой состав 9 министров во главе с премьер-министром,

но этот орган часто критиковали за чрезмерно большой состав, неэффективную работу и нерегулярные, редкие совещания.

Завершить создание нового Совета национальной безопасности Коидзуми не успел, дело продолжил Синдзо Абэ, первый кабинет которого пришел к власти в 2006 г. Тогда же был принят закон, преобразующий Управление национальной обороны в министерство, а также внесены поправки в Закон о Силах Самообороны. Согласно этим поправкам, в число основных обязанностей японских вооруженных сил наряду с обороной государственной территории и действиями при стихийных бедствиях внутри страны входила международная миротворческая деятельность, которая до тех пор рассматривалась как их дополнительная обязанность. Интересно мнение японской общественности в отношении участия Сил Самообороны в международных миротворческих операциях. Можно заметить, что в целом увеличивается процент тех, кто поддерживает эту деятельность. Так, например, в 1991 г. только 33% опрошенных высказывалось в поддержку отправки ССЯ за рубеж, в 1992 г. – уже 52%, в 1994 г. количество сторонников участия в миротворческих миссиях ООН выросло до 58,9%, а к 2010 г. данную деятельность поддерживали уже 85,2% респондентов.

Повышение статуса японского оборонного ведомства расширяло его права и возможности. Данные мероприятия должны были стать лишь первыми на пути к превращению Японии в «нормальное государство», то есть страну, проводящую полноценное и масштабное военное строительство, соответствующее ее экономической мощи. Кабинет Абэ стремился внести соответствующие поправки и в Конституцию Японии, о чем свидетельствует принятие Закона о референдуме, который конкретизировал процесс одобрения поправок народом, закрепленный в 96 статье Конституции. Однако на этом процесс приостановился, так как уже в 2007 году Синдзо Абэ ушел в отставку, а Либерально-демократическая партия проиграла выборы в палату советников и потеряла там большинство.

Масштабные изменения в области национальной обороны произошли, когда Синдзо Абэ вернулся к власти в 2012 году. За неполных три года был учрежден Совет национальной безопасности, впервые принята «Стратегия национальной безопасности», в которой была отражена доктрина «активного пацифизма», обновлены Основные

направления программы национальной обороны, принят Закон о защите государственной тайны, окончательно отменен запрет на экспорт вооружений, продукции двойного и военного назначения и на участие в разработке новых вооружений и военных технологий. И, наконец, кабинет министров 1 июля 2014 г., в день 60-летней годовщины создания Сил Самообороны принял резолюцию, направленную на изменение толкования 9 статьи Конституции в части права Японии на коллективную самооборону, а 20 сентября 2015 г. был принят пакет законов, легализующих право на коллективную самооборону.

Одним из важнейших результатов деятельности СНБ Японии стала «Стратегия национальной безопасности», которая была принята 17 декабря 2013 г. Она представила новый курс внешней политики японских властей, в основу которого легла концепция «активного пацифизма», понятие которого возникло и существовало в политическом лексиконе Японии еще с 1992 г., но только в данном документе оно было закреплено законодательно. Принципы «активного пацифизма» включают в себя следующее:

- Нарращивание дипломатических усилий в рамках ООН;
- Усиление верховенства закона;
- Занятие лидерских позиций в международной деятельности по разоружению и нераспространению;
- Содействие сотрудничеству в деле международного мира;
- Содействие международному сотрудничеству против международного терроризма;
- Усиление сотрудничества, основанного на универсальных ценностях, для решения глобальных проблем.

Правящими кругами Японии «активный пацифизм» противопоставляется «пассивному пацифизму» времен холодной войны. Если раньше японский пацифизм основывался на неприменении силы, то теперь силу использовать можно, а именно в целях поддержания международного мира и безопасности. С трибуны ООН в сентябре 2013 г. С. Абэ заявил: «Я сделаю все возможное, чтобы Япония с позиций активного пацифизма была еще более вовлечена в меры коллективной безопасности в рамках ООН, включая операции по поддержке мира»³.

Одновременно с законом о создании Совета национальной безопасности в Парламент был представлен и Закон о государственной

тайне, согласно которому за обнародование информации, которое правительство объявило государственной тайной, чиновникам, предоставившим эту информацию журналистам, и самим репортерам грозит тюремный срок от 5 до 10 лет.

Следующим важным решением правительства стало внесение изменений в «Основные направления программы национальной обороны», в которых первоочередной стала задача наращивания потенциала «динамичной обороны». Понятие «динамичной обороны» подразумевает такую модель военного строительства, при которой боевые возможности Сил Самообороны должны использоваться с максимальной гибкостью и эффективностью. Была поставлена цель создать динамичные объединенные Силы Самообороны общей численностью в 159 тыс. человек, что предполагало улучшенную координацию между сухопутными, морскими и воздушными ССЯ, улучшение объединенного командования, укрепление ПРО, меры, направленные на противодействие киберугрозам, создание амфибийных подразделений. Приоритет также отдавался мобильности боевых подразделений, их способности к быстрому реагированию и перемещению в соответствии с изменениями оперативной обстановки. В отличие от предыдущих версий «Основных направлений», где особое значение придавалось необходимости проявления «сдержанности» в деле развития оборонного потенциала, в новой редакции это понятие было заменено тезисом о «качественном развитии оборонного потенциала с целью повышения его эффективности и целостности»⁴.

Отдельно стоит отметить деятельность японского правительства по развитию законов по борьбе с пиратством, поскольку они с самого начала были тесно связаны с понятием «коллективной самообороны». Япония начала свое участие в борьбе с пиратством у восточного африканского побережья, отправив туда в марте 2009 г. два эсминца, два вертолета, около 400 военных и 8 офицеров береговой охраны⁵. Юридическим основанием послужила 82 статья «Закона о Силах Самообороны», согласно которой можно применять особые меры для защиты жизни и имущества, а также поддержания порядка в морском пространстве⁶. Такая деятельность не могла рассматриваться как «коллективная самооборона», так как ССЯ имели право защищать лишь суда под японским флагом или с японскими моряками или пассажирами на борту. Однако это сразу же превра-

тилось в серьезную проблему, так как большинство судов, которые осуществляют перевозки между Японией и другими странами, ходят под иностранными флагами, а на борту нет японцев. Поэтому уже в 2009 г. был принят Закон о мерах по борьбе с пиратством, который дал право японским вооруженным силам защищать иностранные суда и вести огонь по пиратским кораблям (но не по самим пиратам) в случае, если они не реагируют на предупредительные выстрелы⁷. Это предоставило Японии более широкие возможности для сопровождения торговых судов в этом районе. В 2011 г. в Джибути для борьбы с пиратством была открыта первая зарубежная база ССЯ. А в 2013 г. Япония стала официальным участником международного объединения BMC Combined Maritime Force (CMF), что позволило ей заниматься не только эскортом судов, но и активным взаимодействием с вооруженными силами других стран.

Участие Японии в антипиратской миссии не только помогло сделать этот регион более безопасным для торговых судов, но и дало возможность Японии поучаствовать в учениях с более чем 40 странами, со многими из которых иной возможности взаимодействовать, скорее всего, не представилось бы. Например, в марте 2015 г. Япония впервые в своей истории поучаствовала в учениях НАТО по разрешению кризисных ситуаций совместно с Финляндией, Швецией, Австралией и Украиной⁸. Подобная деятельность позволила Японии расширить контакты своего министерства обороны.

11 марта 2014 г. на заседании СНБ Японии был утвержден исходный проект новых положений об экспорте вооружений и военной техники (ВВТ), который заменял «Три принципа экспорта вооружений» от 1967 г. и его модификаций от 1976 и 2011 г. Проект получил название «Три принципа передачи военного оборудования и технологий». 1 апреля 2014 г. эти «Новые принципы» были официально утверждены кабинетом министров. С этого момента в Японии вводились новые правила передачи (экспорта) ВВТ «правительствам иностранных государств, ООН или другим институтам, функционирующим на основе резолюций ООН». Новые правила базировались на предпосылке о том, что такие действия будут «вкладом в активное поддержание дела мира и международное сотрудничество», а также «вкладом в безопасность Японии», что в целом соответствовало концепции «активного пацифизма».

Наконец, наиболее важной реформой, явившейся закономерным завершением предыдущих, стало изменение толкования японским правительством 9 статьи Конституции Японии. 1 июля 2014 г. кабинет министров Японии принял резолюцию, в которой утверждалось, что эта статья не запрещает Японии участвовать в «коллективной самообороне». Это право дает Японии возможность использовать Силы Самообороны Японии в целях защиты союзников на территории других государств и, пускай и со значительными ограничениями, позволяет использовать военную силу за пределами Японии.

С точки зрения критиков политики кабинета Абэ, проблему собой представляет следующее. Существует опасность уменьшения контроля над Силами Самообороны, так как решение об их отправке в зарубежную миссию в первую очередь может принимать Совет национальной безопасности и правительство, а парламент, предполагается, будет одобрять это решение постфактум, что противоречит идее гражданского контроля над ССЯ и не соответствует демократическим принципам. Правительство, действительно, уже совершало подобное: в феврале 2020 г. правительство Японии отправило эсминец «Таканами» и несколько самолетов Lockheed P-3 «Орион» в северную часть Аравийского моря, в Оманский залив для «сбора данных и исследований». В парламенте этот вопрос был обсужден лишь некоторое время спустя, что вызвало серьезную критику со стороны оппозиции и части прессы. Формулировку обоснования отправки войск в зарубежную миссию как «сбор данных и патрулирование» осудили даже в партии Комэйто, партнере ЛДП по правящей коалиции. Такая размытая формулировка может включать в себя самые разные виды деятельности Сил Самообороны, и существует опасность вовлечения Японии в полноценный вооруженный конфликт⁹.

Еще одним заметным явлением в оборонной политике кабинета Абэ стало увеличение оборонного бюджета. В представленной ниже таблице отражены расходы Японии на оборону в период 2012–2020 гг., их рост относительно предыдущего года, а также доля, которую военные расходы составляют от ВВП по данным SIPRI Military Expenditure Database¹⁰. Следует отметить, что в разных государствах военные бюджеты могут включать отличающиеся статьи расходов: например, в Японии в статистику не включаются расходы на пенсионное обеспечение бывших военнослужащих в отличие от США.

Таблица 1

Расходы Японии на оборону в 2012–2020 гг.

Финансовый год	Расходы Японии на оборону, трлн иен	Рост относительно предыдущего года, %	Доля от ВВП, %
2012	4,762	-2,198	0,967
2013	4,792	0,630	0,95
2014	5,028	4,925	0,967
2015	5,120	1,830	0,958
2016	5,040	-1,563	0,939
2017	5,104	1,270	0,931
2018	5,160	1,097	0,924
2019	5,257	1,880	0,935
2020	5,313	1,065	нет сведений
Средний темп роста, %	0,993	Средняя доля от ВВП, %	0,946

Если проанализировать данные, приведенные в этой таблице, то можно заметить, что, начиная с 2013 г., т. е. с момента, когда ЛДП вернулась к власти и смогла провести через парламент новый бюджет, в целом, наблюдается увеличение расходов на оборону в абсолютном значении. Оборонные бюджеты, принятые кабинетами Абэ, несколько раз становились самыми большими в истории Японии. Однако при этом ежегодно бюджет увеличивался не более, чем на 2% от предыдущего (исключением является лишь 2014 год), а иногда и уменьшался, как в 2016 г.

При этом расходы на оборону ни разу не превышали уровень в 1% от ВВП, что является не законодательным, а, скорее, психологическим и символическим барьером. Разумеется, если включить в эти цифры некоторые иные статьи, например, расходы на миротворческие операции, береговую охрану, то военный бюджет будет составлять 1,1–1,3% ВВП Японии¹¹.

Военный бюджет Японии можно сравнить с расходами на оборону Великобритании, Германии и Южной Кореи. Вместе с Японией они образуют группу стран, чьи оборонные бюджеты лежат

в диапазоне 40–50 млрд долл. (страна на строчку выше – Россия – тратит на оборону значительно больше 50 млрд долл; страна на строчку ниже – Италия – около 30 млрд долл). Можно заметить, что по средним темпам увеличения военного бюджета Германия, Великобритания и Южная Корея заметно обгоняют Японию. Доля расходов на оборону от ВВП так же в этих странах выше, чем в Японии. Можно сделать вывод, что Япония держится на одном уровне со странами с сопоставимой экономикой, но не выделяется среди них.

Всю вышеописанную деятельность кабинета Синдзо Абэ можно описать метким сравнением японского публициста Тахара Соитиро: правительство фактически реанимирует лозунг Реставрации Мэйдзи «Фукоку кехэй» («Богатая страна – сильная армия»), акцентируя внимание на второй его части¹². Но все же конечной целью для премьер-министра является внесение поправок в Конституцию Японии.

Проект поправок в Конституцию Японии правительство Абэ разработало еще в 2012 г., и он до сих пор представлен на официальном сайте Либерально-демократической партии¹³. В качестве объяснения необходимости изменения Конституции ее сторонники обычно называют две причины. Во-первых, высказывается мысль, что Конституция была разработана в условиях оккупационной администрации и не вполне соответствует духу японского народа. Во-вторых, Конституция 1947 г. не может в полной мере отражать современные реалии. В частности, в спорах о необходимости внесения поправок в 9 статью Конституции приводится следующий аргумент: в послевоенное время основанием для формулировок «пацифистской» статьи служила уверенность, что Японии не угрожает ни одна страна, однако, к настоящему времени реалии изменились, и Япония чувствует угрозу со стороны некоторых своих соседей, в частности, Китая, КНДР, отчасти Республики Корея.

В своем проекте поправок в Конституцию в 2012 г. ЛДП предложила пересмотреть несколько пунктов: статус Императора Японии, «пацифистскую» 9 статью, формирование избирательных округов, процедуру внесения поправок в Конституцию, а также внести еще несколько небольших корректировок и добавить некоторые статьи. Главным из всех вышеперечисленных вопросов является пересмотр 9 статьи. Предлагается изменить название статьи с «Отказа от войны» на «Национальную безопасность». Также ЛДП предлагает

четко прописать существование Сил Самообороны Японии, возглавляемых премьер-министром, а также закрепить в статье деятельность Сил Самообороны в рамках миротворческой деятельности мирового сообщества¹⁴.

Существуют разные мнения по вопросу, а необходимо ли прописывать в Конституции существование ССЯ и их деятельность: соответствующие законы уже приняты, Силы Самообороны Японии в соответствии с ними ведут свою деятельность, так что поправки никаких реальных изменений не принесут. На заседании верхней палаты парламента 21 ноября 2017 г. глава оппозиционной Демократической партии Японии Оцука Кохэй отметил, что его партия считает Силы Самообороны конституционными, даже если об этом прямо не говорится в Конституции. Он поинтересовался у Синдзо Абэ, считает ли тот Силы Самообороны неконституционными, и какое влияние на них может оказать внесение пункта об их конституционности, на что премьер-министр ответил, что, по его мнению, существование Сил Самообороны не является нарушением Основного закона Японии (в стране, правда, высказываются сомнения по данному вопросу). При этом С. Абэ еще раз подчеркнул готовность внести изменения в Конституцию, заявив, что было бы безответственным заявлять военнослужащим Сил Самообороны, что их подразделения могут быть неконституционными, и в то же самое время просить их при необходимости ставить свою жизнь под угрозу¹⁵.

Согласно статье 96 Конституции Японии, поправки в нее вносятся с согласия не менее двух третей общего числа членов обеих палат, а затем выносятся на всенародный референдум, где решение принимается большинством голосов¹⁶. Несмотря на то, что Либерально-демократическая партия занимает достаточно прочное положение в парламентской системе Японии, преодолеть барьер в две трети депутатов для нее не является такой уж легкой задачей. В палате представителей правящая коалиция ЛДП и Комэйто смогла обеспечить себе конституционное большинство только на выборах 2017 г. На тот момент число сторонников пересмотра Конституции в палате советников также составляло более двух третей от ее числа. Но на выборах в палату советников 2019 г. правящая коалиция не смогла набрать конституционное большинство и опять оказалась в ситуации, когда о проекте поправок в Конституцию необходимо

договариваться с оппозиционными партиями. Необходимо учесть также то, что союзник ЛДП по коалиции – партия Комэйто – не поддерживает сильные ревизионистские идеи старшего партнера, и существенные ограничения на использование Сил Самообороны за рубежом – результат деятельности именно Комэйто. Лидер Комэйто Ямагути Нацуо не раз отмечал, что вопрос пересмотра Конституции еще не дорос до уровня общественных дебатов, и общество еще недостаточно готово к такому шагу¹⁷.

Другой важной преградой на пути к пересмотру Конституции является общественное мнение, которое в целом настроено против внесения поправок. Эта идея не очень популярна среди населения Японии даже несмотря на то, что согласно опросам общественного мнения, организованных канцелярией кабинета министров, 85,5% японцев считают, что «существует опасность, что Япония окажется в состоянии войны с другим государством»¹⁸. Согласно опросам СМИ, в 2017 г. пересмотр Конституции поддерживало меньше половины населения Японии – 43%, а в необходимости изменения 9 статьи были убеждены всего лишь 25% опрошенных¹⁹. Вполне вероятно, что именно из-за таких низких показателей премьер-министр Абэ и не решился начать процесс внесения поправок в Конституцию в период 2017–2019 гг., когда две трети депутатов были согласны поддерживать поправки. После выборов в палату советников в 2019 г. информационное агентство Киодо цусин провело опрос, который показал, что 56% опрошенных выступают против намерения Абэ изменить Конституцию, а поддерживают его стремление только 32,2%. При этом 29,8% респондентов позитивно отнеслись к тому, что сторонники пересмотра Конституции не смогли набрать большинство в две трети на выборах²⁰.

В попытках заручиться необходимой поддержкой населения правящая коалиция в 2014 г. приняла доработанный вариант Закона о референдуме 2007 г., в рамках которого, в частности, был снижен возрастной ценз для участия в голосовании – с 20 до 18 лет²¹. Сторонники пересмотра Конституции рассчитывали, что это приведет к появлению примерно 24 миллионов новых избирателей, отличающихся от старшего поколения менее консервативными взглядами. Однако, надо отметить, молодое поколение отличается от старшего гораздо меньшей политической активностью, что, к примеру,

наглядно продемонстрировали выборы в Палату советников 2016 г. По данным агентства Киодо, итоговая явка составила 54,7%, что примерно только на 2% больше по сравнению с предыдущими выборами в верхнюю палату в 2013 г. Таким образом, можно сделать вывод, что новые молодые избиратели не оказали значительного влияния на рост явки.

Премьер-министр Абэ в мае 2017 г. пообещал изменить Конституцию к 2020 г., однако значительных продвижений на этом пути к весне 2020 г. он так и не добился. Из-за масштабного распространения инфекции COVID-19 в 2020 г., вряд ли у ЛДП будет возможность договориться с оппозицией о проекте поправок к Конституции, не говоря уже о проведении всенародного референдума.

Таким образом, на пути к легитимации Сил Самообороны Японии стоит еще много проблем, и на данный момент перспективы превращения ССЯ в официальную армию не просматриваются. Сложившаяся политическая ситуация вполне может отодвинуть легитимацию Сил Самообороны Японии путем пересмотра Конституции на неопределенный срок.

¹ Hunter-Chester D. Creating Japan's Ground Self-Defense Force, 1945–2015: a sword well made. Lanham: Lexington Books, 2016. P. 78.

² Павлятенко В.Н. Обзор некоторых аспектов стратегии национальной безопасности администрации С. Абэ // Япония наших дней. № 4(22). М.: ИДВ РАН, 2015. С. 9–10.

³ Address by Prime Minister Shinzo Abe at the Sixty-Eighth Session of the General Assembly of the United Nations (2013). September 26. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201309/26generaldebate_e.html

⁴ NATIONAL DEFENSE PROGRAM GUIDELINES for FY 2014 and beyond. December 17, 2013. URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/documents/2013/_icsFiles/afieldfile/2014/02/03/NDPG.pdf

⁵ ВМС Японии начинает борьбу с пиратами. URL: <https://www.unian.net/economics/other/200276-vms-yaponii-nachinaet-borbu-s-piratami.html>

⁶ «Закон о Силах Самообороны» Японии (в переводе Ковалева С. И.) // Силы Самообороны Японии: информационно-справочное издание. М.: Международные отношения, 2015.

⁷ Berkofsky A. Japanese Security and Defense Policies, Trends, Threat Perceptions and Prospects. Institute for Security and Development Policy, 2011. P. 71–72.

⁸ Finland to participate in the NATO Crisis Management Exercise 2015 03.03.2015. URL: https://finlandabroad.fi/web/pak/foreign-ministry-s-press-releases/-/asset_publisher/kyak4Ry9kbQ0/content/suomi-osallistuu-naton-cmx15-kriisinhallintaharjoitukseen/35732

⁹ Кайдзигозейкан-га тю:то:-э «Иппанка» ситэ-ва наранай (Эсминец морских Сил Самообороны Японии отправляется на Ближний Восток. Это не должно стать для Японии обычным делом) 02.02.2020. URL: <https://mainichi.jp/articles/20200202/ddm/005/070/038000c>

¹⁰ SIPRI Military Expenditure Database. Data for all countries 1949–2018 (excel spreadsheet). URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Milex-data-1949-2018_0.xlsx

¹¹ Japan – Defense Budget. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/japan/budget.htm>

¹² Стрельцов Д. В. Япония: новая политика национальной безопасности. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-novaya-politika-natsionalnoy-bezopasnosti>

¹³ Нихонкоку кэмпо: кайсэй со:ан (Проект поправок в Конституцию Японии). URL: https://jimin.jp-east-2.storage.api.nifcloud.com/pdf/news/policy/130250_1.pdf

¹⁴ Там же.

¹⁵ Abe says SDF's role, authority would not change even if Constitution revised. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20171122/p2a/00m/0na/009000c>

¹⁶ Ниппон-коку кэмпо: (Конституция Японии). URL: <https://www.aozora.gr.jp/cards/001528/files/474.html>

¹⁷ Плаксин А. Д. Влияние вопроса пересмотра Конституции Японии на внутреннюю политику премьер-министра Синдзо Абэ в 2016 г. // Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXXI. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 39.

¹⁸ Ерон те:са.(Опросы общественного мнения). Канцелярия кабинета министров Японии. 12.03.2018. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h29/h29-bouei/index.html>

¹⁹ Горячева Е. А., Кожевников В. В. О пересмотре Конституции Японии // Россия и АТР. 2018. № 1(99). С. 136–137.

²⁰ Poll shows 56% of Japanese oppose amending Constitution under Abe government. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/07/24/national/politics-diplomacy/56-japanese-oppose-amending-constitution-abe-government-poll-shows/#.XpyrepZR1QJ>

²¹ Парламент Японии принял закон о референдуме для изменения Конституции. URL: <https://ria.ru/20140509/1007119021.html>

Усилия Японии по созданию «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-307-316

Аннотация: Баланс сил в мире резко изменился. Япония стремится восстановить свое политическое и экономическое влияние в Юго-Восточной Азии и выстраивает новые стратегические партнерские отношения с такими азиатскими державами как Индия и Вьетнам. Япония намерена укреплять сотрудничество при тесной координации с партнерами в целях дальнейшей реализации инициатив по созданию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона. Кроме того, опираясь на Японо-американский альянс как на краеугольный камень, Япония будет продолжать играть ведущую роль в обеспечении регионального мира и процветания, содействуя созданию сетей союзников и дружественных государств, в том числе, заключая соглашения со странами, разделяющими общие стратегические интересы.

Ключевые слова: «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион», Японо-американский союз, Американо-китайское соперничество.

Mileev D.A.

Japan's efforts toward a "Free and Open Indo-Pacific"

Abstract: The balance of power in the world has changed dramatically. Japan seeking to regain its political and economic influence in Southeast Asia and building new strategic partnerships with Asian powers like India and Vietnam. Japan intends to strengthen cooperation while coordinating closely with partners, in order to further implement initiatives for realizing a free and open Indo-Pacific. Furthermore, with the Japan-U.S. Alliance as the cornerstone, Japan will continue to play a leading role in regional peace and prosperity by promoting the networking of allies and friendly nations, including frameworks with countries sharing common strategic interests.

Keywords: "Free and Open Indo-Pacific", Japan-U.S. Alliance, *The U.S.-Chinese rivalry*.

Современная система международных отношений претерпевает динамичные изменения перед лицом многочисленных вызовов, с которыми сталкивается мир. Стабильность биполярной системы после распада СССР была нарушена. Однако в девяностых годах XX века Вашингтон сумел консолидировать союзников, преодолев их лидерские амбиции, и предстал в роли единственного полюса мира, способного определять правила игры и ретранслировать свое видение пути развития планеты. Международным акторам, которые были не согласны со сложившимся положением, грозила участь быть определенными в «государства-изгои» с печальным будущим. В первое время монополярный мир представлялся как вероятная структура организации международных отношений на длительную перспективу. Американские союзники были готовы разделить бремя ответственности и поддерживать усилия Вашингтона по созданию нового мирового порядка. Продвигаемая американской администрацией по всему миру либеральная повестка дня требовала затраты больших политических, экономических, военных ресурсов для ее закрепления в регионах, отличных по мировоззрению от стран Запада. Накапливаемое неприятие американской политики, переходящее в противодействие и открытое сопротивление, вело к перенапряжению гегемонистских усилий Вашингтона. Увязание американских вооруженных сил в конфликтах на Ближнем и Среднем Востоке, экономический кризис 2008 г., стабильно ухудшающиеся отношения с РФ, невозможность решить комплекс проблем на Корейском полуострове и становящаяся все более очевидной мощь КНР свидетельствовали о необходимости изменении политического курса по обеспечению доминирующей роли Соединенных Штатов. Ранее признаваемый безусловный глобальный лидер, США, вынужден отстаивать свою позицию в конкурентной борьбе с претендентами на его место. Обострение соперничества с КНР повысило для США значение японо-американского союза, который необходим для сохранения прежнего баланса сил в Северо-Восточной Азии. Токио неизменно декларирует краеугольный характер союза с Вашингтоном в японской внешней политике. На протяжении десятилетий Япония, опираясь на преимущества ее тесных связей с США, добивалась успешного развития экономики и обеспечивала собственную безопасность (на территории японских островов дислоцированы десятки тысяч американских военнослужа-

щих, расположены базы ВМС, ВВС и Корпуса морской пехоты). Современный геополитический расклад на Дальнем Востоке является предметом глубокой обеспокоенности Токио. Взаимодействие США и КНР, начавшееся с конца 70-х гг. XX века, позволило обеспечить преимущественные позиции в военно-политическом противостоянии с СССР, полноценное вовлечение в международное разделение труда, а также открыть возможности для экономического проникновения в Китай. От этого процесса в значительной мере выиграла Япония, получившая заметные позиции в экономике Китая. Власти КНР смогли использовать предоставленную возможность для развития страны, превратив современный Китай в претендента на лидирующую роль в мире. Для Японии эта ситуация, учитывая накопленные нерешенные проблемы в японо-китайских отношениях, несет определенную угрозу. Поэтому не вызывает удивления заинтересованность Токио в подтверждении со стороны американской администрации ранее принятых обязательств по защите японской территории от посягательств третьей стороны. Этот вопрос приобрел особую актуальность в период нахождения у власти президента Д. Трампа, который обуславливал американскую защиту необходимостью внесения более действенного вклада со стороны союзников. Выдвижение американской администрацией на первый план к 2018 г. концепции построения «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» стало конкретизацией предвыборных обещаний президента Д. Трампа по активизации усилий по сдерживанию КНР¹. Для Японии предложенный подход явился важным знаком сопряжения усилий союзников в отношении КНР. Дело в том, что в основе концепции изначально лежат идеи, разработанные японской дипломатией. В период нахождения у власти первого кабинета премьер-министра Синдзо Абэ впервые были обозначены преимущества подобного подхода. 22 августа 2007 г. премьер-министр С. Абэ в парламенте Республики Индия выступил с речью, озаглавленной как «Слияние двух морей». В частности, С. Абэ сказал, что «Тихий и Индийский океаны сейчас динамично соединяются как моря свободы и процветания... Япония и Индия в последнее время пришли к намерению сформировать "стратегическое Глобальное партнерство", в рамках которого обе страны будут расширять и укреплять свои отношения. Если Япония и Индия объединятся таким образом, то эта "расширенная Азия" превратится в огром-

ную сеть, охватывающую весь Тихий океан и включающую США и Австралию. Открытая и транспарентная, эта сеть позволит людям, товарам, капиталу и знаниям свободно течь»². Это предложение должно было дополнять концепцию создания «дуги свободы и процветания» в Евразии одного из столпов японской дипломатии, разработанных в тот период. Все эти предложения отражали усилия Японии по стимуляции процесса глобализации в соответствии с генеральной линией американской внешней политики, причем с позиции либеральной парадигмы международных отношений. Отставка С. Абэ с поста премьер-министра (12 сентября 2007 г.), начавшийся всемирный финансово-экономический кризис 2008 г., а затем поражение на выборах ЛДПЯ помешали реализации озвученных планов. 26 декабря 2012 г. после досрочных выборов Синдзо Абэ был повторно утвержден в должности премьер-министра Японии. Новый кабинет под руководством С. Абэ начал проводить более активную внешнюю политику, которая должна была среди прочего стимулировать усилия в рамках «Абэномики», нового экономического курса по выводу Японии из затяжной рецессии. Традиционно японская внешнеторговая экспансия опирается на всеобъемлющую поддержку японской дипломатии, именно эта связка являлась драйвером экономического развития Японии, превратившим ее в одного из лидеров развитого мира. Островная страна, бедная природными ресурсами, в экономической сфере чрезвычайно зависима от внешнеэкономических связей и надежных морских маршрутов. Обеспечение свободы мореплавания, безопасности морских путей, бесперебойности доставки грузов – жизненно важные вопросы японских национальных интересов. Правительство С. Абэ подготовило ряд законов в сфере внешней и оборонной политики, направленных на расширение возможностей японского государства по обеспечению интересов на международной арене в рамках так называемого «активного пацифизма». В 2013 г. был создан Совет национальной безопасности, была принята первая в истории страны Стратегия национальной безопасности, в которой отмечена цель Японии «еще более активно вносить свой вклад в дело мира и процветания мирового сообщества»³. Все эти шаги должны были обеспечить более активную роль Японии в мире. Во второй раз возрожденная концепция о «свободной и открытой Индо-Тихоокеанской стратегии» была выдвинута в 2016 г. на открытии шестой Токийской

Международной конференции по развитию Африки во время визита в Найроби. Премьер-министр С. Абэ амбициозно заявил, что «Япония несет ответственность за содействие в объединении Тихого и Индийского океанов, Азии и Африки в то место, которое ценит свободу, верховенство закона и рыночную экономику свободную от силы или принуждения и делает ее процветающей... Я хотел бы, чтобы возникшая в результате этого уверенность в себе и чувство ответственности охватили всю Африку вместе с нежными ветрами, которые дуют здесь»⁴. За этим заявлением стояла четкая стратегия. Рассматривая Азию и Африку и Тихий и Индийский океаны как единый регион, Япония намерена была открыть новые рубежи японской дипломатии. Япония заявляла стремление улучшить «связанность» Азии, Ближнего Востока и Африки. В частности, Япония собиралась расширять развитие инфраструктуры, торговли и инвестиций, а также улучшать деловую среду и развитие человеческого потенциала от Восточной Азии в качестве отправной точки до Ближнего Востока и Африки. Для реализации этой стратегии Япония намерена и далее укреплять свое стратегическое сотрудничество с такими странами как Индия, имеющая исторические связи с Восточной Африкой, а также с США и Австралией, с которыми она имеет союзы⁵.

Конечно, японское предложение является очевидной альтернативой провозглашенной в 2015 г. китайской инициативе «Один пояс и один путь», играющей ключевую роль во внешней политике КНР по отношению к соседним странам в осуществлении ее цели о возрождении китайской нации. Проект «Морской Шелковый путь XXI века» – составная часть инициативы «Один пояс и один путь» практически полностью совпадает с сердцевиной «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Обе инициативы создания глобального интегрированного региона призваны обеспечить большую логистическую связанность рынков, способствовать развитию экономики, инфраструктуры вовлеченных акторов.

Политика Токио заключалась в поиске своего пути по наращиванию международного влияния с опорой на союз с США на фоне процесса глобализации, который заметно искажал существующие веками параметры мощи держав, вторгаясь в области, ранее защищенные идеей суверенитета. В сочетании с подписанным 4 февраля 2016 года соглашением о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП),

которое носило антикитайский характер, выстраивалась схема обеспечения интересов Японии в системе инициатив, поддерживающих и усиливающих участников в Индо-Тихоокеанском регионе. Однако приход к власти президента Д. Трампа сломал прежний политический курс союзников. Одним из первых действий на международной арене новой американской администрации стал выход из ТТП, что нанесло сильный удар по Японии. Правительству С. Абэ пришлось приложить значительные усилия для спасения ТТП. Япония взяла на себя инициативу по продолжению переговорного процесса, который окончился подписанием соглашения о «Всеобъемлющем и прогрессивном транстихоокеанском партнерстве» в 2018 г. Отсутствие среди участников США значительно снизило роль нового соглашения. К этому моменту администрация президента Д. Трампа позаимствовала концепцию построения «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», насытив ее открытым антикитайским содержанием. В американских доктринальных документах Вашингтон открыто называет КНР и РФ «ревизионистскими государствами», стремящимися к слому «либерального миропорядка». Оценка японо-американского союза президентом Д. Трампом, во многом благодаря интенсивным действиям со стороны кабинета С. Абэ, изменилась с первоначальной негативной на признание за Токио позиции ближайшего, верного союзника. В этих условиях японская дипломатия продолжает развивать идею «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», насыщая ее практическим содержанием. В соответствии с подходом японского внешнеполитического ведомства, целью формирования нового геополитического региона является установление международного порядка, основанного на верховенстве права, достигнутого путем всеобъемлющих усилий по продвижению и укреплению основополагающих принципов экономического процветания на основе взаимосвязанности и приверженности делу мира и стабильности. Именно международный порядок обеспечивает постоянную стабильность и процветание для широкого круга стран; он не должен достигаться силой или принуждением. Международное сообщество должно поддерживать и укреплять верховенство права для обеспечения такого порядка. Необходимо также выработать новые правила, отвечающие вызовам меняющегося мира и возникающим потребностям, учитывая про-

исходящий сдвиг в глобальном балансе сил. Объединение в единый регион Тихого и Индийского океанов является двигателем экономического развития, обеспечивающим рост всего мира. Международное сообщество в целом выиграет от поддержания и укрепления основанного на правилах порядка в Индо-Тихоокеанском регионе. Концепция ИТР не предполагает ни создания нового института, ни конкуренции с существующими институтами. Япония сотрудничает с широким кругом партнеров, которые разделяют видение ИТР, ни одна страна не исключена для партнерства⁶.

Таким образом, предполагается развивать свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион как «международное общественное благо» путем, основанным на правилах международного порядка, придавая большое значение центральной роли и единству АСЕАН, с тем чтобы обеспечить стабильность и процветание для каждой страны и для региона в целом. Япония будет сотрудничать с любой страной, которая поддержит эту идею.

Японская внешняя политика в этом вопросе опирается на три столпа: 1) поощрение и установление верховенства права, свободы судоходства, свободной торговли; 2) стремление к экономическому процветанию (улучшение взаимосвязанности и укрепление экономического партнерства, включая соглашения о свободной торговле и инвестиционные договоры, развитие качественной инфраструктуры, такой как порты, железные и автомобильные дороги, энергетика, облегчение таможенных процедур и улучшение деловой среды); 3) приверженность к миру и стабильности (помощь в наращивании потенциала странам Индо-Тихоокеанского региона, укрепление потенциала правоохранительных органов на море и повышение осведомленности в морской области, гуманитарная помощь и помощь в случае стихийных бедствий, борьба с пиратством, борьба с терроризмом и сохранение режима нераспространения)⁷.

Если проанализировать эти три столпа японской политики, то можно сделать ряд выводов. Первый принцип верховенства права, свободы судоходства, свободной торговли направлен на поддержание оппонентов КНР, оспаривающих претензии Пекина в Южно-Китайском море. Помимо этого, он усиливает позицию Токио в отстаивании прав на острова Сэнкаку и обеспечивает беспрепятственную морскую торговлю Японии с Европой, Ближним и Средним Востоком,

Африкой. Без свободы мореплавания в этом регионе Страна восходящего солнца экономически нежизнеспособна. Второй столп в качестве точек приложения усилий предполагает реализацию проектов по улучшению «связности» регионов в АСЕАН, создание экономического коридора Восток – Запад, экономического коридора Север – Юг, в Юго-Западной Азии – проект по улучшению Северо-Восточной связи в Индии и Бенгальском Заливе, создание зоны роста из Юго-Восточной Азии в Юго-Восточную Африку через Ближний Восток. На практике реализуются строительство международного порта во Вьетнаме, реконструкция камбоджийской национальной дороги № 1, модернизация железной дороги Янгон – Мандалай, развитие промышленного коридора Дели – Мумбаи, пояс промышленного роста Бенгальского залива, строительство высокоскоростной железной дороги Мумбаи – Ахмедабад, строительство многочисленных портов в Индийском и Тихом океане и других масштабных проектов. Открывающиеся перспективы для роста японской экономики от реализации задуманных шагов внушают оптимизм. Участие японских фирм позволит сохранить и расширить присутствие на рынках с высоким потенциалом роста. Последний столп японской внешней политики – приверженность к миру и стабильности является развитием долгоиграющего тренда по превращению страны в «нормальное государство», то есть снятия ограничений на использование военной силы в международных делах. Премьер-министр С. Абэ на протяжении многих лет проводит курс на пересмотр пацифистской статьи конституции. Возможность еще раз расширить границы приемлемого применения Сил Самообороны Японии под предлогом обеспечения мира и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе позволяет приблизиться к поставленной цели.

Важнейшим направлением по поддержанию и продвижению свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона является японо-американское сотрудничество. В ходе встречи на высшем уровне в мае 2019 года, когда президент Трамп посетил Японию, стороны договорились о взаимодействии в энергетической, цифровой и инфраструктурной сферах по продвижению «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». В энергетической сфере был согласован целевой показатель японского правительства в размере 10 миллиардов долларов на государственные и частные инвести-

ции и подготовку кадров по наращиванию потенциала во Вьетнаме и Индонезии с инициативой Соединенных Штатов по стимулированию развития и роста в Азии. Был подписан меморандум о взаимопонимании между Японским банком международного сотрудничества и зарубежными частными инвестициями Соединенных Штатов. В цифровой сфере – проект волоконно-оптической подводной кабельной системы Япония – Гуам – Австралия. В сфере инфраструктуры – внедрение «принципов качества инфраструктурных инвестиций», разработанных на саммите G20 в Осаке в 2019 году⁸.

Выступая в парламенте в январе 2020 г., С. Абэ так охарактеризовал политику кабинета в ИТР: «Опираясь на прочный фундамент японо-американского альянса, мы будем стремиться создать “свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион”, работая вместе со странами, с которыми мы разделяем фундаментальные ценности, такими как европейские страны, Индия, Австралия и страны – члены АСЕАН»⁹.

2020 год из-за разразившейся эпидемии COVID-19, охватившей весь мир, оказался сложным для планомерной реализации многосторонних инициатив. В мире усилились тенденции на регионализацию, протекционизм, обострилось соперничество великих держав. В сентябре 2020 г. С. Абэ ушел с поста премьер-министра Японии. Новым главой кабинета был избран опытный японский политик Есихидэ Суга.

Выступая перед парламентариями, премьер-министр Е. Суга изложил свое видение основных принципов внешней политики его кабинета в отношении Индо-Тихоокеанского региона: «Японо-американский альянс является стержнем внешней политики и безопасности Японии, а также формирует основу свободы, мира и процветания в Индо-Тихоокеанском регионе и международном сообществе. Я намерен в ближайшее время встретиться с избранным президентом Байденом для дальнейшего укрепления солидарности между Японией и Соединенными Штатами.

Установление свободного и открытого порядка, основанного на верховенстве права, чрезвычайно важно в Индо-Тихоокеанском регионе, который является центром динамизма мира. Углубляя сотрудничество с Соединенными Штатами, АСЕАН, Австралией, Индией и Европой, мы будем работать вместе с большим количеством стран и регионов для достижения “свободного и открытого

Индо-Тихоокеанского региона"»¹⁰. Преемственность в осуществлении внешней политики – традиционная черта японской политической элиты. Однако утраченная стабильность в мировой системе и поиск нового баланса сил между ведущими акторами потребуют от Японии более активной и независимой политики. Американские политологи А. Кули и Д. Нексон, характеризуя современное положение США в международных отношениях, делают вывод, что «однополярный момент прошел, и он точно больше не вернется»¹¹. Для Токио это означает необходимость эффективного использования всех доступных инструментов, обеспечивающих достойное положение Японии на мировой арене. Возможности, заложенные в концепции построения «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», за счет более гибкого и менее антагонистичного Китаю подхода открывают перед японской дипломатией притягательные перспективы.

¹ Pompeo M. R. Remarks on "America's Indo-Pacific Economic Vision". U.S. State Department. 30.07.2018. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/07/284722.html>

² "Confluence of the Two Seas". Speech by H. E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-pacific/pmv0708/speech-2.html>

³ Кокка андзэн хосе сэнрюку – Хэйсэй 25-нэн 12-цуки 17-нити кокка андзэн хосе кайги, какуги кэттэй (Стратегия национальной безопасности – утверждена Советом национальной безопасности 17 декабря 2013 г.). URL: <http://www.cas.go.jp/jp/...13127ansenhoshou.html>

⁴ Diplomatic Bluebook 2017. Japanese Diplomacy and International Situation in 2016. Ministry of Foreign Affairs, Japan. P. 26.

⁵ Diplomatic Bluebook 2017. Japanese Diplomacy and International Situation in 2016. Ministry of Foreign Affairs, Japan. P. 27.

⁶ Japan's effort for a "Free and Open Indo-Pacific". Ministry of Foreign Affairs, Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf>

⁷ Free and Open Indo-Pacific. Ministry of Foreign Affairs, Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000430632.pdf>

⁸ Japan's effort for a "Free and Open Indo-Pacific". URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf>

⁹ Программная речь премьер-министра Суга на 201-й сессии парламента Японии. URL: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/202001/_00004.html

¹⁰ Программная речь премьер-министра Суга на 204-й сессии парламента Японии. URL: https://japan.kantei.go.jp/99_suga/statement/202101/_00013.html

¹¹ Александр Кули и Дэниел Нексон. Как заканчивается гегемония // Россия в глобальной политике. № 5. 2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-zakanchivaetsya-gegemoniya/>

Общее в политике России и КНДР на Корейском полуострове в контексте новой стратегии США в регионе

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-317-324

Аннотация: В статье автор рассматривает предпосылки возможного формирования коалиции государств вокруг Корейского полуострова с целью нейтрализации вероятных последствий ужесточения политики новой администрации США в отношении КНДР после избрания президентом демократа Джо Байдена. Россия и КНДР заинтересованы в нормализации ситуации на полуострове и, прежде всего, в частичной или полной отмене санкций Совета Безопасности ООН. Очевидно, что это не входит в планы демократов, и дальнейшее ужесточение давления на Пхеньян может вызвать новый виток напряженности в регионе.

Ключевые слова: Корейский полуостров, КНДР, Россия, Корейский вопрос, США-КНДР, безопасность АТР.

Kazaryan R.L.

Common issues in the policy of Russia and the DPRK on the Korean peninsula in the context of a new U.S. strategy in the region

Abstract: In the article, the author examines the prerequisites for the possible formation of a coalition of states around the Korean Peninsula in order to neutralize the possible consequences of the tightening of the policy of the new US administration towards the DPRK after the election of Democrat Joe Biden as president. Russia and the DPRK are interested in normalizing the situation on the peninsula and, above all, in partial or complete lifting of UN Security Council sanctions. Obviously, this is not part of the plans of the Democrats, and the further tightening of pressure on Pyongyang may cause a new round of tension in the region.

Keywords: the Korean Peninsula, North Korea, Russia, the Korean question, USA-DPRK, security of the Asia-Pacific region.

2020 год определенно войдет в историю как время больших потрясений. Уже сегодня очевидно, что последствия эпидемии Covid-19 будут долгосрочными, потому что в результате пандемии и ее последствий серьезным образом усугубились копившиеся годами противоречия в экономиках как отдельных стран, так и в мировой экономической системе в целом, в отношениях ряда крупных государств, и так далее. По мнению экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), суммарный ущерб мировой экономике из-за распространения коронавируса составит к концу 2021 г. \$7 трлн при том, что на момент начала 2021 г. в целом пандемия еще не преодолена¹.

Одним из ключевых событий конца ушедшего 2020 г., безусловно, явились выборы президента США, от исхода которых зависело, останется ли республиканец Дональд Трамп у власти еще на 4 года. Выступавший соперником Трампа на выборах демократ Джо Байден неоднократно высказывался о пересмотре целого ряда внешнеполитических решений в случае своей победы. Так, например, заявлялось о возвращении США к Парижскому климатическому соглашению, к сотрудничеству с Всемирной Организацией Здравоохранения, предполагалось заморозить указы, изданные Трампом в последние дни нахождения у власти и т. д.²

Предполагалось также пересмотреть и восточноазиатскую стратегию США в целом и политику на Корейском полуострове в частности. Безусловно, важнейшей составляющей этой стратегии будет курс новой администрации Белого Дома в отношении Китая. И, конечно же, одним из краеугольных камней новой внешнеполитической концепции Вашингтона будет политика в отношении КНДР и ее ракетно-ядерной программы.

Задолго до выборов Джо Байден позволил себе довольно резкие высказывания в адрес руководителя КНДР – Ким Чен Ына, что на фоне дружеских и доверительных отношений между последним и Дональдом Трампом выглядело как намек на нежелание установления личных контактов и ужесточение курса в отношении Пхеньяна³. В целом, следует отметить, что Байден неоднократно выступал с критическими заявлениями в адрес политики, проводимой администрацией Дональда Трампа в отношении Северной Кореи. С похожими заявлениями выступал и Энтони Блинкен, который будет государственным секретарём в администрации Байдена⁴.

Также и пресс-секретарь Белого дома Джен Псаки заявляла, что американская администрация во главе с президентом США Джо Байденом планирует подготовить новую стратегию отношений с Северной Кореей. По ее словам, у США есть ключевая заинтересованность в сдерживании КНДР. «Мы примем новую стратегию, чтобы обеспечивать безопасность американского народа и союзников», – цитирует ее ТАСС⁵.

В целом, для специалистов и наблюдателей не удивительно, что американская политика на Корейском полуострове скорее всего претерпит существенные изменения в сторону ужесточения. Однако пока мы имеем дело лишь с внешнеполитическими заявлениями, но не видим практических шагов по их реализации. Собственно говоря, судя по общемировой обстановке, еще рано предпринимать какие-либо шаги в этом направлении тем более, что за последние три года после кризиса 2017 г. ситуация в регионе в значительной степени стабилизировалась.

С другой стороны, вряд ли у кого-то есть сомнения в том, что предпринятая в конце прошлого и самом начале нынешнего года демонстрация Пхеньяном своих новых разработок в области ракетно-ядерного оружия не останется незамеченной, и новая администрация Белого Дома уже обратила на это внимание. Речь в данном случае идет о новинках вооружений, продемонстрированных в КНДР во время парадов в честь 75-летия Трудовой Партии Кореи в октябре 2020 г. и по случаю окончания VIII съезда Трудовой партии Кореи (ТПК) 14 января 2021 года⁶.

Также очевидно и то, что, несмотря на известную эксцентричность Дональда Трампа и его порой неожиданные шаги, между лидерами КНДР и США были в целом доверительные личные отношения, и совершенно не исключалась вероятность возобновления переговоров, в том числе и на высшем уровне. В случае с Джо Байденом на это рассчитывать не приходится, и в лучшем случае стоит ожидать продолжения «политики стратегического терпения» Барака Обамы, а в худшем – ужесточения экономических санкций и политико-дипломатического давления на Пхеньян.

Все это ставит и Россию перед необходимостью определенной корректировки внешнеполитической тактики на Корейском направлении. Вряд ли повторение кризиса 2016–2017 гг., когда ситуация на полуострове могла окончиться полномасштабной войной, было бы в интересах Москвы. Учитывая непростую обстановку в регионе,

представляется, что для выработки политики предотвращения возможной эскалации России необходимо работать совместно со своими партнерами, прежде всего с Китаем и, конечно же, непосредственно с Пхеньяном. Учитывая тот факт, что Вашингтон в политике давления на КНДР традиционно опирается на своих союзников в регионе – Японию и Южную Корею – представляется, что для нейтрализации этого давления одних лишь внешнеполитических усилий РФ будет недостаточно, противодействовать вероятному обострению ситуации необходимо коллективными усилиями. Надо отметить, что определенный прогресс в выработке общей стратегии с Пекином у Москвы уже имеется: в разгар кризиса 2017 г. Россия и Китай выступили с совместными инициативами по поэтапному урегулированию (см. ниже). Тем не менее этого явно недостаточно, ввиду вероятной новой политики США в регионе.

Важным обстоятельством будет и то, какую позицию Москва займет в отношении все более обостряющегося американско-китайского противостояния, что, в свою очередь, также зависит от того, как при новой администрации США будет складываться американско-российское сотрудничество в целом.

Также представляется, что при выработке новой линии на Корейском направлении или при корректировке существующей, следует исходить из того, что напряженность на Корейском полуострове вообще является прямым следствием нерешенности Корейского вопроса, то есть раскола единого государства на два. Этот вопрос возник как прямое следствие международной конфронтации двух противоборствующих политико-идеологических и социально-экономических систем: социалистической и капиталистической. В результате сегодня здесь до сих пор существуют два государства с противоположными общественно-политическими и социально-экономическими укладами. И если во времена холодной войны вопрос объединения Кореи был осложнен политико-идеологической составляющей, так как каждая из сторон предполагала объединение под своей эгидой и со своим социально-экономическим укладом, то сегодня, когда блокового противостояния уже нет, вопрос стоит иначе. Тем не менее сегодня мы видим, что все вопросы, касающиеся межкорейского урегулирования и Корейского вопроса в целом, не могут быть решены без участия ряда ключевых стран региона.

При этом реализация необходимых для этого международных усилий также осложнена противоречиями в интересах этих стран, а принимая во внимание общности интересов некоторых государств в регионе, мы снова видим потенциал для формирования некоего подобия нового блокового противостояния. Россия сегодня заинтересована в общем разрешении Корейского вопроса, что прямо отражено и в ее внешнеполитической концепции и зафиксировано в ряде положений официальных документов. Однако понимая непростую ситуацию и долгосрочность вероятных путей реализации любого из сценариев решения Корейского вопроса, Москва готова поступательно двигаться в этом направлении совместными международными усилиями. Такой подход был вполне отражен в Совместном заявлении министерств иностранных дел России и Китая от 4 июля 2017 г., в котором изложено основное содержание «дорожной карты» корейского урегулирования, основанной на соответствующих российских и китайских инициативах⁷.

Несмотря на то, что и до введения жестких санкций против КНДР, объем торговли между ней и Российской Федерацией составлял лишь \$228 млн, Москва неоднократно заявляла о своей готовности поддерживать и участвовать в любом формате экономического сотрудничества на полуострове, будь то межкорейские проекты, трех- или четырехсторонние⁸.

Положение о том, что политическая стабильность может быть достигнута путем налаживания экономического взаимодействия, было даже зафиксировано в предпоследней версии внешнеполитической концепции РФ. Тем не менее ввиду сложной обстановки на полуострове, а также санкций Совбеза ООН, в полной мере этот тезис не находит отражение в российской политике на Корейском полуострове. В пункте 84 «Концепции внешней политики Российской Федерации» от 2013 г. политическое и экономическое взаимодействие между КНДР и РК обозначалось, как важнейшее условие поддержания мира, стабильности и безопасности в регионе⁹.

Очевидно, что и Северная Корея крайне заинтересована в развитии всестороннего экономического взаимодействия и с точки зрения собственной внутриэкономической повестки, и в целях нормализации обстановки на полуострове. Однако, как уже отмечено выше, сегодня, ввиду жестких санкций Совета безопасности

ООН, торгово-экономическое сотрудничество с КНДР практически исключено.

Несмотря на то, что в течении многих лет Россия последовательно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова, осуждает ракетно-ядерные испытания КНДР и нарушение режима нераспространения ядерного оружия, а также присоединяется к международным санкциям, в целом, судя по заявлениям российских официальных лиц, Кремль не воспринимает ОМУ Пхеньяна, как угрозу миру и стабильности в регионе¹⁰. Для Москвы развитие ракетно-ядерного потенциала Северной Кореи – это именно оборонная стратегия, направленная на сдерживание, прежде всего, военного давления, оказываемого на КНДР США и их союзниками.

Большую опасность для региона Москва видит в продолжении санкционного и политико-дипломатического давления на Пхеньян, в отказе от попыток политического урегулирования американо-северокорейских противоречий и в продолжении провокационных действий с обеих сторон. В размещенном на официальном интернет-сайте МИД РФ документе, который называется «Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове», говорится: «...Россия неизменно исходит из того, что санкции СБ ООН должны носить сугубо адресный характер и не вести к дальнейшей изоляции КНДР, вплоть до полной торгово-экономической блокады, что чревато масштабной гуманитарной катастрофой на Севере Корейского полуострова...¹¹».

План, предложенный Москвой и Пекином в июле 2017 г. (Совместное заявление министерств иностранных дел России и Китая от 4 июля 2017 г.), предполагал мораторий на ракетные пуски и ядерные испытания Пхеньяна и отказ Вашингтона от проведения крупномасштабных военных учений вблизи границ КНДР. Следует заметить, что с конца 2017 г. Ким Чен Ын строго придерживался этой концепции, а оттепель в американо-северокорейских отношениях 2018–2019 гг. и мировая пандемия COVID-19 в 2020 году способствовали отказу США и Южной Кореи от проведения масштабных учений. Однако же, несмотря на предпринимаемые Москвой усилия, это не привело к смягчению санкционного режима против КНДР, что, безусловно, не отвечает интересам России.

Сейчас экспертное сообщество может судить о будущей политике США в регионе и на Корейском полуострове основываясь

на предварительных заявлениях самого Джо Байдена, а также лиц из его ближайшего окружения. Многое будет зависеть от личности советников по азиатским вопросам, но на момент написания данной работы полноценная команда еще не сформирована. Как уже отмечено выше, исходя из сказанного лично Байденем или представителями его окружения во время предвыборной кампании и в последнее время, есть все основания предполагать, что режим санкционного давления не будет смягчен без каких-либо уступок со стороны северо-корейского руководства, а, судя по заявлениям из Пхеньяна, таковых мы вряд ли дождемся.

Подводя краткий итог, можно заключить, что в интересах Российской Федерации и КНДР продолжать предпринимать дипломатические усилия по частичному снятию санкционного режима и инициации переговорного процесса по урегулированию текущих проблем американо-северокорейских отношений. В зависимости от стратегии новой администрации Белого Дома, и Москва, и Пхеньян будут вносить коррективы в свою политику на полуострове. Дальнейшее давление на КНДР будь то санкции или политико-дипломатические меры – не отвечает интересам Москвы, так как подрывает и без того хрупкую стабильность, которую удалось достичь во многом благодаря инициативам РФ и Китая. Усиление дальнейшего давления со стороны США может подтолкнуть Пекин, Москву и Пхеньян к формированию единой внешнеполитической стратегии, даже несмотря на то, что до сих пор стороны не изъявили такового желания и, скорее, занимают выжидательную позицию.

Важное обстоятельство заключается в том, что сегодня, ввиду дальнейшего углубления американо-китайских противоречий, а также отсутствия какого-либо смягчения санкционного режима в отношении КНДР, несмотря на то, что Пхеньян соблюдает мораторий на ракетные пуски и ядерные испытания – весьма вероятен новый виток напряженности, как это уже неоднократно происходило. И в этом отношении возможное ужесточение американской политики на Корейском полуострове вызывает серьезную озабоченность. В этой связи, на наш взгляд, особая роль может быть сыграна Москвой и Сеулом. И следует заметить, что сегодня в отношениях России и Республики Корея есть импульс к совместным усилиям по предотвращению новой эскалации в регионе.

¹ ОЭСР: ущерб мировой экономике из-за пандемии к концу 2021 года составит \$7 трлн. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9478165>

² Байден отменил указы Трампа о выходе из соглашения по климату и ВОЗ. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/01/2021/60082e5b9a79479e7d79909e>

³ Байден назвал лидера КНДР бандитом. URL: <https://rg.ru/2020/10/23/bajden-nazval-lidera-kndr-banditom.html>

⁴ Ланьков А. Мир Джо Байдена и Корейский полуостров. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mir-dzho-baydena-i-koreyskiy-poluostrov/>

⁵ В Белом доме планируют подготовить новую стратегию отношений с КНДР. URL: <https://russian.rt.com/world/news/824903-belyi-dom-kndr>

⁶ КНДР показала на параде «самое мощное в мире оружие». URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/01/2021/6000da619a79477ff5f988a4>

⁷ Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове. URL: <https://www.mid.ru/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove>

⁸ Россия на Корейском полуострове: с Китаем или сама по себе? URL: <https://carnegie.ru/2020/10/30/ru-pub-83069>

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. Пункт 84. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html>

¹⁰ МИД РФ: Россия не рассматривает ракетно-ядерную программу КНДР как прямую военную угрозу. URL: <https://tass.ru/politika/1590303>

¹¹ Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове. URL: <https://www.mid.ru/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove>

ЮТР: телекоммуникационные возможности и культурные вызовы для нового диалога в транс-региональном пространстве

DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-325-334

Аннотация: Статья посвящена исследованию перспективных возможностей превращения Океании в локус формирующейся универсальной знанцвой культуры, которая станет востребованной в быстро наступающую эпоху ноосферных телекоммуникаций. В ней излагается концепция, представляющая описательную дифференциацию между южно-тихоокеанскими островными и континентальными европейскими когнитивными региональными паттернами, которые сохранили весьма различные мировоззрения. Автор утверждает, что с ослаблением привлекательности триумфального глобализма и продолжающегося роста безудержного потребления станут заметными альтернативные новые измерения «далекого» регионализма и глокализма, в качестве еще не использованного универсального гуманитарного ресурса для достойной и целеустремленной жизни. Регионы Океании (Меланезия, Микронезия и Полинезия) с их самобытным природосообразным образом жизни могут послужить моделью персонализированной высокоточной парадигмы гуманистического поведения и примером «противоядия» от перегруженных противоречиями столичных конгломератов «золотого миллиарда». Разумеется, островитяне не будут размещать у себя богатые мигрантские племена *in situ*, но вполне смогут послужить, достойной для подражания онлайн-моделью для формирования гуманистического образа жизни в новой эпохе телекоммуникаций. В этом проявляется способность человечества быть вовлеченным в продуктивный диалог.

Ключевые слова: ЮТР, Океания, региональная самобытность, коммуникативные практики, постконсумеризм, достойный образ жизни, новые интерактивные сетевые коммуникации.

Nemchinov V.M.

Telecommunication Opportunities and Cultural Challenges to a New Dialogue in South Pacific Transregional Domain

Abstract: The article is devoted to the study of promising opportunities for transforming Oceania into the locus of emerging universal new knowledge culture

that will become acclaimed in the coming noospheric telecommunication era. It outlines descriptive differentiation between South Pacific Islander and continental European cognitive regional patterns that have preserved quite distinct worldviews. The author argues that with waning attractiveness of triumphant globalism and rampant unconstraint consumerism new dimensions of “far away” regionalism and glocalism will acquire prominence as a not yet tapped universal humanitarian resource for a dignified and purposeful living. Regions of Oceania (Melanesia, Micronesia and Polynesia) may act as an antidote to habitual ways of living in congested metropolitan conglomerations of the “golden billion”. Though they shall not house rich migrants’ tribes in situ, they may well serve as a personalized precision life paradigm worthy to emulate online in the new telecommunication epoch. This reflects our general human capacity to get involved in productive dialogues.

Keywords: South Pacific, Oceania, regional specifics, communicative patterns, post consumerism, dignified living, interactive web communications.

Огромный Южно-Тихоокеанский регион нельзя отнести к лидерам мирового общественного внимания по числу медийно-новостных упоминаний. ЮТР на карте мира – это пока то место, чья внешняя политика оказывает малозаметное влияние как на распределение традиционных «силовых линий» мирового противостояния, так и на нынешние турбулентные политические, социальные и экономические процессы, происходящие на евразийском, европейском и евроатлантическом пространстве. Тем не менее сегодня Океания представляет, в силу целого ряда объективных причин, особый интерес для предстоящего изучения и научного программирования возможных путей формирования новых глобальных цифровых структур и паттернов мирового телекоммуникационного взаимодействия. Происходит это в силу новейших и пока малоосознаваемых тектонических сдвигов в том, что до сих пор составляло устойчивый фундамент геополитических, национальных, этноконфессиональных и когнитивных конструкторов, имеющих европоцентричное происхождение и евроатлантическую привязку. Попробуем представить картину грядущих изменений, под другим углом очертить этот привычный круг ветшающих постулатов и присмотреться к тому, что нового может внести в них социокультурная специфика ЮТР.

Первым их таких постулатов является конструктор «примыкающего соседства». Он совершенно по-разному связывает между

собой как континентальные, так и островные океанические страны. В плотно спрессованной европейской картине мира наличие общей сухопутной и морской границы веками накладывало особый субстантивированный отпечаток на формирование, развитие и пределы возможной эволюции исторически сложившихся отношений между соседними странами. В свое время Хельсинский заключительный акт СБСЕ, который подписали руководители всех европейских стран (без Албании), окончательно закрепив итоги Второй мировой войны, исходил из нерушимости этого конструкта (см. пункты 3 и 4 первого раздела акта)¹. Тем самым он юридически признал целостность всех сложившихся послевоенных границ на европейском континенте. Разрушение данного международного консенсуса, а затем и перекройка сложившихся границ, не сопровождалась императивным распространением нейтрального политического статуса на территории, оставшиеся вне одного из двух биполярных военно-политических блоков. Это упущение вызывает теперь в ряде примыкающих друг к другу континентально расположенных стран все более обостряющиеся «войны памяти» и стремление решать свои внутренние проблемы, отвлекая внимание жителей на банальные стереотипы в отношении их внешних соседей.

В этом плане «сетчатая» пространственно распределенная структура границ островных государств и территорий ЮТР делает их свободными от противоречивых наслоений мертвящего исторического сознания. Каждый из островов обладает целостностью собственной пространственной самодостаточности и при этом отдаленным фоном ощущает наличие где-то «большой земли». У островитян отсутствует неосознаваемая региональная узость и историческая «зашоренность» европоцентричной картины мира, которая мнит себя глобальной. Но глобализм, в какие бы западные или восточные одежды культурного наследия (и экспансионизма) он бы ни рядился, отнюдь не тождественен планетарности. В нее не вписываются никакие идеологемы естественности духа наживы, «неизбежности» формационного общественно-исторического прогресса или отдельного «единого пути». Планетарность предполагает преодоление человечеством былых конфронтаций, осмысление причин возникновения новых конфликтов и осознание насущных приоритетов повсеместного природосбережения. Планетарность означает налаживание мак-

симально распределенного, живого интерактивного диалога людей с природным миром и с миром вещей. На этой всеобщей коммуникативной основе будет формироваться другая цивилизация принципиально иного уровня.

Еще пару десятилетий назад такая постановка вопроса просто не могла бы возникнуть, но произошла универсализация мирового телекоммуникационного прорыва и его повсеместное распространение в системах мобильной связи, в «карманном» Интернете, через технологические ретрансляторы ближнего космоса (текстуально это еще звучит как фантастика, но в реальности все это уже укоренилось как привычная бытовая повседневность). Доступная каждому технология мгновенной фиксации любых происходящих с людьми событий, их одномоментное, преодолевающее национальные границы, общение в режиме реального времени незаметно, но быстро изменяет наше отношение к образам окружающего мира, влияет на механизмы внимания, восприятия и понимания. Существовавшие десятилетиями устойчивые западные формы мышления и поведения перестают быть единственно значимыми, действенными и само собой разумеющимися способами действия. В Океании существует иной «темпоральный механизм обмена: время свободного, неограниченного, хотя и ритмизованного “обращения” слов, поступков, даров и т. д.»².

Это означает, что на передний план будут выходить, приниматься и, возможно, широко распространяться совсем иные критерии цивилизованности, целеполагания, принадлежности к привычным для нас формам и способам взаимодействия с окружающим человека географическим, социальным и природным пространствам. Что здесь имеется в виду? То, что, скажем, еще столетие назад не воспринималось человечеством как угрожающая планетарной жизни экологическая проблема – антропогенное разрушение природного разнообразия, изменение климата и атмосферной среды, губительные мировые войны, ядерная зима, парниковый эффект, загрязнение океанических пространств неразлагаемыми отходами пластика, губящего морских обитателей, истощение природных ресурсов и многое другое.

Как ни парадоксально, но специфическая удаленная от обычной, континентальной насыщенной злобы дня культура мировосприятия жителей островов огромных океанических пространств может неожи-

данно стать для многих моделью для подражания, для смены привычного стереотипного отношения к себе, к другим, к окружающей природе и к миру. Трансформация господствующей, антагонистической евроатлантической цивилизационной парадигмы уже четверть века как стоит на повестке дня. И когда критическая масса скрытого недовольства растущей нестабильностью и устоявшимися социокультурными изъянами мирового порядка будет явной, станет желательным и возможным культурный поворот к модели более человеческого общежития. Происходить это будет через уже доступное нам ныне телекоммуникационное пространство, насыщенное киберфизическими системами взаимодействия между людьми. Разумеется, речь идет не о благостно-отрешенном мировосприятии. Удивляет тот объем времени, которое люди сегодня тратят на бесплатную позитивную оценку, ставя свои «лайки» другим пользователям сети, или работая над улучшением Википедии – всемирной онлайн-энциклопедии. Эффективная самоорганизация свободного труда все явственнее формирует альтернативный сегмент бескорыстной экономики. В целом за этими новейшими способами незабюрократизированной трансграничной вольной кооперации видится начало массового распространения логики доброжелательного человеческого сотрудничества³.

Правда мы знаем, что всякое масштабное позитивное технологическое нововведение неизбежно будет иметь и свою теневую антиобщественную сторону. В мире имеется большое число сфер злоупотребления удаленной коммуникацией; существует и активно мимикрирует такое негативное явление как киберпреступность. Но универсальная сетевая прозрачность, внедрение поисковиков и программ искусственного интеллекта резко сужают возможность тайного манипулирования информационными потоками, а индивидуальные микромаркеры беспроводной обратной связи не только распространились по всем производимым человечеством артефактам, но стали также внедряться в элементы дикой и неживой природной сферы. Это значимо не только там, где возникают и существуют латентные угрозы человеческому здоровью и жизни. Не менее важна борьба с антропогенной деградацией биосферы и всей нашей природной среды. Теперь, очевидно, наступает время включать в системы обратной связи и интерактивного регулирования значимые элементы неживой природы, что, наряду с начавшимся «молниеносным» распростране-

нием Интернета вещей, делает бывшие гуманитарные чисто академические сюжеты неожиданно прагматически актуальными⁴.

В этой связи обратимся к ряду интересующих нас различий в удаленных друг от друга региональных картинах мира. Следует отметить, что упомянутый выше континентальный конструкт «при-мыкающего соседства» до самого недавнего времени имел вполне очевидную идеолого-экономическую составляющую, которая предполагала постоянное наблюдение за «соседями» и ревнивое отношение к их достижениям. Камнем преткновения являлась вторая промышленная революция, в ходе которой любое обнаруженное технологическое отставание требовало принятия неотложных мер и выработки соответствующей экономической стратегии. Лучшей из них считалась стратегия догоняющего развития⁵. С развитием третьей промышленной революции стало очевидно, что даже более прогрессивная стратегия опережающего (прыжкового) развития сможет быть освоена только очень немногими крупными континентальными державами. Как в этих условиях может выстраиваться передовая логика развития малых островных государств?

Если обратить внимание на геополитические факторы, действующие в регионе ЮТР, то следует отметить следующее. Важным новым явлением, требующим своего осмысления, является растущий иммунитет островитян к глокализации, которая предполагает слегка адаптированный некритический перенос европоцентричных моделей потребления на местную почву. Начиналось это достаточно давно с заполнения ниши непрестижных, «грязных» и низкооплачиваемых работ выходцами из континентальной Азии, что со временем стало вызывать недовольство местных жителей. Затем, с насыщением потребительского рынка дешевыми импортными товарами повседневного спроса, произошло внедрение азиатских мигрантов в финансово-кредитный сектор и в активное строительство инфраструктурных объектов. Опасения потери контроля над частью собственной территории стимулируют тенденцию к отторжению последовательно растущей китайской экспансии в ЮТР, ведущейся под слоганом «единого пути и скрепляющего всех шелковистого пояса»⁶.

Хотя внешнеполитические сопряжения и остаются главенствующими на политической карте мира, их влияние уже не является приоритетным. К третьему десятилетию XXI века, после дешиф-

ровки генома человека, культурно-историческое разнообразие человечества перестало быть чисто этнографическим или палеоархеологическим понятием. Теперь это новейший, пока далеко не полностью востребованный гуманитарный ресурс развития. Попытке концептуально очертить его особенности, исследовать его перспективы должна быть посвящена еще не одна конференция. Представляется желательным начать обсуждение нетривиального направления гуманитарных исследований. В частности, важным и подлежащим научному осмыслению становится то обстоятельство, что «гений места» Океании является прямо противоположным по своему интеллектуальному фону, по познавательному вектору и по характеру культурной памяти тому, что составляет становой хребет Старого и Нового света. И в этом плане – всему тому, что, обладая свойством континентальности, развивалось под влиянием европоцентричной картины мира как на Западе, так и на Востоке.

Вернемся к рассмотрению «антиконтинентальных» когнитивных конструкторов. Еще одна важная политическая особенность 22 малых тихоокеанских островных государств состоит в том, что для них относительно условные понятия суверенного равноправия и невмешательства оказываются наполненными естественным, жизненно важным реальным содержанием. Отсюда происходит та устойчивая местная политическая практика, по которой более крупные островные образования, такие как Япония и Новая Зеландия, выносятся за рамки собственно тихоокеанской островной констелляции. Подобное членение помогает сementировать некую океаническую общность, куда может быть включен любой из 30 тысяч островов Южной части Тихого океана. Но базируется эта общность не на политических, расовых или национальных признаках, а на гео-этнокультурных основаниях, делающих специфический упор преимущественно на автохтонную часть населения островов. Главным когнитивным конструктором Океании остается стремление к сохранению и приумножению самобытности островитян. В рамках этой логики, они, например, причисляют жителей Японии к азиатам, филиппинцев часто связывают с китайцами и негласно отмежевываются от массовых мигрантов из Старого света, Индии и Китая.

Для островитян оказываются малозначимыми те предлоги, благодаря которым в свое время США неожиданно стали метропо-

лией, получив огромные природные ресурсы и прибавление почти в 9 миллионов человек на просторах своей вновь обретенной стратегически важной заморской колониальной империи. Им совершенно безразличны исторические и современные претензии старых колониальных держав на «преимущественное покровительство» той или иной части ЮТР. Так, например, их не волнует таинственный взрыв в гаванском порту в феврале 1898 года старого американского броненосного крейсера «Мэн», послуживший предлогом для «гибридной» войны с Испанией. Хотя тогдашний американский президент Уильям Мак-Кинли требовал лишь «провести насильственное умиротворение Кубы», в результате искусственно созданного конфликта у испанцев были без боя отобраны их тихоокеанские владения: Филиппинские острова, Гуам и аннексированы независимые Гавайские острова⁷.

Тихоокеанская островная Америка – это такая же часть внешнего для островитян континентального географического пространства, как и Австралия. Здесь определяющим параметром противопоставления служит разительное несоответствие огромных размеров континентов, идущих по краю Тихого океана и островов, рассеянных в срединном океаническом пространстве. Интенсивно развивающиеся интеграционные процессы, интересные для больших и средних по размерам стран, практически не вызывают противодействия ни в АТР, ни и в зоне Индийского океана, но остаются чуждыми мироощущению островитян в ЮТР. Вот почему экономически и политически обоснованные аргументы в пользу сближения подобных разительно отличных по размерам, но относительно близких по траверсам соседств не имеют долгосрочных перспектив для реализации. Гораздо более приемлемыми эти аргументы оказываются, когда островитянам их предлагает наиболее удаленная от островов и потому менее «опасная» континентальная держава, как это давно наблюдается во французских заморских владениях. Самый «литературный» аргумент в этой цепочке этических духовных связей оказался в руках российских моряков – первооткрывателей многих тихоокеанских островов и атоллов. Их названия и сегодня напоминают о том, заморские открытия не всегда превращаются в объект колониальной экспансии. Они остаются в истории международных отношений как актуальный референт, отсылающий к действенным «точкам сборки», к общим

элементам нашей планетарной духовной родины, своим позитивным примером противостоящей накапливающейся негативной социально-политической контаминации.

Возникает закономерный вопрос: как эти и подобные им вышеотмеченные когнитивные различия смогут быть использованы островитянами уже в самое ближайшее время в новых, сопряженно связанных условиях третьего десятилетия XXI века, когда все мы оказываемся в одной лодке и в тоже время существуем раздельно. И главное, каким образом данный антропологический стандарт окажется востребованным и практикуемым в самых разных частях света. Такое устоявшееся мировидение и интересно структурированное мышление может проявляться с помощью другого языка, свойственного каждой из заинтересованных групп акторов. Это может происходить подобно тому, как привычное ощущение своей обособленности человек теряет, попадая в зрительный зал, и, хотя каждый прочитывает увиденное исходя из своего собственного внутреннего языка, чувства, которые при этом возникают, захватывают многих, готовых действовать в едином гуманистическом порыве.

Представляется, что происходит это будет через бескорыстный телекоммуникационный диалог, нацеленный на становление нового природо- и человеко-сообразного языка. Он предполагает возникновение комплекса особого свойства (про)мыслительных и познавательных действий, воспроизводящих все условия и послышки для развития целостного образа жизни большой группы людей, рассеянных по миру как атоллы и острова в океане. Их объединяет понимание всеединства, желание проходить через двери бережного отношения к людям и к природе, которые не существуют или не замечаются в агрессивной устоявшейся медийной и привычно конфронтационной картине нынешнего мира⁸.

Инструментом и проводником подобного стремления является наличие и использование в онлайн-общении мессенджеров коммуникации с мгновенной обратной связью. Технология, воспроизводящая в разделенном физическом пространстве живое непосредственное общение, привлекательна тем, что дает возможность сформировать «младое племя островитян» без необходимости традиционного ухода в «свой монастырь» или в ашрам, чтобы задействовать эмпиризм, необходимый для становления достойного современного человека образа жизни.

¹ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901862>

² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2006. С. 29–389.

³ Немчинов В. М. Евразийская экономическая интеграция в условиях роста геополитической и геоэкономической нестабильности: потенциал многоукладности, самозанятости и вне рыночных форм хозяйства // IV международный экономически форум «Евразийская экономическая перспектива»: сборник докладов / под ред. проф. И. Максимцева. СПб.: СПбГЭУ, 2016. С. 37.

⁴ Kranenburg, Rob van. Task force on subsidiarity, proportionality and doing less more efficiently. URL: https://ec.europa.eu/commission/priorities/democratic-change/better-regulation/task-force-subsidiarity-proportionality-and-doing-less-more-efficiently_en#managementandmembers

⁵ Немчинов В. М. Восприятие догоняющего развития в общественном самосознании // Что догоняет догоняющее развитие: поиски понятия. М.: ИВ РАН, 2011. С. 174–183.

⁶ Мосяков Д. В. Глобальная трансформация тихоокеанской Азии и Россия. М., 2019. 390 с.

⁷ Macintyre S. A Concise History of Australia. Cambridge, 2005.

⁸ Запад в культурах Востока: Контакты и конфликты. Том 1: от Африки до Индии. М.: ИВ РАН, 2019. 316 с.

Научное издание

**НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА НА БЛИЖНЕМ, СРЕДНЕМ
И ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ.
Выпуск VII**

Сборник статей

Редактор *Сарабьева Д.А.*
Корректор *Сарабьева Д.А.*
Верстка *Макеева Н.В.*
Обложка *Макеева Н.В.*

Подписано 26.08.2021
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 18,22.
Тираж 500 экз. Зак. № 468.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5